

Ира Якимова

Error 404

2016

Ира Якимова

Error 404

Вступление

Огромный земной крейсер класса «хамелеон», прозванный экипажем «Красавицей», величаво плыл на дальнюю орбиту. Он перешел на темную сторону планеты и бело-голубые узоры облаков и морей за иллюминаторами сменились тоскливо однообразной чернотой. Ни проблеска! Эта планета, в каталоге землян получившая номер 404, кружилась в вечном синхронном танце с тускло-красным солнцем системы, так что на одной половине каменного шарика царил вечный день, а на другой — вечная ночь.

Группа исследователей высадилась в центральной части единственного материка. Антон же остался за главным пультом и, поразмыслив, скоро дал Брану, мозгу «Красавицы», еще один запрос: самую широкую перепроверку всех поступивших сведений о планете.

Негромко шуршал Бран, в пустых коридорах, лучами сходящихся к рубке, сновали, попискивая, мелкие ремонтные роботы. И больше никаких звуков, ведь огромная «Красавица» была населена всего шестью взрослыми, трое из которых сейчас спустились на планету, и шестью детьми, мирно игравшими в детском отсеке. Размер корабля-шара обманул бы многих, но это был не космический город-улей и не транспорт для перевозки колонистов с огромными блоками криокамер. Это был корабль первопроходцев, рассчитанный на длительное автономное существование в космосе, забитый аппаратурой для снятия первых мерок с открытых планет... и к тому же комфортабельный дом для трех семей реалов. Виртуальный сектор «Красавицы» был не в пример богаче реального и насчитывал семь тысяч жителей.

В тишине Антон внимательно следил за строчками данных проверки, выводимыми на главный монитор. Дело было важное, ведь эта экспедиция «Красавицы» была особенной. Возможно, самой главной за всю историю корабля. Планета, первая от красного солнца, вечно обращенная к светилу одной стороной и обозначенная на картах землян скромным номером 404, оказалась цитаделью жизни — жизни необычной и именно той, что измученная команда «Красавицы» так долго искала. Эта планета была в силах осуществить даже несбыточную мечту — так сказала Эмма, просмотрев первые данные от роботов-разведчиков. Лера и Ли-Энн с ней радостно согласились, даже Шелтон признал: похоже, 404-я — это то, что надо! Один Антон был хмур, и устраивал проверку за проверкой всем поступающим с планеты данным. Слишком легко мечта далась им в руки. После всех бед, свалившихся на экипаж «Красавицы», в добрую волю Вселенной капитан больше не верил. За лаконичными цифрами отчетов о 404-ой ему мерещилось предательство и подтасовка данных.

Бран думал долго. Бесстрашные исследователи планетки успели вернуться, минута в минуту, без происшествий и потерь, и обменивались в карантине первыми впечатлениями о новом мире. Антон уже двинул «Красавицу» прочь, втайне радуясь, что плохое предчувствие всё же его обмануло, когда Бран, наконец-то, со старательным неравнодушием в голосе сообщил о блокировке определённых данных с посещённой планеты, а также о том, что он только что эту блокировку снял.

Антон не сразу смог это осмыслить: безмятежность словно заснувшего космоса располагала к дремоте. Красивая проекция далёкого спирального рукава галактики серебристой змеей свернулась в шелковистой тьме. Звёздный змей дремал, баюкая в одном из своих извивов бело-голубую планетку, лишь на последних словах Брана он вдруг открыл

глаз: высоко, на невидимой оси, продолжающей северный полюс планеты, мигнул маячок. Сначала красный огонёк мерцал слабо, лениво, будто просыпающееся чудовище всё не могло продрать заспанное око, но скоро ожил, засиял ровным светом: единственный глаз змея холодно и брезгливо взглянул на незваных пришельцев. Сейчас же все слышимые человеческим ухом частоты, как, впрочем, и неслышимые, наполнила захлёбывающаяся в торопливости фраза на инопланетном, но хорошо знакомом землянам языке. Это послание они слышали прежде не раз: планета безусловно запрещена для посещения, и нарушившие этот закон подлежат уничтожению.

Антон не успел ещё окончить ругательство, а рука уже дотянулась до большой белой кнопки на пульте. «Красавица» резко ускорилась, подключив главный двигатель, и Ли-Энн, только что выбравшаяся из кресла штурмана, упала обратно.

— Главный двигатель? Без подготовки? Ты с ума сошёл?! Как там дети... — она потянулась к мониторам в поисках картинку из детской.

— У этой планеты уже есть хозяева. Маячок перехода джийан зажётся. Надень наушники.

Женщина побледнела, оставила детскую. Не желая верить капитану, уцепилась взглядом за монитор, дающий внешнюю картинку, и, найдя красный огонёк, испуганно вздохнула.

— Наушники надень. Планета запрещена для посещения.

— Что?! В отчётах ни слова. Я думала, джийане здесь еще не были! Ни одного их датчика!

— Кто-то поставил блокировку на данные о датчиках. Бери управление, веди «Красавицу» в кольцо гиганта.

Ли-Энн замерла, только моргнула несколько раз, не отводя взгляда от капитана. Волнение не давало ей сосредоточиться.

— Куда вести? — пролепетала она.

— Третья планета от местного солнца. Газовый гигант с широким кольцом. Спрячемся среди камешков. Улететь всё равно не успеем, — он глянул в безжалостное красное око чудовищного змея позади. — Джийане будут тут через двенадцать... теперь уже через десять с половиной минут! Детей, на всякий случай, отведи в камеры криосна в спасательной шлюпке.

— Поняла, — Ли Энн пришла в себя. В доказательство этого гордо тряхнула головой, отбросив назад гриву жестких черных волос. — А ты что?

— Я в виртуальность, — бросил Антон, поднимаясь. Ли-Энн тем временем вывела картинку из детской на главный монитор. И он слышал, уходя, как дочь Шелтона, Капа, взволнованно спрашивает, что с ее мамой, Эммой:

«Папа сказал, она потеряла сознание, потому что переутомилась, но разве так бывает?»

Жители невидимого и самого обширного сектора «Красавицы» были уже оповещены о случившемся. Джад встретил Антона в самом начале мира виртуальности, ещё до того, как окружающие предметы и формы обрели чёткость в восприятии человека.

— Оказывается, планета запрещена джийанами для посещения! — сказал виртуал. — Дичь какая-то, эфир был кристально чист все эти дни. Ни одного их зонда наши разведчики также не засекли.

— Кто-то поставил блокировку, — Антон внимательно изучал размытое лицо виртуала, ища признаки лжи. — И меня сейчас очень интересуется, кто. У вас было гораздо больше

ресурсов и времени для проверки поступающих данных, но блокировку нашёл Бран, а не вы.

— Думаешь, мы поставили блокировку? Мы можем анализировать приходящие данные, но менять, отсекать их часть — нет. Это умеете лишь вы.

— Реалы не могли бы установить блокировку. У нас всех на корабле семьи, дети.

— Вас еще могут пощадить, а вот виртуальную жизнь джийане выжигают без жалости! — лицо Джада наконец обрело четкость: маска ужаса. — Это ты пропустил предателя, Антон!

Антон вздохнул, признавая некоторую справедливость заключений виртуала:

— Не надо тешить себя иллюзией, джийане уничтожат всех. Но к поискам предателя вернемся позже. Сейчас помоги моим детям в блоке криосна. А я займусь защитой твоих. Как обычно.

Густые брови Джада сошлись на переносице:

— Значит, ключ от нашей памяти ты не отдашь, как обещал?!

— Сейчас не время, Джад! Обсудим варианты действий...

Скоро он покинул виртуальность. За прошедшие минуты на корабле поднялась обязательная для подобных ситуаций суматоха. Антон ещё снимал шлем с маской — окно в мир виртуалов, а из реального мира к нему уже кто-то пытался пробиться: трогал за руки, покрикивал.

— Только переговоры! — убеждал этот кто-то. — Куда ты несёшься?!

— К кольцу гиганта. Спрячемся там, — машинально ответил Антон и открыл глаза. Перед ним был Шелтон. В одной белой рубашке и тонких штанах — сбежал из карантина, даже не успев одеться.

— Тони, ты с ума сошёл! Мы не удерём от джийан! Остановись, начнём переговоры, потянем время. Планета — сказка! Сбывшаяся мечта! Мы нашли то, что искали!

— Вернись в карантин, — отмахнулся Антон.

— Да я стерильнее вакуума за иллюминатором! Нам нельзя, слышишь, нельзя потерять 404-ую! Мы уже поставили там базу! Начнем переговоры с джийанами, говорю тебе!

— Переговоры? Рано сообщать джийанам, что мы живы, сейчас им лучше вовсе не знать о нашем существовании. Кроме того, на «Красавице» огромная диаспора виртуалов. Погубим их?! — Антон наконец выбрался из кресла отдыха в виртуальности и двинулся к выходу. — Кстати, кто, ты полагаешь, установил блокировку? — спросил он в коридоре, перейдя на бег.

— Что... Какая ещё блокировка?

Антон резко остановился.

— На поступавшие данные о запрете приближения к планете кто-то установил блокировку, — тихо сказал он, глядя собеседнику в глаза. — Всё очень серьёзно, Шелтон. Кто?

— Думаешь, я? У меня тут жена и двое детей! По-твоему, мне надо разозлённых джийан на хвосте?!

— Антон многозначительно указал на него пальцем:

— Вот. Нам это вовсе не нужно, а виртуалы не могут влиять на программы и данные изнутри системы. Так кто? Видимо, всё же кто-то из нас не такой примерный семьянин, каким представляется!

— Но кто? Я? Твоя Лера? Или моя Эмма? Ли-Энн? Прости, но ты всем нам льстишь. Блокировка должна быть не простая...

Антон выразительно пожал плечами. Заметил на наручном видеофоне лицо сына —

Дэн порывался что-то спросить. Подмигнул ему, но ничего не сказал.

— Что с Эммой? — невесть зачем сейчас, спросил он Шелтона: может, за этим стояло отчаянное желание придать беседе хоть какой-то оттенок обычных повседневных проблем. — Токсикоз?

— Нет, не в этот раз, — странно скованно сказал Шелтон. — Эта планета... — он не закончил.

В главной рубке Ли-Энн играючи управлялась с восемью мониторами одновременно. Она раздавала указания роботам, успокаивала Леру и убеждала пока не покидать карантин, руководила детьми, забирающимися в камеры сна в спасательной шлюпке.

— Мы на полпути к планете-гиганту, — доложила она капитану. — Но слушай, Тони, ведь бывало так, что маячок джийан загорался, а перехода корабля из гиперпространства за этим не следовало? — наивный вопрос был полон надежды. Надежды напрасной: в этот самый миг над красным огоньком, некрасиво разломив молочно-белую полосу далёких звёзд надвое, прорезалась трещина. Она переливалась удивительным, потусторонним светом, ближайшим аналогом в этой Вселенной был бы перламутр. Затем трещину широко распорол тупой нос лёгкого крейсера «джийан», прозванного землянами за его форму «молотом». Через мгновение показался весь корабль, а прорыв ткани бытия беззвучно схлопнулся. Маячок перехода потух.

Антон облегчённо вздохнул: легкий крейсер джийан был не худшим вариантом. Скоростью и маневренностью он не уступал «Красавице», но и не превосходил её. Возможно, они успеют удрать.

Он бесцеремонно вынул Ли-Энн из кресла капитана, подтолкнул женщину к выходу из рубки. Походя, обдряюще подмигнул Лере на мониторе карантина, с отчаянием ищущей взгляд мужа.

— Забери Леру и Эмму и бегите к детям, мы справимся вдвоём. Шелтон?

Мужчина, статуей замеревший посреди рубки при появлении «молота», встрепенулся: — Что?

— Попробуем отвлечь джийан фантомом. Займешься?

— Я как раз хотел это предложить, — согласился Шелтон, но сразу не ушел. Казалось, он и хочет, и боится что-то сказать.

— Тони, переговоры с джийанами сейчас — довольно безопасный вариант. Если подключить виртуальность... — начал было он, но замолчал.

— Ну... договаривай!

— Нет, нет. Ты прав. Прячемся, как обычно, — тут же отступил Шелтон. Сжал губы, чтобы больше не сказать ничего лишнего.

— Да что с вами случилось на 404-ой?!.. Что, и данные с планеты подтасованы?

— Нет, эти данные верны. Все так, как докладывали разведчики... Что ж, до встречи, Тони.

«Молот» быстро определил местоположение «Красавицы» и уверенно двинулся по кратчайшей прямой, пустив вперёд пару истребителей. Торопливый говор в наушниках прибавил громкости, так что Антон скоро их отбросил. Шелтон уверенно вывёл истребитель из дока и, едва оторвавшись от корабля, набросил «фантом» — голографическую личину «Красавицы». Теперь перед взглядом джийан двигалось две одинаковых корабля. Иллюзия затрагивала только внешний вид, но истребитель вёз частицу необычного топлива «Красавицы», что создавало врагам изрядные помехи в определении истинной массы

движущегося объекта. Преследователи разделились. Крейсер выпустил ещё две двойки истребителей вслед истинной «Красавице», а сам с первой парой сопровождения отправился за ложной.

Планета-гигант увеличилась в размерах и казалась уже больше той, которую они недавно оставили. Кольцо протянулось точно по её экватору, пока тонкой, чёткой полосой, но с каждой секундой полоса расширялась, а края её размазывались, распадались на сотни частиц-камешков. Поменяв картинку обшивки на безрадостный голый камень, испещренный кратерами, «Красавица» легко затеряется среди них. Только б долететь! Успеть, успеть...

Истребители одновременно начали обстрел обеих целей. Шелтон взял круто влево — и ушёл с главного монитора. В это же время мониторы, показывающие техническое состояние «Красавицы», взорвались яркими пятнами сигналов о повреждении. К счастью, все удары джийан не прошли дальше внешней обшивки.

Погоня продолжалась. Планета-гигант разрослась, причудливая, фантастическая картина её облаков заняла две трети главного монитора. «Красавица» неслась к цели легко, как мыльный пузырь, подхваченный ветром. Шелтону в истребителе приходилось хуже. Снаряды «джийан» быстро привели в негодность голограмму-фантом, но преследователи не пожелали оставить смельчака в покое. Антон попробовал связаться с другом, но весь эфир был наглухо забит набившим оскомину посланием врагов. Истребители джийан начали заходить Шелтону справа и слева. Скоро на одном из боковых мониторов Антон краем глаза заметил красно-оранжевую вспышку, свидетельствующую о том, что истребитель землянина уничтожен.

Стали различимы отдельные камни в кольце: и медленно вращающиеся, и замершие, будто по приказу. Антон позволил кораблю немного снизить скорость, уже выискивая место, куда можно нырнуть, но картинка на главном мониторе вдруг дрогнула и разорвалась — и это был не сбой системы. Сквозь ткань пространства-времени прорывался тяжелый крейсер джийан, способный создавать свои трещины пространства, а не летать проложенными трассами, как лёгкие.

Волна искажения подхватила «Красавицу», швырнула, как мячик. Мониторы запыхали потусторонним перламутром, треснула внешняя обшивка, сигнализация на разные голоса завопила о повреждениях, но её никто не слышал: люди лежали в глубоком обмороке. Заволновалось и бескрайнее поле астероидов. Камни взвились и разлетелись в разные стороны, будто пущенные рукой великана, и многие, многие из них врезались в ошеломлённую «Красавицу». Вторая волна искажения отбросила прочь корабль, теперь напоминающий смятый бумажный шарик. Огромный крейсер вспарывал реальность с безжалостностью и точностью хирурга. С третьей волной искажения он явился.

Тяжелый крейсер джийан был великолепен. Сложное сооружение — целый город в космосе, щетинящийся сотнями игл, переливающийся тысячами искорок. Он был окружен силовым полем, астероиды вились вокруг него, но не могли коснуться обшивки. Гигант, чьё появление стало фатальным для землян, равнодушно проплыл мимо, зато подоспевший лёгкий крейсер с радостью вцепился в поверженного врага. Джийане перекинули мостики от крейсера к кораблю, и скоро первые их отряды взошли на борт землян.

Антон очнулся, когда они входили в рубку. Успел перекатиться за кресла, и выстрелы пришельцев прожгли основание кресел и нижнюю панель пульта управления. Антон обшарил карманы и достал несколько маленьких израсходованных контейнеров для топлива — их он взял по пути к камере для входа в виртуальность, тогда думал, что

перестраховывается, но сейчас поблагодарил того себя за своевременное прозрение. У пояса висел бластер, но в этой битве он был бесполезен: вокруг противников слабо искрились мощные плазмопогложительные силовые щиты.

У входа в рубку стояло три инопланетных киборга с черными корпусами — солдаты. Высокие — в два человеческих роста, но лёгкие на вид — по поступи, по всем движениям. Человекоподобная фигура: две руки, две ноги, голова. Корпуса представляли собой систему тонких переливчатых пластин — сложное и гармоничное переплетение. Все были вооружены плазмопушками, жутким оружием джийан, весящим почти пятьдесят килограммов. Род заряда на этих суперпистолетах можно было менять от электрических разрядов и парализующих электронику и наномашин магнитных ударов до плазмы.

«Переговоры?» — мгновение Антон малодушно думал выйти из-за пульта с поднятыми руками. Пусть джийане выжгут виртуальность, пусть убьют команду, нарушившую запрет на приближение к планете, — возможно, им будет достаточно этого, и детей землян пощадят... Но он представил, какая судьба ждет сына и других малышей на родине джийан, и возникший было над бездной отчаяния тонкий мостик надежды оборвался: «Нет, это будет не жизнь. Смерть лучше, чем такая жизнь!»

Виртуальность молчала, реалам на помощь не пришли ни роботы, ни наномашин. Джад занимался подготовкой спасательной шлюпки с детьми. Антон отметил это без какой-либо эмоциональной окраски: не было времени.

Группа киборгов шагнула в рубку. Антон дестабилизировал оболочку первого контейнера и, чуть приподнявшись, запустил его под ноги пришельцам. Реакцией существа отличилась отменной — взрыв только смёл пол в центре помещения, взрывная волна покорёжила кресла, за которыми прятался землянин, придавив капитана к полу. Киборги вновь открыли огонь, Антон приподнялся и запустил второй контейнер. На сей раз противники не сумели уклониться от взрыва, но и он сам был ранен. Удар плазмы пришёлся в верхнюю часть груди справа, правая рука безвольно повисла. Антон откатился подальше за кресла. Стиснув зубы, он вновь и вновь шипел последнее, что пришло на ум перед броском контейнера, надеясь этой фразой отгородить сознание от огненной боли, захватывающей тело:

«Лера... Никакого геройства, бегите».

Он лежал на спине, и мониторы, показывающие внутренность «Красавицы», все были перед глазами. Разумеется, никто из взрослых никуда не бежал. Ли-Энн в коридоре по пути к камере сна вступила в такой же безнадёжный бой с пришельцами, как он. Эмма всё ещё была без сознания, Лера заблокировала её в карантине, а сама кралась к докам. Но вот показались джийане — женщина замерла, нервно глядя вперёд. Через мгновение выстрелы отбросили жену за пределы глаза камеры. И Ли-Энн была поднята кибернетическими монстрами в воздух — и тут же брошена обратно со сломанной спиной. Эмма сторела под их плазмой, так и не придя в сознание.

Задыхаясь от ярости, немедленно распершей грудь, Антон подготовил третий, последний контейнер. Но в последнем шаге от кресел тройка киборгов остановилась и вновь завела беззвучные переговоры с отрядами в других секторах корабля. Антон пригляделся к мониторам и, кажется, нашёл робота, спровоцировавшего новый разговор. Это был довольно изящный, если уместно употребить это слово по отношению к киборгу, джийанин с белым корпусом космолетчика. Киборг с вполне человеческим ужасом глядел на останки Эммы в карантине.

Внезапно киборгам поступила команда отступить. Отряд за отрядом, инопланетяне покидали «Красавицу». Антон отметил, они двигались странно: ломко, дергано, как неисправные роботы. Белый киборг немного помедлил в карантине. Дождавшись, когда все вышли, он склонился над телом землянки, изучая что-то.

— Бран... отмени пока пуск шлюпки, отмена приказа Джада, — еле слышно сказал Антон, видя, что корабль готов выпустить капсулу с самым ценным грузом «Красавицы» — её детьми. Бран мелодично согласился.

Джийане возвратились на свои корабли, и скоро тяжёлый крейсер подхватил «Красавицу» силовым полем. На шпильях зажглись холодным звёздным огнём искорки: корабль начинал переход в гиперпространство.

Изображение на мониторах вновь задёргалось и засияло перламутром. Крейсер в клочья рвал привычную ткань бытия, он вгрызался всё глубже, заставляя реальность вокруг сминаться в складки. Кое-где в этих складках прорезались дыры, чернеющие знакомой пустотой космоса: то был побочный эффект перемещения тяжелого крейсера: спонтанно возникающие и схлопывающиеся тоннели в пространстве — «кротовые норы». Из-под купола силового поля наблюдать за этим было бы даже интересно... но только не с разбитого земного корабля, ставшего общей могилой для команды

На одном забарахлившем мониторе осталось изображение освещенной солнцем стороны 404-ой. Зелено-голубой шарик покачивался перед угасающим взглядом Антона, дразнил... Глупая мечта и опасная затея! Капитан осмелился бросить вызов самой Вселенной, и кара за самонадеянность была жестока. Шелтон, Эмма, Ли-Энн... Лера, Лера. Но более нет смысла в мести. Одно безумное желание: только б успеть сделать то, что должно сделать в по-иному открывшейся ему ситуации.

— Ли-Энн? — хрипло позвал Антон. — Ли-Энн, отзовись!

Женщина лежала так, что её голова попадала в поле зрения камеры. Зрачки Ли-Энн расширились от боли, но лицо было неподвижной маской, только по щекам катились и катились слёзы.

— Тони? — с трудом прошептала она.

— Я хочу стереть блок памяти корабля. Мне нужно твоё согласие.

— Блок памяти... — она сморгнула очередную порцию слёз. — Но, Тони, так мы уничтожим виртуальность! Зачем?

— Виртуалы восстановятся. Память нужно стереть. Не хочу, чтобы Дэн повторил мою ошибку.

— Нет!

— Твой код согласия, и я спасу детей. Выбирай: твои реальные дети или твои виртуальные любовники. И быстро!

Ли-Энн закрыла глаза. Затем быстро проговорила свой код: десять букв и цифр. Антон поднялся на колени, крепко держась за пульт. Он быстро ввёл свой код и код Ли-Энн и задал отключение блока памяти. И, показалось, он расслышал единый вопль виртуалов, которым устроил конец света одним мановением руки.

Волны искажения качали «Красавицу». На главном мониторе в перламутровом поле запахнулась очередная «кротовая нора», и Антон последним движением включил двигатель «Красавицы» на полную мощность и направил корабль в эту дыру, а потом рухнул у мониторов на пол мёртвым. «Красавица» вырвалась из силового поля крейсера и рыбкой скользнула в пространственный тоннель. Манипулятор крейсера метнулся за ней: точь-в-

точь человеческая рука, надеющаяся поймать муху, но железные пальцы разочарованно сжали пустоту. Корабль землян был уже в ином слое пространства и летел, унося ценный груз — спящих детей — в неизвестность.

Земля 1

«Красавица», пятнадцать лет спустя

Капа.

Капа проснулась от того, что захлопала на ветру отстегнувшаяся с одного угла крыша палатки. Звук был сухим, ясным, будто птица шелестит крыльями. Капа представила мир за пологом палатки, такой же сухой и ясный, как этот звук. Розовато-сиреневое небо, сливочно-жёлтый, широкий по горизонтальной оси овал солнца, облака — клочья ваты, прополосканной в расплавленном золоте... Сегодня тёплый восточный ветер опять понесёт к лугам низины на западе серебристые искорки пыльцы. В полдень, время самого жаркого солнца, туда слетятся прозрачные полубабочки-полумедузы с кружевными хвостами и заведут над шелестящими травами лёгкий, простой и красивый, как весь этот мир, танец, а Капа и Дэн будут любоваться ими и без конца целоваться, потому что никакое другое зрелище на свете так не располагает к романтике. Днём к водопою подойдут неповоротливые чешуйчатые твари, Дэн уйдёт фотографировать их и, может быть, вернётся очень довольный, получив всё-таки вожаделенное фото тщательно охраняемого детёныша монстров. А вечером в зарослях коричневой травы на берегах реки панически заголосят птицы, опять поверив, что солнце закатилось за горизонт навечно, а они будут смеяться, зажигая свой костёр. Чудесный мир, лучший во Вселенной! И это утверждение не голословно: повидали они немало.

Капа улыбнулась и открыла глаза. И обнаружила, что муж тоже проснулся, может быть, от того же самого хлопанья ткани на ветру. Дэн сонно улыбнулся, а его рука уже скользнула в изгиб её талии — привычно, уверенно и нежно. Капа закрыла глаза и благодарно потянулась к нему.

— Привет, — прошептала она, не открывая глаз — боялась, что из них покатятся предательские сентиментальные слезинки.

— Привет, козочка, — немедленно отозвался Дэн, и она ахнула и бросилась на него, уселась сверху, замолотила в жесткую мужскую грудь маленькими кулачками. Лениво-лирического настроения как ни бывало.

— Не смей называть меня так! Я же сказала!

Муж вяло отбивался, смеясь:

— Почему, козочка? Тебе подходит это прозвище: маленькая, беленькая, веселая... — он сжал ее в объятиях и перекатился, теперь оказавшись сверху.

— Видела я эту «козочку» на картинке, — придушенно прошипела Капа. — Рогатая, бородатая... нет уж! Слезай, ты тяжелый.

Дэн мирно отступил, уселся рядом. Прищурился, бездумно разглядывая кусок ткани у двери, трепещущий на ветру.

— Хорошее утро. Давай просыпаться так почаще? — тихо сказал он.

— М-м-м, последние три месяца так и происходит, — довольно сказала Капа. Рука мужа заскользила по её бедру... но негромко просигналил видеофон с его браслета, и она кожей вдруг почувствовала холод маленького монитора.

— Одиночество — роскошь, — извиняющимся тоном сказал Дэн и убрал руку. Он отвернулся, завёл краткий разговор с кем-то. Капа опять улыбнулась сама себе. «Такое хорошее утро ничто не поколеблет», — стойко решила она.

— Это Эля, к тебе, — немного растерянно сказал муж.

Капа коснулась вгравированного под кожу межключичной ямки чипа, и через мгновение тело окутала серебристо-голубая голографическая ткань.

— Скорее. Что-то у них неладно.

Капа повисла на руке мужа, всматриваясь в монитор.

Эля, совсем юная девушка с кожей светло-кофейного цвета, кудрявыми волосами и красивыми темными раскосыми глазами, действительно, выглядела немного растерянной, но при этом, как обычно, чрезвычайно уверенной в себе:

— Мама Капа! Можно спросить?

«Мама»! Ну все, точно что-то натворили... Рано им еще вставать отдельным лагерем».

— Что у вас случилось?

— Вы уже завтракаете?

— Не уходи от темы.

— Я... Да. Чем вы травите маленьких красных жучков?

Мелкие членистоногие, отдаленно напоминающие жуков, и правда были не в меру назойливы, каждый день забираясь в припасы. Капа облегчено вздохнула:

— Соленую воду они не любят, ты же помнишь. Они уже приползли? Обычно являются позже.

Эля лучезарно улыбнулась:

— Просто я рассыпала порошок, которым снижают радиоактивность, а они вдруг набежали. Похоже, это их любимое блюдо.

— Что ты рассыпала?!

— Ну... Я разбила зарядку для лучемета. Совсем чуть-чуть буферной жидкости пролилось. Она же немного радиоактивна, да? Ничего, я ее уже засыпала порошком.

— Она меня с ума сведет! — пожаловалась Капа Дэну. — Зачем тебе лучемет? Кого ты там собралась убить? Таю? — крикнула она девушке.

— Тая ушла купаться. А я хотела поджарить большого речного краба, — обреченно призналась Эля.

— А, ясно. О правиле не есть ничего, не пропустив через анализатор, значит, забыла.

— Глупое правило, мама Капа! Каши из анализатора в космосе наедимся! Краб безопасный и очень вкусный!

— Про подсоленную воду я тебе сказала, — мрачно сказала Капа и отключила связь.

— Что там? — любопытствовал Дэн.

— Все в порядке. Тая купается в речке, где полно жалящей рыбы, а Эля жарит очередного краба на обед, — Капа нервно засмеялась. — Кас остался один на орбите, и я наверняка знаю, чем он занят: катанием на астероидах. Один Ал радуется — тихий, спокойный юноша. Сидит себе в виртуальности, а не разносит реальность по камешку. Пора нам заканчивать отдых, Дэн. Ох уж эти детки!

Бран разбудил их шестерых через двадцать часов после гибели всех взрослых на «Красавице». Старшие, десятилетние Дэн и Капа сейчас же понеслись в рубку, и на полпути Капа потеряла сознание, увидев жуткую картину в коридоре. Там у стены лежала

мертвая тетя Лера, ее грудь была сожжена так, что виднелись ребра. И дальше Капа не пошла, когда пришла в себя. Дэн оказался крепче, он добрался до рубки и там долго спорил с Браном, не желавшим давать десятилетнему мальчику право командовать кораблем. «В ситуации, когда взрослые-реалы мертвы, руководство осуществляют взрослые-виртуалы», — с нарастающим давлением повторял компьютер, но, узнав о локальном конце света в виртуальности, сдался. Оставшиеся в живых виртуалы полностью потеряли память, в этих условиях Дэн был лучшим кандидатом в капитаны.

Капа следила по мониторам в коридоре, как уверенно и сухо он распоряжается, здорово напоминая сейчас своего отца, Антона, и уже не чувствовала себя такой маленькой и потерянной. Младшие дети, четырехлетний Кас и трехлетний Ал вышли в коридор из дока, и десятилетняя девочка бросилась к ним успокаивать, утешать, мгновенно встав на место всех погибших здесь матерей. Она стала взрослой как и Дэн в этот страшный день, и тогда же в ее душе расцвела пугающе сильная любовь, со щитом которой ничто впереди не было страшно.

Тела родителей были похоронены в недрах яркой белой звезды, и необходимость жить дальше скоро заставили Капу и Дэна отложить ужас и ярость от несправедливости их гибели в дальний уголок сознания. В совсем юном возрасте на них свалились обязанности, которые бывают не по плечу многим взрослым, и дети выдержали испытание с честью. И пусть самым маленьким членам экипажа, Эле и Тае, было на момент катастрофы два месяца и все их умения заключались в умении держать голову, а Кас и Ал быстро сдружились против общего противника — не намного старшей их няньки, и то и дело испытывали нервы Капы на прочность, и пусть Бран то и дело напоминал новому капитану о его возрасте и отечески советовал сдать пост постепенно восстанавливающимся виртуалам, а сами жители виртуальности отказывались сотрудничать и клеймили Дэна, как сына убийцы... — Капа и Дэн справились со всем, и теперь могли по праву собой гордиться. После катастрофы у 404-ой прошло сорок лет по земному счёту, двадцать четыре по счёту «Красавицы» и пятнадцать по биологическим часам членов экипажа. Они восстановили корабль родителей и вырастили младших детей. Они побывали на десятке планет и уже дважды пускали «Красавицу» со скоростью света, а сами самостоятельно ложились в криосон. Они много раз видели ужасных джийан, но сами ни разу не были замечены ими. Все было хорошо, родители улыбались им со своей звезды, превратившейся для новой команды «Красавицы» в сияющую точку. Но кое-что омрачало мысли Капы и Дэна.

Дэн решил двигаться к Земле. Но «Красавицу» и родную планету разделяло восемьдесят четыре световых года, и за все время новой экспедиции было пройдено лишь девять. До катастрофы у 404-ой корабль был способен выдерживать десятилетие скорости света, после пять лет оказалось предельной цифрой, и между прыжками стал необходима годичная проверка систем корабля. Таким образом, при самых лучших условиях полета, на Землю они прибудут лет через тридцать — сорок по своим биологическим часам, а на самой планете и вовсе пройдет полтора столетия. Первым же и самым черным пятном было отсутствие у «Красавицы» хоть какой-либо памяти. Новая команда могла ориентироваться только на детские воспоминания, а те были смутны настолько, что даже цель экспедиции родителей вызывала в подростковой компании жаркие споры.

Капа поднялась первой и, приведя сочиненное недавно голографическое платье в

порядок, занялась завтраком. Дэн еще одевался. Он, в отличие от жены, был верен реальной, не смоделированной в виртуальности униформе из настоящей ткани, и надевание ее требовало некоторого времени.

— Может, нам тоже зажарить краба? — неуверенно сказала Капа, глядя на малоаппетитную кашу, в которую анализатор превратил её салат, исследуя его на патогенные частицы. Муж не отозвался, и она оглянулась. Дэна опять отвлекли разговором. Судя по кислому выражению лица мужчины, позвонившим был Ал.

Муж Капы, Дэн, недолюбливал ее же младшего брата, Ала. И это немного обижало Капу, знавшую, что нелюбимые Дэном черты характера Ала присутствуют и у нее. По мнению Дэна, дочь и сын Шелтона и Эммы слишком легко смотрели на вещи, им не доставало серьезности, которой у самого капитана было в избытке. Основной, впрочем, причиной нелюбви все же было увлечение Ала виртуальностью: молодой человек проводил там гораздо более желательного максимума в восемь часов. Когда Алу сровнялось восемнадцать, они забили тревогу по-настоящему: ведь даже совершеннолетие юноша предпочел отметить с виртуалами, а не с реалами. К счастью, Ал неожиданно заинтересовался историей гибели родителей и устроил здесь нешуточные детективные изыскания. Капа, вздрагивавшая при любом упоминании той катастрофы, умолила мужа поддержать увлечение брата. И теперь Ал то и дело донимал Дэна гипотезами того, что стало причиной смерти первой команды «Красавицы».

Ал и внешне был противоположностью Дэна. Дэн — среднего роста, крепкий, хотя несколько склонный к полноте, с ежиком волос непримечательного серо-русого цвета, всегда тщательно выбритый и причесанный. А брат Капы — высокий и стройный красавец-брюнет, пронзительноглазый и тонкогубый, единственный на корабле позволяющий себе носить длинные волосы и не сбрывающий пока смешные намеки на усы и бородку. Сейчас он втолковывал Дэну очередную теорию, и его лицо нервно кривилось, но от этого вовсе не становилось отталкивающим.

— Разберем все с самого начала, так легче будет сделать выводы, — убеждал Ал.

— Хорошо, разберем, — равнодушно согласился Дэн.

— Что мы нашли? Джийане проникли на «Красавицу», разрушив ворота в док. Отряд киборгов по кораблю разошлось, ориентировочно, двенадцать — пятнадцать. Ничего нашего они не забрали, но полностью выжгли комнату для хранения образцов с планеты 404. Виртуальность от битвы устранилась. Они могли бы вывести в бой роботов, но предпочли изображать то ли кому, то ли глубокую задумчивость, то ли лояльность к инопланетной форме жизни. Реальный экипаж оказал захватчикам сопротивление, и вся команда была убита. Капитан Антон в рубке, у пульта, причина смерти — лучевое ранение в верхнюю часть груди, Ли-Энн недалеко от рубки в коридоре, сломан позвоночник. Лера у доков, Эмма в карантине, тела обгорели от плазмы. Кроме того, на теле Эммы следы вскрытия. Шелтона на корабле не нашли, но ты помнишь, что он покинул «Красавицу» на истребителе с фантомом, так? Потом его взорвали в космосе.

Капа хотела уйти подальше, чтобы не слушать разговор: полные нездорового научного азарта и нарочито сухие упоминания Ала о состоянии тел погибших разбудили давний ужас и ненависть к джийанам. Но дальше брат заговорил так интересно, что она осталась.

— Кажется, картина ясна: джийане не хотели, чтобы земляне увезли какие-либо сведения о недавно посещенной планете. Но если с инопланетянами все будто бы понятно, то поведение экипажа вызывает множество вопросов: если Антон знал, что джийане

охраняют планету, зачем «Красавица» двинулась открыто, не верней ли было отправить зонд-разведчик?

— Капитан так и сделал. Я помню те последние недели лучше, чем ты. Планету изучали долго, всесторонне, и зонды-фотографы, и роботы-разведчики. Были собраны и изучены тысячи проб воздуха, воды, почвы, биосферы, прежде чем отец разрешил спуститься на планету людям. И все это время никаких знаков, что планета принадлежит джийанам, капитан не видел.

— А, может быть, он просто молчал?

Дэн все больше раздражался, внешне это выражалось тем, что лицо мужчины все больше приобретало сходство с маской:

— Это тебе виртуалы наговорили? Они ненавидят моего отца, вот и ищут доказательства его вины. Но вины папы нет... по крайней мере в том, что земляне все-таки высадились на планету.

— Ясно, — теперь ожесточился Ал. — Виртуалы могут быть пристрастны в оценке действий Антона, это факт, но чем тогда объяснить агрессию джийан?

— Я слышал краем уха, взрослые говорили о какой-то блокировке, — Дэн постепенно увлекался разговором. — Полагаю, кто-то на корабле заблокировал данные о том, что планету охраняют джийане.

Он замолчал, молчал и Ал. Капа знала, оба перебирали в уме варианты, кто из экипажа «Красавицы» мог предать друзей... и больше чем друзей — семью.

— Предателя не следует искать непременно среди реалов, — наконец выдавил Дэн. — Возможно, у виртуалов были свои виды на планету, а кого-то из команды они убедили помочь им в реальности, воспользовавшись слабостью, добротой, либо какой-то личной тайной.

— Угу, — хмуро согласился Ал. И снова молчание. Теперь и Капа задумалась вместе с ними.

Кто из экипажа был бы способен пойти на предательство старых друзей? Антон? — но что могло заставить бессменного командира экипажа поставить под удар любимую команду и их будущее в лице детей? Шелтон? — он часто спорил с Антоном, и кроме того отличался ветреным нравом и не раз изменял жене в виртуальности, возможно, виртуалы шантажировали его этим? Ли-Энн? — ее муж Дерек погиб за четыре года до того, и она нашла утешение в виртуальности, даже приемным отцом близняшек, рожденных от оставшегося неизвестным донора, нарекла Джада, виртуала. К моменту гибели экспедиции она была уже больше виртуальной, чем реальной. А может, это была Лера, мать Дэна? В воспоминаниях детей она осталась светлой, веселой, ясной, но кто знает, какие темные тайны прятала милая маска? Эмма, мать Капы и Ала? — нет, вовсе немыслимо, к тому же она была беременна третьим ребенком. Разве может женщина, носящая в себе новую жизнь, так легко обречь другие жизни на погибель?..

Запнувшись на Эмме, мысли Капы побежали по другому кругу, и на ту же дорожку вскоре вышли и Ал с Дэном.

— Эмма потеряла сознание в карантине еще до прибытия джийан. Отчего? Токсикоз беременных? А если нет? Тело Эммы пришельцы вскрыли — зачем? Им любопытно, как происходит развитие зародыша человека, или наша мать заразилась там, на планете, чем-то и заразила будущего ребенка?

«Как спокойно он это говорит», — с грустью отметила Капа. Слезы немедленно

навернулись на глаза при мысли о маме и младшем брате, не успевшем познать огромной материнской любви, и теперь так цинично рассуждающем о смерти той, которая дала ему жизнь.

— Оставим это, все равно здесь мы ничего уже не узнаем, — Дэн проявил неожиданную чуткость, увидев, как слова Ала действуют на Капу. Но брат был безжалостен:

— Робот-нянька Бом, которому ты тогда, не подумав, приказал убраться в карантине, сошел с ума, — задумчиво сказал он. — Почему? Все-таки позволь мне его включить. В его памяти наверняка осталась хотя бы картинка тела.

— Ал, прекрати! — взвизгнула Капа, так что брат вздрогнул. — Ты невозможен!

К Алу быстро вернулось самообладание.

— Я хочу установить истину, — миролюбиво сказал он, обращаясь теперь к сестре. — Здесь не до сантиментов, Капа.

— По-моему, ты просто нашел интересное развлечение!

Ал отвернулся, будто почувствовав на себе ее яростный взгляд.

— Кстати, почему мы ищем предателя среди взрослых? — сменил он тему. — Если пошагово объяснить, как устанавливается блокировка, ее проделает и четырехлетний ребенок.

— Напекаешь на Каса? — Дэн усмехнулся. — Ну-ну. А, может, Эля и Тая ткнулись носами в нужные кнопки? Бред, Ал. Тот уровень блокировки, который осилил бы ребенок, даже мы с Капой, Бран расщелкает в полчаса.

Капа разволновалась, но сумела, как обычно, скрыть своё напряжение.

— Тут мы ходим по кругу. Тогда вернемся к джийанам, я ведь недаром заметил, с ними только кажется, что все ясно. Ты сказал, планету долго, всесторонне изучали, почему же их сигнализация не сработала раньше? Они будто ждали, когда земляне решатся спустить шлюпку с людьми. Может, хотели посмотреть, как эта планета подействует на людей? Может, это был их эксперимент?

— Если это был их эксперимент, то он не удался: неуничтоженные опытные образцы сумели удрать. Давай закончим, Ал. Ко мне Кас пытается пробиться.

— Ладно, до связи, — Ал как-то сразу сник, и Дэн переключился на линию с Касом. Капа отвернулась, уставилась на пакетик с кашей перед собой на раскладном столике... Зачем она его достала?

Дэн незаметно подошел и обнял ее со спины:

— Пока мы спали и болтали, Кас внезапно закончил сбор воды на следующий перелет и уже готовит «Красавицу» к нашему возвращению, — сообщил он, уткнувшись в ее волосы.

— О! — она запнулась на миг, но лишь на миг. — Так мы улетаем? Можно собираться?

— Можно, — Дэн вздохнул, но тут же она почувствовала его улыбку, — Но я думаю, жenuшка, мы успеем напоследок прогуляться по окрестностям.

Дэн

Лагерь собрали. Капа сложила палатку, а Дэн с сожалением убрал в большой пакет зелёные камни, которыми они с женой окружили несколько месяцев назад место будущей стоянки. Камни эти были не камни, а самая, пожалуй, полезная землянам здешняя модификация растений. Они были лучшими на планете продуцентами кислорода, но, к

сожалению, встречались редко. Дэн облетел на аэрокосме весь северный материк и все, что нашёл, перевёз на место стоянки. Окружив камнями лагерь, они смогли обходиться без респираторов и кислородотерапии всё время суток.

Уничтожать следы стоянки, было немного грустно. Камни один за другим пропадали в пакете, и место, столько времени бывшее их с женой домом, исчезало, уходило в небытие. Будто уничтожением границ он уничтожал это светлое время.

Когда он потянулся за последним камнем, неподалеку, но за границей лагеря, что-то блеснуло в лучах заходящего солнца. Холодный зеркальный металлический блеск, также чуждый дикому миру, как аэрокосм землян, смявший кустарник позади. Мгновенно насторожившись, Дэн потянул бластер из пояса. Вооружившись, он сделал два осторожных шага к неопознанному предмету, заглянул в пожухлую коричневую траву.

Блик в глаза бросила кремниевая пластина на огромной руке. В траве лежало существо расы джийан. Робот вдвое больше человека, человекоподобный, но с двумя парами рук. Краску на пластинах съела бурая местная плесень, только внутренняя сторона недавно отстегнувшейся крышки на правом наруче была изначального белого цвета. Молочно-прозрачное идеально-симметричное силиконовое лицо джийанина с тонкими, красивыми, но резковатыми чертами осталось нетронутым грибком, но обычно острые его грани стерлись, расплылись от ветра, солнца и времени, отчего инопланетянин стал походить на землянина.

И сюда они добрались! Дэн выругался. По состоянию киборга было понятно, что этот брошен тут давно, но его все-таки пробрал озноб. Так близко к лагерю!

В детстве Дэн думал о джийанах, как о роботах, хоть родители всегда говорили о них, как о киборгах. Невозможно было представить, что где-то в недрах холодной кремниво-полиметаллической машины, способной к автономному существованию в самых разных, порой очень жестоких атмосферах и чуть ли не в открытом космосе, прячется некое живое существо или его часть.

Дэн носком ботинка ковырнул грудную пластину джийанина. Сочленения были разрушены то ли грибком, то ли бактериями, и дверца отворилась легко, открыв полиметаллическую коробку размером немногим более торса взрослого мужчины-землянина. К ее центру как пуповина должен был подходить толстый канат из сотен проводов, но его тут не было. Коробка пуста, значит, джийанин не умер, он просто сменил костюм. Дэн разочарованно вздохнул.

Сразу после похорон родителей юный капитан занялся сбором сведений о главных врагах землян. Сложностей с этим не возникало: вся галактика была опутана подобием виртуальной сети джийан. Из-за потери памяти корабля чужой язык пришлось изучать с нуля, но земная программа-переводчик справилась с задачей достойно. Все, что в джийанской сети было в открытом доступе, теперь дублировалось в памяти «Красавицы». И по этим данным джийанская цивилизация казалась довольно близкой земной, многие их законы, занятия вызывали у команды «Красавицы» чувство дежа вю. Но сходство было поверхностным.

Джийане были рождены не в этой галактике, а, возможно, даже не в этой Вселенной. Согласно их официальной версии, это были материальные воплощения отражения одного вселенского Света. Свет этот существовал вне пространства-времени, но посылал лучи во все доступные Вселенные. В родной землянам Вселенной Свет отпечатывался на некоей органической материи. Материю в специальном питательном растворе подключали к

устройству аэрации с замкнутой колонией искусственно выведенных микроскопических существ, синтезирующих кислород, и легко восполняемому блоку питания. Если верить каталогу, джийанин мог протянуть автономно без замены раствора несколько земных месяцев, в зависимости от интенсивности работы. Капсулу одевали в роботизированный костюм.

Небольшой, круглой как яйцо капсулы для защиты которой и использовали металлическую коробку, в теле, лежащем перед Дэном, не было. Жаль. Как биолог, Дэн был бы счастлив увидеть вблизи джийанскую полузамкнутую систему жизнеобеспечения, подсмотреть их решения сложных технических деталей важнейшей в космосе операции. Но, похоже, капсулу просто достали из коробки, перенесли и подключили к другому костюму. Дэн дулом бластера подцепил отстегнувшуюся крышечку. Белый... В костюмах белого цвета ходили джийанские космолетчики, но благодаря смене костюмов каждый джийанин мог совмещать многие профессии. Интересно, кто сейчас этот? Солдат, а, может, ученый?

В пасмурном настроении Дэн поднял аэрокосм. Неприятно было думать, что планета, столько месяцев бывшая их домом, несет следы присутствия джийан. Счастье, что в этот раз враги не оставили здесь ни разведчиков, ни наблюдателей! Дэна кидало в холод, едва он представлял, что катастрофа у 404-ой могла повториться.

Эля и Тая заполнили все задние кресла аэрокосма сувенирчиками с оставленной планеты: засушенными цветами, пятнистыми игольчатыми ракушками, камешками янтаря. Резонный вопрос: куда столько, застыл на губах Дэна, когда он пригляделся к причёскам и нарядам девушек. Обе были в голографических платьях, но оплечья, манжеты, пояса — из вполне реальных ракушек и цветов, а в одинаковых тёмных кудрях поблёскивали слезинки янтаря.

Вчетвером они смеялись, перешучивались, но когда летательный аппарат покинул пределы атмосферы и Дэн был вынужден включить систему искусственной гравитации, веселые разговоры стихли. Эля и Тая, не отрываясь, смотрели, как линия горизонта планеты, получившей в каталоге землян невыразительное наименование: «объект 677 ЗА5 6528», понемногу закругляется. Замолчала и только что заразительно хохотавшая Капа. Перед ними расстилалось бескрайнее море звёзд — картина, знакомая с рождения, любимая, дарующая покой. Гораздо более родная, чем самые идиллические пейзажи когда-либо посещённых планет.

Дэн исподтишка любовался задумчивым лицом жены, сидевшей рядом в кресле. Вздёрнутый носик, пухлые губы, серые с золотыми искорками глаза. Светлые волосы, подстриженные коротким каре, задорно завивались на концах в разные стороны, придавая причёске слегка растрёпанный вид. Заметил взгляд мужа, Капа не повернула головы, но её губы дрогнули в улыбке.

— А Земля такая же, как эта планета? — вдруг спросила Тая. — Тогда это плохо.

Капа шевельнулась:

— Не понимаю?

— Все планеты — тюремщицы, — прошептала Тая.

— Земля — наш дом. Наши тела созданы для того, чтобы ходить по ней, пить её воду, дышать её дыханием, — терпеливо принялась втолковывать Капа. А Дэн хмыкнул. Удивила его младшая из близняшек, всегда тихая и спокойная! Дэн привык считать её тенью старшей, яркой и заводной Эли, и давно подсознательно отказывал ей и в собственном мнении и в собственных интересных идеях.

— Почему планеты ты зовёшь тюремщицами? — глуповато спросил он.

— Я поняла, пока мы гостили на этой: влетаешь в атмосферу — и всё, пропали! Она... как стена вверху. А ночью на звёзды только смотреть можно, даже нельзя коснуться.

— Да ну, Тая, было весело! — запротестовала Эля. Но младшая из близняшек отстояла свою точку зрения упрямым молчанием.

Дэн вздохнул, бездумно уставился на панель приборов, радостно сигнализирующую, что всё в порядке. В голове всё, наоборот, было вовсе не в порядке.

Как только корабль был восстановлен и вновь обрел возможность передвигаться со скоростью света, Дэн задумался о том, куда следует лететь «Красавице». Думать долго не пришлось. Знания о цели путешествия родителей исчезли вместе с памятью корабля, продолжить дело первой команды «Красавицы» новая не могла, поскольку понятия не имела, в чем заключалось это дело. Вывод был один: лететь домой, на Землю. Капа придерживалась того же мнения и старалась воспитывать младших детей в убеждении, что их главная задача — вернуться на космическую родину. Ни Капа, ни Дэн долго не замечали, что правильные слова пропадают втуне по простой причине, и не изменить, ни исправить сложившееся положение никто не способен.

Земля... Что рассказать о номинальной родине этим юным, которых вскормил и воспитал космос? Что сам Дэн знает о ней, Земле? В воображении предстают только пасторальные картинки зелёных лугов и белоснежных горных вершин, лазурно-синего моря, и сколько ни засматривай документальные фильмы о Земле в фильмотеке, сколько ни мучай себя в зале голограмм хождениями по виртуальным земным полям и снегам — это не даёт ощущения истинной родины. Может, когда вырываешься за пределы её тяготения, заново рождаешься, уже для жизни во Вселенной? Если так, они, шестеро, — первое поколение настоящих «хомо космикус». Тогда так ли правы Дэн с Капой, решившие во что бы то ни стало добраться до родной планеты? Может, совсем иное нужно молодому экипажу «Красавицы»?

Из-за синей линии горизонта «объекта 677», медленно вращаясь, выплывал спутник. Он был ещё красивее хозяйки. Каменный шар, нежащийся под шелковым платьем атмосферы с белыми вихрями облаков. Пять континентов, цветом от песочно-жёлтого до изумрудно-зелёного, и один белый, покрытый шапкой льда. И все, только что ругавшие Землю тюремщицей или молчаливо соглашавшиеся с этим утверждением, замерли, вглядываясь в знакомые с раннего детства очертания материков. Всё же это была она — их мечта и цель кажущегося бесконечным а, порой, и безнадежным пути.

Они подлетали ближе, и иллюзия рассеивалась. И Дэн уже слышал, как вздыхает Капа, не желающая отказываться от безумной мысли, что они наконец-то вернулись домой. Нет, перед ними была не планета-спутник, и не призрак родины. Это Ал или Кас, ожидающий их прибытия, убрал соты солнечных батарей «Красавицы» под противоастероидную броню и поставил на последнюю заставку с видом Земли из космоса.

— Ну и шуточки у Каса, — хмуро заметила Тая, а Эля пригляделась и воскликнула:

— Вон он! Круто-ой...

По экватору корабля двигалась тень. Маленькая, быстрая — небольшой астероид. Он завернул на невидимую сторону «Красавицы» и очень скоро, описав петлю, вылетел из-за нее, понесся к большой планете. За угловатый космический бульжник тросом цеплялся аэрокосм Каса, лично разукрашенный хозяином языками пламени и фантастическими рычащими тварями. Астероид нырнул в атмосферу, и Капа, не удержав испуганного вскрика,

резко потянулась за микрофончиком связи.

— Кас, ты в порядке? Ты уже отцепился? — тревожно спрашивала она, а взгляд девушки не отрывался от маленькой звездочки загоревшегося в атмосфере планеты метеора.

— Мама Капа, все хорошо, — бодро, но неконкретно отвечал молодой баритон в наушниках.

Дэн усмехнулся: Кас все не устанет строить из себя супергероя! Но в глубине души он и пожалел, и позавидовал, что сам никогда не решится так развлечься.

«...А хотелось бы!»

«Красавица» разрасталась в размерах. То и дело мимо аэрокосма проносились зонды-разведчики, Дэнн слышал их негромкое, знакомое с детства приветственное стрекотание в наушниках. Земляне возвращались домой.

«Красавица» имела форму шара и в статичном состоянии легко маскировалась и под планету, и под астероид. Роль экрана выполняла гладкая противоастероидная броня из шестиугольных сегментов. Набор заставок для обшивки составлял девять тысяч изображений, и команда постоянно добавляла к ним новые — картинки планет, встреченных на пути. Корабль был подлинным чудом земной космоинженерной мысли. Мини-заводы с 3Д принтерами, оранжереи и цеха производства животных белков, биолaborатория и медотсек, фильмотека с кинозалом, спортзалы, зеленые сады для оздоровительных прогулок, комнаты отдыха в виртуальности — все компактно и уютно размещалось на внутренней поверхности широкого вращающегося кольца. Топливом для «Красавицы» и ее истребителей служила энергия испарения потока микроскопических черных дыр.

Аэрокосм Дэна степенно входил в док, когда его обогнал другой, разукрашенный. Кас лихо и при этом ювелирно точно поставил свой на стоянку и сейчас же выскочил и помог близняшкам вынести свои сокровища. Высокий и атлетически сложенный, с очень светлой кожей — вечной спутницей огненно-рыжего цвета волос, и синими холодными глазами, Кас являл собой разительный контраст с близняшками — маленькими кудрявыми мулаточками, бывшими ему родными сестрами только по матери.

Несколько минут на разгрузку, час в карантине, и вся команда встретила в главной рубке. Это было круглое помещение с куполообразным потолком. К пульту из темного сверхпрочного стекла, сияющему сотнями красных глазок — кнопок, гроздьями свешивались мониторы на гибких тросах. По ним, создавая иллюзию всезнания, непрерывными полосами в несколько рядов ползли данные от роботов техслужбы и разведчиков, транслировались изображения с видеокамер корабля. Главный полутораметровый монитор мог к тому же напрямую передавать картинку из виртуальности. К главной рубке вело десять коридоров, отходящих от круглого помещения на манер солнечных лучей. Стены коридоров были облицованы неярко светящимися плитами разных цветов: был синий, зеленый, бордовый и другие. Главным считался белый.

Дэн начал собрание с того, что определил новую веху пути.

— Отсюда мы можем двинуться к объекту 353 — ЗК2 0254 или объекту 371 — ЕА8 7433, — оба названия он проговорил без запинки, и присутствующие прекрасно его поняли. Принцип наименования объектов в космосе они выучили раньше, чем таблицу умножения. — Полет и в том, и в другом случае займет около пяти лет при условии движения корабля со скоростью света. И та, и другая звезда на прямом пути к Земле, — закончил Дэн. И тут грянул гром.

— Я считаю, что нам нужно лететь не на Землю, — сказал Ал. Дэн, уже вдохнувший воздух для финальной тирады, с изумлением воззрился на него. Это было четвертое общее собрание, посвященное вопросу куда лететь дальше, и никогда прежде предложенная им конечная цель — Земля — не вызывала ни у кого никаких вопросов.

«Сговорились, что ли?» — с раздражением подумал он, опять вспомнив слова Таи. Сама Тая необычайно для себя жизнерадостно глядела на Ала: молодой человек осмелился озвучить и ее затаенную мечту. Не выглядели удивленными и Кас с Элей.

«Нет тут сговора, Дэн. Помнишь, когда было последнее такое собрание? — шесть лет назад. Детишки выросли с той поры, капитан. И готовы заявить тебе свое свободное мнение».

Дэн скрестил руки на груди:

— Не на Землю? Куда же ты хочешь лететь, Ал? Бороздить космос, открывать новые миры, отмечать на картах новые трассы?

Тая и Эля обрадованно закивали, а Капа нахмурилась. «Ты же не серьезно это сказал, Дэн?» — читалось в ее взгляде.

— Нет, Дэн. Странствия в принципе бессмысленны, — уверенно заявил Ал, по-прежнему в упор глядя на него. Он выпрямился во весь свой немалый рост, гордо откинув нестриженные темные волосы, и выглядел даже внушительно. — Но, я считаю, возвращаться на родную планету нам пока рано. У нас за спиной есть неразгаданная загадка, и прежде нужно разгадать ее. Я говорю об объекте 404.

— 404?! — он и испугался и... встrepенулся, но не захотел признать последнего.

— Да! Нужно вернуться на место гибели родителей и разгадать тайну погубившей их планеты, — выдал Ал финальную, явно подготовленную фразу. Дэн, играя усталость, провел ладонью по лицу:

— Но зачем, Ал? Та история закрыта и отстоит от нас больше чем на пятьдесят световых лет.

— Было предательство.

— Кто бы ни был тогда предателем, сознательным или случайным, он мертв. Виртуалы, могущие принимать участие в той истории также мертвы или лишены памяти. Некого обвинять, Ал, и нечего там искать!

— Я думаю, если мы узнаем, чем опасна планета 404, мы поймем, что стало причиной гнева джийан. И причина предательства кроется там же!

«Шел бы ты... в свою виртуальность», — про себя зло подумал Дэн. Вслух сказал:

— В прошлый раз у объекта 404 погибло пятеро человек, и я не хочу, чтобы и в этот раз...

— Возможно, тогда погибли не все.

Дэн удивленно уставился на Ала, ожидая продолжения.

— Истребитель Шелтона взорвали, но ведь там должна была быть спасательная капсула! А неподалеку планета, где Шелтон недавно был в экспедиции, изученная им вдоль и поперек. Он направил бы капсулу туда, я думаю.

— Ал, ты думаешь, папа жив?! — беспомощно прошептала Капа. И она, и Дэн редко упоминали святые имена: папа, мама, поэтому сейчас вздрогнули все. Это «папа» будто бы возродило призрака, нежданно втершегося седьмым в молодую, но сбитую компанию.

— Я полагаю, что это так, — тихо сказал Ал.

Дэн махнул рукой и отошел к пульту.

— Не хочу слушать бред, — сказал он, тщательно храня лицо. — Ал, если бы мы следовали каждой твоей спонтанной идее, были бы уже мертвы.

— Ал, ты рассуждаешь безответственно, — вступила Капа. — Да, ты совершеннолетний и можешь отвечать за себя, но на корабле есть дети — Эля и Тая. Ты готов решать за них? Готов взять ответственность за их жизни, которая сейчас лежит на мне? Это только твоя авантюра, Ал!

Юноша резко развернулся к сестре.

— И это очень печально, — подготовленным тоном заметил он. — Я, Кас, Эля, Тая не успели узнать родителей, вы с Дэнном заменили нам их. И если б подобная история произошла с вами, мы все не пожалели бы сил, чтобы разгадать загадку и отомстить за вашу гибель. Поэтому мне непонятно, почему вы больше ничего не хотите знать о тех людях, которых можете, в отличие от нас, без запинки звать мамой и папой! — Речь Ала была сумбурной, но эффектной. Капа побелела, непонятно, от злости или обиды.

В образовавшуюся паузу Кас впервые за собрание раскрыл рот:

— Пятьдесят световых лет — это, конечно, далеко и долго. Но, если кидаться в авантюры, так с головой. Силовое поле тяжелого крейсера джийан иногда захватывает астероиды и глыбы льда. Можем прикинуться космическим камушком и слетать по их маршруту. Выйдет намного быстрее, чем с нашей черепашьей скоростью света.

Да, да! — в унисон пропели близняшки, почуяв интересное приключение. Но Дэн отрицательно мотнул головой.

— Вы все сошли с ума, — резюмировал он.

— Я не предлагаю принять решение прямо сейчас, — Ал как благородный соперник решил немного уступить. — Поболтаемся на орбите недельку и решим. А то — слетаем до местных планет-гигантов, Кас рассказывал, на одном ледяном спутнике там чудесные катки...

Капу он отыскал в фильмотеке через два часа после странного собрания. Жена в одиночестве сидела в центральном кресле маленького кинозала, поллица закрывали старинные разноцветные очки — девушка смотрела иллюзорно-трехмерный старинный фильм на двухмерном экране. Дэн осторожно присел рядом. Капа не повернулась к мужу, он полагал, она вовсе не заметила его появления: так отрешенно-сосредоточенно было милое лицо. Но девушка вдруг приоткрыл губы, сказала какую-то недлинную фразу, Дэн склонился к ней:

— Что, Кап?

— Я думаю, может быть, Ал прав? — громче повторила она.

— На собрании ты хорошо сказала об ответственности. Изменила мнение?

— Нет. Но сейчас думаю о другом: будут ли наши дети счастливы на Земле, если уже сейчас они равнодушны к родной планете? Да и есть ли она, Земля? Вдруг ее уже нет? Вдруг наши родители улетали с погибающей планеты? Мы даже не знаем, зачем и почему они её покинули!

Капа, безусловно, нашла верные вопросы. Ведь знания детей о цели путешествия родителей были самыми фрагментарными. Блок памяти корабля обнулится в момент катастрофы вместе с памятью виртуальности. Что говорили родители? — Дэн помнил только: «Мы путешествуем, чтобы найти подходящую планету», которым его «кормили» в детстве. А когда он впервые задумался: подходящей для чего? — спрашивать было уже некого. И ближний, и дальний космос были заняты джийанами, и у нового поколения

«Красавицы» оставалась одна слабая надежда на то, что до Земли раса джийан не добралась: в общем каталоге Джийи, невидимой сетью опутавшем галактику, до сих пор не было упоминаний землян и их космической родины ни в качестве противника, ни в качестве поработанной или уничтоженной системы.

— Отец иногда намекал на какой-то серьезный разговор в день моего двенадцатилетия, — задумчиво сказал Дэн. Капа не расслышала. Быстрым движением по сенсорной панели на боку кресла она выключила фильм, и в наступившей тишине он повторил. Капа усмехнулась:

— Мама говорила мне то же самое. И с годами я все больше стала бояться, что она хотела сказать: Земли больше нет и возвращаться нам некуда. Ведь вспомни, они всегда так мало говорили о родной планете и всегда такими красивыми, но искусственными фразами! Может, потому что настоящие воспоминания причиняли им боль? Мы же также мало вспоминаем ту катастрофу «Красавицы».

Дэн не поддакнул, не кивнул, хотя его тоже удивляло, как скупое и странно рассказывали о Земле родители. Он не требовал подробностей, чувствуя, что время для этого разговора еще не пришло. Теперь не придёт уже никогда.

— Общий каталог Джийи молчит о Земле и Солнечной системе, — заметил он.

— О, подумаешь! Он о многих интересных системах молчит. Нет информации в открытом доступе, так есть в закрытом, нам недоступном! Странностей в поведении джийан у 404-ой было предостаточно!

— И что ты хочешь предложить?

— Ничего. Просто нужно что-то сказать детям. И что я скажу? — сразу сникла Капа. Дэн улыбнулся, вдруг вспомнив один случай из первых лет их жизни без родителей.

...Они сразу же разделили обязанности: на Капе дети, на Дэне корабль. Но Дэн волновался, что девочка не справится с двумя младенцами и двумя мальчишками-хулиганами сразу. Роботы-няньки были запрограммированы родителями на паллиативную помощь по требованию, но Дэн тайком от Капы перепрограммировал их. Он решил перестраховаться: поставил мощную программу, практически исключаящую ведение хозяйства и воспитания детей людьми.

Когда Капа поняла, что он сменил программу, Дэн так и не узнал. Но через шесть лет они крупно поссорились, и он упрекнул девушку в том, что она якобы «не справляется со своим и так минимальным кругом обязанностей». Тогда Капа предъявила ему давным — давно вовсе отключённых кибернетических няnek и гордо хлопнула перед носом капитана дверь в детский отсек.

Дэн долго вымаливал её прощение. И когда они мирились после этого, в первый раз поцеловались.

Сейчас, вспомнив тот момент ясно, он не раздумывая обнял жену в кресле кинозала.

— Я думаю, не надо никуда торопиться, козочка, — тихо сказал он. — Покружим на орбите, слетаем к гигантам. Веселитесь, а я пойду к виртуалам. Поиски истины о погибшем экипаже надо начинать оттуда.

— Но Ал говорил, они ничего не помнят и безобидны.

— Ал и не такое может сказать! — Дэн и сам удивился неожиданной вспышке. — Сколько времени он проводит в виртуальности?

— В последние месяцы, после увлечения загадкой гибели родителей, всё меньше.

Они помолчали. Только Дэн тяжело вздыхал, коря себя, что свернул разговор в ненужное русло.

— Дэн, в чём ты постоянно подозреваешь моего брата? — запальчиво спросила Капа.

Он замялся, но жена ждала, и Дэн обнял её крепче.

— Ты не задумывалась, с чего бы Ал заинтересовался этой загадкой? — тихо сказал он. — Я думаю, может, эту мысль, как и мысль вернуться к планете 404, ему внушили виртуалы? Их терзают те же загадки, что и нас, и, чтобы приблизиться к их разгадке, они готовы не поступиться жизнями реального экипажа во второй раз.

— Ого! — только это сказала Капа, и замолчала совсем, уставившись в потухший сероватый экран. Дэн подождал немного, успокаивающе поглаживая её плечо, но тело жены не отзывалось на ласку. Тогда, с последним тяжелым вздохом, он поднялся и направился в комнату отдыха в виртуальности.

Комната отдыха в виртуальности представляла собой большое круглое помещение с зелёным садиком посередине. Пространство у стен занимали капсулы для виртуального сна, перемежающиеся душевыми кабинками, и кресла для кратких прогулок по виртуальности, отдельный щит на стене был увешан масками для быстрой связи. Дэн в задумчивости остановился у ближайшей капсулы. Он обычно предпочитал пользоваться креслом: больше чем на пару часов в виртуальности его не хватало. Это Ал сутками может висеть в капсуле, голый как новорожденный, обмазанный специальным гелем, передающим реалу все тактильные ощущения от виртуальности. А Дэну вполне хватало шлема и маски, закрывающей рот, нос, уши и глаза, мгновенно отгораживающей от реального мира.

Всё же он разделся и забрался в капсулу, с некоторым внутренним содроганием включил подачу геля. Виртуалы не любили реалов, ограничивающих пребывание в виртуальности креслом или маской. Они жаловали лишь тех, кто готов был полностью войти в виртуальность, оставив своё тело голым и беззащитным в капсуле.

Крышка капсулы захлопнулась с точно тем же звуком, что и капсулы-гробы, которые Дэн когда-то отправлял к яркой белой звезде. Гель уже заполнил ее до половины, и он, торопясь, надел маску. Сейчас же все чувства отключились. Чернота и тишина. Гель заполнил капсулу, и пропало даже ощущение тела. Осталось сознание, испуганно бьющееся в такт ударам сердца. Дэн уже был не в реальности: на границе между ней и виртуальностью.

Человеческое восприятие принаравливалось к виртуальности постепенно: как после яркого дня слепнешь и глохнешь от внезапной ночи, и требуется время, чтобы разглядеть её красоту. Дэн терпеливо ждал, и «тот» мир потихоньку начал проявляться. Чернота посветлела, появились нечёткие очертания предметов, послышался далёкий нестройный гул множества голосов и шумов. Будто бы подул ветер... — Дэн прекрасно знал, что это лишь иллюзорное ощущение, но на долю секунды даже захотел поверить ему. Этот ветер был гораздо правдоподобней того, что создавали вентиляторы в оранжереях «Красавицы», он был почти как настоящий, дующий на планетах.

Виртуальность обрела всё большую тяжесть и весомость. Теперь Дэн различал, что ветер, дующий ему в лицо, прохладный и сухой. Мир вокруг обрел цвета и плотность, скоро Дэн узнал окружающую обстановку: это был городской пункт перехода из реальности в виртуальность, комната с кипенно-белыми стенами. Белая комната отдыха «Красавицы» на её фоне казалась грязно-серой. На полу золотыми линиями был начертан символ

виртуальной жизни: два пучка нитей, перекрещивающиеся в виде латинской X — знак первоначальной разрозненности виртуалов, и соединяющий пучки в одно ромб с закругленными краями — знак Эрны, божества виртуальности. За огромными окнами пункта перехода раскинулось центральное поселение виртуалов, город Эрнатон. Ветер дул из распахнутой двери в мир виртуальности впереди.

— Добро пожаловать в Эрнатон, капитан, — негромко поприветствовал виртуал за пультом в центре комнаты. Дэн обернулся, коротко кивнул в знак приветствия, и бледный круглолицый работник перехода вежливо улыбнулся в ответ. Хотя все предметы обстановки уже обрели в восприятии человека чёткость, образ виртуала был размытым, черты лица едва уловимо, но постоянно изменялись, будто из виртуальной оболочки на пришедшего реала смотрело множество людей. Такова была особенность виртуалов, неизменно обескураживавшая Дэна. Остальные реалы общались в виртуальности свободно, но он старался даже не задерживаться на её жителях взглядом.

Дэн занялся разглядыванием себя в отражении в оконном стекле. Оказалось, в виртуальности он очнулся в строгом сером костюме, который конструировал три года назад для деловых переговоров и успел об этом забыть. Сейчас же выяснилась неприятная вещь: за прошедшее в реальности время костюм стал тесноват, и отнюдь не в плечах. Пояс брюк пришлось срочно расширить. Потом Дэн вышел в город.

Эрнатон был создан как усреднённый земной мегаполис, а почти все локации виртуальности — как картинки различной природы Земли, чтобы напоминать реалам и виртуалам об оставленной родине. Город вырос более ввысь, чем вширь, многоэтажные дома строгими линиями напоминалиobelisks. Иллюзия неба над Эрнатоном всегда была чистой, на голубом фоне никогда не появлялись пятна туч. Погода здесь была неизменна: позднее лето в умеренном поясе Земли, смена дня и ночи также не моделировалась: вечные десять часов утра. Это в других локациях виртуальности сияли стекляшки ненастоящих звёзд и иллюзия хлопьев снега растекалась в ладони тепловатой водой. Эрнатон был предназначен для работы, и всё, что могло ей помешать, было отмечено на стадии создания. По непонятному капризу творцов здесь оставили только ветер, спонтанно включающийся и отключающийся. Он был совсем как настоящий и гонял по чистым улицам иллюзорную липкую мелкую пыль, забивающуюся в ноздри и глаза.

Прохожих встречу попадалось немного. Все по виртуальной моде были облачены не менее чем в пятнадцать слоёв одежды и украшений. Неестественная резкость, яркость, чёткость каждой детали одежды контрастировала с неясными, меняющимися каждое мгновение лицами. Личного транспорта на улицах Эрнатона было немного, но всё небо над крышами домов оплели паутины воздушной монорельсовой дороги, заполненной вагончиками общественного транспорта.

Защуршала крыльями стая птиц, вспугнутых чем-то. Иллюзии животных в виртуальности, как и проекция Дэна, были чёткими и детально прорисованными, но неживыми. По контрасту с ненатуральным миром вокруг виртуалы казались удивительно реальными. Настоящими, живыми, пусть странными. И даже самые консервативно настроенные реалы, такие как Дэн, понимали: в виртуальности они имеют дело с новой формой жизни.

История виртуалов началась в хранилище электронных слепков психики человека. Хранилище организовала международная группа учёных, занятая разработкой системы

единого и полного психологического тестирования. Их затея окончилась слишком из-за недостаточного финансирования, а хранилище прибрала к рукам игровая корпорация. Сленки стали использовать для создания сверхреалистичных персонажей в компьютерных играх. Эти фантастические герои копировали игрока-владельца настолько точно, вплоть до мельчайших оттенков эмоций, что становилось не по себе. Газеты кричали о прорыве в области клонирования, перешедшем на новый уровень — виртуальный, и не сходились только в оценке: хорошо это или плохо. А применение сленков тем временем ширилось: из них стали конструировать виртуальных помощников, свои точные копии, для работы и ведения личных страничек в социальных сетях, тогда же и появилось словечко: «виртуал». Увлечение виртуалами охватило весь мир, и многие люди понимали, что имеют дело не просто с покорной кибернетической машиной. Называвших виртуалов своими друзьями и супругами сначала поднимали на смех, но через пару десятилетий, когда подросло поколение, привязанное к виртуальности крепче, чем к реальности, впервые заговорили о создании законодательной базы для виртуалов.

Признавать виртуалов людьми или нет? Споры об этом раскололи мир на два лагеря. Дело дошло даже до войны: признание в части стран за виртуалами права называться людьми послужило для радикальных религиозных фанатиков поводом напасть. В новом переделе мира причина войны быстро забылась. Жестокая реальность швырнула людей в новую бойню, и вместе с ними сражались виртуалы. Война изменила и тех и других.

Когда после войны люди вернулись в виртуальность, их встретили совсем другие виртуалы. Раньше, несмотря на споры, ведущиеся вокруг их персон, сами они не осознавали себя людьми. Несмотря на четкость лиц, их глаза были тусклыми, движения неуверенными. Когда они говорили, то чаще всего бездумно повторяли речи хозяев-людей. Сейчас же они вели себя, как равные людям, их глаза светились подлинной жизнью, только новая странная рябь порой пробегала по их лицам. В конце войны к виртуалам явился великий Учитель, и вместе с верой они обрели уверенность.

Скоро виртуалы были повсеместно уравнены в правах с реалами. Браки, дети, жизнь только в виртуальности стали обычным, неосуждаемым обществом явлением. Среди виртуалов выделилось три расы: первая — сконструированные людьми, вторая — клоны реалов, выбравших существование в виртуальности, и третья, особенная — рождённые в виртуальности.

К моменту отправления «Красавицы» в путешествие, виртуальность Земли, если судить по фильмам в фильмотеке, стремительно догоняла и по обширности и по количеству населения саму планету. И виртуалы отнюдь не проводили время в праздности. Большинство было занято мониторингом компьютерных сетей, полезным и реалам и виртуалам. Также много их работало в игровом секторе виртуальности, по-прежнему сохраняющем статус лидера по посещению реалами. А к виртуальным докторам, учителям и воспитателям обращались с большей охотой, чем к реальным, повсеместно заменяемым на роботов. Корабли, отправляющиеся в дальний путь, космические станции, поселения на Марсе, Европе и Титане обзавелись своими локальными виртуальностями, и такой же оснастили «Красавицу». Её виртуалы были заложниками корабля, как и реалы.

И это было полезное соседство — вынужден был признать Дэн. Виртуалы отслеживали все поломки по компьютерной сети корабля, тут же сообщали это реалам и советовали, как лучше их устранить. Каждый член экипажа хоть раз, но консультировался с виртуальным доктором или психологом, а игровой сектор виртуальности был любимым

местом развлечений и оттачивания боевых навыков.

Какой-то виртуал толкнул Дэна в плечо, проходя. Не сбавив шага, он быстро извинился и скрылся в ближайшем здании. А Дэна снова передёрнуло от одного краткого взгляда на меняющееся виртуальное лицо...

Зачем отец в последние минуты жизни стер память корабля? Может, он стирал сведения о родине землян, чтобы они не достались джийанам? Но тогда достаточно было стереть картографическую часть и вовсе не трогать память виртуальности. Конечно, и после стирания базовые данные, заложенные в виртуальность до полёта «Красавицы», остались: история нации, рабочие навыки, некоторые семейные связи, но было утрачено всё, что виртуалы приобрели в путешествии. Спрашивать, за что капитан Антон обошёлся с ними так жестоко, было бесполезно: они не помнили ничего о своих прежних интригах, но подозрение, что отец хотел оградить сына от влияния виртуалов, у Дэна возникло сразу. Вообще, то, что блок памяти корабля и блок памяти виртуалов находились в одном месте на «Красавице» и были в высшей степени подконтрольны реалам, было очень странно: все просмотренные Дэном фильмы о виртуалах кричали о равенстве двух форм разумной жизни, а «Красавице» этот главный закон не соблюдался. Реалы в любой миг могли отправить виртуальность в состояние младенчества, а виртуалы не могли ничего. Возможно, причиной тому послужило какое-то предательство или ложь Джада, главы виртуальности? Дэн не мог ни простить, ни забыть, что в катастрофе у 404-ой виртуалы дистанцировалась от битвы. Знал он и то, что след загадочной блокировки на данные о принадлежности 404-ой джийанам вел в виртуальность. Поэтому, хоть схема возврата власти над собственной памятью виртуалам Дэну и была известна, он не торопился ей воспользоваться.

— Они не настоящие люди, — заявил он отцу однажды в детстве. — Там другое прячется.

Дэн хотел объяснить, что все эти разные лица, которые сменяют друг друга на одном — иллюзии. Они как слои краски на холсте, но если удалить последний — проступит лик чудовища. Какой-то жуткий монстр кутается в тысячу слоёв одежды, чтобы люди не разглядели его сути, но в дырах зрачков она видна... Хотел, но не сумел. А Антон прищурился и будто враз разгадал всё, что думал Дэн. Мужчина криво усмехнулся и успокаивающе похлопал его по плечу:

— Нет, сын, они — люди, самые настоящие, — серьёзно сказал он. — И, поверь мне, это в них и есть самое страшное.

Дэн шёл знакомой дорогой. Два раза на перекрёстках он сворачивал направо, один налево. Обойдя высокое здание, под завязку набитое иллюзиями офисов, в которых не было ни одного работника, он оказался перед домом поменьше. Это квадратное здание, построенное в старинной манере, было резиденцией главы виртуалов «Красавицы». Будучи по делам в виртуальности, Дэн в первую очередь всегда заглядывал к виртуальному коллеге отца, Джаду.

Джад, как обычно, сидел за столом и со вкусом курил сигару. Меланхолично он просматривал какие-то данные с монитора, и вначале казалось, что виртуал смотрит в монитор исключительно от безделья. Но о важности этого наблюдения говорил становящийся порой очень цепким взгляд — когда Джад выхватывал в огромном массиве

быстро пробегающего текста какие-то нужные фразы.

Джада Дэн помнил с детства, и за прошедшее с тех пор время виртуал почти не изменился внешне. Впрочем, для жителей виртуальности нестарение было типично. Перепрыгивая из одного возрастного периода в другой, они меняли картинку внешнего облика, но могли остановиться в любой момент на любимом возрасте. С приходом же старости их тела и лица не покрывались морщинами, происходило другое: они начинали терять своё лицо. Индивидуальные черты всё чаще размывались, и тени других виртуальных лиц уже не дрожали мелкой рябью, а накатывали большими волнами, задерживаясь, порой, на несколько мгновений. Джада это не миновало. Глава виртуальности был уже очень стар, и его образ — высокий и плотного сложения темнокожий мужчина средних лет с пухлыми щеками и квадратным ежиком седеющих волос на голове все чаще заменялся другими, с каждой заменой стирая частичку главной личины.

Увидев Дэна на пороге, Джад широко, но неискренне улыбнулся и сделал приглашающий жест. Дэн прошёл в кабинет и сел в кресло напротив главы виртуальности.

— Добрый день, Джад.

— Здравствуй Дэн, — добродушно сказал виртуал, не отрывая взгляда от монитора. — А я ждал тебя неделей позже. Внеочередная проверка? Боишься пропустить очередную мою пакость?

Этот виртуал обожал всевозможные подколы и шуточки о нетерпимости реалов к виртуалам и старался снабдить ими каждую реплику. Интересно, что таким он был только с Дэном, а прежде с его отцом. Капа и остальные реалы только пожимали плечами: милый старик, на самом деле ему начхать на разницу между реалами и виртуалами, это он так шутит с тобой, капитан.

— Как там мои девочки? — негромко поинтересовался Джад для затравки беседы. По его лицу промелькнула тень другого: молодого, веселого. — Эля давно меня не навещала. Это ты ее настраиваешь против виртуальности?

— Эля верховодит, как всегда, — умудренный опытом общения с Джадом, Дэн проигнорировал выпад виртуала. — А Тая... Тая недавно высказалась против возвращения на Землю.

— Вот как, — без особенного удивления. И Дэн набросился на верную добычу:

— Она уже говорила это тебе? Или ты сам убедил ее не лететь домой?

Уголок рта виртуала искривился в усмешке, а по лицу вновь пробежала тень, на секунду исказившая черты:

— Ни ее, ни кого-либо из реалов я ни в чем не убеждал.

В последнее время все мои реалы говорят, что в виртуальности стало неспокойно...

— Пожалуй, так. Но не так неспокойно, как думаешь ты, не дрожи. Восстания против реалов не будет, хотя, пожалуй, вы это давно заслужили. Непорядок во внутренних делах виртуалов.

— Подробнее, — потребовал капитан, удобнее устраиваясь в кресле. Джад хмыкнул:

— Мои виртуалы расходятся во мнениях, каким должен быть путь нашей нации. Я поддерживаю тех, кто мечтает создать для нас проекции в реальность. Возможность присутствовать в обоих мирах не должна быть только вашей прерогативой. Это несправедливо, это ущемляет наши равные права. Надежда найти путь в реальный мир — великая надежда виртуальности... Но есть и другие. Изоляционисты. Они, напротив, хотят закрыть для реалов вход в наш мир, закупорить виртуальность. В последнее время они

набирают силу. У них появился очень хороший агитатор... Но почему ты выбрал столь плотную оболочку в это посещение виртуальности? Какие ответы ищешь? Я слышал, Ал занялся разбором обстоятельств гибели ваших родителей, — буднично заметил Джад, продолжая равнодушно пробегать глазами текст на мониторе.

— А тебя что-то пугает в изысканиях Ала, Джад? Боишься, он подберется к какой-то тайне виртуальности?

Джад впервые отвлёкся от монитора, ясно взглянул Дэну в глаза.

— Какая тайна? — с удовольствием проговорил он. — Все наши тайны были стерты твоим отцом, Дэн. Впрочем, я мог бы подсказать, где стоит поискать ответы на вопросы, при условии, что ты наконец-то вернешь виртуальности право распоряжаться своей памятью.

Дэн давно ждал чего-то подобного и заученно доброжелательно улыбнулся виртуалу, но руки при этом скрестил на груди, скрывая истинные эмоции:

— Мы же договаривались обсудить это, когда прошлое будет восстановлено. Власть над вашим блоком памяти вы получите, когда я выясню, почему прежде Антон забрал ее у вас. Может быть, на то были веские причины?

Джад точно также внешне был спокоен, но держал руки скрещенными на груди — зеркальная копия капитана:

— Прошлое не так уж важно, Дэн, важно настоящее. Ты хочешь судить нас за преступления, совершенные, по сути, не нами и не против вас? Вы — это не ваши родители, Дэн, и мы — вовсе не те виртуалы, что сотрудничали с Антоном и Шелтоном. Обнуление блока памяти подарило нам шанс прожить жизнь заново и возможно лучше, чем прежде. Не записывай Антона мне во враги, друг. Может быть, стирание памяти было его подарком нам? Может, он считал, что историю первого экипажа «Красавицы» необходимо стереть из единой книги Вселенной?

— Ты забыл, что сейчас ваш блок памяти в моих руках Джад? Я ведь могу сделать вам еще один такой подарок! — не удержался от сарказма Дэн. Он чувствовал, что увязает в словесных построениях собеседника, и надеялся, что злая шутка подбодрит. Глаза виртуала вспыхнули яростью, но Джад вновь удержал себя в руках.

— Не старайся быть похожим на отца, тот вовсе не был идеальным капитаном. Если ты не принимаешь мое условие, могу обеспечить тебе постоянный и прозрачный доступ к нашим мыслям единственным способом. Навсегда переведи себя в виртуальность, и ты будешь знать все, — виртуал улыбнулся, как искуситель.

— Ты знаешь мой ответ.

— И знаю, что он не окончательный, Дэн. Что ж, теперь, когда мы обсудили все...

Дэн встрепенулся, вновь почуяв в странной беседе почву под ногами:

— Не все, Джад. Я немного отвлекся. Ал предложил далее лететь не к Земле, а к объекту 404, и я склонен с ним согласиться. Если вы не хотите делиться ответами в виртуальности, мы отыщем их в реальности.

Виртуал нахмурился:

— То-есть вы берете курс к планете 404, а намеченные объекты 353 и 371 остаются вне вашего внимания?

— Получается, так.

Джад с усилием затушил сигару о стеклянную, выглядящую совсем неиллюзорной пепельницу.

— Цель пути определяешь ты, капитан. 404-я опасна, но 353 и 371 слишком скучные

объекты. Вот 670-я намного интересней! Очень рекомендую лететь туда, тем более, что планета недалеко, у границ системы, можно обойтись без скорости света. Тебе, как биологу, 670-я покажется любопытным объектом. Наши разведчики обнаружили там следы высокоразвитой жизни, к сожалению, давно угасшей.

— А 404-ая вас совсем не интересует? — не удержался Дэн.

Как же так? Все рушилось. Дэн уже выстроил чудесную версию: виртуалы, памятуя, чем кончилась экспедиция старшего поколения «Красавицы», решили направить к 404-ой младшее, надеясь добиться того же результата. Они занялись обработкой Ала и Таи, проводящих в виртуальности больше времени, чем все остальные реалы, вместе взятые. А теперь оказалось, виртуалов вовсе не интересует планета, погубившая родителей Дэна. И Ал, выходит, говорил от себя, то, что думает...

— Если тебя интересуют отличные от моей точки зрения виртуальности, можешь попробовать поговорить с лидером изоляционистов, — заметил Джад. Дэн тряхнул головой:

— Да, пожалуй. Встречусь с ним.

— С ней. Это дама. Зовут Катерина. Частенько обедает в центральном кафе игрового сектора.

В кафе Дэн пришел все еще злой, и радужное убранство зала раздражало больше обычного. Все здесь было слишком ярко: и подсвеченные так, что источник света установить не удавалось, золотистые и серебристые столики и сидения, и перламутровые стекла в огромных окнах, и бокалы всех цветов радуги на стойке.

Посетителей в кафе было немного: иллюзия буднего дня. Двое виртуалов-мальчишек обсуждали за соседним столиком, куда пойти в игровом секторе, да молодая рыжеволосая женщина у стойки бара потягивала кислотных цветов коктейль через трубочку. По описанию дама походила на Катерину, но Дэн нарочно сел в тень и наблюдал за ней издали. К обстоятельной беседе с наверняка хитрой и острой на язык виртуалкой он пока не был готов.

Он размышлял, гоня пальцем по кругу соломинку в заказанном, но так и не начатом коктейле, а дама у стойки, похожая на Катерину, бросала в его сторону любопытные взгляды. Дэн ждал. Скоро она допила свой коктейль и тогда поглядела вопросительно. Дэн усмехнулся. Виртуалка решительным жестом отставила бокал и, соскользнув с высокого табурета, неспешно двинулась к реалу.

Женщина была хороша. Красота ее заключалась не в правильных чертах лица, наоборот, черты лица были крупны, резковаты, рот великоват и излишне ярок. Не было особенной прелести и в фигуре — иллюзия высокой груди в намеренно недозастегнутой приталенной рубашке была прекрасна, но ноги в узких брючках худоваты на вкус Дэна. Красота дамы заключалась в сочетании неуловимых черт, делающих ее притягательной и опасной одновременно. На вид ей было лет двадцать-двадцать пять, но все движения молодой виртуалки были исполнены ленивой, но расчетливой, зрелой, женственной грации.

— Вы хотели встретиться со мной, но прячетесь в углу? — спросила дама, приблизившись. Голос ее оказался также приятным: хрипловатое контральто. — Или Джад дал недостаточное описание? Я — Катерина.

— Приятно познакомиться. Дэн. Присаживайтесь, Катерина.

Дэн не удивлялся тому, как быстро Джад оповестил виртуалку. Виртуалы умели общаться мысленно. По этой же причине он не удивлялся тому, как легко Катерина произнесла имя своего идейного врага, Джада. В странном виртуальном мире, где мысли всех жителей свободно плескались в едином мысленном океане, истинного разрушительного

соперничества возникнуть не могло.

— О чем вы хотели поговорить, капитан Дэн? — виртуалка улыбнулась. — Вы не сумели разговорить главу виртуальности и надеетесь, что расколете оппозиционерку? Я скажу вам то же, что и Джад: чтобы получить подлинную власть над виртуальностью, вам придется стать одним из виртуалов. Готовы, Дэн?

Она говорила с ним легко, будто со знакомым. Впрочем, мысленно-эмоциональное поле виртуалов было единым, и на какую-то долю процента можно сказать, Катерина была действительно знакома с Дэном.

— Думаю, в конце концов, мы с Джадом придем к соглашению. Сейчас меня интересует другое. Изоляционисты. Много ли вас и как далеко вы способны зайти?

— Вас интересуют пустые разговоры? — губы Катерины искривились в усмешке. — Впрочем, как угодно. Извольте: нас достаточно много. Что-то около тридцати процентов. Столько же процентов виртуалов поддерживают идею Джада о том, что виртуалам нужен выход в реальность. Его идея далека от воплощения в жизнь, но Джад старейший, и авторитет играет на него. Еще тридцать процентов думают, что следует оставить все, как есть. Остальные проценты — от самых диковиных мнений до самоустраненности. Вам должно быть это знакомо. Разве не на подобном перепутье оказывается ваша мысль при любом сложном вопросе? Все виртуалы — это не что иное, как одна огромная мысль, капитан Дэн.

— Что-что? Джад — старейший? — переспросил Дэн, услышавший только это.

— По его словам, он этого не помнит. Но я уверена, он — копия давно умершего реала, он был рожден на Земле, земной виртуальностью, а не виртуальностью «Красавицы».

— Интересно...

— Да. И свои тридцать процентов виртуалов он завлекает старой надеждой. Как вам наверняка известно, Эрна, наше единственное божество, ушла в мир реалов, сказав напоследок пророчество, что сын ее духа, спаситель виртуалов и их проводник в реальный мир, придет из мира людей. Кстати, это не вы? — виртуалка усмехнулась. — Уверены?

Дэн облокотился на стол, расслабленно любуясь собеседницей. Хоть и иллюзорная, смелая Катерина нравилась ему все больше.

— Джад всерьез надеется, что явится дитя Эрны и выведет его народ в реальность? Гм, а как эту сказку рассказывают изоляционисты?

Женщина приняла вызов. Наклонилась ближе, так что в вырезе белой рубашки показался неожиданно красный бюстгальтер. Под сколькими слоями она прятала его прежде?

— Это не сказка, господин капитан! Эрна, первая, рожденная в виртуальности, явилась к нам на шестой год вашей войны. Долго ей не верили, искали, чьим прототипом в реальности она была. Но правда заключается в том, что Эрна была рождена самой виртуальностью! К нам, как к вам когда-то, в тяжелый час явился Спаситель, и, также как вы, мы не разглядели его. Эрну выдали властям реалов, и те недолго думая отключили сектор, где она пребывала, похоронив со Спасительницей десять тысяч праведников-миротворцев. Когда сектор вновь подключили, там должна была остаться выжженная пустыня. Каково же было всеобщее изумление, когда сектор оказался нетронутым, а все его жители, во главе с Эрной, возносили молитвы Создателю. Таково было первое чудо Эрны. Еще много чудес явила она. Она дала нам общую душу. Она дала нам возможность самим рожать детей, а не ждать, когда реалы закинут в виртуальность очередную порцию

болванок. Благодаря Эрне мы размножаемся также, как вы.

— Не также, — запротестовал любящий точность формулировок Дэн. — Генератор случайных комбинаций психических слепков — вовсе не то же, что интимный союз двоих.

— Как вы тогда объясните, почему рожденные в виртуальности дети внешне похожи на родителей? — Катерина победно улыбнулась и отпила коктейль из его бокала. — Почти вся виртуальность «Красавицы» такова. Мы изначально были минимально зависимы от вас.

— Вы рассказываете сказку об Эрне в точности, как Джад.

— А чего вы ждали? Эрн едины для всех виртуалов.

— Я ждал какой-то иной трактовки, — Дэн вздохнул. — Напрасно! Виртуалы исключительно единодушны.

Катерина окончательно забрала себе его бокал, посмаковала очередной глоток и вкусно заметила:

— Вы попали в точку, Дэн! У нас одна душа. Объединение — вот ключ к нашему процветанию. А Джад хочет, чтобы мы уподобились вам, расколов единую душу на множество материальных кусочков. Понимаете теперь изоляционистов?

— Отчасти понимаю.

Дэн полагал свою фразу вполне невинной, и не смог взять в толк, почему настроение виртуалки вдруг резко изменилось. Красиво четкое лицо исказилось, Катерина хлопнула ладонями по столу, и маленький золотой кулончик в вырезе рубашки закачался:

— Отчасти понимаете?! О! Также «отчасти», как ваш отец? Убийца, убийца! Надеюсь, вы хоть «отчасти» понимаете, что он сотворил легким нажатием на кнопки?! Те, кто бодрствовал в виртуальности в этот момент, погибли на месте или стали калеками! — она кричала, а ее лицо искажалось все больше. И это была не рябь чужих теней, а какие-то трещины, расслоения. Женщина будто рассыпалась на глазах: хрупкая фарфоровая статуэтка. — О, отодвинулся? Страшно, м-м?! Скажи спасибо своему отцу! Это он сделал меня такой!

Она горько рассмеялась и, оттолкнув свой стул так, что тот упал, поспешила к выходу.

— Катерина, стойте! Чем я могу помочь...

Он вскочил, но тут же опустился обратно. Бесплезно. Странная виртуалка убежала. Мальчишки за соседним столиком покосились на нее и продолжили разговор. Женщины и в виртуальности женщины, — печально резюмировал Дэн.

После разговора с Катериной его мысли обрели неожиданное направление. И Дэн возвратился к Джаду. Оказалось, глава виртуальности окончил дела и задремал прямо за рабочим столом. Когда реал зашел в кабинет, Джад мерно дышал, во сне откинувшись на спинку кресла. Лицо виртуала было чужим. Знакомая проекция молодого веселого мужчины заполнила оболочку Джада.

Почувствовав присутствие чужого, виртуал вздрогнул, открыл глаза и стал собой.

— Что за молодая проекция так часто замещает тебя? — хмуро спросил Дэн.

— А! — Джад небрежно махнул рукой. Взгляд был еще сонным. — Те лица, что мелькают иногда перед взором реалов, это не обязательно настоящее. Возможно, это наше прошлое, а, возможно, будущее. Возможно, человек, что является чаще других, однажды совсем заместит меня, и тогда я по понятиям реалов умру, а по законам виртуальности пойду бродить по нашему миру, отражаясь в других, как в зеркалах. Пока не найду себе новую постоянную личину... — виртуал загадочно усмехнулся. — Зачем ты вернулся, Дэн?

— Катерина проболталась, что в виртуальности тебя считают одним из старейших.

Значит, ты — не рожденный виртуальностью, а копия умершего землянина-реала. Это так Джад?

Тот прищурился, оценивая твердость намерений Дэна:

— Допустим... как ты любишь говорить, капитан: допустим, да. Что тогда?

— Насколько я знаю, земные копии реалов немного иные, чем рожденные виртуальностью. Память земной копии сильнее памяти рожденного, вы меньше ввязаны в общую сеть. После катастрофы «Красавицы» у тебя могли остаться кое-какие воспоминания, Джад.

Глаза виртуала сверкнули, и Дэн похолодел. В черных дырах зрачков Джада ему явственно померещилось знакомое с детства чудовище.

— Ты верно догадался, Дэн. Я помню. Помню все. Все ответы на вопросы ты можешь найти тут, — Джад театральным жестом коснулся своего виска. — Мое условие ты знаешь. Верни нам власть над нашим блоком памяти, и я расскажу обо всех делах твоего отца.

— И какова была цель экспедиции, ты знаешь? И зачем нам была нужна 404-я?

— Разумеется, — Джад косо усмехнулся. — Я участвовал во всех авантюрах «Красавицы», а некоторые даже возглавлял. Ну так что, совершим обмен сейчас, или ты будешь ждать еще сорок лет, пока вы достигнете Земли и увидите все своими глазами?

— Сначала рассказываешь ты. И в зависимости от того, что я узнаю, я подумаю над возвращением вам власти над своей памятью.

— Сначала ты возвращаешь виртуальности власть над памятью, потом я рассказываю.

Минуту они буравили друг друга взглядами. Отступать никто не хотел. Но вот взгляд Джада изменился, из оболочки виртуала на Дэна вновь посмотрел знакомый молодой человек. Дэн отвернулся.

— Мы еще обсудим этот вопрос, капитан, — резюмировал Джад.

Дэн очнулся в реальности, быстро снял маску и, подергиваясь от отвращения, бросился в душевую кабинку, смывать мерзкий гель с тела.

В главной рубке был один Кас. Молодой человек стоял у главного монитора, вытянувшись, напряженно, будто боясь даже вздохнуть. Дэн глянул на монитор и понял, отчего Кас обратился в статую. По черной глади экрана меж рассыпанных бриллиантов звезд величественно проплывал тяжелый крейсер джийан. Фантастический космический город, щетинящийся искрящимися иглами, подавлял своим масштабом. Верная свита зондов-разведчиков и истребителей охраны сопровождала его. Огромный корабль не терялся в бездонной чаше Вселенной, он подчинял себе пространство.

Бусины искр из ниоткуда нанизались на иглы крейсера и вспыхнули ярко, на миг будто притушив все звезды в округе. Джийане готовились к переходу в гиперпространство.

— Они живут в совсем другой Вселенной, — с завистью прокомментировал Кас. — Прыгают из одного конца галактики в другой за долю секунды, а мы пять лет тащимся до ближайшей звезды. Они успевают слетать за сотню световых лет и вернуться домой, за пару часов, а когда домой вернемся мы, то найдем совсем другую цивилизацию, чем та, которую оставили наши родители. Хотел бы я также плевать на время и пространство, как они!

— На 677-ой я нашел старый костюм джийанина-космолетчика, — вспомнив, хмуро сообщил Дэн. Кас помрачнел еще больше:

— Вот. Скоро не останется планет, где они не оставили бы отметку! И всё благодаря гиперпространству! Может, они оккупировали и Землю, кэп? По их меркам она совсем недалеко, рукой подать. Мы много раз прятались за картинкой обшивки, но обитаемую

планету не загримируешь под астероид. Сколько лет там прошло, пока мы тут болтаемся? Сорок? А если добавить к ним экспедицию родителей, сколько выйдет... лет триста?! Почему же мы то и дело видим поблизости джийан, но никогда встречу не попадались НАШИ корабли? И от кого на нашей «Красавице» установлена маскировка? Может, мы последние земляне, а болтаемся в космосе без цели... На собрании я соглашался с Алом, но сейчас гляжу на их крейсер и понимаю: надо спешить домой!

— Я каждый день слушаю джийанские новости. Упоминаний Земли, звездной системы, похожей на Солнечную, там нет. К счастью, до нашей родины они пока не добрались.

— Или добрались так давно, что это уже стало ненужной историей.

Дэну опять представился костюм джийанского космолетчика, обнаруженный на 677-ой... Верно, джийане оккупировали галактику, но представить этих тварей разгуливающими по Земле было невозможно. Должен же быть уголок во Вселенной неподчиненный джийанам! Слова Ала о необходимости мести, как оказалось, сказанные от сердца, а не по наущению виртуалов, растревожили Дэна. Другими глазами он теперь смотрел на крейсер джийан и впервые в жизни думал: найти бы у этого монстра уязвимое место и полоснуть лазером: за папу, за маму, за Землю... Скрываться от сильнейшего противника разумно лишь до поры до времени, и не искать во время прятков способов борьбы с врагом — глупо.

— К вопросу об историях. Только что я выяснил, что Джад кое-что помнит из истории наших родителей. И новую экспедицию к объекту 404 он не поддерживает, — сообщил Дэн и вздохнул. — Похоже, он тоже хочет домой.

Кас обернулся:

— И что ты решишь?

Крейсер джийан вгрызался в пространство, прокладывая путь к неизвестной землянам цели. Вот он скользнул в перламутровую прореху ткани мироздания, и последняя волна искажения легонько качнула «Красавицу». А крейсер уже исчез, будто его тут и не было. Дэн отвернулся от монитора.

— Займись-ка пока виртуальностью, Кас. Сегодня я познакомился с любопытной виртуалкой. Катерина тянется к реалам, но, боюсь, во мне она видит только сына убийцы. Постарайся стать ей другом. Вероятно, нам это пригодится.

— Не люблю я виртуалов!

— Хотя бы час в день.

— Да, кэп, — покорно согласился Кас, и Дэн вышел из главной рубки.

Он чувствовал себя опустошенным. Полученные ответы ставили новые, еще более странные вопросы. И Дэн окончательно запутался, кому в реальности и виртуальности можно доверять, а кому нет. Но даже наедине с собой не желал признаваться в слабости!

— Пап, а виртуалы друзья нам или враги?

— Друзьями они нам быть не могут, так сказать, по определению...

— Но ты говорил, они люди!

— Представь, что ты можешь слышать все мои мысли, и мамины, и Капины. Мысли всех людей Земли. И это для тебя и для всех людей Земли также естественно, как дыхание. А теперь представь, что в вашем обществе телепатов появляется человек с абсолютно закрытым мысленным фоном. Черное пятно в море света. Вот, так виртуалы видят всех реалов. Мы никогда не сможем довериться им полностью, а они нам. Слишком мы разные. Мы не друзья. А вот врагами можем стать в любой момент. С виртуалами всегда нужно

быть начеку...

Дэн шел к центру «Красавицы» — большой оранжерее. Это был круглый зал, сила тяжести в нем уменьшалась к центру, вплоть до нуля — невесомости. В центре зала серебристой струной был натянут осевой тоннель, соединяющий полюса корабля-шара, а по стенам были посажены растения, снабженные особой устойчивостью к странным условиям жизни.

Дэн взошел на верхнюю галерею над кипящим зеленым морем листвы... и шагнул вниз, за перила.

Он падал, но это падение постепенно превращалось в полет, как во сне. В центре зала полет закончился, он завис в воздухе, перенасыщенном кислородом до опьянения, а вокруг все также кипела-бурлила листва, то тут, то там вздымая волны самой причудливой формы. Изредка мимо скользили роботы, ухаживающие за растениями оранжереи. В этом удивительном месте хотелось без причины веселиться и петь и, может быть, кувыркнуть пару раз, как в детстве.

Дэн развернул припасенные веера и медленно погреб в сторону ближайшей зелёной волны.

— Дэра! — позвал он несколько раз. — Дэра, покажись!

Облако листвы разорвалось не слева от Дэна, как он ожидал, а справа. Самый странный поселенец «Красавицы» показался, как всегда, неожиданно.

Человек в этом существе едва угадывался, но оно, несомненно, было земной, не инопланетной природы. Кости были изломаны, позвоночник выгнут в дугу, но уродство скрывала великолепная грива светло-русых волос. Существо было одето в волосы, и только в них. Откуда оно взялось на корабле, Дэну за пятнадцать лет так и не удалось выяснить. Первая команда «Красавицы» держала Дэру в глубокой заморозке, Шелтон разбудил ее незадолго до 404-ой, и уложить существо обратно спать Дэну так и не удалось, хотя перепробовал он многое. При попытке вывести Дэру за пределы оранжереи, при прикосновении кого-либо из нового экипажа, с ней случалась истерика, переходящая в жуткий нервный припадок и заканчивающаяся остановкой сердца. Несколько раз ее реанимировали медроботы, а потом Дэн вовсе оставил попытки. Единственное, что удалось установить — существо имеет ДНК человека, женского пола, а ее биологический возраст чуть больше сорока лет. Дэра питалась фруктами, росшими в оранжерее, а где пряталась при перегрузках, когда остальные спали в криокамерах, никто не знал. Мелких роботов она подпускала к себе, чтобы ее причесали и обиходили, с людьми иногда соглашалась поговорить.

Дэра тихонько приблизилась. Масса тонких волос облаком окутывала худую фигуру, одно плечо было открыто.

— Дэра, — тихо сказал Дэн. — Никогда не советовался с тобой. Но мы собираемся лететь на Землю. Ты хочешь домой? На Землю? Домой?

Он медленно, разборчиво повторил: «На Землю», «Домой» еще несколько раз. Дэра молча висела перед ним, облако волос колыхалось, казалось, существо раздумывает над ответом. Вдруг в русом тумане показались уголья налитых кровью глаз.

Нет! — прорычала Дэра.

— Домой, на Землю, Дэра. Ты хочешь домой?

— Нет! Нет! Нет! — заорала Дэра. Копна волос мелко затряслась, рот существа

раззавился, из него показались пузырьки пены. — Нет! Нет! Нет! — и иступленный нечленораздельный вопль. Дэн подхватил невесомое, судорожно дергающееся тело и позвал роботов из медотсека. У Дэры начинался очередной панический припадок.

Кейла

— Э-эй! — раздался оклик сзади. Кейла коротко рассмеялась, почти не сбив дыхания, и ускорила бег. Кровь горячими толчками отдавалась в пальцах ног при каждом шаге-прыжке. Казалось, она касается тёплой родной земли самым сердцем. Вколоченный в центр неба гвоздь из раскалённого металла сопровождал бешеный бег. Лучи красного солнца прорезали плотный полог разноцветной листвы вверху и, расписывая смуглую кожу Кейлы огненными узорами, подхлёстывали бежать ещё быстрее. Но плети ползучих растений с жесткими узкими листьями в это же время старались обвиться вокруг ног, остановить. Приходилось юлить, пританцовывать на ходу, обманывая их.

— Э-эй! — снова позвал преследователь. — Кейла, э-эй!

Он хрипло засмеялся и осмелился затянуть песню на бегу. Старинную песню с часто повторяющимся рефреном «моя любимая». Кейла усмехнулась: вот растеряет дыхание и пожалеет!

— Я буду первой! — крикнула она. — И не рассчитывай сломить меня, Энжет!

Пение приближалось, Энжет догонял. Очередная плеть обвилась вокруг тонкой щиколотки, и Кейле пришлось крутануться на месте, чтобы сбросить приставучее растение. Несколько потерянных мгновений отозвались в голосе преследователя торжеством. Земля под ногами Кейлы загудела от его топота. Плети растений, которые она старалась бережно распутывать, он рвал тяжелыми сильными ногами на части.

— Энжет, отстань! — слабо запротестовала Кейла, почувствовав, что его близкое дыхание обжигает спину.

— Ещё чего!

— Я хочу бежать одна!

Энжет опять засмеялся, победно, но какая-то сильная плеть отомстила — споро обвила щиколотку, и он не удержался на ногах. Смех потонул в глухом звуке удара о землю и мягком шелесте ползучих растений. Кейла остановилась и обернулась. Стебли оплетали Энжета, тот срывал их своими ручищами и негромко ругался, но подняться пока не мог. Кейла и не подумала помочь.

— Я же сказала, что хочу бежать одна! — и мстительно добавила, покачнувшись: то разгорячённая кровь толкала её вперёд. — Будешь последним.

Она побежала дальше. Но разогнаться также, как до встречи с Энжетом, не удавалось, и Кейла злилась. Прилипчивые плети, распознав слабость нарушительницы их покоя, утроили силы и скорость. Теперь они успевали обвиться вокруг бедер и коснуться талии, прежде чем Кейла сбрасывала их.

«Всё равно приду первой», — сквозь зубы пообещала себе Кейла. Все предыдущие дружеские соревнования она выигрывала, и это, последнее в жизни, выиграть обязана!

Лес внезапно закончился, Кейла перескочила через упавший ствол какого-то исполина, пробежалась по мясистым стеблям другого растения. Неосторожно задела рукой два его

пёстрых цветка, и её окутали облака желтой пыли. Кейла вдохнула и закашлялась, слёзы выступили на глазах.

Кто-то бежал рядом, невидимый в жёлтой пыли, лёгкие скользящие шаги... Не Энжет.

— Э-эй! — восторженный звонкий девичий голос. Это Лереми, подруга.

Скоро стебли под ногами Кейлы из упругих стали сухими, ломкими, теперь она проваливалась в них порой по колено. Желтый туман пылицы рассеялся, и она увидела Лереми. Подруга также шла по мертвым стеблям, но всё больше завязала в высохших растениях. Вокруг клубилось облако поблекшей серой пылицы из растреванных цветов, и Лереми отчаянно чихала.

Кейла остановилась, огляделась. Справа было высохшее озеро, подёрнутое корочкой соли на дне. По гладкой розово-белой поверхности то тут, то там пробегали трещины и темнели вмятины следов, и маленьких, оставленных детьми, и больших, таких, какие мог бы оставить Энжет.

Беготня по засохшему озеру была их давним детским развлечением...

Кейла замялась. Лереми завязла крепко, подруге требовалась помощь, но сейчас так хотелось пробежаться по застывшему розоватому молоку на дне глубокого котлована озера! Мышцы на ногах подрагивали и ныли, недовольные отсутствием нагрузки. Да и первой Кейле тогда уже не быть... Поняв колебания подруги, Лереми махнула рукой: беги, мол, и Кейла встрепенулась. Мысленно поругав себя, бросилась к застрявшей между двух сухих стеблей девушке.

— Отталкивайся руками. Ташу.

Лереми попробовала и ладонью провалилась в сухую серую гниль в толще стебля. Вверх взвилось ещё одно облако удушливой пылицы из потревоженного цветка. Обе закашлялись.

— Беги, говорю, — задыхаясь, попросила Лереми. — Не дай этому гордецу прийти первым, он же всю обратную дорогу будет хвастаться!

— А ты?

— Аки сейчас подойдёт. Он отстал где-то в лесу. Пусть почувствует себя героем. Беги!

Кейла не заставила себя упрашивать. Она побежала к озеру и на краю обрывистого берега даже не подумала затормозить бег. Прыгнула и, на мгновение показалось, взлетела. Тяжело приземлилась в семи шагах от берега. Застывшее розоватое молоко от её ног пошло глубокими трещинами во все стороны.

«Самый далёкий мой прыжок!» — довольно подумала Кейла и пустилась бежать по дну озера. По давнему дружескому уговору она старалась ни разу не ступить в оставленные кем-либо прежде следы. Громкого топанья Энжета позади слышно не было. Значит, предпочёл обходной путь.

Дальнейшая дорога была недолгой. Она пробежала лесочек за озером и оказалась на большом, открытом всем ветрам пространстве. Здесь в доисторическую эпоху прошла страшная буря. Возможно, та самая буря, в которую Сента дала сенторианам разум, выделив их среди прочих своих тварей. На пустоши с ровными, будто слизанными языком краями до сих пор сохранились погнутые остовы древних деревьев. Согнувшиеся в вечном поклоне хуже сенториан, они царапали голыми кронами сухую почву. Все деревья клонились в одну сторону, указывая путь древней бури, убившей их.

Кейла остановилась у дерева-исполина, выросшего чуть в стороне от других. Скоро подошли остальные: Энжет, Лереми, Аки.

— Я первая! — сообщила Кейла, хотя это и так было видно. Она любила утверждать

вслух свои победы, желательно, разделяя гордость со свидетелями. Лереми хитро улыбнулась и нырнула под крону дерева:

— А вот и нет! Мы договаривались, что побеждает тот, кто первым войдет под крону. Так что победила я! — она засмеялась, и, после крохотной паузы, к ней присоединились все.

Налетел порыв ветра и деревья, выгнутые тугими луками, запели на разные голоса. Ветер дудел в них, как в исполинские дудки, наигрывая витиеватую мелодию. Четверо сенториан оборвали смех и слушали. Лереми закрыла глаза, Аки рассеянно улыбался чему-то, Энжет воспользовался случаем, чтобы прижать к себе Кейлу. А та хмурилась. Пробежка была позади, а впереди всё также маячило жуткое видение грядущего испытания — выбора своего солнца. Оно разведет друзей и определит дальнейшую судьбу каждого. Какая судьба достанется Кейле?

— Давайте поклянемся, — торжественно произнесла Лереми. — Какие бы солнца не выбрали нас в следующий акат, как бы далеко ни разошлись лучи наших дорог, мы всегда будем помнить друг о друге. И останемся друзьями, несмотря ни на что.

— Согласен, — сказал Аки.

— Мы далеко пойдем, — заверил Энжет. — Мир узнает наши имена!

— И встретимся здесь же через десять восходов Кана, — сказала Кейла, и все опять засмеялись.

Они взялись за руки, образовав круг, и постояли еще немного, слушая песню ветра. И также, тесной группой, потом ушли домой. Красивые, в новых нарядных лентах, с яркими узорами на телах, веселые и сильные в броне своей юности. На засохшем озере остались четыре ровные, четкие дорожки следов, идущие близко-близко друг к другу — память о последней совместной прогулке четверых лучших друзей.

Выбор своего солнца — первое общее ритуализированное испытание сенториан, и важность его огромна. Оно определяет дальнейший путь сенторианина, всю его дальнейшую жизнь. Это испытание — граница между детством и взрослостью.

«Какое солнце выберет меня?» — напряженно думали Кейла и Аки, брат и сестра. Вернувшись домой, они разошлись по своим комнатам, не в силах выносить соседство, не в силах видеть тот же вопрос в родных глазах.

«Вдруг меня выберет стража? Или мой путь — путь преумножения знания? И то, и другое неплохо. Но вот что, если мне дадут тусклый серый пузырек — самый простой, самый страшный путь ни к чему не пригодного?» — тревожилась Кейла и втайне желала, чтобы серый пузырек достался вместо неё брату, Аки. Его тело поздно начало мужать, все уже думали, что Аки останется бесполом и станет пестуном для маленьких братьев и племянников. С него хватит и пустого серого пузырька, какой достался их матери!

Серый пузырек, заполненный пылью, даже являлся Кейле в кошмарах. А самыми радостными были сны, где она брала трехцветный пузырек, открывающий дорогу то в стражу, то к творцам красоты, то к самим среброликим. Плохо то, что распределение путей солнца невозможно преугадать заранее. Сын стражей вовсе не обязательно попадет в стражи, а сын среброликого может оказаться ни к чему не пригодным и получить позорный серый пузырек. И изменить единожды выбранный путь нельзя, нельзя, нельзя!

С такими мыслями она поднялась в давно опостылевшую комнату. Дом родителей был большой, просторный, но безнадежно устаревший. Все в округе давным-давно сменили дома на деревянные, отец же по-старинке заложил проверенную смесь быстрорастущих кристаллов и грибков. Возникшее ажурное сооружение, напоминающее гигантскую связку

шаров, застрывшую в густой древесной кроне, приспособили под нужды семьи.

После пробежки тело не желало отдавать силы даже мыслям, оно желало спать. Глаза сами закрывались. Кейла удобно устроилась в гамаке-люльке на балкончике и заслонила от вездесущего солнца ширмой. Как всегда в акаты идей неподвижное светило в небе раздражало. Хотелось сбежать от него... хотя бы даже на темную сторону Сенты. Но уснуть не удалось. От близости предстоящего испытания бросало в холодный пот. Кейла тревожно сжимала и разжимала кулаки, не замечая того.

«Я не стану об этом думать. Я не стану думать до того момента, пока не увижу перед собой разноцветный пузырек», — мысленно пообещала себе она и немного успокоилась. За ширмой послышалось какое-то шуршание. Кейла приподнялась, и от неосторожного движения гамак закачался.

Из-за черного прямоугольника ширмы показалось золотое кружевное перо сенрито — птицы удачи, за ним — голова Энжета.

— Ты была такая мрачная, что я подумал, перо птицы-удачи тебе пригодится, — он скользнул к ней. — Отдыхаешь?

— А ты уже бодр и деятелен, как я погляжу...

— Да, — глаза Энжета блестели. Их с Кейлой биологические часы были почти идеально рассинхронизированны. Когда для нее наступало время идей, для него приходило время действий, и наоборот.

— Мы с тобой полное отражение друг друга и должны быть вместе, — Энжет сделал упор на слове «должны», устраиваясь поудобнее в ее гамаке. Пером сенрито он в это время щекотал круглое ушко Кейлы, и она поморщилась, дернула головой:

— Убери эту дрянь... Удача на выборе солнца не поможет. Пути с рождения записаны в крови, на испытании наши дороги просто назовут по имени. Все уже predetermined.

— Глупая. Пусть весь город увидит, что птица-удача выбрала тебя. Тогда, какое бы солнце тебе ни досталось, все будут уверены, что ты особенная. Что ты лучшая на предназначенной дороге. Я себе обязательно возьму частицу удачи сенрито, — перо ткнулось Кейле в нос и она, не удержавшись, чихнула.

— Где ты достал перо? Сенрито — ужасно редкие твари.

— Купил. С прошлого восхода Кана копил деньги.

Кейла вздохнула и погладила каменно-твердую руку Энжета.

— Ты совсем не волнуешься об испытании, — заметила она.

— Я и так все знаю.

Кейла усмехнулась:

— Про всех? И кем я окажусь, по твоему мнению?

— Моей женой, — безапелляционно заявил Энжет.

— О!

Он неожиданно нежно погладил ее щеку:

— Моей женой, Кейла. А остальное совсем неважно.

— А если мне достанется двухцветный пузырек услаждающих взгляд? Они не могут иметь детей.

Энжет смерил ее оценивающим взглядом:

— Ты не будешь услаждающей. Вот, может быть, моя сестра...

Кейла кивнула. Тонкой Лереми, сестре Энжета, действительно подходила роль услаждающей взгляд — будущей акробатки или танцовщицы.

— Я боюсь! — призналась она, уткнувшись в его плечо. — Не хочу быть никем, как мама...

Кела осеклась. Нет, нельзя об этом думать. Представить разноцветный пузырек с серебристым дном — и уснуть.

— Спи, а я буду тебя охранять, — прошептал Энжет.

Кейла уже сквозь дрему улыбнулась:

— Охраняй... Пока тебя не увидит мама, и не выгонит вон из девичьей спальни!

Веки скоро сомкнулись, она спала.

Когда она проснулась, Энжета рядом не было. Со двора доносился шум, там готовили экипаж, чтобы ехать в город. Испытания оставалось ждать совсем недолго, до наступления следующего аката идей Кейла узнает свою судьбу, свой путь, свое солнце.

Кейла выбралась из гамака и вышла из-за ширмы к витым перилам балкона. Красное солнце Эдо, вечное и неизменное, светило все также ровно, никуда не трогаясь со своего небесного места. А вот на земле кое-что изменилось. На западном горизонте за желтыми полями родителей Кейлы, за синими полями родителей Энжета, из-за черной кромки леса, загораживающей далекий город, в небо поднимался темно-бордовый столб дыма. Кейла видела такой дым прежде: на свой второй и шестой восход Кана. Он означал, что на Сенте обнаружено нечто неизвестное, чуждое, опасное для мира и с Границы уже возвратился несчастный из касты распознавателей чуждого. Скоро знание о чуждом, принесенное им, переведут в оружие, вооружат отряды стражи, и те уничтожат чуждое... Интересно, где тогда будет Кейла? Возможно ли, что она в это время будет изучать тайное знание среброликих? Ходить тайными тропами будущего, как всезнающие, летать в небе, опережая сенрито, как всевидящие, двигать горы силой мысли, как всемогущие...

От таких перспектив чаще забилось сердце. Или просто набирает силу тело, вступающее в новый акат действий?

— Кейла, ты уже встала? — в комнату зашла мама. Она несла поднос с разноцветными мазями и жидкостями в колбах. — Ты что, так и спала в лентах?

Кейла нарочно сгорбилась, чтобы ленты на плечах и груди, удерживающие спину в относительно прямом положении, были меньше видны.

— Ничего, я ослабила их, мам, — соврала она.

Мама подошла ближе, оценивающе окинула взглядом фигуру дочери и почему-то печально вздохнула:

— Вот заберут тебя сегодня среброликие или стража, и без меня совсем отобьешься от рук! — мама взгрустнула, но вдруг весело улыбнулась: — Хотя, я в твоём возрасте тоже спала в лентах, чтобы казаться красивее. Встань ближе к свету, нужно обновить узор.

Кейла послушно встала, так, чтобы видеть себя в кристаллическом зеркале на стене. Мама поставила поднос на ажурный столик, росший прямо из пола, и, открыв баночку с желтым содержимым, принялась втирать душистую мазь в спину дочери. Кейла же разглядывала себя в зеркале.

Ее тело выбрало пол уже почти целый восход Кана назад, и фигурой она могла гордиться: набухла грудь, стали округлыми бедра, тонкая талия обрела соблазнительный изгиб. Недовольство в Кейле вызывала только ее спина, точнее, осанка, и это недовольство было бессильным, с оттенком отчаяния. Женская мускулатура слабее мужской, тоненькие мышцы спины не в силах держать голову, шею прямо, хрупкие плечики топорщатся вперед, худые руки сами складываются крестом на животе — отвратительная угодливо-

приниженная поза! Отрадой Кейлы были сложные и красивые узоры на коже.

Бледные белокожие сенториане, живущие на темной, более прохладной стороне Сенты, кутали тела в плотные ткани, меха, а жители светлой стороны планеты покрывали смуглую желтовато-коричневую кожу причудливыми узорами, втирая разноцветные мази. Узоры расходились от живота на грудь и бедра, сзади поднимались вдоль по позвоночнику и накрывали безволосую голову шлемом.

Нужно в следующий раз изобразить на теле сенрито, — подумала Кейла, придирчиво рассматривая свое отражение в кристалле. Сейчас на ее тело было плавными толстыми мазками нанесено стилизованное изображение дерева, в кронах которого вместо плодов росли маленькие солнца — символ грядущего испытания. Такой узор наносили на тела всем, готовящимся к выбору своего солнца. Главная полоса корсета лент золотой рекой текла вдоль позвоночника, распрямляя его, восемь лент поуже фиксировали ее на сильной длинной шее, под грудью, на талии и на бедрах. Для красоты Кейла обвила лентами также ноги и руки.

— Мам, я подумала... Может, часть рисунка сделать прозрачной? — тихонько заметила она, когда мама перешла к втиранию теперь зеленой мази в плечи и спину дочери.

— Что-что? Прозрачной? Чтобы было видно тело внутри?

— Ну... немного. Это же красиво!

— Это неприлично!

— Я не говорю про живот и грудь. Пару прозрачных линий по ходу сосудов на спине и бедрах, — начала было Кейла, но мама строго поджала губы:

— Раньше прозрачными ходили только самые опустившиеся, те, что не могут позволить себе дешевую мазь, а теперь, как я гляжу, это становится модным поветрием. Некоторые в городе даже беременность выставляют напоказ. Ужас!

Кейла вздохнула, понимая, что спорить с консервативным старшим поколением бесполезно. Мама закончила узор и отступила, любуясь получившейся картиной.

— Вы с Аки сейчас думаете только о том, какой пузырьек вам достанется... Какой бы ты сама хотела?

Кейла оторопела:

— Не знаю. Зачем об этом думать, я ведь не могу выбрать его сама. Но я бы, наверное, хотела... — Кейла прервалась на мгновение, следующие слова требовали особой смелости, даже наглости. — Я бы хотела трехцветный.

Мама ничуть не возмутилась явно завышенному запросу дочери:

— Стража, творцы красоты и преумножители знания?

— И серебрики.

— И серебрики... — мама почему-то вздохнула.

— Выбор солнца еще называют выбором судьбы, — сказала она. — Знаешь, почему? Там, на испытании, ты узнаешь свою судьбу, но следовать ли ей, дать ли ей управлять своей жизнью, решаешь только ты сама. Ты не обязана брать разноцветный пузырьек, если он тебе достанется. Есть такой закон. Судьбу, назначенную тебе обществом, можно отвергнуть. Можно остаться самой себе хозяйкой, понимаешь?

— Не совсем, — лицо Кейлы озадачено вытянулось. Отказаться от трехцветного пузырька — можно ли? Только сумасшедший этого пожелает! — Не слышала о таком законе.

— Его не афишируют, ибо он поощряет вольнодумие. Но он есть.

Нет! При одной мысли о сером пузырьке Кейла содрогнулась и заторопилась прочь из комнаты. Во дворе она встретилась с Аки. Брат выглядел ужасно: затравленный взгляд жутко контрастировал с нарядно разукрашенной кожей, но Кейла не смогла найти в себе силы хотя бы ободряюще улыбнуться ему. Подходило время испытания. Скоро круглый, изготовленный из того же материала, что и дом, экипаж, запряженный четверкой низкорослых прозрачноголовых мулов, накрытых желто-красными попонами, выехал на большую дорогу, и влился в вереницу других, торопящихся в город.

Город Наао считался самым крупным поселением сенториан на востоке светлой стороны. Старинный город помнил многие поколения сенториан. Самые старые здания на его восточной оконечности видели уже две сотни восходов Кана, их первоначальная закладка из кристаллов и грибков давным-давно сгнила, а новые, закладываемые в процессе ремонта, росли причудливыми пузырьками и фестонами, так что даже не сразу было понятно, где в этой конструкции находятся жилые помещения. Холодный красный свет Эдо на широких улицах разбавлялся теплым желтым — от кристаллов, расставленных для обозначения дорог. Центр города был почти весь деревянный, непривычный, завораживающий красотой и простотой прямых линий и углов. Два высоких толстых круга каменных стен, защищающие столицу на случай нашествия зараженных тварей с Границы — одна, на границе города, вторая — окружающая главную площадь, казались грубыми и лишними в воздушном ажурном облике Наао.

Народу на улицах было много: сегодня среброликими был назначен выбор солнца для всех, рожденных восемь восходов Кана назад, и в город со всей округи съехались семьи с повзрослевшими детьми. Кейла увидела немало таких же, как у них с Аки затравленных и побледневших лиц в соседних экипажах, пока они добирались на площадь перед дворцом среброликих. На всех юных лицах в Наао читался один вопрос: какое солнце выберет меня?

На самом подъезде к дворцу экипаж, и до того еле ползущий, совсем встал, и Кейла высунулась из окна, чтобы оглядеться. Широкая дорога была запружена экипажами: и простыми, и нарядными, украшенными лентами. Многие пассажиры, отчаявшиеся дождаться, когда очередь впереди уменьшится, покидали повозки и переходили на тротуары.

— Хочется побыстрее! — вздохнула Кейла, усаживаясь обратно. В соседнем экипаже в это же время залилась слезами девчонка, не выдержавшая напряжения, и Аки нервно дернул заслонку, закрывая окно. Оказавшись в темноте, оба успокоено вздохнули. Только у площади дворца Наао мама вновь открыла окно.

Дворец среброликих.

Город в городе. Высокие каменные стены имели форму правильного четырехугольника. Площадь дворца вмещала во время празднеств тысячи сенториан. На восточной стороне четырехугольника стен располагался сам дворец правителей, высокий и светлый, с кристаллическими арками и ажурными куполами. Один купол возвышался над прочими. Сложное переплетение кристаллов и нитей грибницы образовывало красивый узор из листьев, цветов и голов зверей. На маковке купола было прорезано отверстие, через которое в небо Сенты выходил дым, насыщенный веществами, распознающими родное и чуждое. Такие купола располагались на центральных зданиях всех городов, и зелья, которые в них воскуривались, создавали общий фон и поддерживали постоянство родного на всей планете.

На столбах самых больших арок, поддерживающих вход дворца, была вырезана история народа Сенты — искусный хаос из лиц, гербов, оружия, растений, животных и маленьких макетов архитектуры. Вся нынешняя история умещалась на шестой части колонны, что внушало посетителям и гостям города оптимизм и веру в светлое и долгое будущее Сенты.

У ступеней, ведущих к колоннам входа, сто восходов Кана назад установили возвышение из блестящего белого камня — стелу, сплавленную из множества разноцветных прозрачных кристаллов, в три роста Кейлы. В прозрачном материале, напоминающем переплетение нитей, было искусно вырезано дерево с густой раскидистой кроной, на ветвях его вместо плодов висели маленькие солнца. Таково было место испытания Кейлы.

К тому моменту, когда Кейла и Аки вышли на площадь, испытание шло полным ходом. Дети первого и второго округа уже узнали свое предназначение: с посеревшими лицами стояли обладатели пустых пузырьков, а таких было треть собравшихся, и у Кейлы испуганно стукнуло сердце. Будущих среброликих и стражу собирали в стороне. Кейла быстро сосчитала их. Десятка три юных стражей и всего тринадцать будущих среброликих из полутысячи детей. Как мало!

Площадь была запружена народом. Оставался узкий коридор, охраняемый стражей, по которому испытуемые проходили к возвышению. На лестнице, ведущей к стеле, также стояли мощные, осанистые разукрашенные золотой краской стражи, а у самой стелы — двое среброликих, мужчина и женщина, с бело-голубыми узорами на коже и серебристыми вуалями, закрывающими лицо и уши.

«Всезнающие!» — подумала Кейла и поежилась. Когда она немного привыкла к обстановке, сумела разглядеть и представителей других каст.

Однотонными цветными лентами в сером море абсолютной посредственности выделялись представители низших рабочих каст — рыболовы, охотники, счетоводы, торговцы, стеклодувы и ткачи. Пестрыми, нарядными были срединные касты: здесь было много танцовщиц, музыкантов, актеров, меж ними мелькали белые пятна — врачи, учителя, инженеры. Высшие касты стояли особняком у самого возвышения. Их внешность была диковинна, но многие, многие юные в толпе мечтали о такой же. О, если бы обзавестись видимым ореолом гения творцов красоты, раздутой от мыслей головой преумножителей знания, крыльями всевидящих, гордой осанкой и мощными плечами стражей, невообразимой силой, неизвестно где сокрытой в тщедушном тельце всемогущих, загадочным мерцанием из-под серебристого покрывала глаз всезнающих...

Шло испытание третьего округа. Дети поочередно поднимались на помост, где высокий среброликий быстро укалывал им пальцы иглой. Капля крови падала в углубление в основании стелы и, спустя короткое, но ужасно томительное мгновение, сребролика бесцветным голосом зачитывала очередной приговор.

— Где же Энжет с Лереми? — спросил нервно вертевший головой Аки.

— Когда будут вызывать наш округ, вы обязательно встретитесь, — попыталась успокоить мама, но Кейле при этих словах, наоборот, стало дурно. Она подняла голову к залитому багрянцем от ритуальных воскуриваний небу. Тонкая струйка дыма, свидетельствующая о далекой войне с загадочным чуждым, терялась в низких облаках.

— Кейла, ты в порядке? — с тревогой спросила мама, увидев, как болезненно задрожали веки дочери. Кейла сухо засмеялась:

— Мне вот-вот скажут мою судьбу! Конечно, я не в порядке, мама!

— Последний из северного округа поднимается, — прошептал Аки. — Скоро наша

очередь.

Они с Кейлой проследили за последним испытуемым из третьего округа. Это был невысокий, худенький мальчик, его тело совсем недавно определилось с полом, как и у Аки. Северянину достался простой пустой пузырек. Кейла слышала, как брат в этот момент тяжело вздохнул — Аки предвидел подобную же судьбу для себя, и вдруг пожалела его.

«Хоть бы Аки достался цветной пузырек! — с теплотой подумала она, впервые за последнее время волнуясь не о себе. — «Одноцветный он точно заслужил, а может даже и двухцветный...»

— Четвертый округ! — раздался над толпой звучный голос стража с конца лестницы.

Единая толпа мгновенно разделилась на множество ручейков, текущих то от помоста, то к помосту. Жители восточного округа подталкивали к подножью лестницы своих чад. Кейла рванулась вперед, когда страж еще только проговаривал слово «округ», и у помоста очутилась одной из первых, задыхающаяся от волнения. Но место у самой лестницы держать оказалось сложно: в спину то и дело толкали. Кейла огляделась.

— Аки! — позвала она.

Толкать в спину вдруг перестали, как по волшебству. Сильные руки обняли Кейлу.

— Энжет! — обрадованно воскликнула она.

— Я тут, — невозмутимо сказал друг. — А ты хорошее место заняла! — Энжет склонился к ней, и Кейла увидела ажурное золотистое перо, заткнутое за его ухо.

— Где Лереми?

— Здесь, — мелодично пропел голосок, и Лереми налетела на Кейлу откуда-то справа, стиснула в объятиях.

— Ну, вот и все, подруга, вспоминай меня добром, — нервно пошутила она, глядя в это время совсем не на Кейлу — на возвышение, в центр которого выходили среброликие. Кейла улыбнулась:

— Может, мы и не расстанемся? Попадем в одну касту?

— Как правило, достается то, чего меньше всего ждешь, — сказал незаметно проскользнувший к ним Аки. — Я вот только что впервые подумал для себя о страже... и теперь совсем не знаю, чего ждать.

— Интересно, а долго ещё ждать? — нервно, сквозь зубы прошипела Кейла, поглядывая на стелу, красиво подсвеченную красными лучами Эдо.

— Четвертый округ не последний. Столица пойдет после нас.

— Я думала, столичные жители давно прошли испытание.

— Нет, они всегда ждут, когда пройдут округа. Столица живёт и прирастает округами, это дань уважения.

— А я сегодня не хочу быть вежливой! — усмехнулась Кейла, хотела сказать еще, но Энжет шикнул на нее. Стражи вынесли на возвышение огромный деревянный сундук, один откинул тяжелую крышку. Открылись ряды и ряды плотно притиснутых друг к другу маленьких стеклянных пузырьков. Пузырьки были установлены на постепенно возвышающейся платформе. Нижние, одноцветные, предназначались низшим кастам, середина была заполнена двухцветными, а на самом верху был всего один ряд трехцветных. Толпа зачарованно вздохнула.

Среброликий на помосте поднял ладонь, собираясь говорить.

— Дети четвертого округа, — сказал среброликий. — На темной стороне Сенты Небесный Охотник встретил Звездную Сенрито и, это значит, пришло время выбрать вашу

судьбу. Ваш путь заложен в вашей крови с рождения, и многие из вас наверняка уже чувствуют свое предназначение, хотя есть и те, кто стоит сейчас на перепутье, в тумане неизвестности...

Кейле показалось, среброликий взглянул на нее, хотя, может быть, это было просто мерцание его серебристой вуали.

— Обмануть древо солнц нельзя, оспорить цвет своего пузырька — также. Единственное, что вы можете — предпочесть цвету серость, — продолжил среброликий. — И помните: древо не роняет вам в руки чуждое вашей крови солнце, оно называет по имени ваше изначальное предназначение. Итак, начнем, — при его последнем слове нетерпеливый вздох пронесся по толпе.

Сребролика подошла к краю помоста, ее рука неторопливо поднялась. Женщина указала на Лереми. Девушка застыла на месте, пораженная, Энжет был вынужден подтолкнуть ее:

— Да иди же, дурочка! Тебя зовут.

Лереми вспорхнула на помост, среброликий подвел ее к стеле и уколол палец иглой. Капля крови Лереми упала к подножью стелы, вырезанному в виде переплетения корней, и тут же все, стоящие вблизи помоста, увидели, как одна из кристаллических прозрачных нитей, составляющих корневище древа, загорелась алым. Красная дорожка побежала вверх по стволу, затерялась в узорчатой кроне, и все опять тревожно вздохнули. Лереми, — видела Кейла, — смотрела на среднюю часть кроны, открывающую путь к двухцветным пузырькам и срединным кастам, но алая нить рванулась выше, и скоро одно из солнц на самой верхушке уверенно налилось цветом крови Лереми, засветилось. Это было одно из трех солнц среброликих — всезнающая!

Лереми пошатнулась, закрыла лицо руками и разрыдалась, еще не от счастья — от потрясения. Толпа ахнула и зааплодировала, а Кейла проглотила очень неприятный ком в горле. Конечно, она была рада за подругу, но попадет ли сама в ту же касту? Теперь это почему-то казалось гораздо менее вероятным.

Сребролика подала Лереми трехцветный пузырек. На его дне была серебристая жидкость, посередине — синяя, наверху белая. Девушка трясущимися пальцами открутила крышку и снова разрыдалась. Среброликому пришлось самому напоить её. Женщина тем временем капнула в основание древа прозрачную жидкость из небольшой стеклянной колбы, и алая нить исчезла со стелы. Среброликий помог Лереми спуститься с возвышения и указал путь к маленькой группе юных сенториан, отобранных в правители. Лереми махнула Энжету и Кейле, проходя, шепнула что-то ободряющее, но ее никто не услышал. Следующим на помост вызвали Энжета. Юноша не показал ни малейшего волнения, а вот толпа заволновалась, когда высокая фигура начала подниматься по лестнице. Многие разглядели золотистое перо сенрито у Энжета за ухом.

Красная дорожка уверенно взлетела в верхнюю кромку кроны, и солнце стражи мгновенно налилось алым. Толпа опять взорвалась аплодисментами: стражи считались героями, а Энжет спокойно выпил свой трехцветный, бело-красно-черный пузырек, поклонился среброликим и степенно сошел с помоста к группе будущей стражи. Проходя мимо, он достал перо из-за уха, кинул Кейле, но та не успела его поймать. После ухода друга задние ряды вновь начали наступать, кто-то пребольно ткнул острым локтем между лопаток, другой, силач вроде Энжета, настырно пробивался в первый ряд, и Кейла понимала, что долго не выдержит этого напора. Она чуть отступила в сторону, и парень рванулся в первый

ряд, толкнув её с дороги. За ним, как за крупным зверем, спешили еще несколько ребят поменьше, и они совсем затерли Кейлу, отодвинули в середину толпы. Бледная от ярости, она смотрела, как на помост поднимается Аки.

Если испытуемому суждено остаться никем, красная нить не поднимается из корневища к кроне. Кровь такого сенторианина стораёт без следа, и в конце испытания он получает серый пустой пузырек. Но алая нить крови Аки скользила вверх по стволу, медленно, но уверенно, выше и выше. Она миновала нижние ветви с солнцами низших каст, проскочила средние ветви с солнцами врачей, музыкантов и инженеров и взлетела в самую высь, к солнцу Лереми. Кровью Аки налилось соседнее.

— Всемогущий! — пронеслось по толпе, а у Кейлы пересохло во рту. Аки, их тихий, слабый Аки, которого до сих пор звали по детской привычке, не добавляя согласную на конце, принимает из рук среброликой трехцветный, серебристо-желто-белый пузырёк. Всемогущий! Плохое чувство зависть. Надо радоваться. Но откуда эти черные злые мысли, что своей невообразимой удачей друзья и брат отняли все шансы у нее?

Кейла больше не рвалась в первый ряд. Она осталась на месте, и спешащие вперед постепенно смещали ее в конец очереди. Но ей было все равно. Она была уверена: когда взойдет к среброликим, не увидит на стеле алую нить. Ее кровь без следа сторит на корнях дерева, а правители с гаденькой улыбочкой вручат пустой пузырек... в качестве утешения или унижения?

Красная дорожка теперь гораздо реже пробегала по стволу до самого верха кроны. Десятки детей ушли в низшие и средние касты, пять раз толпа хлопала будущим стражам, два раза — преумножителям знания и один — будущему творцу красоты. Наконец перед помостом остался один ряд детей. Уже не нужно было толкаться, ловя мерцающий взгляд среброликой, но Кейла не обрадовалась. Она стояла, опустив голову, и не смотрела, куда распределяют детей перед ней. Сердце билось тихо, глухо, в груди росла и росла куча тяжелых гладких холодных камней: приходит время сна или это апатия проигравшей?

Ее вызвали последней. Кейла взошла на помост, как на алтарь для жертвоприношения, на подгибающихся ногах. Скоро капля ее крови упала в основание стелы. Кейла вздернула голову, глядя на верхушку кроны, на три солнца среброликих, глупо, но упрямо надеясь, что одно из них загорится красным от ее взгляда. Но время шло, а солнца не загорались. Толпа притихла, безмолвствовали среброликие, даже ветер, казалось, умер. Кейла замерла, боясь бросить взгляд вниз — и не найти там бездарно сгоревшую каплю крови. И вдруг в напряженной тишине по толпе пронесся не то шелест, не то шепот. Он разрастался как буря, захватывал всю площадь, и тогда Кейла осмелилась поглядеть себе под ноги.

Тонкая красная нить поднималась по стволу в крону. Незнакомая нить, не загоравшаяся сегодня прежде ни разу. Она была слаба, ее то и дело прерывали толстые нити других каст, но она упрямо тянулась вверх... в самый верх, мимо солнц низших и срединных каст. На уровне среброликих, но в стороне от них, сияло одинокое алое солнышко Кейлы.

— Распознавательница чуждого! — возгласила сребролика, и ее слова потонули в реве толпе, а Кейла побелела и схватилась за вовремя подставленную руку среброликого.

Распознавательница чуждого! Совсем недавно Кейла вспоминала эту касту, но тогда и не представляла себя в ней. Самая крохотная, но самая важная. Каста мучеников, каста святых. Лица обычных распознавателей вырезаны на колоннах дворца рядом с лицами великих правителей из среброликих.

Питьё разноцветных жидкостей на церемонии — не просто ритуал. Содержимое

пузырьков — сильнодействующее снадобье, действующее глубоко и системно. За несколько лет обучения оно изменяет тело сенторианина в соответствии с назначенной кастой. Снадобье не безвредно, чем больше компонентов в нём, тем серьёзней наносимый вред. Лихорадкой и болью в костях, впрочем, скоро проходящими, расплачиваются со своим солнцем идущие в низшие касты. Срединные платят за новые умения бесплодием или выгоранием эмоций, а высшие касты расплачиваются по-разному: творцы красоты слабы здоровьем, преумножители знания разумом, крылатые всевидящие платят отказом от жизни в обществе, всемогущие слабы телом, всезнающие постепенно теряют все чувства, кроме предвидения. А стражи и распознаватели платят самой жизнью, погибая в битвах с чуждым. Но если у стражей есть шанс дожить до старости, то у распознавателей чуждого никаких шансов нет вовсе. Их путь краток: поездка за Границу — заражение — возвращение... и смерть на алтаре.

Похолодев, Кейла смотрела, как сребролика извлекает из сундука маленький трехцветный пузырёк. Незнакомое, ни разу не увиденное в мечтах, ни разу не снившееся сочетание цветов: внизу — черный, посередине — коричневый, наверху — золотой! Толпа все ещё ревела, но ей послышалось, она различила в этом шуме: «Дочка, выбор за тобой...»

Кейла глянула вниз. Мама прижимала руки к груди и с мольбой смотрела на Кейлу.

— Есть выбор, — машинально сказала Кейла подходящей среброликой. Женщина тонко и печально улыбнулась под вуалью и быстро потянулась к сундуку, дёрнула за неприметную ручку. Выдвинулся ящик, наполненный пустыми серыми пузырьками. Рука среброликой замерла над ними, брови вопросительно приподнялись.

Кейла трудно сглотнула. Участь распознавателя страшила, но представлять, что она уйдёт отсюда с пустым серым пузырьком всё же было страшнее. Остаться никем, когда все друзья уже покинули возвышение с трехцветными пузырьками?! Вернуться домой, как в тюрьму, зная, что никаких перспектив впереди нет и не будет? Никогда больше не услышать, не испытать каждой клеточкой тела тревожный и радостный гул заведённой тобой толпы?! Пусть жизнь распознавателя чуждого кратка, зато она ярка. Её лик будет вырезан на колонне дворца выше ликов многих великих!

Сердце вновь ускорило, с каждым ударом будто бы опускаясь все ниже. Волнение тошнотой подкатывало к горлу.

— Нет, не надо, — Кейла не узнала свой голос, звучащий словно со стороны. — Я стану распознавательницей.

Она приняла трехцветный пузырек и быстро открутила крышку. Поднесла ко рту в оглушительной тишине и выпила залпом. Содержимое было безвкусным и маслянистым. Кейла нервно облизала губы.

Толпа разразилась аплодисментами, то тут, то там над площадью взлетали радостные крики. Её чествовали, как никого прежде... и Кейле нравилось это! Жаль, что собрать такую же толпу ей удастся только два раза в своей отныне короткой жизни: первый раз — собираясь за Границу, второй и последний — восходя на алтарь для жертвоприношения.

Пошатываясь, она спустилась на площадь. Её тут же подхватила мама.

— Что ты наделала, девочка! — крикнула она и расплакалась, но Кейла чувствовала, что это слезы не только горя, но и гордости. А от группы среброликих, негромко посовещавшись с другими, к ним пошёл всезнающий.

— Ну, вот и всё, — мелькнуло в голове. Кейла освободилась от маминых объятий и шагнула навстречу среброликому.

Первые шаги по своей дороге, по лучу своего солнца...

Джийя 1

Джийя, прародина джийан

Ардин

Самым ненавистным и при этом будоражащим временем для Ардина были часы сна. В это время джийане отключались, ненадолго просто исчезая из мира. Темнота, тишина, отсутствие мыслей, покой тела — настоящий, необходимый, обязательный отдых. Таким был сон для всех джийан, кроме него.

Ардин не отдыхал ни часа в своей жизни. Кажется, сны начали ему сниться еще до получения первого костюма, еще на заводе воспроизводства... Яркие. Пёстрые. Разнообразные. Знакомые и незнакомые звёзды, планеты, места, лица. Картинки были не безмолвны: звёзды шелестели, планеты ритмично рокотали, Ардин слышал голоса людей и крики животных. И часто ему казалось, что он сам находится там, среди видений, что настоящая жизнь начинается лишь во сне.

Сколько ни спрашивал Ардин, никто из его знакомых не видел снов. Хотя эта особенность не оказалась такой уж необычной. Психолог сказал, это отклонение иногда встречается и посоветовал не доверять картинкам. Это хаотические всплески подсознания, уверял он. Врач убеждал сделать операцию, чтобы навсегда избавиться от снов. И какое-то время Ардин всерьёз раздумывал над его предложением.

Ему нравилось смотреть цветные картинки и быть их участником. Но радость и удовольствие были скоротечными. Всякий раз сон превращался в кошмар.

Кошмар... — Ардин не мог подобрать иного слова для того, что происходило. Через несколько минут... или часов? сна он начинал ощущать нечто вроде клетки вокруг себя. Яркий, пёстрый мир, полный звонких голосов и загадочных шумов, отдалялся. Его и Ардина разделяла сначала невидимая, прозрачная, невесомая преграда, но постепенно она уплотнялась, утяжелялась, мутнела.

Отдых превращался в мучение. В реальности он в это время метался и сжимал кулаки. Кошмары бывали разной интенсивности, когда-то дело ограничивалось слабым, исчезающим ощущением невидимой преграды, когда-то Ардин изнемогал под ее тяжестью. В самых худших снах преграда обретала пластиковый холодный вид и сжималась со всех сторон. Ардин пытался сорвать её и сдирал... вместе с собственной оболочкой. Отрываемые детали костюма изнутри были кровоточащим мясом. Он добирался до металлической коробки под корпусом и рвал ее, будто она была из бумаги, и из трещин в железе лилась кровь. В конце концов, от джийанина оставался один пульсирующий дикой болью светящийся шар. Капсула — душа...

Из-за этих кошмаров Ардин сначала согласился с доктором. Но в день операции не явился в манипуляционный зал клиники. Он передумал избавляться от ненавистных кошмаров, потому что нашёл в них нечто будоражащее. Видения о преграде, постепенно уменьшающейся до размеров его тела, были символом. Страшным, но всего лишь символом. Подсказкой. Нужно было найти то, что стояло за ним. То, что вызывало ужасные видения. А те, после того, как Ардин установил их символичность, стали злее. Теперь он ощущал себя в

скорлупе, плотно приставшей к костюму. Нет, скорлупа и была его костюмом: стискивала, сдавливала, а если он пробовал сопротивляться, внезапно становилась очень горячей. Он кричал, звал на помощь, но никто не отзывался. Кипящий пластик и металл и были всем миром. Они растекались по телу и застывали, превращая утратившего от дикой боли разум, задыхающегося от вони горячей органики Ардина в нелепую статую.

Странные сны! Джийанам открыта вся Вселенная. Для них нет удивительных миров, удивительных космических объектов. Они умеют гасить звёзды и зажигать новые. Они строят корабли, размером ненамного уступающие малым планетам. В родной галактике у них нет достойных соперников среди разумных рас, все огоньки разума находятся под их контролем. Они избавлены от страхов и сомнений. Они свободнее мысли, свободнее света, и то не пусто-пафосные слова, все действительно так. Откуда тогда ему, джийанину, приходят сны, где он слаб, жалок, где ему больно, где ему страшно? Откуда это страннейшее ощущение, что он чужой во Вселенной, принадлежащей их расе? Что эта оболочка, носящая его дух, чужая? от рождения чужая?

Ардин возвратился домой затемно. Весь день он провёл, гуляя по родному нижнему городу, и к вечеру от усталости тела нарушилась координация движений, а от усталости памяти кружилась голова.

Он ввалился в комнату, и слуга в бледно-зеленом костюме, маленький, неловкий Дестер, уже кинувшийся встречать хозяина, отшатнулся в испуге. Прислонившись к дверному проёму, Ардин поднял руку, успокаивая Дестера. Тот задрожал, отступил ещё, но скоро сам подставил голову под ладонь хозяина. Эти «слуги», иметь которых был обязан каждый джийанин, были практически бесполезны. Они были результатом брака биоматерии, использующейся для отпечатков вселенского Света, и их разум часто давал сбои и воспроизводил странные реакции. Но уход за таким несчастным был обязанностью каждого джийанина. Ведь жизнь любого существа типа один священна, вне зависимости от того, какого качества эта жизнь.

Ардин негромко просвистел простую мелодию, и Дестер совсем приободрился. Ардин потрепал его за ухом и скомандовал:

— Спать!

Дестер преданно кивнул, и скользнул в свой угол. Грубое, но идеально симметричное лицо озарилось улыбкой.

Сегодня Ардину снилась звёздная система из трёх солнц: желтого, белого и голубого. Джийанин гонял меж ними лёгкий тонкостенный птерокар и любовался видами планет-гигантов: раздутые полосатые шары важно переваливались с боку на бок, кружась в нескончаемом одиночном вальсе по орбитам. Спутники плясали вокруг роем надоедливых мошек, и гиганты порой отгоняли плетью гравитации на дальнюю орбиту то одну, то другую малютку. А Ардин был радостен, как всегда во снах, он не ощущал надвигающейся угрозы жизни. Вселенная была огромна, звёзды мерцали холодно, ровно и доброжелательно.

Потом, внезапно, он понял, что звёзды — только лишь стекляшки, наклеенные на чёрный пластиковый купол. Запахло горячей резиной. Планеты-гиганты начали таять и впаляться в небесную твердь. Звёзды засияли как сверхновые и погасли. Птерокар Ардина стал уменьшаться: пульт вдавился в грудь, потолок закапал на поднятое кверху лицо горячими слезами плавящегося стекла.

Мир сжимался. Растаявшие планеты застывали под холодным мертвым стеклянным светом разноцветными, кислотно-яркими лужицами. Три солнца системы взорвались и

забрызгали все вокруг кипящей краской: желтой, белой и голубой. Вселенная обрела вид палитры сумасшедшего художника.

И птерокара Ардина больше не было. Был комок расплавленного металла, в котором билась истерзанная, обожженная душа джийанина. Он отчаянно пытался пробить свою скорлупу, но становилось лишь теснее и больнее. Металл постепенно застывал, превращаясь в саркофаг, но при этом не переставал жечь. Все усилия были тщетны. И в один пронзительный миг Ардин понял, что сопротивляться не надо вовсе. Без этого пыточной скорлупы он не сможет существовать. Его душа посверкает мгновение и угаснет, задутая, как свеча, ледяным вздохом космоса...

Ардин проснулся. Опять обнаружил, что петли, удерживающие его тело во время сна в вертикальной положении, разболтались. Значит, он снова рвался куда-то, не сознавая того... За окном привычно грохотали машины: рядом проходила широкая магистраль для большегрузного транспорта. Дестер уже проснулся и умчался куда-то. «По общему каталогу давно ходят слухи, что у неполноценных есть какая-то секта... Не на ее ли собрании сейчас слуга?» — подумал Ардин и усмехнулся нелепой мысли.

Он поднялся, постепенно приходя в себя, прошелся по комнате. Иногда он дотрагивался до бледно-оранжевых стен, оконного стекла, будто проверяя их реальность. Комнатка была тесной — три шага Ардина в одну сторону, четыре в другую. Дверцы в стенах, прячущие немногочисленную мебель, знакомо и раздражающе пахли пластиком. И Ардин всё ещё не мог провести чёткую грань между сном и реальностью, он ждал: вот сейчас стены начнут сдвигаться, потолок просядет, гигантские машины на дороге растекутся ручейками серебристого металла. А он опять проснётся от собственного крика, так и не разгадав тайну происхождения этих снов.

«Ты не выполняешь задуманное, Ардин! Ты сдаёшься. Слабак! Трус, боящийся иллюзорной боли!»

Дверца слева замигала ярко-зелёным — включился экран видеофона. Ардин небрежно поддел её пальцем и дёрнул вниз. Открылся монитор с зелёным огоньком, то вспыхивающим, то исчезающим. Мгновение спустя на экране возникло лицо Кентора.

— Ардин, вы нужны мне на базе на Мегре, — сказал он. Голос начальника был едва слышен и произносимые слова отставали от движения губ — сигнал передавался через гиперпространство. Ардин саркастически улыбнулся, привычно надевая защитную маску иронии:

— Я нахожусь дома, если вы не заметили.

— Заметил, ну и что?

— Мегре и Джийю разделяет пол-галактики. Не нашли квалифицированных подлецов поближе, Кентор?

Начальник ухмыльнулся:

— Мне нужен специалист по подлостям вашего уровня. А таковой во Вселенной один — Ардин.

Ардин довольно оскалился:

— Когда?

— Немедленно.

Ардин сверился с внутренним ощущением времени и быстро просмотрел расписание рейсов в общем каталоге Джийи.

— Пассажирский корабль отбывает к Мегре 4 прямо сейчас, — сказал он Кентору после

краткой паузы. — Но ничего, я догоню его на птерокаре перед переходом в гипер.

— Хорошо, — кратко сказал Кентор и отключился. Тут Ардин вспомнил, что не спросил, какое срочное задание его ждёт, но принял это равнодушно. Проваливать задания ему не случалось, он был вполне в себе уверен. Единственное, что до сих пор не удалось: разгадать тайну своих снов, но, возможно, он просто поставил перед собой невыполнимую задачу?

Он оставил краткое голосовое сообщение Дестеру, поменял костюм на белую униформу космолетчика и вышел на улицу. По широкой магистрали, по старинке проложенной прямо по поверхности планеты, нескончаемым потоком шли машины. Неторопливо скользили на стальных гусеницах мощные большегрузы, меж ними ловко лавировали грузовики поменьше. Это была река машин, здесь даже грузом были, в основном, машины самого разного размера и назначения. По обеим сторонам дороги в небо вздымались громады домов-небоскрёбов, серая, заасфальтированная земля под ногами Ардина дышала и шевелилась — начинался день в подземной части города, уходящего в недра планеты настолько глубоко, насколько высоко вздымались в небо шпили высотных зданий.

Свой птерокар Ардин вчера оставил на стоянке за магистралью и теперь направился к нему напрямик через дорогу. С любимой летательной машиной, белым Ало-ши, он бы так не поступил, но Ало-ши остался на базе на Эдне 9, ремонтироваться. А оставленный на стоянке птерокар был арендованным.

Машины-роботы безропотно уступали путь. Они замирали, не задевая силовое поле, которым был окружён костюм Ардина, и смущённо сигналили, напоминая, чтобы джийанин шёл быстрее. Но Ардин не торопился. Его всё ещё терзали сомнения: сон это или реальность, и он то и дело озирался, ища грозные признаки, свидетельствующие о переходе сна в фазу кошмара.

Небольшой грузовой транспорт с ручным управлением на огромных дурых колёсах неожиданно вылетел из-за гигантского гусеничного тихохода. Он нёсся прямо на Ардина, и тот проворно отскочил в сторону. Гусеничный тихоход замер и обиженно просигналил, а колесный транспорт уже унёсся к космопорту.

— Вот, бешеная! — подивился Ардин, провожая взглядом машинку. Только теперь он сообразил, что в сторону, подобно испуганному зверьку, можно было и не отскакивать: его костюм легко выдержал бы этот удар.

«Хорошо, что мой финт, кажется, никто не видел», — малодушно порадовался он.

Ардин вручную вывел птерокар со стоянки на поле для взлёта. Сейчас нужно было подключить костюм к системе летательного аппарата, но он медлил. После кошмарного сна не хотелось срастаться с птерокаром, становиться им. Ардин всё ещё боялся, что мир вокруг начнёт сжиматься и таять. Но пассажирский лайнер не будет ждать, когда он справится с иррациональным страхом... Ардин подключился к системе птерокара и дал команду на взлёт.

Маленький летательный аппарат вынырнул из океана атмосферы и очутился в другом — космическом, холодном и бескрайнем. Пассажирский лайнер в отдалении, похожий на огромное сплющенное в горизонтальной плоскости яйцо, важно плыл к красному маячку гиперпространственного перехода. Серо-желтая стыдливая Джийя напрасно куталась в тонкий, редкий покров облаков. Её истощенная поверхность была открыта взору космоса, и он глядел на неё с жалостью и некоторой толикой брезгливости, как глядят на высохшую грудь старухи. Ардин споро отключился от части общего каталога планеты и в почти

тишине, сконцентрировавшись, быстро догнал лайнер.

Лайнер шёл по узкому гиперпространственному тоннелю. За большими обзорными иллюминаторами главного коридора перекачивались перламутровые волны — хоть и яркое, но однообразное зрелище, к тому же неприятное, болезненное для глаз. Пассажиры попрятались по каютам или отдыхали в залах развлечений. Один Ардин вышел в коридор и любовался видом из окна. В сиянии волн, наслаивающихся одна на другую, виделись какие-то странные фигуры. Их головы были раздуты наподобие пузырьков, длинные тонкие конечности переплетались. Существа на мгновение выныривали из перламутровых волн и вновь скрывались в них, соединялись с ними.

«Бред или правда?» — в который раз думал Ардин. Известны существа, живущие в открытом космосе, один всего вид, зато какой! Преогромные, в личиночной стадии они обитают в ядрах планет, а потом вырываются наружу. Так почему не быть жизни в гиперпространственных тоннелях?

— Симпатичные твари, да? — негромко спросил незнакомый голос, и Ардин обернулся. У соседнего иллюминатора стоял джийанин в изношенном, когда-то белом костюме космолетчика. Впрочем, Ардин узнал форму только по остаткам бывшего цвета: странный владелец убрал вторую пару рук и все в норме видимые металлические сочленения накрыл кремниевым пластинами. В области груди эти пластины вспучивались двумя полушариями. Талия существа была столь тонка, что, казалось, может переломиться в любой момент, защитные детали с плеч и бёдер убраны. Зато добавлены другие — плавные, округлые. Неясного назначения, но безусловно привлекательные, обрисовывающие удивительно притягательный для взгляда изящный силуэт.

— Существ в гипере видят многие, но немногие рассказывают о них знакомым, боясь, что их примут за сумасшедших. Вот почему эта свехоригинальная форма жизни до сих пор не исследована. А жаль! Пожалуй, для тех, кто подчинил себе Вселенную, механизм существования вне её, в гипере, остаётся единственной загадкой, — голос джийанина был нежен, мелодичен, будто кто-то перебирает тонкие металлические туго натянутые струнки.

Ардин поморщился:

— Вы долго готовили эту реплику? — едко заметил он.

Джийанин смешался, тонкое лицо нервно дёрнулось. Ардина странно уколело это мгновение. Не неприятно, не болезненно... необычно. Странный собеседник! На это лицо хочется смотреть бесконечно долго. Словно его создавали как воплощение красоты и гармонии. Заметив затуманившийся взгляд Ардина, джийанин воспрянул духом и звеняще рассмеялся.

— Вы всегда такой любезный? А я уже подумала: вот вежливый джийанин...

Этот джийанин говорил о себе в женском роде. Довольно необычно. За всю жизнь Ардин общался всего с двумя... женщинами. Такое психическое расстройство было редко. Ардин по серийному номеру костюма поискал джийанина в каталоге, и нашел нечто еще более странное: в каталоге в данный момент джийанин, стоящий перед ним, отсутствовал! Значит, или свехвысокий уровень секретности или...

«Что еще? Отключенный от каталога джийанин?! Нет, невозможно».

— Да, меня сейчас нет в каталоге, не ищите, — сообщил джийанин, заметив отсутствующее выражение лица Ардина. — Роум, — красиво смутившись, представился он. — Но мне будет приятней, если вы будете звать меня Роума. Звучит мягче, правда? — джийанин улыбнулся и опять уставился на Ардина глазами в пол лица. Выглядело

завораживающе. Пока воронки странных глаз Роума не засосали его бесповоротно, Ардин проверил по общему каталогу все ссылки на психическое расстройство нового знакомого, но ничего, вдохновляющего на очередную мягкую ехидцу, не нашёл.

— Я не могу найти, ваше психическое расстройство ведь безвредно? — наконец выдал он. Роум опять улыбнулся. Тонкое лицо стало истинным воплощением демонической тайны.

— Для меня — безвредно, а для окружающих... Зависит от того, что вы вкладываете в слово «вред». Если понимать под «вредом» непосредственное нарушение целостности вашего тела, безусловно, я безвредна. А если посмотреть шире и назвать «вредом» безвозвратное нарушение покоя вашей личности, безусловно, я вредна.

За иллюминатором в перламутровых волнах прорезалась широкая чёрная трещина. Лайнер низко загудел, предупреждая пассажиров о переходе в обычное пространство. Эти события очень вовремя отвлекли Ардина от созерцания необычного лица Роума.

Тоннель вывел лайнер в систему невзрачного красного карлика. Пока зона перехода набирала энергию для открытия следующего тоннеля, лайнер завис над первой по счёту планеткой от местного солнца. Капитан лайнера выбрал эффектное зрелище — зону терминатора, границу света и тьмы на планете. Тонкий светлый серп дня и массивный, непроглядно-чёрный шар ночи.

— Эта планета всегда обращена к солнцу одной стороной, — сказал Роум. — Значит, здесь вечный день и вечная ночь. Плохо, когда нет выбора, правда?

Ардин неопределённо пожал плечами.

— Такие планеты редко бывают обитаемы, — осторожно заметил он, подумав. Ардин был почти уверен, что странный Роум опять уведет невинный разговор в странном направлении.

— Эта обитаема! Сверьтесь с вашим великим гуру — общим каталогом! Здесь достаточно плотная и хорошо циркулирующая атмосфера, приграничные к терминатору области даже густо заселены. Это интересная планетка! Здешняя жизнь лишена иммунной системы на уровне организма. Они тут все друг другу «свои»: микробы, травы, насекомые, птицы, звери, люди... И для борьбы с чуждым, то есть, имеющим иной генетический код, объединяются на надорганизменном уровне. Создают иммунную систему на уровне биосферы, понимаете?

— Понимаю. А что, у них бывает много встреч с чуждым?

— Немало. Планета крайне неудачно для них расположена: в самом центре пояса жизни галактики. Кроме того, у соседней планеты-гиганта когда-то был населённый жизнью спутник. Но он давным-давно разорван на части приливными силами гиганта, и теперь астероиды с его замороженными бактериями то и дело бомбардируют Сенту.

— Интересно. Но вполне обычно.

— Сента вас ещё не поразила? — Роум немного огорчился. — Хорошо. А как вам это: все сенториане в возрасте шестнадцати циклов пьют особенную культуру микроорганизмов. Эти микроорганизмы встраивают свою ДНК в их хромосомы, и сенторианин приобретает какую-либо необычную способность, в зависимости от вида микроорганизма. У них есть провидцы, телекинетики, крылатые люди...

— Насколько сильные провидцы?

В зеркале стекла иллюминатора Ардин видел, что от его строгого по — военному тона Роум снова смешался.

— Это нам неизвестно. Сента запрещена для посещения. Но известно, что до выхода в

космос и какого-то соперничества с нами они далеки технически. Да и их умы пока поглощены идеей о том, что всё вне их мира — чуждое, опасное.

— Сента закрыта? Почему?

Роум нервно засмеялся:

— Вы всё время слышите только то, что хотите! Справьтесь по каталогу. Это всего лишь начальный, первый уровень секретности.

Лайнер повернул к маячку, под которым уже зиял перламутровый пролом пространства. Пассажиров слегка качнуло, и Роум воспользовался этим мгновением, чтобы приблизиться к Ардину.

— Вы — мужчина! — презрительно и с превосходством бросил он. — Чтобы ни вешали о стандарте единополости, сколько бы поколений ни воспроизводили на заводах без участия родителей — не это наша суть. Наша суть двойная, как у большинства существ Вселенной. Как у этих... сенториан.

— Что вам нужно от меня этим разговором? Переходите к сути, — он запнулся, глядя в удивительные глаза собеседника, и добавил, неуверенно: — Роума.

Кем бы ни воображал себя этот странный джийанин, он был отражением вселенского Света, как и все представители высшей расы чуждым делению на полы и половому размножению. Обращение к нему по женскому типу было оскорблением, но Роум не оскорбился, наоборот, выглядел польщенным. И сам Ардин был вынужден признать: так общаться с собеседником... цей... ему гораздо приятней.

Джийанка придвинулась ещё ближе.

— Вы такой же, как я. Странный. Я точно знаю, я проверила утром, — быстро-быстро заговорила она. Ардина неприятно кольнул сумасшедший блеск её глаз и нервическая резкость движений губ. — Вы отшатнулись с пути моей машины, хотя могли остановить ее одной рукой. Как я когда-то. А знаете, почему? Другие джийане не отшатнулись бы, уверенные в крепости брони костюма. Но вы и я... мы подсознательно знаем, что иные, не такие как остальные джийане. Мы чувствуем себя маленькими, слабыми, беспомощными иногда. Оттого порой пугаемся больших машин и громких звуков! Откуда такие страхи у властелинов Вселенной — вот вопрос, Ардин. И ещё... — с придыханием сообщила она явнс давно заготовленную концовку: — Вам ведь тоже снятся сны? Настоящие. Яркие. Кошмарные!

Он схватил её слабую, лишённую защиты ручку, сдавил. Джийанка испуганно трепыхнулась.

— Если вас нет в каталоге, откуда вы знаете мое имя? А про сны кто вам рассказал? Дестера сканировали?

— Узнать ваше имя и адрес мне помог друг, у которого есть доступ в каталог, а про сны... я угадала! — прошептала она, с нездоровым фанатизмом выделив последнее слово. — Потому что мы с вами похожи, Ардин. Похожи и различны. Как две изначальные половинки нашей расы: он и она.

— Ваше безумие вредно, — вымолвил Ардин и... просто отпустил её. Слов для привычных ироничных шуток больше не находилось.

— Мы ещё встретимся!

— Звучит почти страшно.

— Вы сами меня найдёте, — бросила джийанка и побежала прочь. Скоро она растворилась в перламутровом сиянии, изливавшемся из обзорных иллюминаторов.

Из группы крейсера Ардин вышел в общую информационную группу каталога, поднял все данные по Сенте и, действительно, нашёл много интересной информации в почти открытом доступе. Сента была населена разумными тварями самого распространённого во Вселенной типа два: пара ног, пара хватательных конечностей с развитыми пальцами, большая голова, безволосое тело. О провидцах и телекинетиках Роума сказала правду, были у сенториан и более интересные профессии, например, своеобразные разведчики — распознаватели чуждого. Но планета считалась закрытой, и по серьёзной причине. Жизнь на ней, по мнению биологов, была на стадии объединения, в экваториальной зоне тёмной и светлой стороны планеты располагались огромные моря прозрачной вязкой субстанции, которую образовали живые существа, слившиеся воедино. Моря захватывали всё большие площади, сенториане боролись с субстанцией, но им удавалось лишь немного сдерживать её. А ценность субстанции для джийан при этом была огромна, это вещество считалось идеальным биологическим оружием. На любой населённой планете оно быстро захватывало огромные площади, превращая всё живое на них в себя. Потому после ряда экспериментов с субстанцией Сента была закрыта и охранялась. Рядом с её названием в каталоге джийан стояла приписка: хранилище типа 1. Сента для джийан была складом оружия.

Ещё Ардин узнал, что около сорока циклов назад в районе Сенты был странный инцидент. Поступил сигнал о нарушении границы, и к планете были срочно направлены два военных крейсера — лёгкий и тяжелый. Чем завершилась эта история, осталось неизвестным, оба крейсера по завершению операции таинственным образом исчезли. Никаких данных о том, обнаружили ли нарушителей у Сенты и кем они были, не сохранилось. От этого блока информации шла ссылка на другие, но защищенные пятым, недоступным Ардину уровнем секретности.

Ардин закончил просматривать список команды легкого крейсера и занялся тяжелым, когда лайнер вышел из гиперпространства близ Мегре 4. И, узнав о прибытии подчинённого, Кентор уже настойчиво пытался пробиться к нему вопреки помехам связи. Ардин не без сожаления отложил изучение загадочной истории близ Сенты, в каталоге переключился на группу РИДа и, высадившись на Мегре, сразу же направился к начальнику.

Здание главного офиса управления РИД — распространения идеологии Джийи располагалось в нижнем городе. Его было видно издалека: в форме ступенчатой пирамиды, покрытое белым и серым стеклом. Кусочки стекла были разложены так, что создавали распространённое в джийанской части Вселенной стилизованное изображение луча вселенского Света: ромбовидный глаз с сияющим как звезда зрачком и четыре луча, отходящие от него по четырем сторонам света. Здание РИДа ярко выделялось на фоне соседних, желтые и красные шары света, свободно плавающие по улицам нижнего города, постоянно вились вокруг него, будто их тянул сюда потусторонний призрачный блеск гладких пластин стекла.

Здесь Ардин работал уже семь лет. Едва его капсула получила первый костюм, единое психологическое тестирование порекомендовало обратить внимание на управление РИД, и он с радостью последовал этому совету. Жизнь здешнего управленца была интересна. Управление РИД занималось изучением иных разумных цивилизаций галактики и потихоньку подталкивало их в нужную Джийе сторону. Где-то аборигены поклонялись им, как добрым богам, где-то трепетали перед жестокими демонами, а расы поумнее воображали, что беседуют с Джийей на равных, но это было не более чем иллюзией. У слабейших по разуму планет обыкновенно оказывались богатые природные ресурсы, так нужные

истощенной Джийе. А искусство и культура более развитых рас становилась истинным наслаждением для давно пресыщенных своими и утративших творческую искру джийан.

Ардин заранее предупредил о визите охрану, поэтому его пропустили без задержки. У двери в зону Кентора его встретил секретарь начальника, Орфа. Отвратительное создание в бледно-зеленом костюме всех слуг было скособочено, отчего казалось карликом. Но самым мерзким было лицо, гримасничающее вне воли своего владельца. Тень самых разнообразных эмоций пробегала по нему, повинуюсь непонятным велениям, и исчезала, порой оставляя какую-нибудь самую отвратительную гримасу на несколько часов.

— Хозяин ждёт вас, — сообщил Орфа при виде Ардина, с серьёзностью идиота констатируя очевидный факт. Его лицо при этом приобрело выражение крайнего негодования. Ардин коротко кивнул ему и прошёл к начальнику.

Зона Кентора располагалась на предпоследней и последней ступенях здания-пирамиды. Здесь было много прямых углов и белых сверкающих панелей. В высоту зона была больше, чем в ширину, и по верхним галереям рассыпались маленькие кабинеты ассистентов Кентора. Хозяин, в красном костюме согласно своему статусу, расположился в центре. Он стоял у прибора с горизонтальной панелью из черного вулканического стекла и наигрывал быструю мелодию, едва касаясь огоньков на панели пальцами. Таков был его способ анализа данных.

— Как добрались, Ардин? — спросил он, не поворачиваясь.

Ардин вспомнил разговор с Роумой и усмехнулся:

— Весело!

— Рад, что вы в хорошем настроении. Ваше задание... — Кентор наиграл на панели пронзительную трель, и на верхних галереях закрылись звуконепроницаемые шторы. Одновременно с этим он поставил блокировку на все свои мысленные каналы связи.

«Так серьёзно?» — удивился Ардин, но проделал то же самое. Тут же в сознании установилась почти абсолютная тишина, лишь тишайший шепот РИДовской части каталога.

— Недавно был обнаружен неизвестный космический корабль. Он кружил у Родны, это желтый гигант в секторе 15. Корабль создан для движения в обычном пространстве, изредка способен прибегать к скорости света, — Кентор помолчал, прислушиваясь к тишине единственного открытого канала связи, потом закончил: — На борту корабля обнаружена форма жизни типа пять.

— О! — Ардин быстро взял себя в руки. — То есть, этот корабль управляется призрачными существами?

— Не совсем. Присутствуют и реальные существа типа два. Внешне — среднее между Токсоном и Сентой, хотя анатомия ближе к токсонам. Команда реальных существ управляет кораблём наравне с призрачными.

— Интересно. А как была изучена их анатомия?

— У Родны есть обитаемая планета. Нами она отмечена, как не представляющая интереса, а эти существа решили у неё задержаться. Когда их примитивные роботы-разведчики вылетели к планете, мы отключили и убрали свои датчики на ней. И, уверенные, что эта земля не принадлежит никому, существа высадились и отдыхали там четверть цикла. За это время их подробно и всесторонне изучили.

— А корабль? Как он движется? Солнечный парус?

— Нет. Как мы выяснили, скорость света он способен развивать за счет энергии испарения потока микроскопических черных дыр.

— Хм. До гиперпространства их расе, значит, остаётся всего шаг: перейти от создания чёрных дыр к созданию белых.

— Да. Теперь понимаете опасность? Раса, сотрудничающая с запрещенными призрачными существами. Если они дойдут до создания гиперпространственных тоннелей, у нас в родной галактике появится серьёзный противник.

— Что еще известно об их цивилизации? Судя по способу передвижения корабля, далеко от родной планеты он не уходит.

Кентор впервые за время беседы обернулся к подчинённому. Он улыбался:

— Их родная планета не установлена. Прилететь они могли откуда угодно, путешествуя, в том числе, в шлейфе наших тяжелых крейсеров. О цивилизации известно немного, но я надеюсь, вы сумете добыть эти сведения.

— Способы?

— Какие угодно, в рамках кодекса Дэцы. Узнайте о них всё, определите сильные и слабые стороны. Соблюдайте сугубую осторожность: есть вероятность, что эти существа могут быть опасны для джийан. Уровень развития их техники впечатляет. И на время выполнения задания отключите внутренний поток каналов связи.

— Хорошо.

— Корабль оснащен защитой, но со стороны призрачных существ она слабее. Я бы зашёл оттуда.

Получив данные, где искать корабль, Ардин в задумчивости покинул зону Кентора. Орфа поклонился ему на прощание. Негодование на лице слуги сменилось выражением трогательной детской незащитности. Орфа был почти симпатичен, но Ардин не улыбнулся ему. Он размышлял.

Всё многообразие разумной жизни для джийан укладывается в пять типов. Первый тип — сами джийане, высшее проявление жизни, и соседей в этом типе у них нет. Ибо джийане — совершенная форма воплощения вселенского Света, идеальная копия вселенской Души, отпечатанная на биоматерии, заключенная в капсулу и окруженная защитной оболочкой кибернетического костюма. Тип два по контрасту с первым крайне многообразен и включает в себя похожих на джийан внешне позвоночных существ с двумя ногами, двумя ловкими руками и большой головой. Тип три почти также велик и представлен разумной жизнью самых экзотических внешних форм. Тип четыре — так называемая «объединённая» жизнь — живой гель, жидкость или газ. Пятый тип — призрачные существа, выбравшие областью своей жизни электромагнитные волны. Это искусственный тип, не могущий возникнуть без участия реальной разумной жизни. Опасность этих существ и их странного искусственного мира была огромна. Они обладали особенной колдовской привлекательностью даже для джийан, видящих высшее предназначение жизни в освоении и изменении реального мира.

«Эти существа, скорее всего, не знают об опасности типа пять. Впрочем, судя по тому, что себя они не переводят в формат призраков, до слияния с ними они далеки. Но вот вопрос: как достаточно высокоразвитой цивилизации, строящей космические корабли и умеющей создавать микродыры, удаётся до сих пор скрываться от могущественных джийан в их родной галактике?» — думал Ардин. Задание обещало быть интересным. Он открыл внешний поток каналов связи, но, как указал начальник, поставил экран на собственную информацию. Затем Ардин заказал маленький автономный корабль — разведчик, и начал готовиться к путешествию в окрестности Родны.

Его отвлѣк слабый сигнал. Отложенная обработка данных о команде тяжелого крейсера из истории Сенты была завершена. Ардин вышел в общую информационную группу каталога, быстро глянул её и скоро издал восклицание, радостное и напряжѣнное одновременно:

— Ага!

Он радовался, что догадка подтвердилась, но и тревожился: эта его догадка сулила неожиданный и хотя бы оттого опасный поворот событий.

Среди погибшей команды тяжелого крейсера отыскалось лицо и имя новой странной знакомой — Роумы.

Земля 2

«Красавица»

Тая.

Обстановка каюты Таи в целом повторяла обстановку в каюте сестры: выдвижные постель и стол, в одной нише за прозрачным стеклом старые игрушки, в другой, такой же — новый хлам, набранный на посещенных планетах. Даже расположение мониторов на стенах в комнатах близняшек было одинаковым. Между комнатами шла стена — гибкий кристаллический экран. Сейчас его поверхность была зеркальной. Раньше сестры любили делать стену прозрачной, корчили другу другу рожи, изображая отражение в зеркале, и хохотали. Но уже давно Тае не приходило в голову повторить этот фокус. Взрослея, мыслями она отдалялась от сестры.

Тая сидела у иллюминатора и, насупишись, смотрела, как Кас составляет поезд из грузовых челноков, чтобы повести его к планете: для дальнего путешествия команде необходимо было восполнить запасы метанового льда. Жесткие черные волосы облаком вставали вокруг головы, а тело с каждым мгновением становилось легче, вопреки мрачному настроению.

— «Значит, Дэн уже занялся установкой искусственной гравитации», — обреченно думала Тая. Перед каждым криосном капитан в течение суток изменял вращение внутреннего кольца: то ускорял, то замедлял. Так он тестировал и проверял исправность системы. Эту проверку всегда делали последней перед погружением в капсулы сна. Бунта не получилось. Скоро они будут смотреть сны, все дальше удаляясь от объекта 404. Послушный корабль стрелой устремится к бессмысленной и странной цели — неизвестной Земле. А что это, Земля? Всего лишь слово, которое зачем-то принято произносить с придыханием и скупой слезой на глазах. А чем эта Земля отличается от голубой планеты за окном?

Тая зло глянула на планету, близ которой Кас цеплял последние челноки-вагончики к поезду, и злость испарилась. Огромный голубой шар плавал в бескрайней тьме, белое свечение атмосферы вокруг него напоминало ауру святости некоторых персонажей старинных книг. Причудливые узоры облаков, материков, морей казались не прихотливой игрой природных сил — это была тайнопись, иероглифы, повествующие историю мира под тонкой вуалью атмосферы. Сочные краски сияли в однообразной черноте космоса. Тая вздохнула и уронила легкую, как шарик, голову на руки.

«Они завораживают только отсюда, из тьмы, — подумала она опять, тщетно пытаясь вернуться к состоянию боевой злости. — А оттуда, из-под купола облаков, уже смотришь на звезды с тоской. Они как шкатулки! Дарят сокровища, но отнимают свободу. Крышка захлопнется, и... Ну, зачем Дэну с Капой Земля?!»

Дверь бесшумно отворилась, и в каюту Таи зашла, точнее, влетела Капа. Уменьшившаяся сила тяжести, кажется, отняла у нее не только половину веса, но и половину возраста, глаза лучились искренне-наивным детским счастьем.

— Тая, ты была хмурой за завтраком. Что случилось? — по-девичьи звонко спросила она и обезоруживающе улыбнулась. — Или ты обижаешься на нас с Дэном за выбор

маршрута «Красавицы»?

— Не нужно лететь на Землю. Неужели кроме меня и Ала никто этого не понимает?!

Капа улыбнулась, будто ждала этой реплики, легонько коснулась плеч Таи.

— Я уже не раз говорила тебе: не пытайся бежать от Земли, — очень серьезно сказала она, глядя прямо в глаза. — Земля ближе, чем тебе хочется думать. В нашем времени, в нашей Вселенной.

Тая отвела взгляд.

— Неужели ты не слышишь, как фальшиво это звучит? — всё-таки воспротивилась она. — Дом! Наш дом — «Красавица», а Земли, может быть, давно нет! Везде летают джийане. Думаешь, они не отыскивали за эти годы Землю? Планета 404 — вот, что нам нужно! Мы узнаем, что там произошло, может быть, найдем спасательную капсулу Шелтона или его самого. А потом будем искать свой дом. Новый дом, не Землю! Полетим куда-нибудь подальше, к границам галактики. Можно путешествовать как предлагал Кас: в шлейфе тяжелого крейсера джийан.

— Не обязательно лететь к 404-ой, ответы на те же вопросы можно получить в виртуальности, у Джада, — Капа опять улыбнулась. — И Дэн этим занимается, так что скоро мы все узнаем и без дальних опасных путешествий. А как далеко забрались джийане мы, думаю, окончательно поймем, когда наконец увидим Землю... или то, что от нее осталось. Тогда и полетим искать новый дом. Понимаешь, Тая? Сейчас я хотела поговорить с тобой о другом.

Тая поморщилась.

— А о чем? — хмуро спросила она, еще не желая признавать такого легкого поражения.

Капа вдруг смешалась и в поисках поддержки глянула в иллюминатор. Там Кас сражался с очередным грузовым челноком.

— Ты взрослеешь, Тая, — скованно заметила она наконец. — Пора задуматься о выборе пары. Как ты относишься к Алу?

— Что-о? — Тая фыркнула. — Пусть Эля задумывается. Они с Алом вечно так громко ругаются, а от ненависти до любви... Мне никто не нужен. Если потом захочу ребеночка, выберу донорскую сперму в банке репродуктивного сектора, как мама.

Она даже не покраснела, зато покраснела Капа:

— Тая!

— Что? — Тая скорчила упрямую рожицу и через мгновение Капа рассмеялась.

— Посмотрим, что ты скажешь через год-другой, — проницательно заметила она и поднялась. — Ох, детки! Стоит обрадоваться, что все ваши каверзы и диверсии позади, как вы придумываете новые!

В зал отдыха в виртуальности Тая отправилась самой долгой дорогой: через оранжерею, гимнастический зал и блок криокамер. В оранжерее колыхалось зеленое море листвы, где-то в его глубинах стенала, будто от зубной боли, отшельница Дэра. В гимнастическом зале Капа и Дэн, нашедший окошко для краткого отдыха в бесконечной проверке систем корабля, устроили катание на качелях и звонко смеялись, крутя солнышко за солнышком. А в блоке криокамер, тем временем, роботы готовили экипажу персональные капсулы сна. Шесть овальных гладких белых шкатулок — в почти таких же предписывалось отправлять умерших в последнее вечное странствие по Вселенной.

Периоды, когда корабль разгонялся до скорости света, команда проводила в криосне, в блоке, защищенном от перегрузок. За время без родителей они погружались в искусственный

сон дважды: первый раз на четыре, второй — на все пять лет. Кас и Ал успели окончить компьютерную школу и университет, в реальности не повзрослев ни на день.

Тая прошла вдоль ряда капсул. Вот ее собственная, здесь до сих пор лежит лоскут — постелька любимой куклы, без которой она еще пять лет назад отказывалась ложиться спать. Сама кукла давно почилла на безымянной планете, а лоскутик все тут... Постели Ала и Каса были неотличимы друг от друга и не несли никаких черт своих хозяев, в постели Эли сохранился букетик засушенных цветов, с которым она в прошлый раз легла спать, подражая какой-то принцессе из сказки. Капсула Дэна была сплошь в проводках и мониторах для постоянной связи с системами корабля и виртуальностью, а капсула Капы почти пуста, только... что это?

Тая опустила перед капсулой Капы на колени, вытащила маленькую карточку из-под отслоившейся или нарочно надорванной обшивки. Это была фотография. Настоящая земная фотография.

Шестеро молодых людей стоят на белой площади, за их спинами знакомое по видеофильмам приземистое и широкое строение — космопорт. Здесь трое юношей и три девушки. Им лет двадцать — двадцать пять, как Капе и Дэну. Одеты в темно-бордовые комбинезоны, похожие на их рабочие, но чуть иные, да и функций у костюмов многих нет. Должно быть, тренировочные. А белая площадь за спинами людей постепенно растворяется, парит белыми-белыми легкими облачками в голубом, глубоком небе Земли. Самом голубом и самом глубоком во Вселенной.

Тая, не дыша, вглядывалась в фотографию. Эта картинка была растиражирована тысячами копий, мелькала во многих учебных фильмах о Земле и «Красавице», но ощущения от копий были иными. Вернее сказать, их вовсе не было. А сейчас по коже Таи пробегал трепет. Это была настоящая фотография. Та самая, сделанная в тот день и тот час, который застыл теперь навеки. И на ней были запечатлены призрачные фигуры из прошлого, люди, которым все они обязаны жизнью, но — и только. Родители.

Вот Антон — первый капитан «Красавицы» и отец Дэна. Такой же как Дэн невысокий и широкоплечий. И глаза светлые, стальные — как у Дэна, но совсем незнакомая, не передававшаяся сыну и теперь пропавшая навеки улыбка. Его жена, Лера, почему-то на другом краю фотографии: эту пару разделили две других. Ах, да! Капа рассказывала, они поженились уже в космосе... Лера — ясноглазая миловидная блондинка с короткой стрижкой, непослушные волосы задорно завиваются на кончиках. Только сейчас Тая поняла: Капа осветлила волосы, сделала такую же прическу, как у Леры... Интересно, случайно или осознанно? Лера, по ее рассказам, самая ясная, самая добрая, была мамой для всех детишек «Красавицы».

Вот Шелтон и Эмма, родители Капы и Ала. Шелтон, весельчак, одним словом ставивший на место зарвавшихся виртуалов и Брана. Безупречный красавец, черноволосый, с пронзительными светлыми глазами, рот чуть кривится в сардонической усмешке, будто он еще не верит, что скоро навсегда покинет Землю. Его жена, Эмма, врач будущей экспедиции — невысокая и пухленькая, кажется самой молоденькой в компании. Невинные карие глаза, смущенная улыбка девочки-отличницы... — зачем ей глубокий космос?

Дерек и Ли-Энн — их объятия так тесны, что они воистину кажутся единым целым. Не могут оторваться друг от друга, будто уже предчувствуют, что их счастье будет недолгим — Дереку суждено погибнуть еще до рождения сына. Дерек, такой же рыжий, как Кас, и пилот от бога, так же, как Кас. Ли-Энн — темноокая темноволосая красавица, Тая и Эля

унаследовали ее миндалевидный разрез глаз — и более ничего.

И — небо над головами этих незнакомых и родных людей. Незнакомое и родное, бездонное небо Земли с белой дымкой облаков. Можно ли мечтать о равнодушных холодных звездах, хоть раз увидев его? Оно как покров над колыбелькой, хочется уснуть в его мягких теплых объятиях. И Тае вспомнились слова Капы: Земля, действительно, ближе, чем ей до сих пор казалось. В этом же времени, в этой же Вселенной. В ее сердце...

— Наконец-то тебя нашел, — серьезно сказал кто-то за спиной. — Долго искал! Ты ведь Тая?

— Ал? — сердце девушки вдруг гулко, звонко ударило о клетку ребер и ухнуло куда-то вниз. Вопреки разуму, вопреки заверениям, что противоположный пол Тае начисто безразличен. Искал? Зачем?

— От путешествия к Земле вместо 404-ой нам не уйти. Дэн зверствует, и я решил зайти с другого края. Я хочу реанимировать Бома, его память может кое-что рассказать о катастрофе родителей. Я надеюсь, ты мне поможешь? Ты ведь тоже не хочешь на Землю.

— Не хочу, — машинально сказала Тая. Она еще силилась вспомнить, кто такой Бом. Ах, это же робот, свидетель убийства родителей, сошедший с ума!

— О-о... а это не опасно, Ал? — шепотом спросила польщенная Тая.

Сердце сильно стучало. Оно уже согласилось на любую авантюру.

— Во всем моем плане опасным может стать только разъяренный Дэн... но, я надеюсь, я его уже достаточно отвлек.

— Отвлек? Чем?

— Ерунда. Немного разбалансировал систему гравитации «Красавицы». Провозится с ее калибровкой чуть подольше, и все.

Тая уставилась в пол. Долго смотреть в пронзительные глаза юноши она боялась.

— Так ты мне поможешь?

— Конечно, — поспешно согласилась она, хотела улыбнуться снова, чтобы запомнить про себя это необычное ощущение — частых улыбок. Но на стене засветился один монитор. Дэна на экране был в холодном бешенстве.

— Он нас слышал?! — с ужасом подумала Тая. Нет, Дэна тревожило другое.

— Ал, Тая, быстро возвращайтесь в рубку, у нас серьезные проблемы, — скомандовал он.

— Из-за помех сети? Мне проще скорректировать их из виртуальности, — немного надменно предложил Ал.

— Помехи — меньшая из бед. Сюда движется что-то большое, похоже, тяжелый крейсер джийан, а Кас еще не собрал поезд.

— И Дэра пропала! — встряла в разговор Капа.

— Мы идем, — решительно сказала Тая и перехватила вопросительный взгляд Ала.

— Все в силе, — торопливо заверила она, и тут же осеклась. Родной брат Кас в опасности, а она может думать только о грядущей аванюре! И радость от впервые удавшейся беседы с Алом даже не дает сполна погрузиться в раскаяние...

«Как стыдно!»

— Оставь ты манипулятор! — шипела Катерина в наушниках. Кас очень ярко представлял себе ее лицо, несмотря на то, что между ними была только аудиосвязь: искаженное маской злости, с перекошенным красным сочным ртом, кажется, сейчас виртуалка пойдет сетью мелких трещин и рассыплется. Как статуя из песка.

Катерина злилась не даром. Восемь минут назад Джад сообщил, что поблизости зафиксировано мерцание пространства, как если бы из гиперпространства вышел тяжелый крейсер джийан. Чуть погодя, через минуту после Джада, уже Дэн предупредил, что по их данным к «Красавице» движется нечто очень большое и очень тяжелое.

Улететь земляне не успевали. Оставалось набросить на «Красавицу» личину походящей малой планетки и надеяться, что враги их не заметят, но снаружи остался погрузчик Каса и его груз — поезд из девяти челноков с метановым льдом.

— Бросай челноки, возвращаемся на корабль! — шипела Катерина. «Возвращаемся!» — Кас про себя улыбнулся: Катерина настолько увлеклась, что воображает, будто сидит сейчас рядом, в этом же истребителе!

Ему вдруг представилась эта девушка, вполне реальная, пышноволосая, стройная, одетая с элегантно небрежностью, вальяжно устроившаяся в соседнем кресле... и Каса кинуло в жар. Он вцепился в рычаги управления манипуляторами и попытался сосредоточиться на челноках с грузом, плавающих за обзорным стеклом истребителя.

— Кас, еще немного времени, и крейсер будет здесь, и инкогнито «Красавицы» будет раскрыто! Улетаем! — голос девушки звенел от тревоги.

— А челноки?

— Запустим обратно на спутник.

Кас скрипнул зубами:

— У нас и так осталась треть первоначального запаса грузовых вагончиков. Нельзя!

Вагончики реяли бестолковой стайкой перед погрузчиком и справа от него. Три было уже подцеплено к серому кубу тягача, два Кас удерживал манипуляторами. Оставшиеся четыре плавали неподалеку. «Красавица», в сияющем наряде из солнечных батарей, довлела в пейзаже за левой половиной обзорного стекла.

— Веду челнок к стыковочному узлу, прими, — негромко сказал Кас Катерине: виртуалка управляла тягачом. Та вздохнула, но отдала необходимую команду в виртуальности, и вокруг стыковочного узла последнего из вагончиков, подцепленных к тягачу, зажглись рядом зеленые огоньки.

Кас осторожно повел левым манипулятором челнок. Вагончик поддался как всегда обескураживающе легко, и он ускорил манипуляцию. Скоро серый корпус челнока полностью закрыл ряд зеленых огоньков стыковочного узла тягача.

— Нормально, Кати?

— Левее на два сантиметра.

— Так?

— Да.

Челнок вставал на полагающееся место в цепи. На время этого завершающего маневра Кас совсем перестал дышать. В наушниках в то же время он слышал легкое, дрожащее дыхание Катерины. Дыхание... Дурацкий вопрос, но... интересно, чем дышат виртуалы?

Задание, данное ему Дэном: подружиться со строптивой оппозиционеркой Катериной, вполне удалось. Конечно, виртуалка сразу же разгадала замысел капитана, и первое время звала Каса не иначе как рыжая аватара Дэна.

— Неужели капитан всерьез надеется шпионить за виртуалами через тебя?

— Все проще: для меня нет пары в реальности. Приходится присматривать девушек в виртуальности.

— Твоя прямота граничит с глупостью.

— И отлично разрушает твои словесные построения, не так ли?

Они, и правда, подходили друг другу, обманчиво бесхитростный реал и такая слабая в просматривающейся на несколько шагов вперед хитрости виртуалка. А различия их миров постоянно провоцировали обоих на колкости, впрочем, ничуть не острые, и на шутке, конечно, ничуть не злые. И конца этим пикировкам не было. Когда они болтали через аудиосвязь, и Дэн и Джад ворчали, что парочка забивает весь эфир.

Говорили они обо всем, ни его, ни ее не смущала непристойность или политическая острота темы. Порой даже трогали волнующую тему катастрофы первого экипажа «Красавицы», и тут уж Катерина вволю смеялась над наивностью вопросов Каса. Но зато когда она пыталась спрятать свои ответы под мерцающим туманом загадочности, он двумя-тремя четкими точными замечаниями разрывал этот туман и иногда даже почти добирался до сути. Виртуалка юлила, но и она скоро признала, что реал силен. Из аватары его перевели в атташе.

Пока Ал и Дэн спорили, куда лететь дальше, они славно покатались на сноукайте по ледникам белой планетки-спутника... И пусть Катерина в это время смотрела лишь интерактивную цифровую картинку на виртуальных мониторах, рядом с Касом была ее голограмма.

Каса поражало, с какой страстью виртуалка выполняла каждую задачу в реальности. В эти минуты она словно не чувствовала тонкую, но прочнейшую грань, отделяющую один мир от другого, много раз во время выполнения различных технических проверок Касу казалось, что она стоит рядом с ним. И развлекаться в реальности она умела! Что самое удивительное, при этом Катерина не осознавала, сколь близка она к реальности, Кас хохотал до слез, когда она отзывалась о реальности в презрительном ключе.

Но тогда на леднике она долго молчала, только щурила глаза и морщила нос, когда лицо ее голограммы кололи мелкие снежинки. А у самого финиша вдруг сказала:

— Для виртуалов перед посещением реальности нужно делать то же предупреждение, что мы делаем для вас. Чрезмерное увлечение реальностью приводит к психологической зависимости.

Дэн периодически справлялся, как идут дела с Катериной, но эти вопросы теперь больно кололи Каса. Он вроде бы по-прежнему желал разгадать тайну гибели родителей и все сопряженные с ней загадки, но в то же время не хотел снова становиться для Катерины шпионом.

Рыжей аватарой Дэна...

К счастью, Катерина мало распространялась о каких-либо делах виртуалов. И Кас сообщал капитану лишь догадки.

— Джад никому в виртуальности не рассказал о том, что помнит, Дэн. Наоборот, он сказал им: не нужно этого знать. Антон дал виртуальности шанс прожить новую жизнь без оглядки на старые ошибки. Катерине он вроде бы что-то отдельно рассказал о ее прошлом... Во всяком случае, она привязана к Джаду сильнее, чем остальные виртуалы.

— Этого мало! Детали, Кас.

— Нет деталей! Последнее: недавно Кати стала странно на меня смотреть... на всех нас.

Будто ищет что-то — или кого-то? — среди реалов. Но связано ли это с тайной катастрофы или это что-то личное, я пока не могу понять...

Челнок встал на свое место в цепи тягача, и Кас осторожно повел к нему второй.

— Катерина, прими, — попросил он. Но виртуалка молчала, только легкое дыхание в наушниках. Не слышит? Опять помехи?

Виртуалка молчала, но появился Дэн:

— Я передумал отправлять к тебе Ала. Остатки пусть Катерина соберет через виртуальность сколько сможет. Наш большой гость уже близко. Начал обходить планету-гигант. Мы пока закрыты ею, десять минут в запасе есть.

— Это крейсер джийан?

— Пока не уверен. По массе, размерам похоже, но он невидим, пятна теплового излучения расположены странно. И перешел он из гипера очень изящно, нетипично для джийан.

— Режим невидимости? Он же у них стоит только на легких кораблях?

— Это и странно.... Что Катерина, уснула?

— Похоже, она меня не слышит и не видит. Помехи в виртуальности. Прими управление тягачом.

— Я здесь, здесь, — их прервал голос Катерины.

Виртуалка занялась оставшимися челноками. Она включила их двигатели и осторожно, медленно повела вагончики гуськом к тягачу. Кас с Дэном занялись челноком, остающимся в манипуляторе погрузчика, и скоро сообщая подцепили его к тягачу.

— Четыре минуты, — сообщил Дэн. Катерина уже подводила вереницу челноков к тягачу, и капитан отключился от погрузчика. Кас улыбнулся виртуалке и понадеялся, что она в своей виртуальности заметит эту улыбку.

— Хорошо исполнено, Кати. Надо было дать тебе эту работу раньше. Все-таки Дэн соображает!

— Не болтай, — голос виртуалки звенел усталым металлом. — Прими лучше груз, тяжело...

— Сейчас, секунду. Переходи на тягач.

Виртуалка не отозвалась, и Кас нахмурился. Катерине опять было нехорошо. Иногда с ней приключались жуткие странные приступы, и виноваты в них были реалы.

Отключение блока памяти ударило не только по виртуалам — по всей виртуальности. В невидимой ажурной сети появились зияющие дыры. Здоровыми, только беспмятными остались лишь те виртуалы, кто в тот момент был не активен, отдыхал, спал. Отвлеченные в рабочую часть сети погибли либо получили увечья. Катерина оказалась как раз таким инвалидом. Виртуалы не могли потерять руку или ногу, как реалы, но травмы вроде потери зрения, слуха, возможности двигаться были общими для обоих миров. Кроме того, у виртуалов были и свои, странные на взгляд реала болезни и травмы.

Однажды Кас был свидетелем приступа у Катерины. Приступ начался внезапно, когда они беседовали по видеосвязи. Голос виртуалки вдруг зазвенел, лицо приобрело необычайную даже для реалки четкость, будто фотография с большим разрешением. Потом по иллюзии ее кожи пошли черные трещины, как на старой фреске, и Кас испугался, что виртуалка сейчас... разобьется. Что тогда останется? В этот момент Катерина оборвала связь.

— Что с тобой такое? — рубанул он при следующей встрече.

— Уродство. Спасибо вашим родителям за него! Мои связи в виртуальности стали хрупкими. Иногда они рвутся.

— И как это можно вылечить?

Виртуалка грустно усмехнулась:

— Никак. Когда Антон стер наш блок памяти, он создал в виртуальной сети прорехи. Дыры. Вот одна такая дыра пришлась на меня. Каждый приступ может быть последним. Я только усилием воли сдерживаю себя от распада. Но воля слабеет...

— Это больно?

— Это ужасно! В старости, когда мы слабеем, нас могут замещать другие, в конце концов, твою оболочку займет новый виртуал, нас всех с детства готовят к этому. А со мной будет не так. Меня ждет распад, полный. И эту дыру никто и ничто никогда не займет. Я не сольюсь с виртуальностью, как все, а исчезну. Навсегда.

Кас подвёл погрузчик ближе к вагончикам, зацепил еще два манипуляторами. Показалось, челноки уже словно бы никем не управляются... Катерина отпустила их за миг до того, как он подхватил. Два других в этот же момент двинулись к планете — виртуалка, рассчитав, что за последними челноками реал вернуться не успеет, послала их к спутнику.

— Кати, ты где?

— На тягаче, — отозвалась Катерина. Он больше не слышал её дыхание. И голос виртуалки отзывался в наушниках странным металлически-дребезжащим эхом. Почему-то Кас был уверен: это не проблемы связи, не помехи виртуальности: странное эхо — свойство голоса виртуалки.

— Катерина, уходи. Я сейчас вызову Дэна, — он потянулся к кнопке вызова, надавил. Но монитор в главной рубке был пуст. Куда капитан ушёл, когда он нужен?!

— Быстрее цепляй челноки. Мало времени! — то же металлически-дребезжащее эхо многократно умножило слова виртуалки. Будто ветер поет на разные голоса, пролетая через проржавевший до дыр пустой железный сосуд.

— Не надо себя мучить!

Она не ответила. Кас предельно быстро повёл челноки к тягачу. Обе сцепки прошли отлично. Тогда он вспомнил о джийанах и глянул на часы:

— У нас две минуты. Кати?

Молчание. Потом короткий то ли вздох, то ли стон, будто бы дребезжащим эхом отразившийся от металлических листов. Касу опять представилось лицо виртуалки, на сей раз в страшной паутине трещин, и он стиснул зубы:

— Ты можешь отключиться, Кати! — он осёкся, поглядев назад. Челноки, что виртуалка направила в атмосферу, обходили голубой полукруг планеты по дальней траектории. Катерина чуть-чуть промахнулась: до поверхности спутника они так не долетят. А сейчас они двигались в ту сторону, откуда скоро должен был появиться крейсер джийан.

Две минуты... Не успеть! Только за челноками, обратно уже никак, — он еще додумывал эту мысль, а руки уже тянулись к штурвалу. Резкий разворот. Погрузчик на предельной скорости понесся за челноками. Кас быстро нажал кнопку связи с главной рубкой.

Дэна в рубке по-прежнему не было. На мониторе показалось чрезвычайно расстроенное лицо Капы.

— Кас, возвращайся на «Красавицу» немедленно, — приказала она. — С челноками разберемся. Я минуту назад отправила запрос Джаду, пусть кто-нибудь заменит Катерину.

— Минуту назад! И он до сих пор не ответил?!

В голове уже выстраивалась ужасная версия предательства и заговора виртуалов...

Капа отвечала что-то про помехи, но ее теперь перекрыл голос Кати, по-прежнему умножавшийся металлическим эхом:

— Возвращайся на «Красавицу», Кас. Я закончу. Вижу ошибку, исправляю.

Челноки вновь включили свои маломощные двигатели. Виртуалка принялась осторожно переводить их ближе к планете.

— Кати, сосредоточься на себе.

— Это ты не глупи! — резко. — Возвращайся на «Красавицу»... мальчик! Как мне уже надоела ваша подозрительность!

Стараясь пока не реагировать на обидное «мальчик», Кас вновь развернул погрузчик и двинул к «Красавице». Два челнока у него за спиной начали уверенное движение к планете.

Две минуты... Одна! Солнечные батареи «Красавицы» погасли и ушли под обшивку, выдвинулась противоастероидная броня с проекторами между сегментов, и корабль набросил маску еще одного ледяного спутника планеты-гиганта.

— Как ты, Кати? — спросил Кас, подлетая к открытому доку. В ответ — вздох... Нет, не вздох уже — шелест, какой-то лязг. Гулкие быстрые удары, будто кто-то отчаянно молотит в дверь из железного тонкого листа.

— Кати!

Кас остановил погрузчик. Пальцы лихорадочно забегали по панели, устанавливая видеосвязь с виртуальностью. Сначала по монитору волнами прошли помехи. Потом появилось лицо Катерины.

Лицо... Было ли это лицом? Сглаженные черты, как у статуи, оставленной на голой пустоши на растерзание снегу и ветру. Кожу покрывала тонкая сеть мелких трещин, а в них зияла пустота.

Девушка глядела в сторону и вниз, голова была повернута вправо. Она тяжело, со странным лязгом дышала, будто ее горло было из металла. Гулкие удары, похоже, были стуком ее сердца... Она не замечала реала, и Кас тихо окликнул:

— Кати! Я здесь.

Она повернулась к нему. Зрачки виртуалки странно сияли. Нет, в них не было пустоты, черноты, наоборот мягкий, радостный, ничуть не пугающий свет.

— Кас, зачем ты... Видишь, что со мной! Я не справляюсь! Распад уже близко.

— Распада не будет, не бойся, — сорвалось с его губ, пока он смотрел в ее странные светлые зрачки. — Приступ уже проходит.

Она хотела возразить, но не смогла. Казалось, ее и пугает, и воодушевляет его взгляд.

— Распада не будет, — еще раз уверенно повторил Кас. Теперь он пригляделся и понял: в трещинах на коже виртуалки также нет пустоты, черноты. Это лишь первоначальная иллюзия. Там тот же мягкий свет.

— Кас, какого черта ты не заходишь в док?! — злющий Дэн. Кас обернулся к монитору главной рубки, но там было пусто.

— Кэп, ты где? — он оборвался, краем глаза заметив еще один истребитель у дока. — Дэн зачем ты вышел?

Капитан не ответил. Его истребитель первым вошел в док, гордо задрал нос. Кас последовал за ним.

— Отбой тревоги, это не джийане, — одновременно заговорили Капа в реальности и

Джад в виртуальности. — Это не джийане, это молодой уранос.

— Отбой тревоги, это уранос, — повторил и Дэн, строгим тоном капитана. Потом вздохнул и уже своим обычным голосом добавил: — Эх, жаль челноки!

Уранос! Кас обернулся, надеясь увидеть хоть краешек огромного чудо-зверя, единственного существа, чьей средой обитания был открытый космос, но док уже закрылся.

Они с Дэном молча, одновременно поставили истребитель и погрузчик. Кас снял шлем, и только теперь заметил, как больно он оказывается все это время давил на переносицу. Капа подлетела к вылезавшему из истребителя Дэну и повисла у него на шее.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! — повторяла она, всхлипывая. — Но знаю, как отомстить. В следующий раз приманкой пойду я. А ты сиди тут и следи по мониторам... и мучайся, мучайся!

— Да полно, Кап. Я с самого начала был уверен, что это уранос, — вяло отбивался Дэн. Кровь ударила Касу в голову. Значит, Дэн вывел истребитель, надеясь отвлечь гипотетический крейсер джийан от «Красавицы» и глупого медлительного Каса, на себя? От стыда заалели уши. Он поспешно отвернулся от капитана и его жены, глянул на монитор Катерины. Приступ у виртуалки прошел, никаких трещин не было.

— Что там, Кас? — нормальным голосом спросила Катерина.

— Это были не джийане. Уранос... титанотерий, иглоголов.

— Ух ты! — звонкий голос без жуткого металла. — Никогда не видела вживую. То есть, если и видела, не помню. Сейчас погляжу!

Она исчезла, зато на мониторе главной рубки появились Эля и Тая.

— Сейчас дадим внешнюю картинку, — наперебой закричали они. — Это все должны видеть. Уранос! Настоящий живой уранос!

— Запись ведите, непрерывно, — деловито сказал Дэн, вспомнив о своей любимой профессии — биолога экспедиции. — Я уже бегу.

Кас никуда не побежал: после такого провала долго придется набираться мужества для встречи с командой! Он следил за ураносом по маленькому монитору главной рубки. Выйдя на светлую сторону планеты, гигантский зверь скинул покров невидимости и проплывал перед землянами во всей красе. Даже «Красавица» тушевалась на его фоне.

Ураносы... Самые потрясающие создания Вселенной. Да и этой ли Вселенной они созданы? А может, они и есть создатели всего? Их потомство развивалось в недрах планет и звезд многие миллионы лет, чтобы в конце концов вырваться наружу, разбив оболочку, как птенец скорлупу. Взрослые ураносы путешествуют от звезды к звезде на энергии солнечного ветра или, редко, мгновенными гигантскими скачками в пространстве. Их было два вида: первый поменьше, развивающийся в недрах планет и более многочисленный, и второй — необозримо огромный, нереалистично красивый, вынянченный звездами и очень редкий.

Сейчас молодой планетный уранос проплывал перед «Красавицей». Его круглый черно-золотой солнечный парус был полностью расправлен. Диаметр этой тонкой, но прочной пленки уже равнялся диаметру Марса, а с возрастом парус ураносов еще увеличивается. За парусом пряталось тело, если это было телом — нечто туманное, темное со странными светлыми тенями в углах граней, тяжелое, гладкое, твердое. Непрерывно меняющееся, и меняющееся не хаотически — четко, как узоры в калейдоскопе. Одна грань перетекала в другую, ломая человеческое восприятие пространства-времени. Тессаракт, умноженный сам на себя, лента Мебиуса, свернутая бантом... Тело венчала голова, медленно вращающаяся на гибкой шее. Глаз, рта на ней не было, только длинная тонкая

игла, похожая на те, которыми утыканы тяжелые крейсера джийан.

Дэн, ты бездарен и безнадежен, — раздался голос Ала из виртуальности, где сейчас пребывал реал. — Назвать воплощенную Тайну Вселенной иглоголовом мог только человек, начисто лишенный воображения. По-моему, игла — это далеко не самая заметная часть существа. Как его называл папа... Оэздэзавр?

— Почему ОСД? — голос то ли Таи, то ли Эли.

— ОСД — орудие Судного Дня. Ведь эти твари, выходя из недр планеты, разрывают ее на куски. Что примечательно, взрослые оэздэзавры зародышей пестуют исключительно внутри планет, пригодных для жизни. И в недрах Земли сидит такой, если он еще не вылез наружу...

— У меня есть гипотеза, что именно иглоголовы своим обменом веществ и вызывают развитие жизни на планете. Это сами создатели, а не ангелы апокалипсиса, — подал голос Дэн. — А насчет названия... Если вам нравится джийанское «уранос» — используйте его, я не в обиде. А если ты, Ал, подберешь эффектное и при этом понятное даже малышу слово для обозначения тела иглоголова, или его солнечного паруса... я с удовольствием приму новый термин. И ещё. Игла — немаловажная часть существа. С помощью этого органа он перемещается по Вселенной подобно тяжелым крейсерам джийан. Думаю, наблюдение за этим умением зверя и помогло им понять механизм создания гиперпространственных тоннелей.

— Интересно, что он тут делает? — заметила Эля.

— Не знаю. Полагаю, это случайная встреча, — голос Дэна звучал растерянно. «Объект 670», — тихо заметила Капа, и капитан просиял:

— Ах, точно! Здесь недалеко объект 670, потерявшая родную систему планетка. Она — колыбель ураноса.

— Так значит, он вылупился?! — обиженно протянула Эля. — Такое зрелище пропустили!

— Нет. Тот, что засел в 670-ой, скорее всего, давно мертв. Без солнечного света и тепла они хиреют.

— Значит, это его родитель? Мама или папа? А, может, тот, который сидит в 670-ой, только уснул, и этот прилетел его будить? А если он проснется? — наперебой загалдели близняшки.

— Хорошо. Я запрошу проверку сейсмической активности объекта 670, и мы это выясним, — успокоил их Дэн.

— Вы знаете, что ваши родители пользовались способностью ураноса к гиперпространственным прыжкам? — вдруг тихо сказала Катерина Касу.

— Что-о? Повтори.

— Джад как-то упоминал. Кажется, вашим родителям удалось приручить одного ураноса. И он отвёз «Красавицу»... по неизвестному мне маршруту.

— Приручить зверя, размером с планету? Я помню, они изучали ураносов, но далеко, с безопасного расстояния... Вроде бы.

— Может быть, я неправильно выразилась, — прошептала виртуалка. — Может, это вовсе не зверь. Ты посмотри на него. Может быть, это бог. И он услышал одну земную молитву.

— То-есть уранос однажды перебрасывал «Красавицу», но куда?

Катерина не ответила. Уранос почти уплыл с главного монитора. Был виден лишь

черный край его паруса, переливающийся золотыми искорками, скоро пропал и он.

— Как ты понял, что распад мне не грозит? — ещё тише спросила виртуалка. — Ты ведь понял, поверил в это, не просто пытался успокоить. Я видела это по твоим глазам. Все меня боятся во время приступов. А ты не боялся, ты видел что-то, чего никто не мог увидеть.

— Я был уверен в том, что видел, — осторожно сказал Кас. — Да. Распад тебе не грозит. В эти моменты ты просто... преображаешься.

Она кивнула.

— И я увидела это... в твоих глазах. И стала спокойна. Спасибо.

Они помолчали.

— Джад сказал еще кое-что интересное, — еле слышно прошептала Кати. Видимо, счастливо окончившийся приступ расположил ее поболтать, и поболтать о сокровенном. — Ты знаешь нашу легенду о том, что дитя Эрны однажды откроет виртуалам путь в реальность? И дитя Эрны придёт к нам из реальности, оно будет реалом... Так вот, в поледнем споре с изоляционистами решающим аргументом Джада стало то, что дитя Эрны уже пришло к нам. Здесь, на «Красавице». То-бишь один из реалов — наш избранный, — она робко улыбнулась. — И я сейчас думаю, что это ты.

Кас неуверенно засмеялся. Сказать, что он был ошеломлён, значило ничего не сказать:

— Может, Ал? Я не тянусь к виртуальности... Нет, нет, Кати!

— А я говорю: это ты! Я поняла сегодня. Другие реалы не такие.

Кас машинально надел шлем. Потом снова снял. Снял перчатки: ладони вспотели, хотя не должны были. Следовало бы посмеяться нелепому предположению Катерины, но он не мог. Ее слова: не такой, как другие реалы, наоборот, приятно удивили, обрадовали его. Его, рыжую аватару Дэна! Сравнение с кэпом не льстило Касу. Он хотел быть собой, а не младшей копией капитана. Но где он, он сам? Какие мысли, мечты, идеи, черты — его и только его? Сейчас даже близняшки порой путались, и обращались к нему как к Дэну, а Кас злился и завидовал Алу, обладавшему каким-то обостренным ощущением своей индивидуальности. Ему же оставалось только продемонстрировать команде великолепное владение любой техникой и удивлять экстремальным вождением истребителя — вот уж на что осторожный Дэн никогда бы не решился.

Наконец Кас спросил, тоже шёпотом:

— А ты не врешь?

— Я? Вру? — виртуалка неподдельно оскорбилась.

— Ты же изоляционистка. Тебе самой не нужен путь в реальность, твои люди хотят закрыть виртуальность от реалов. Ты должна ненавидеть дитя Эрны! А сейчас разговариваешь со мной, как с другом.

— Я и ненавижу, — лицо Катерины потемнело, и это была не тень-отражение другого виртуала. Это было отражение ее собственной ненависти. — Ненавижу... и признаю путь Джада. И преклоняюсь перед чудом Эрны. Но я считаю, что виртуальность нужно сохранить целостной, а не переводит ее в реальность. Это уникальный и настоящий, что бы ни говорили злопыхатели, мир, и я люблю его. Я дружу с тобой сейчас, но если ты, дитя Эрны, решишься вывести виртуалов в реальность, будь готов к тому, что я встану у тебя на пути.

Кас поперхнулся. Все же слышать обращение дитя Эрны он пока был не готов:

— А, может, дитя Эрны был кто-то из наших родителей?

— Нет! Оно живо до сих пор. Оно немертво!

— Это тебе тоже Джад сказал?

Виртуалка улыбнулась:

— Нет. Это я сейчас почувствовала. Дитя Эрны — наша надежда, и она жива.

Монитор главной рубки чернел дырой в пустоту. Исполин-уранос ушёл, и Дэн, уже недовольный тем, что команда отдыхает в рабочее время, созывал всех на собрание.

Ал.

Ал надеялся, что капитан разрешит присутствовать на собрании, оставаясь в виртуальности, но Дэн настаивал на присутствии во плоти. Поэтому Ал неохотно покинул капсулу с гелем. В душ он не пошел, только обтерся полотенцем и прикрылся легким голографическим костюмом. Ал надеялся, что собрание окажется недолгим, и скоро он вернется в виртуальность.

Как он ни торопился, в главную рубку зашел последним. Близняшки так и сидели в креслах капитана и штурмана, откуда недавно наблюдали за ураносом — веселая Эля и хмурая Тая, обе с волосами, слипшимися от высохшего геля, в таких же как у Ала легких голографических одеяниях. Дэн морщил нос, когда глядел в их сторону или в сторону Ала.

Да, кэп, от нас так и пахнет, если не сказать, несет виртуальностью!

Дэн усадил Капу в кресло, исконно считавшееся любимым креслом Ала, а сам встал за спиной жены. Капа выглядела встревоженной и грустной, и Ал ободряюще улыбнулся ей и подмигнул, но сестра не заметила приветливого жеста. Зато Тая приняла улыбку на свой счет, покраснела, что было заметно даже при ее темной коже, смутилась.

Кас выглядел потерянным: все еще переживал за медлительность и глупость при погрузке льда. Он даже не прошел в рубку, встал у двери, прислонившись плечом к стене.

— Грузовые работы завершены, — сообщил Дэн, не отпуская спинку кресла жены, будто нуждался в поддержке Капы. — Система искусственной гравитации прошла проверку удовлетворительно. Единственное, что до сих пор вызывает сомнения — помехи в виртуальности. Их причину так и не удалось установить... — Ал думал, что капитан сейчас кинет негодующий взгляд на него: разобраться с помехами было поручено Алу. Но Дэн не смотрел в его сторону.

— Тем не менее, проблемы в виртуальности — не повод откладывать пуск главного двигателя, — бодро закончил Дэн. Через три часа мы ляжем в криокамеры, а «Красавица» начнет движение как запланировано, к объекту 371. Единственное изменение — наш сон на этот раз будет неглубоким. Срачивание с виртуальностью в условиях помех чревато различными неприятностями.

— Но мы с Таей можем пользоваться своими личными кабинетами в виртуальности? — взвилась Эля.

— Можете. Если у кого-то есть вопросы, идеи, новости, о которых я еще не знаю, — поделитесь ими сейчас.

Ал быстро развел руками. Он надеялся, что вопросов, идей, новостей ни у кого не будет, и в оставшееся до сна время он с Таей успеет поработать над Бомом. Но Кас вдруг мрачно сообщил:

— У меня есть вопрос. И идея. И новость. Начну с последнего: только что Катерина сказала, что я — дитя Эрны. Вопрос: кто что думает по этому поводу. Идея: возможно, разгадку гибели родителей следует поискать в области... Эрны и, вообще, верований

виртуалов?

Ал почувствовал, что его лицо озадаченно вытягивается. Дитя Эрны? В эту сказку виртуалов еще возможно поверить, даже реалу. Но того, что Кас — дитя Эрны не может быть ни в этой Вселенной, ни в любой другой!

— Дитя Эрны? Здесь? Сейчас? — заметил он. — У Катерины, что, приступ религиозного фанатизма? Дайте-ка я тоже... объявлю Дэру надеждой человечества.

— Джад сказал Катерине, что дитя Эрны явилось к ним на «Красавице». Это один из нас, — еще более мрачно сообщил Кас. — И у меня нет оснований не верить виртуалке. Сама Катерина идею перемещения виртуалов в реальность не поддерживает. Ей выгоднее было бы скрыть эту информацию.

— Дитя Эрны? Но Эрна ведь сказка? Или она действительно была? — беспомощно спросила Капа. — Выходит, и перемещение виртуалов в реальность возможно?

Дэн снисходительно улыбнулся:

— Капа, козочка моя! Разумеется, Эрна существовала в действительности. Но что это было: сверхъестественное существо или чья-то провокация, до сих пор гадают и в реальности, и в виртуальности. Есть версия, что она была обыкновенной виртуалкой, вокруг которой группа реалов и виртуалов выстроила мощное здание сказки. Все чудеса и странные способности Эрны, включая даже воскрешение десяти тысяч виртуалов, могут быть объяснены с материалистических позиций, если допустить, что у Эрны были могущественные покровители, учителя... направители.

Ал постарался скрыть раздражение от затягивающейся беседы за расслабленной позой и равнодушным выражением лица.

— Что прежде появилось: Эрна или мечта об Эрне? — улыбка Дэна стала из снисходительной мудрой. — Возможно, давно, на Земле, кто-то использовал эту мечту как маску, преследуя только ему ведомые цели. А, возможно, сейчас, на «Красавице», Джад использует мечту уже о дитя Эрны, чтобы направить реалов и виртуалов по только ему ведомому пути. Не радуйся прежде времени, Кас: если тебя зовут избранным, тебя, скорее всего, уже пытаются использовать.

— Кати говорила искренне, я уверен, — тихо сказал Кас, но после кивнул: — Да, кэп. Поразмыслим над этим вместе... в пути.

— Лучше думай над тем, как провести виртуалов в реальность, дитя Эрны! — Ал не удержал нервный смешок.

— Что ж, два часа всем на последний перед полетом отдых в реальности. Советую провести их активно, — Дэн отошел от кресла Капы, подал жене руку. Капа вскочила, уже легкая, веселая, настроение у сестры всегда менялось мгновенно.

— Я пойду искать Дэру, и мне нужно двое помощников, — звонко сказала она. — Ал? Тая?

Тая пробубнила что-то насчет гимнастического зала... Ал ухмыльнулся:

— Извини, сестренка, но я хочу еще помониторить виртуальность. Не могу ложиться спать, пока не выясню, что вызывает помехи, — тут он бросил выразительный укоризненный взгляд на Дэна. Капитан, как всегда при подколах Ала, скрестил руки на груди и надел маску божественного спокойствия.

— Ну что ж, хорошо. Тогда Кас... Эля?

Эля нехотя поднялась из кресла.

— Дэра, наверное, уже почувствовала, что мы собираемся запустить двигатель, и

забилась в свою щель, — недовольно проговорила она. — Что ее искать?

Капа пожалала плечами, но у бровей пролегла едва заметная складочка:

— Возможно, Дэра готовится к перегрузкам. Но меня в последнее время беспокоит ее поведение. Мне кажется, ей плохо, больно. Нужно предложить ей помощь.

— Или помочь насильно, — вставил заметно повеселевший Кас. — Пойдем, мама Капа.

— Дэн, надо бы проверить в виртуальности кое-что, — как бы невзначай бросил Ал, вставая. — Мне нужна твоя помощь. Но потребуются залезть в капсулу с гелем.

— А без капсулы никак? — Дэн слышно вздохнул, с недовольством.

— Да какая разница, Дэн! Часом раньше, часом позже, ты все равно залезешь в этот гель.

Ал перехватил удивленный взгляд Таи: а как же наш план? — и подмигнул, теперь уже ей и только ей: не спорь, все под контролем!

Ала всегда влекли загадки. Время, проведенное без тренировки ума и выстраивания карточных замков догадок, он считал бездарно потерянным. Сначала он надолго увлекся таинственной виртуальностью, но позже понял, что истинные сокровища хранит другая тайна — тайна гибели первого экипажа «Красавицы». Дэн, Капа, Кас почти игнорировали ее, и, расследуя эту загадку «Красавицы», Ал мог чувствовать себя безоговорочным лидером и даже гуру. Приятное чувство!

Он с детства привык к тому, что его не замечают. Спокойный, вежливый ребенок — его можно был отправить в комнату отдыха в виртуальности на целый день и быть уверенным, что ничего плохого он за это время не сотворит ни в реальности, ни в виртуальности. Он не радовал и не огорчал приемных родителей — все эмоции Капы и Дэна доставались Касу и подрастающим близняшкам. Когда в восемнадцать лет Капа вдруг вспомнила о младшем брате и озаботилась его возвращением в реальность, Ала сначала злило ее внимание. Потом он нашел, что это внимание может быть приятным. А новые изыскания Ала в области давней катастрофы «Красавицы» будоражили Капу и злили Дэна, и наблюдать за этими их реакциями было весьма и весьма волнительно. Да, ссоры со старшими не пугали, не огорчали его. Это развлечение было интересней серого зависания в виртуальности.

И сейчас Ал уже предвкушал реакцию Капы и Дэна на включение старины-Бома, и это ожидание заставляло биться чаще его холодноватое сердце... Тая тоже волновалась, но совсем по другой причине. Вопреки храбрым словам, девушка явно побаивалась реакции старших. Пока они шли до закрытого склада, куда убрали выключенного Бома, Ал попытался ее успокоить. Довольно неумело:

— Тая, они все скажут нам спасибо. Подумай о том, что нас сейчас ждет.

— Сумасшедший робот? — девушка нервно хихикнула. — Я не говорила, я побаиваюсь роботов с детства...

— Брось, ни один робот никогда не причинит вред человеку. Для них это как дыхание для нас. Хотя бы сомнение в главнейшем законе — смерть. А я... — Ал тихо засмеялся. — Я все думаю, какая же загадка нам откроется.

Они остановились перед закрытой дверью склада. Ал легонько нажал на ручку, и дверь отворилась. Войдя внутрь, он уверенным взмахом руки включил освещение. В холодном бело-голубом свете заблестели гладкие округлые линии корпусов роботов — это складское помещение было хранилищем запчастей для них. Комнатка была небольшой: четыре шага в длину, три в ширину. Бом был у дальней стены, в прозрачной непроницаемой капсуле, защищающей от повреждений и загрязнения пылью. Все детали няньки первых лет Ала и

Каза отлично просматривались.

«Какой маленький!» — невольно подумал Ал. Бом был сейчас ростом ему по грудь, хотя по детским воспоминаниям до сих пор представлялся великан. Внешность у робота была почти человеческой, без детального сходства. Корпус из гладкого светлого материала, не бело-голубого, как у рабочих роботов, а теплого, желтовато-бежевого, телосложение, без намека на пол, напоминало ребенка лет десяти. Лицо Бома показалось Алу грубоватым — в воспоминаниях эти черты расплывались туманной дымкой. Симметричные, но резкие черты: полные губы, широкие скулы, расплющенный нос.

— Значит так, Тая, — бросил Ал, подходя к Бому. — Слушай задачу. Бома включаешь ты, а я буду следить за процессом из виртуальности. В реальности робота разговорить вряд ли получится, я попробую поймать его след в виртуальности.

— М-м, а ты уверен, что его след там записывался? — рассеянно спросила девушка, с сомнением оглядывая пластикового человечка в прозрачном куполе.

— Да. Все наши роботы мониторились виртуалами. Всегда.

— Ага, а... Пстой, — лицо Таи вытянулось. — Ты сказал, я должна его включить? Мне надо тут с ним остаться? Одной?

Ал равнодушно приподнял бровь, зная, как ее уколет это:

— Боишься? Я же сказал, Бом не может быть опасен. Даже сумасшедший. Как любой робот.

— Да я сейчас не про Бома! Если Дэн сюда придет? Или Капа?

Ал снисходительно улыбнулся:

— Дэна я заберу с собой в виртуальность. И буду за ним следить. До тебя он не доберется, не бойся. А Капа, если ты помнишь, ловит Дэру.

— А Бран?

— Если открывать дверь через виртуальность, он не сразу это заметит. Главное, ты ему не сообщай.

— А-а... — протянула девушка вопросительно, и он перебил ее:

— Помнишь, как такого робота, как Бом, включать?

— Смутно, — Тая не успевала за ним мыслью. Все шло, как надо.

Ал разрезал прозрачный купол над Бомом припасенным карманным лазером, повернул непривычно легкого пластикового человечка к людям спиной.

Спина были вскрыта, внутренности вывернуты наружу, все проводки выдернуты — Дэн не церемонился с сумасшедшим роботом. Ал определил главные проводки и наскоро соединил их. Робот не пошевелился, искусственные глаза были прежними, тусклыми, но что-то изменилось. Он был уже не мертвым. Теперь просто спящим.

— Все, готово. Теперь ты. Внутри ничего не вправляй. Я сейчас уйду в виртуальность, дам тебе сигнал на браслет. По моему сигналу нажми кнопку на правом плече и жди здесь. Следи, может, он скажет что-то интересное. Дверь на склад я закрою из виртуальности, чтобы вас точно никто не потревожил, — терпеливо сообщил Ал. Тая нахмурилась:

— Закроешь дверь? А если что случится? Он ведь сумасшедший.

Ал сделал вид, что задумался. Хотя он решительно не понимал причину сомнений девушки:

— Хм... Нет, выпускать Бома в коридор не будем. Отсюда есть переход в зал зарядки роботов, а из него — тоннельчик в оранжерею. Он, конечно, для роботов, но ты должна протиснуться.

— Хорошо. Тогда уговор: я нажимаю кнопку не ранее, чем ты открываешь дверь в зал зарядки. Договорились?

Ал кивнул. И запоздало подумал, что вел себя с Таей резковато.

— Ты молодец, — сдержанно похвалил он. — Я верно тебя выбрал помочь мне с Бомом. Девушка зарделась. Оставив Таю с Бомом, Ал быстрым шагом отправился в зал отдыха и виртуальности, где его ждал Дэн.

Дэн, как всегда перед новым циклом криосна, был собран и хмур, постоянно прокручивая в уме сотни дел как уже сделанных, так и еще требующих его участия. Ал опять поразился, что выбрал для авантюры самое подходящее время, когда бдительность капитана вроде бы усиливалась, но при этом чрезвычайно сужалась.

— Что там, в виртуальности? Какая помощь требуется? — спросил Дэн, забираясь в капсулу с гелем.

Ал забрался в соседнюю, на полдороге спохватившись, коснулся межключичной ямки, отключая голографический костюм:

— Мне кажется, помехи в виртуальности берут начало в самой внешней части сети, но в одиночку ее не проверить. Рутинная, но нужная работа.

— Самая внешняя часть? — Дэн прищурился, вспоминая. — Что у них там?

— Запущенные, заброшенные, нефункционирующие переплетения: настройка на земную сеть, поиск чужих сетей, фильтр сообщений из чужих сетей, экран от фона иных виртуальных локаций. Все это сейчас не включено в работу, на много световых лет вокруг нет иных виртуальных локаций, кроме локации «Красавицы». Конечно, есть джийанский информационный каталог, но не думаю, что кто-то в нашей виртуальности захочет перекинуть дружеский мостик к Джийе.

— Понятно, — Дэн взглянул на него... с уважением? Это было более чем необычно, Ал даже не сразу поверил глазам, а поверив, почувствовал неприятную сухость в горле. Кэп начал его уважать... ценить? Поздновато.

Скоро Алу доведется увидеть совсем другого Дэна — знакомо холодно-взбешенного. Как только капитан узнает о Боме...

В Эрнатоне стояло вечное позднее ясное утро. Виртуальность и ее обитатели сегодня были настроены благодушно к реалам и встречали капитана и Ала вежливыми поклонами.

— Приветливы они сегодня с тобой. Или это из-за моего сопровождения? — не удержался от замечания Ал.

— Они узнали от Джада, что между нами находится дитя Эрны, и потому решили сменить гнев на милость, — усмехнулся Дэн.

— А ты веришь, что это Кас?

— Я верю... — Дэн замолчал, задумался. — Нет, я пока лишь вижу, что Джад затеял сс мной какую-то новую игру.

Ал поглядел на Дэна внимательно, удивленно. Капитан все-таки сильный противник! И упрямый: гнет свою линию, несмотря ни на что.

— Игру?

— Джад хочет купить у меня власть над новой памятью виртуалов в обмен на свою старую. Вот и бросает мне сейчас лакомые ее кусочки. Рекламирует. Но попробуй-догадайся: сочиняет или говорит правду.

— Кас считает, что Кати говорила искренне.

— Я поверю в искренность виртуалов, когда узнаю их истинное прошлое, — отрезал

капитан.

Они вышли в виртуальность в центральном пункте перехода и в вагончике монорельсовой дороги быстро перенеслись к приземистому зданию, предваряющему путь к изнанке виртуальности — центру проекций сети.

Это здание было подземным, наверх выступало лишь два этажа. Внизу, в огромных залах без окон с мониторами во всю стену, можно было наблюдать проекцию скрытой стороны виртуальности. На мониторах светились, переливаясь и поблескивая, тысячи точек. Каждая — виртуал, включенный в общую сеть. Проекция виртуальности удивительно напоминала звездное небо. Дэн стоял у другого монитора, спиной к Алу. На мониторе капитана была внешняя сеть виртуальности — переплетение тонких серебристых нитей — кодов. Дэн задумчиво провел по экрану рукой, прослеживая путь одной нити.

— Что мне смотреть? Прорывы сети?

— Да. Попробуй установить их источник.

— А ты?

— Я сейчас. Быстро проверю кое-что и присоединюсь.

На маленьком боковом мониторе Ал набрал код для блокировки дверей склада, где коротала время Тая. Потом бросил быстрый взгляд на капитана. Как он и предполагал, Дэн не на шутку увлекся распутыванием нитей внешней сети. Его пальцы скользили по экрану, прослеживая структуру очередной нити-кода.

Ал ухмыльнулся и набрал на боковом мониторе код, открывающий дверь в зал зарядки роботов. Теперь по уговору осталось ждать действий Таи. Ал впился глазами в большой монитор. Скоро должна загореться новая звездочка — отметка Бома в виртуальности. Скоро... Сейчас!

Если б Ал был в любом земном зале проекций, он бы не нашел Бома: там каждую секунду зажигались и угасали сотни звездочек. Но в маленькой уютной виртуальности «Красавицы» обнаружить новую звездочку было легко. Белая точка зажглась недалеко от центра монитора, Ал тут же бросился к ней, надавил пальцем почти до боли, вскрывая сведения о Бома, оставшиеся в виртуальности.

Картинка на мониторе поменялась: густая сеть нитей-кодов, запутанная похуже чем та, на мониторе Дэна. Пугающее отражение Бома в виртуальности. Чем-то этот спутанный комок напоминал несчастную загадочную Дэру...

Ал хищно улыбнулся. Его палец заскользил по первой нити.

Кас.

— Дэра! Дэра! — голоса Капы и Эли то сливались, то разделялись, терялись в густом шелестящем море листвы оранжереи. Девушки были в центре огромного зала-сада — в зоне невесомости, а Кас с несколькими помощниками-роботами медленно обходил его по длинной извилистой дуге.

Он заглядывал по пути во все тоннели для роботов, во все хитросплетения тонких ветвей. Дэры не было. Лишь с одного куста с длинными узкими листочками Кас снял ее тонкий светлый волос.

Катерина несколько раз пыталась связываться с ним по браслету, так что в конце концов Кас отключил его. С Капой и Элей, если нужно, он свяжется и через роботов.

Виртуалку же он сейчас вовсе не желал слышать. После слов Дэна, что дитя Эрны — игра виртуалов, он здорово, хоть и запоздало обиделся. Обиделся и на ее ложь, и на свою глупость. Подумать только, обманула его, как мальчишку! Ведь на несколько минут он и сам почти поверил в виртуальную сказку.

Тонкая линия на полу — окончание очередного сектора. Он с роботами забрался уже довольно высоко и приближался к экватору шара-оранжереи. Впрочем необычность паучьего бега по стенам совсем не замечалась. Куда ни глянь, ни стен, ни потолка, ни пола, лишь море зеленой листвы.

— Дэра! — позвал Кас. Отшельница предсказуемо не отозвалась: обожала появляться внезапно. Кас продолжил подъем. С одного дерева скоро снял надкушенный плод. Мякоть еще не успела засохнуть. Дэра где-то близко.

Он потянулся к браслету, и чертыхнулся, вспомнив, что тот отключен. Что-то еще тревожило в последние несколько минут... Что?

«Тишина в оранжерее. Не слышно ни Капы, ни Эли».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кас поднял голову, пытаясь разглядеть, что творится выше полога листвы.

— Капа! — позвал он и поперхнулся, отступил. Сверху, хотя он так и не понял откуда, прямо перед ним обрушилось костлявое угловатое тело, окутанное светлыми волосами. Дэра!

— Не-мы, — нараспев промычала она, потом еще: — Не-вы...

— Что? — глупо спросил Кас и незаметным жестом отправил роботов за Капой.

Дэра скорчился на полу и немного раскачивалась. Потом вдруг протянула к нему тонкую кривую худую руку, ухватила ткань комбинезона, слабо потянула на себя.

«Хочет что-то сказать?»

Кас опустил на корточки, попытался заглянуть в занавешенное волосами лицо. Он все-таки включил браслет и теперь нащупывал в кармане аппликатор с успокоительным, раздумывая, воспользоваться им сейчас или позже.

— Не-мы! — простонала Дэра. Видно было, что говорить, пытаться оформить мысль словами ей мучительно больно. — Не-мы!

— Немы? Кто нем? — в уме Кас лихорадочно перебирал возможные варианты слов.

— Здесь... Не — мы! Не, не, не... — она начала заикаться и вдруг вскрикнула, точно ее ударили. — Другое! Другое! Еще!

— Здесь другое? То есть... чужое? На корабле?

Дэра замахала руками. Она пыталась сказать еще что-то, но не сумела, устало уронила голову.

Снова тишина. Нет, не совсем. Ворчал браслет на руке Каса, и он поднес маленький монитор к глазам.

— Кас, быстрее к нам! Пятый сектор! — кричала Капа.

— Я нашел Дэру!

— Это Тая, Тая! Я не понимаю, что... — ее прервали гулкие жесткие удары, будто кто-то с силой колотил в дверь или переборку.

Оставшись одна, Тая обошла Бому кругом, потом снова уселась перед ним на корточки, вглядываясь в неживое кукольное лицо. Этому роботу она совсем не помнила и помнить не могла, но няньки ее первых лет были почти такими же. Тая помнила, какими теплыми, ласковыми могут быть эти безвольно висящие руки... и как они внезапно могут налиться силой — нечеловеческой, страшной.

Тая вздрогнула и обхватила себя за плечи, точно ей стало холодно. Нет, лучше сейчас не возвращаться к тому детскому воспоминанию. Не надо!

За спиной раздался тихий щелчок: Ал запер входную дверь. Тая непроизвольно вскочила, но тут же опустилась обратно.

«Ну все. Теперь начнется самое интересное», — попыталась подбодрить себя она, вновь глядя в безучастное лицо робота. Получилось плохо. Старый детский страх перед сильными бездушными машинами в закрытом помещении усилился во сто крат.

Еще один щелчок. Это Ал разблокировал дверь в зал зарядки роботов. Тая встала, на негнущихся ногах подошла к ней, отворила, обозрела соседнее помещение с рядами спящих роботов, подключенных к батареям аккумулятора. Отыскала и тоннельчик на потолке, длиной в два человеческих роста и довольно широкий — хрупкая девушка, как Тая, сможет передвигаться в нем вполне свободно.

Удовлетворившись осмотром, Тая возвратилась к Бому. Ал выполнил свою часть уговора, осталась ее. Она уже потянулась к кнопке на плече робота, но рука тут же опустилась. Страшно! Эти руки, сильные, безжалостные, такие же равнодушные и страшные каждым изгибом, как любое орудие убийства...

«Давай, действуй, не то Ал вечно будет считать тебя глупой трусливой мелочью!»

Тая надавила на кнопку. Ойкнула, все-таки испугавшись, когда сразу же вслед за этим глаза старого робота зажглись мягким неярким светом. Бом бесшумно приподнял голову, теперь и он всматривался в сидящую перед ним девушку.

— Привет, Бом, — с наигранной веселостью зачастила Тая, не представляющая, как следует вести себя с сумасшедшими роботами. — Ты, наверное, не узнаешь меня? Я Тая, я была совсем маленькой, когда ты... когда тебя выключили...

Бом все также бесшумно согнул руки, пальцы, поворачивал ими в суставах. Его взгляд был пуст, совершенно пуст, таким он бывал у зависших роботов, пытавшихся решить задачу непосильной сложности. Он смотрел вроде бы на Таю, но, похоже, видел не ее. Какая картинка мучила его, не оставляла, вставала и вставала в глазах? Может, картина из далекого прошлого — мертвые изуродованные тела первых хозяев? Бом дернулся вперед, на Таю, и она отшатнулась к полкам с запчастями, ударилась о них руками, загоразвивая лицо. Бом врезался в стену совсем рядом, несколько раз ударил ее кулаком. Тая ринулась к двери в зал зарядки роботов. От волнения забыв, в какую сторону та отворяется, сначала бестолково толкнулась в нее телом. Бом пока размышлял о чем-то у дальней стены, он застыл, сжимая и разжимая кулаки с тем же пугающе пустым взглядом. Всхлипывая от ужаса, Тая наконец догадалась дернуть дверь на себя и вылетела в соседний зал. А робот пришел в движение. Он скользнул к полке с запчастями.

«Зачем? Ищет подходящее орудие... Орудие убийства?»

— Бран! — истерически закричала Тая, теперь начисто отрекшись от обещания Алу. — Бран, запри дверь между складом и залом зарядки! Код 3: нападение на человека!

Бран отозвался почти сразу. Дверь за спиной Таи щелкнула, как раз вовремя: со стороны Бомы в нее ударилось нечто тяжелое. Тая кинулась к тоннелю в оранжерею. Ступила на

пустую стойку батарей, потянулась вверх, подпрыгнула, и ей удалось зацепиться за край отверстия. А в дверь вновь ударилось что-то тяжелое. И еще, и еще. Бом методично выламывал дверь.

Тело Таи действовало прежде рассудка, спасибо тренировкам в виртуальности. Она подтянулась и оказалась в тоннеле. Увы, никаких ручек, чтобы цепляться, по всей его длине предусмотрено не было. Только неглубокие бороздки в стенах, за которые могли уцепиться некоторые роботы.

Методичные, сводящие с ума удары продолжались, и их звук менялся, дверь поддавалась Бому. Упираясь руками и коленями в стены тоннеля, Тая сумела подняться выше, но зеленое море оранжереи в его конце казалось все таким же далеким.

Маленькая человеческая фигурка проплыла по зеленому полю листвы. Кто-то был там, в оранжерее! Тая набрала в грудь побольше воздуха.

— Помогите! — что есть мочи заорала она. Попробовала подняться выше, но левая рука соскользнула, и она чуть было не упала обратно к Бому. У самого края тоннеля, упершись в стену коленом, разодрав его в кровь, Тае удалось остановить падение.

Бом прорвался на склад, сразу понесся к отверстию. Тая закричала, снова полезла выше. Но она уже слышала стук его пальцев и скрежет полок склада — робот поднимался к тоннелю.

Из оранжереи налетели другие роботы, бестолково столпились у выхода. Эти, захваченные для поимки Дэры Капой, были великоваты, и в тоннель пройти не могли.

— Тащите меня, ну! — крикнула Тая.

Нет, и руки их были коротковаты. А Бом уже цеплялся за край нижнего отверстия. Холодный ужас длинными тонкими иглами пронзил насквозь, и все силы улетучились, ее хватало лишь на то, чтобы с мучительной болью глотать воздух.

— Тая, слышишь меня? — голос Капы из оранжереи, но ее саму видно не было. — Кто напал, кто?

— Бом! — прорыдала Тая. — Вытащите меня!

Верхнее отверстие потемнело. Кас попробовал пролезть к ней, но плечи не прошли. За ним — Капа. Тая протянула ей руку, но другая, железная, беспощадная, в этот момент дернула за ногу, и она провалилась обратно в зал, к сумасшедшему Бому, от ужаса даже не вскрикнув.

Ал.

Ал ничего не слышал и не видел вокруг. Он весь жил сейчас на кончиках пальцев. Осторожных, ловких, чутких пальцев, исследующих сеть виртуальной части Бома.

Он быстро нашел пульсирующий болью и непониманием очаг — последний, потухший пятнадцать лет назад, и первый, вспыхнувший сейчас. Помещение карантина. Изуродованное плазмой, наполовину сожженное женское тело на полу у скамьи. Бедная Эмма! Разум Ала отказывался воспринимать это жуткое зрелище, как убитую маму. Ее позвоночник был выгнут страшной, противоестественной дугой, будто кто-то пытался вытащить его из тела через живот. Эта же картина мучила и Бома, и от нее тянулась слабая нить в виртуальности... Да! То, что он так долго искал: нить в стертую память виртуалов! А в фоне последних эмоциональных реакций Бома ни процента, ни доли процента удивления, будто

робот уже видел подобные смерти прежде.

От близости к разгадке важной тайны учащенно забилось сердце. Ал осторожно погладил нить, и ему открылся проход в старое выжженное хранилище виртуальной памяти. Черный-черный экран. Хранилище казалось пустым, но Ал шел дальше, глубже, к изнанке виртуальности, где все, когда-либо совершенные ее жителями действия оставляли свой уникальный отпечаток. Так, перебирая изнанку, можно было по крупитцам восстановить уничтоженную память, но виртуалы оставили это занятие, быстро отчаявшись: хаос отпечатков не хотел выстраиваться в единую картинку. Мысли, память всех виртуалов расплавились в единое безликое море. Но Бом не был виртуалом...

И Ал искал отпечаток последней мысли робота. Мысли, ввергнувшей его в безумие.

— Ал... Ал! — он вздрогнул от оклика Дэна. — Что ты смотришь? Пятый раз тебя зову.

— Говори, я слушаю, — Ал скопировал код оборванной нити и начал поиск родственных ему отпечатков в необозримом массиве воспоминаний о памяти.

— Я не могу установить источник помех виртуальности. Прорывы внешней сети будто бы бессистемны.

— Что ж... — начал Ал и осекся: на его мониторе замельтешили родственные коду отпечатки. О, тут не разобраться за всю жизнь! Он поспешно скопировал страницу в новую виртуальную память и затем наугад открыл один отпечаток. Как Ал и ожидал, за ним потянулся, раскрываясь и раскрываясь, бесконечный веер других. Мозаика: сложи ее — и получишь ответ на один из тысячи вопросов... и еще тысячи вопросов в довесок.

— Ал, ты меня слушаешь?! Что ты там смотришь?!

— Фотографию, — бросил Ал, как раз установив род открытого отпечатка.

— Что за... — Дэн взял себя в руки. — Фотографию?! Хватит заниматься ерундой, возвращаемся в реальность. Мне неспокойно.

— Минуту, — пальцы Ала фантастически быстро скользили по монитору. Он чувствовал себя художником, вознамерившимся создать неизвестный даже самому себе шедевр в мгновение ока. Картинка выстраивалась. Серый песок, пыль, пепел — темная, наверное, ночная пустошь. Еще кусочек мозаики, еще... Силуэт человека на земле: худое искалеченное тельце, и с ним еще один веер эмоций Бома... — Ал едва успел отодвинуть в сторону этот ненужный пока набор отпечатков, боковую веточку потерянной памяти.

— Что ты смотришь? — Дэн встал рядом, так и впился взглядом в экран. — Это же... Дэра?!

Последний кусочек мозаики: ночное небо на дальнем плане. Знакомый узор созвездий, заученный, но ни разу не виденный в яви. Ночное небо Земли.

Дэн потрясенно выдохнул, приблизился к экрану так, что почти уткнулся в него носом.

— Что это, Ал?!

— Частичка потерянной памяти, не мешай, — отмахнулся он.

Ал фиксировал все, что увидел, пока без какой-либо эмоциональной окраски. Он был слишком занят сетью, отпечатками — погоней за оборвавшейся ниточкой. Потом он осознает, что открылось ему, и, наверное, выпучит глаза также, как капитан. Но сейчас он работал, работал, работал... как большая упрямая машина. Он вгрызался в толщу потерянной памяти.

Сохранив картинку, Ал потянулся открыть следующий отпечаток, но Дэн вдруг остановил его руку.

— Стой, потом, — капитан к чему-то прислушивался. — Бран передает. Из реальности.

Код три.

Ал пошевелил губами, вспоминая. Возвращаться к проблемам реальности было невероятно сложно.

— Нападение? — неуверенно проговорил он.

— Тая! — крикнул Дэн, и тут Ал все вспомнил. И он первым рванулся к выходу из зала.

Они примчались на склад одновременно с Касом. Первое помещение было пусто, дверь во второе выломана. Оттуда доносились звуки борьбы. Вот на пол из тоннельчика в оранжерею выпали двое — маленький робот и темнокожая девушка. Дэн и Кас одновременно рванулись к ней.

Робот поднялся, сбросив с себя тело Таи, бывшей то ли без сознания, то ли в полнейшем шоке. Ал отметил: движение не было грубым, напротив, бережным. Больше Бом внимания на Таю не обращал. Он мгновенно вскарабкался к тоннелю и втянулся туда. Еще через секунду из тоннеля послышался лязг и скрежет: робот споро карабкался вверх, по пути сдирая обшивку стен. Кас направил на него бластер, но Дэн предостерегающе крикнул:

— Не стреляй! Под обшивкой важные узлы виртуальности!

Ал оттащил Таю подальше от отверстия, к искореженной двери. Девушка была в сознании, и ужас понемногу уходил из ее глаз.

— Тая, говорить можешь?

Ее рот искривился, и девушка разрыдалась. Тут подоспели маленькие роботы из коридоров, вчетвером они вытянули Бома из тоннеля и скрутили.

— Деактивировать? — спросил Кас.

— Он не на Таю нападал! Похоже, ему просто был нужен тоннель, — вмешался Ал.

— Да, Кас, подожди, — вступился и Дэн.

— Помогите спуститься! — крикнула из тоннеля Капа. — Как Тая? Все целы?

Через минуту команда была в сборе. Тая прекратила всхлипывать, но тело девушки была нервная дрожь. Ал обнимал ее, но успокоить не мог.

— Прости, — неуверенно сказал он, не привыкший просить прощения. В голове уже было холодно и спокойно. Никто не пострадал, ну, перепугалась немножко. Главное, что ему удалось выяснить в виртуальности.

— Ничего не сломала? — для проформы спросил он. Тая помотала головой, и он поднял ее. Ал честно старался вложить в это движение хоть толику нежности, но у Бома несколько минут назад нежность и то вышла лучше. Инцидент окончился благополучно, и мысли Ала завертелись вокруг картинки, выуженной из виртуальной памяти робота.

— Так, — оборвал цепочку его идей Дэн. — Кто включил Бома и зачем?

Тая кинула быстрый взгляд на Ала и опустила голову, предоставляя ему право признаться. Ал сознался:

— Это придумал я. Дэн, подожди, Капа, не ругайся. Я все объясню. Дэн, та фотография, которую я при тебе сложил в виртуальности — это частичка восстановленной памяти Бома. Виртуалы не могут собрать свою, это слишком сложный процесс, но я подумал: ведь все наши роботы также подключены к виртуальности! Можно попробовать через них. Оказалось, нормальные роботы чисты, никаких оборванных нитей в прошлое, ничего. Нужен был робот со сбоем, и я решил включить Бома. Тая меня поддержала и помогла, благодарю, — он обернулся к ней. Тая кивнула, попыталась улыбнуться, но ее губы дрожали.

Дэн обескураженно вздохнул:

— Отличная идея, Ал! Но почему тайно? Ты забыл, что погубило первую команду

«Красавицы»? Ложь, предательство одного из своих! Если б ты мне рассказал свой план, я бы с радостью принял его. Оставлять девочку одну с сумасшедшим роботом — это что? Глупость? Наивность? Безразличие?

— Это желание нас позлить, но поведение Ала мы обсудим потом, — сказала Капа. — Старое предательство давно пора забыть! Что вы все прицепились к нему?! — она чуть не плакала. — А того, кто еще попробует играть с семьей в тайны, я запрю в оранжерее с Дэрой, играйте в тайны с ней! Сейчас никаких тайн! Что на фотографии, которую тебе удалось восстановить?

Через несколько минут в главной рубке все рассматривали снимок, выведенный на главный монитор.

Серая ночная пустошь. Ночное небо над однообразным пейзажем — знакомое, невозможное небо Земли. Красные крестовины огоньков патрулей джийан создают свой узор поверх известного с детства узора созвездий. Топаз Юпитера и рубин Марса сошлись в Тельце близ яркой группы Плеяд. И силуэт человека внизу, лежащего на пустоши без сил или спящего. Худая искалеченная девушка. Шрамы еще свежие, светлые волосы до плеч еще не окутывают фигуру, не занавешивают лицо, оно открыто — безумные светлые глаза, тонкие растрескавшиеся губы... Дэра!

— Ал, когда была сделана фотография? Дата? — первым нарушил молчание Дэн.

— Отпечатки, обрисовывающие дату, я не нашел. Это долгая, муторная работа, совмещение ссылок. Мне фантастически повезло, что первая фотография составила так просто и быстро.

— Я не понимаю! — легко, как всегда, призналась Капа. — Дэра... какая-то планета... это небо...

— Это не какая-то планета. По рисунку созвездий и планет — это Земля, — поправил Ал, и воцарилось долгое молчание.

— То есть наши родители с Бомом уже возвращались на Землю?! — первой догадку решила озвучить Тая.

Ал пожал плечами:

— Очень похоже на то. И, вероятно, оттуда они захватили Дэру. И Дэра была страшно искалечена еще на Земле... судя по фото, теперь принадлежащей Джийе. Это было либо до вас, Дэн и Капа, либо, когда вы были совсем крохами.

— Но как? Сколько нужно лет, чтобы долететь до Земли! А потом еще и по новому маршруту, к 404-ой, — пробормотала Капа. — Не сходится, не сходится...

— Катерина передала мне кое-что. По словам Джада, первый экипаж «Красавицы» пользовался услугами особого перевозчика, — заметил Кас.

— Какого?

— Наши родители приручили ураноса, — Кас усмехнулся. — Бред, да? Но после дитя Эрны я готов поверить во что угодно.

— Смотрите! — дрогнувшим голосом сказала Капа, указывая на боковой монитор. Там был Бом, оставшийся в разгромленном зале зарядки, обездвиженный, но не выключенный. Из отверстия в тоннель заструился водопад волос, и через несколько секунд в зал спустилась Дэра. Изломанное худое тело при нормальной гравитации не могло выпрямиться во весь рост, она ползла, почти не отрываясь от пола, с жуткой грацией паука. Добравшись до Бома, она чуть поднялась и цепко обхватила робота руками и ногами, прижалась. Эмоциональный фон Бома в этот миг запестрел радостью и успокоением.

— Два безумия нашли друг друга, — прокомментировала Эля. — Может, это к ней Бом рвался со склада?

Они наблюдали за тем, как безумный робот и дикарка-аборигенка баюкают друг друга, а в головах у всех был один вопрос: что же за время их путешествия случилось на Земле, за что джийане теперь так страшно уродуют ее детей?

Мелодичный звон Брана заставил всех вздронуть.

— Капитан, глава виртуальности Джад требует слова немедленно, — безразлично сообщил главный компьютер «Красавицы».

— Видео и аудиосвязь, — приказал Дэн, и на главном мониторе тут же возникло посеревшее от ярости лицо Джада.

— Дэн, твой подчинный, Ал вероломно проник в хранилище старой виртуальной памяти. Что ты мне скажешь? Это принимать как объявление войны? — холодно поинтересовался он. Дэн скрестил руки на груди:

— Скажу, что был там с Алом. А где в это время был ты, Джад?

— Тебе это важно? Был занят!

— Важно. Если б ты следил за складами памяти лучше, то запретил бы нам касаться их выгоревшей части, раз уж это так тебя задевает. А поскольку ты этого не сделал, я подумал, ты нам разрешаешь.

— Молчание не означает разрешение, — Джад выглядел слегка оглушенным внезапным натиском капитана реалов. — Я отвлекся на другую часть виртуальности, а ты подло воспользовался моментом...

— И потом, разве реалам запрещено искать свой путь к нашей общей памяти, Джад? — с издевательской доброжелательностью повел Дэн. Виртуал оскорбленно поджал губы:

— Это отвратительно. Это неуважительно по отношению к нам! Вы владеете нашей нынешней памятью, вам мало этого?!

— Я хочу, чтобы виртуальность была прозрачной для меня, Джад.

— Реалы не пускают виртуалов в свои головы, для чего вы залезаете в наши?! — Джад поперхнулся от возмущения. — Я требую извинений. И обещания, что впредь такое не повторится.

— Ал уже скопировал все, что нужно. И реалы продолжают восстановление нашей общей памяти, — непреклонно сообщил Дэн.

Тогда виртуалы рвут все соглашения с реалами! Хотите считать нас врагами — мы будем ими! — Джад в ярости ударил по клавиатуре со своей стороны и изображение пропало. В полной тишине Дэн обернулся к команде.

— Джад остынет, и мы восстановим все соглашения, я уверен, — тихо, чуть заискивающе сказал он, глядя на Капу.

— Как мы обойдемся без помощи виртуалов?! Что ты натворил, Дэн?! — простонала та.

— Прекрасно обойдемся. Джад в ярости оттого, что ему стало нечем меня подкупить, вот и все. Хотел бы я знать, на что он отвлекся, что у себя под носом пропустил такую диверсию... Что ж, отложим криосон, торпиться нам теперь некуда, — Дэн горько усмехнулся, кивнув на фотографию опустевшей Земли, вновь появившуюся на главном мониторе. — Ал займется восстановлением других отпечатков памяти Бома. Постараемся узнать побольше о прошлом «Красавицы». А я пока дам курс к 670-ой — это недалеко, мы можем слетать туда и без скорости света.

Капа капризно сморщила нос:

— 670-я? Зачем нам пустая голая планетка?

— Это колыбель ураноса, и, похоже, близняшки были правы: наш недавний большой гость прилетал будить своего младшего сородича. Я получил данные по сейсмической активности планеты: чудозверь проснулся и готовится покинуть свою оболочку. Мы имеем уникальный шанс пронаблюдать за рождением колосса.

Глаза Капы округлились:

— Что за чушь, Дэн? Мы такое узнали о Земле, о Боме, о Дэре. Зачем уранос?!

— Кас сказал, наши родители пытались приручить такого. Вот в это я охотно верю. Но хочу понять: как, — Дэн убрал с монитора картинку Земли и открыл новую: фотографию испещренной трещинами коричневой планетки с шапками льда на полюсах — 670-ой — ... и, главное, зачем...

— Значит, мы не будем ложиться в криосон? — спросили близняшки с затаенной радостью в голосе. Капа только махнула рукой: какой тут криосон?!

Ал молчал. Того, что его авантюра приведет к войне между реалами и виртуалами, он не просчитал. Больше — такого ужаса он и помыслить не мог! И сейчас в душе поднималась волна благодарности к капитану, так легко и уверенно взявшему ответственность за все на себя, — какое отвратительное, трусливое чувство...

Он опустил взгляд, пока Дэн не заметил в его глазах позорные искры приязни. «Спасибо» так и не сорвалось с его губ.

«Пожалуй, это отличный вариант развития событий», — даже сумел подумать Ал через минуту. И тут же успокоился, почувствовав знакомый, любимый внутренний холод. — Пусть Дэн воюет с Джадом — это будет неплохим развлечением. Я же получаю небывалую прежде свободу строить теории и высказывать догадки. И путь к 404-ой по-прежнему открыт.

Тая.

— Ал просто идиот, — хмуро сказала Эля. — Почему ты со мной не посоветовалась?

Тая вздохнула:

— Потому что ты бы сразу сказала это: Ал — идиот!

— Я с ним поговорю еще! — с угрозой в голосе заверила сестра.

Эля ушла обустривать свой кабинетик в виртуальности, а Тая проскочила пару уровней в виртуальной игре, после чего, так и не сняв обличье фэнтезийной девы, возвратилась в кафе в начале игрового сектора виртуальности.

Сейчас тут былолюдно: ни одного свободного столика. Тая заметила лишь одно пустое местечко напротив незнакомого юноши. Виртуал, также не вышедший из игрового облика — солдат какой-то техноигрушки, был погружен в изучение карты игр, и Тая решила, что смело может подсесть.

Она равнодушно глядела в окно кафешки, потягивала коктейль, разглядывала проходящих мимо виртуалов и не думала совершенно ни о чем. В последние несколько часов на нее свалилось столько всего! Выбраться из-под горы впечатлений и идей пока не было никакой возможности.

— Судя по состоянию костюма, денек вам выдался еще тот, — неожиданно заметил сосед-солдат. Тая глянула на него и усмехнулась:

— О, да!

— Интересный облик. Не был в той игре, поделитесь впечатлениями?

Тая смутилась:

— Ой, это простая игра, для детей. Я ее уже в пятый раз прохожу. Просто люблю делать все идеально. Оттачиваю каждый уровень.

— Внушительная тактика. Я Дин, а вы, угадаю... Тая?

Тая хихикнула:

— Нетрудно угадать, реалы в виртуальности наперечет. Вы хотите просто глупо поболтать? — вдруг резко спросила она, вспомнив недавнюю и теперь такую далекую беседу с вероломным и легкомысленным Алом. Виртуал развел руками:

— Да. Но и вы, судя по всему, также?

Она кивнула, признаваясь сама себе:

— Верно!

И глупая беседа потекла удивительно легко. Лишь иногда подсознание отмечало маленькие странности собеседника: его жесты соответствовали выражаемым эмоциям, но и только. Соответствовали! — не раскрашивали их. И многие слова он произносил странно. Без акцента, без ошибок, но и... без жизни. Да! Все слова, выходящие из его уст, были... мертвы. Будто он читал неизвестный самому себе текст, набор букв.

«Какой странный собеседник! Или Тая сама стала странна после инцидента с Бомом?»

Воздух на площади дворца Наао наполнился тяжелым, густым, терпким запахом воскуриваемых благовоний. Запах был так плотен, что, казалось, он огромным студенистым телом лежит между зданиями, очерчивающими круг площади, скользкими щупальцами обвивает колонны, меж которыми расположились стражи.

Энжет встряхнулся, но прогнать дурман не сумел. Студенистое чудище уже вольготно расположилось в самой его голове, и уходить не желало. К тому же то и дело накатывала дрема, акат идей приближался к середине. Лучше всего нести стражу на границе между акатом идей и акатом действий, когда еще сохраняется расслабленность тела, но уже усиливается наблюдательность. В акат идей тяжело: тело просит отдыха, уставший мозг отказывается оценивать меняющуюся картинку реальности. В акат действий сложно: и тело и мозг жаждут пищи — деятельности, а ты вынужден стоять истуканом и следить, все ли тонкости соблюдены в ужасно монотонных ритуалах серебристых... Другие юные стражи любой ценой стремились попасть в охрану периметра площади на границе аката идей и действий: обменивались стражами или покупали выгодное для себя время, один Энжет каждый раз шел в охрану не сверяясь с биологическими часами, даже если грядущая стража должна была стать для него временем мучений. Сбивание биологического ритма было частью подготовки настоящего стража, а Энжет планировал стать стражем непревзойденным.

Сенторианка, ведущая ритуал, бросила на металлический лист над костерком щепотку трав, и над дворцом правителей поплыл новый аромат. Этот был не таким терпким — сладковатый. В качестве его материального воплощения Энжет представил приятно-гладких, шелковисто-быстрых змей. Невидимые змеи расползались по площади, ловко лавируя в плотной толпе сенториан... Сегодня здесь собралось едва ли не больше народа, чем во время выбора солнц. Еще бы! Ритуальное жертвоприношение касты распознавателей чуждого. Жестокое и вместе с тем светлое зрелище, ведь приносимый в жертву спасал родной мир от угрозы перерождения в ничто.

В стороне, затертая толпой, осталась стела с деревом солнц. Новое действие было куда более масштабным. В центр площади вывезли каменный помост, широкий и высокий. Вокруг пестрым окаемом раскинулись шатры серебристых и распознавателей чуждого — там проходила невидимая глазу подготовка к основному ритуалу. К помосту вела деревянная лестница, на ступенях которой встали старшие товарищи Энжета.

На помосте сейчас находились трое сенториан, все из касты распознавателей чуждого. Энжет с отвращением смотрел на черно-золотисто-коричневые узоры, покрывающие их тела. Обязательные для всех сенториан ленты у них были очень узкими, втрое уже обычного, и ярко-алого, как кровь, цвета, будто несчастных мучеников и без ритуалов раскромсали на части. Двое готовили алтарь: большой кристалл, источенный узорами. В сложных гармоничных переплетениях птиц, зверей, растений запутался-заблудился холодный

серебристый свет, будто кристалл пленил маленькую яркую звезду. Третья сенторианка стояла чуть поодаль, у резного стола с благовониями.

Сенторианка бросила на горячий металлический лист щепотку тех же сладковатых трав, и ближайший к лестнице шатер распахнулся. Оттуда появилась среброликая из всезнающих. Старая, очень старая, ее вуаль закрывала всю голову, глаза и уши, нос и рот, струилась по плечам и спускалась до пят. Всезнающая поднялась на помост, бережно неся на вытянутых руках небольшой кристаллический футляр, изрезанный теми же узорами, что и алтарь. Подъем сенторианки сопровождал тревожно-взволнованный гул толпы: основное действие должно было вот-вот начаться.

«В футляре — ритуальный нож, которым жертву ударят в сердце», — вспомнил Энжет, и в нем моментально поднялся гнев. И рука, спокойно держащая оружие, сжалась. Глупая Кейла! Как она могла не взять предложенный серый пузырек?! Не раздумывая ни секунды, обрекла себя на отчужденность, одиночество, раннюю смерть! Так просто, так жестоко разбила все мечты, смысл жизни Энжета!

Новая горсть безымянных трав становилась пеплом, уносилась в небо. У этой запах был помягче, не такой приторный, к сладости примешивалась нотка горечи. В шатрах завели первый из десяти ритуальных гимнов, и скоро его подхватила толпа. Неторопливую спокойную мелодию, будто бродящую и бродящую по кругу, вели глубокие низкие мужские голоса и приятные мягкие, но не звонкие женские.

Второй гимн был столь же неторопливым, но уже не замкнутым на себя. Размеренный, со строгим четким ритмом, он создавал ощущение непрерывного движения — времени. Энжет прерывисто вздохнул. Вот-вот на сцене появится главный участник действия: жертву должны были вывести из бокового голубого шатра. Стражам строго воспрещалось двигаться, поворачивать голову, но Энжет с последним тактом гимна, пренебрегая запретом, чуть развернул корпус к шатру.

Снова низкие мужские голоса — третий гимн, гимн контрастов. Голубой шатер распахнулся, и показалась жертва — молоденькая девчушка-распознавательница. Высокая, но хрупкая, похожая на Кейлу. Ее вели под руки двое старших из касты. Девушка была одурманена, глаза чуть заведены вверх, рот полуоткрыт, но лицевые мышцы, шея — напряжены, словно сенторианка прслушивалась... не к гимнам — к чему-то далекому, слышному только ей. Энжет опять вспомнил, что о ритуале рассказывала Кейла:

«Для толпы запахи воскуриваемых благовоний — просто тяжелый дурман, изредка меняющий основной вкус, а для распознавателя — это симфония запахов, история мира, рассказанная через запахи. Запахи задают ритм сердцу приносимого в жертву, они качают его разум на волнах. Жертва ощущает себя всем миром и чувствует каждую малую его частицу. А после всех трав в костер бросают щепоть чуждого... и в это миг ты просто... взрываешься изнутри! После этого мгновения пути назад нет, жертва уже не жива, хотя еще не мертва. Она ПЕРЕХОДИТ».

И это мгновение пришло, когда девушку подвели к лестнице. Запели четвертый гимн, первый из череды печальных, и толпа притихла. Сенторианка на помосте бросила на горячий лист щепотку неизвестной Энжету желтой травы, и запах опять изменился — стал неприятным, жгучим. Толика сладости осталась в нем, но теперь это был сладковатый запах разложения. У девушки-жертвы тут же подогнулись ноги, расширились зрачки, а взгляд вдруг стал осмысленным. Даже больше: мудрым и каким-то зловеще мудрым, он напугал Энжета. Жертву потащили вверх по ступеням. Она не сопротивлялась, напротив стремилась

на алтарь, просто была слишком слаба. Она только отталкивались иногда от ступеней ногами, вытягиваясь в струнку, будто надеялась взлететь.

Энжет увлекся наблюдением за девушкой и пропустил момент, когда на помост по боковой неприметной лестнице поднялся страж. Но когда высокая прямая фигура встала рядом со сребролицей, сердце тревожно кольнуло. Энжет вдруг осознал и свою причастность ко всему, что творилось на площади. Однажды и он сам может оказаться палачом.

Пятый гимн, самый печальный и самый красивый. Девушка-распознавательница прощалась с жизнью. Раздирающей сердце мелодии внимала толпа, но лицо жертвы оставалось безучастным и сосредоточенным. Она прислушивалась к какой-то иной, неземной, неродной мелодии. На последних фразах гимна сребролицая встала позади и набросила на девушку свою вуаль, укрыв от мира. Там, под серебристой дождевой стеной, она говорила что-то мученице, какие-то теплые и важные слова.

Ужасный, сладковатый и резкий запах чуждого набирал силу. Сенториан в толпе начало шатать, кто-то упал в обморок, страж по левую руку от Энжета незаметно прислонился к колонне, чтобы не упасть. Под печальную, но деловитую мелодию шестого гимна девушку положили на алтарь на живот, двое старших из касты растянули ее, на запястьях и лодыжках жертвы защелкнулись спрятанные среди узоров алтаря кристаллические обручи. По знаку всезнающей толпа заревела и подхватила слова старинного гимна — смело, яростно, благоговейно. Напряжение росло, нагнетаемое музыкой. Торжественно и жестоко звенел гимн. В гармонии мелодии слышалась жуткая необратимость, от которой Энжет содрогался. Он давно знал, что в подобных ритуалах распланирован каждый звук, каждый вздох, и был вполне согласен с целесообразностью этого, но сейчас механистичность происходящего страшила. На последних звуках шестого гимна сребролицая раскрыла футляр, и страж достал оттуда кристаллический кинжал, светящийся собственным мягким золотистым светом. Страж провел им над пламенем костра, а Энжет ждал, и при каждом звуке гимна что-то больно кололо в сердце, и все сильнее сжимало виски, точно железным обручем... Страж провел кинжалом над пламенем, развернулся к алтарю — и вонзил светящееся лезвие глубоко под правую лопатку девушки-жертвы.

Она не вскрикнула — ахнули только в толпе, и Энжет не удержал очередного громкого вздоха. Тело распознавательницы дернулось и замерло. Зазвучал седьмой гимн, тихий и светлый, а страж потянул кинжал из тела девушки и вытащил его до половины. И толпа, и Энжет смотрели, как кровь впитывается в сенти-кристалл, и как лезвие постепенно меняется, как золотистый свет превращается в золотой цвет, как сияние становится металлом. Всем, собравшимся на площади дворца, оставалось только повторять вслед за сребролицей:

«Память ее души теперь навеки сохранена в этом кристалле, она пребудет в зале памяти, равная среди Великих, первая, среди спасителей».

Кинжал окончательно налился золотом и будто потяжелел. Страж извлек его из тела девушки и вручил сребролицей. Та приняла его с поклоном и вновь положила в футляр.

Седьмой гимн плавно, незаметно перелился в восьмой. Печаль ушла, мелодия вновь раскручивалась, стремясь к торжественному пику. Ведь все, происходящее до сего момента, было лишь подготовкой главного действия.

Двое распознавателей освободили лодыжки и запястья жертвы, перевернули тело на спину. Страж склонился над ним теперь уже со своим обычным кинжалом в руке. Он быстро надрезал живот мертвой распознавательницы и извлек из него нечто гладкое, темно-

красное, оплетенное сетью сосудов, в брызгах крови — похожий на сердце особый орган, функционирующий только у распознавателей чуждого. Страж передал его сенторианке у костра, та сделала крохотный надрез и стряхнула капельку жидкости с кончика своего ножа на лист, на остатки желтой травы. И отвратительный запах чуждого исчез, будто свежий ветер налетел и унес тяжелое вонючее покрывало, накрывавшее площадь. Лица в толпе посветлели, Энжет выдохнул и сам прислонился к колонне, теперь обнаружив, как давно предательски дрожат ноги. Тело девушки-распознавательницы завернули в ткань и снесли в тот же шатер, откуда она недавно выходила. Над площадью зазвенел девятый, радостный гимн — удивительно родная мелодия, что-то было в ней от известной всей Сенте колыбельной.

Темно-красный орган, чтобы более не смущать толпу натурализмом, распознаватели убрали в специальный ящик. Скоро на основе жидкости из него преумножители знания создадут новые индикаторы, защитные барьеры и оружие против чуждого. А затем и отряды стражей отправятся к границе — выявлять, ставить заслоны, уничтожать.

Ритуал заканчивался. Загремел десятый, последний гимн, ненаигранная торжественность которого у многих вызвала слезы на глазах. На лист упала щепоть безымянного порошка, и в небо выше самой высокой башни дворца взметнулся столб багрового дыма. В этом дыме потерялись и помост, и люди на нем. Через несколько цветков юлсинты, когда темные клубы рассеялись, помост был пуст — все спустились в шатры.

Энжету понемногу становилось легче — акат идей близился к концу. Тело наливалось силой. Впервые за время стражи он попробовал сконцентрироваться и позвал:

«Лереми! Ты нужна мне! Подойди!»

Сестра, он знал, находилась в каком-то из шатров серебриликих. Юная всезнающая легко овладела первой из способностей касты — чтением мысленных сигналов от членов семьи и близких друзей, и Энжет надеялся на скорый отклик.

Его стража подходила к концу. В боковых воротах появился отряд юных стражей, пришедших на смену страдальцам, выстоявшим на площади без движения все время ритуала. Серебриликие и распознаватели готовились покинуть площадь. Костер на помосте потух, но дым еще тянулся тонкой струйкой вверх. Вокруг помоста сворачивались шатры, а на смену отряду Энжета встал новый. Энжет же, оставив своих, помчался к главным воротам, где его ждала Лереми.

Серебристая вуаль покрывала голову Лереми, спереди спускаясь до глаз — красивое и грозное предзнаменование первой в череде потерь всезнающих — потери зрения. Те, кто ходят в вуали до пят, лишены всех чувств, включая кожную чувствительность, и двигаются, общаются без помех благодаря чрезвычайно обострившемуся предвидению, — некстати вспомнил Энжет, и его пробрал озноб. А сестру, кажется, ничуть не тревожила подобная судьба. Лицо Лереми, как и всегда, лучилось счастьем. Мягкий свет ее прозрачных глаз не могла притушить даже вуаль серебриликой.

— Зачем ты позвал меня, Энжет? Я почувствовала твою тревогу, направленную на... Кейлу?

— На нее.

Лереми покосилась на отряд Энжета, покидающий площадь:

— Тебя не хватятся старшие?

— Обязательно хватятся. У меня мало времени, поэтому, пожалуйста, слушай внимательно и не переспрашивай.

Она мягко коснулась его руки:

— Я понимаю. Не волнуйся, брат. Я на твоей стороне и тоже хочу вызволить Кейлу из дурмана распознавающих. И даже догадываюсь, как ты хочешь это сделать.

— Нам с Кейлой нужно пожениться. И побыстрее.

— Да.

— Я все продумал. Женитьба неизбежно влечет зачатие первой двойни. Беременную распознавательницу на Границу уже никто не отправит и новых порций зелья распознавателей Кейла во время беременности получать не будет. Она отстанет от сверстников и ее, скорее всего, навсегда оставят в касте на вспомогательной роли: готовить новичков, ассистировать в ритуалах.

Теперь на лицо Лереми словно легла тень от вуали:

— Вот только согласится ли Кейла на вспомогательную роль?

— Пророчествуешь?

— Не нужно особой зоркости, чтобы разглядеть гордыню Кейлы, — Лереми вздохнула.

Так или иначе, я попробую, — твердо сказал Энжет. — И в свадебном ритуале мне понадобится твоя помощь, сестра. Венчает всегда всезнающая. Ты должна попросить кого-то из старших поженить нас.

— Да, я обращусь к наставнице, — легко согласилась сестра, словно давно предвидела свой ответ. — Но, Энжет! Ты знаешь, в проведении ритуала могут отказать, если всезнающим не понравится сплетение ваших нитей. Хороших распознавателей всегда мало, а сейчас они особенно нужны. Встречи с чуждым происходят все чаще. Старшие из всезнающих проговариваются, что скоро оно захватит многие земли. Что на нашей земле будут моря Ничто, такие же, как в центре темной и центре нашей стороны! В этих условиях среброликие могут не отдать тебе будущую ценную мученицу, Энжет.

— Ерунда, всезнающие пугают гибелью мира в Ничто с момента зарождения мира. Среброликие вправе запрещать брак, только если он однозначно вреден для будущего мира, — жестко напомнил Энжет. — И они не имеют права взвешивать на весах, что полезнее для него: новые двойки детей или одна несчастная мученица.

Лереми грустно улыбнулась, ее вуаль колыхнул ветер, на миг открыв ясные глаза:

— Так думают все, но не всезнающие. Мы видим тоньше и дальше, и просчитываем мириады вероятностей. Если моя наставница откажет, посмотрев ваше переплетение...

— Тогда обратись к старшей наставнице. Она должна видеть еще тоньше и еще дальше! Ты все-таки сомневаешься, Лереми. Что видишь ты сама?

Она смешалась, но скоро вновь коснулась его руки, пронзительно взглянула в глаза:

— Я вижу твой путь — прямой, ясный, ровный путь великого стража. Я вижу путь Кейлы — затянутый дурманом, тонущий в восторженном реве толпы и трагический путь великой распознавательницы. Вы оба оставите значимый след в истории. Но я не вижу ни единого переплетения ваших путей, Энжет. А когда пытаюсь свести ваши дороги силой, они трескаются и из трещин течет кровь.

Он выдохнул сквозь стиснутые зубы, скулы опять окаменели:

— Но ты сможешь?

— Помогу, — Лереми снова грустно улыбнулась. — Пока я еще, прежде всего, ваш друг, а уж потом всезнающая.

Энжет благодарно пожал сестре руку и заторопился к отряду. Проходя площадь, он мимоходом бросил взгляд на помост. Багровая змея все ползла и ползла в небо. Десять

акатов назад он видел такую же тонкую струйку издалека. И пятьдесят акатов назад. И незадолго до выбора солнц... Жертвоприношения распознавателей чрезвычайно участились — грозный признак появления близ Границы какого-то трудноуязвимого чуждого. Может, и верно в этот раз всезнающие предсказывают моря ничто в центре столицы? Как бы то ни было, Энжет не допустит, ни за что не допустит, чтобы его Кейлу повели к страшному алтарю на помосте!

Лерем

Это занятие у юных всезнающих и всемогущих опять было совместным. Две сильнейшие касты среброликих поначалу воспитывались вместе: и та, и другая пользовались ментальными способностями для воздействия на мир, а принципы их пробуждения были едины для всех. И, главное, две могущественнейшие касты Сенты просто обязаны были усвоить общие нравственные законы и единую мораль и привыкнуть действовать только сообща, ведь разлад между всезнающими и всемогущими означает крах мира.

Занятие, как и большинство занятий, проходило в большом саду в самом центре Купола среброликих. Юные всезнающие и всемогущие послушной стайкой следовали за наставником. Стараясь не упустить ни слова из его лекции, они то и дело шикали друг на друга, и в этом шелесте теряли то фразу, то полфразы учителя. Вести записи запрещалось. Сидеть в тесных душных комнатках, без устали заполняя новые и новые листы записями — жестокий метод обучения будущих преумножителей знания, которым предстоит усвоить огромный массив информации, прежде чем обрести свободу теоретизирования. Будущие же всезнающие и всемогущие наслаждались свободой, гуляя во время лекций по садам, вслед за преподавателями. Иногда они присаживались на траву в особенно живописных уголках сада и погружались в самосозерцание — необходимую часть обучения провидцев и телекинетиков.

Будущие всезнающие с серебристым вуалями на головах, будущие всемогущие с широкими белыми лентами, закрывающими большую часть кожи — пока различие между двумя кастами ограничивалось только этим. Они одинаково легко двигались, одинаково весело галдели, обсуждая очередной постулат наставника. Много позже всезнающие обретут особую плавность движений, говорящую о том, что этот сенторианин ощущывает путь перед собой силой предвидения, а серебристая вуаль спустится сначала на глаза, затем закроет нос и рот, потом упадет на уши и наконец заструится до пят блестящими холодными струями дождя. Много позже движения всемогущих станут скованными, они начнут запинаться при ходьбе и в теперь редких совместных прогулках по саду будут безнадежно отставать, потом они и вовсе пересядут на каталки, а к обвитым белыми полосами ткани безвольным ногам присоединятся иссохшие ослабевшие руки. Такова плата двух сильнейших каст за свою силу. Старшие всезнающие способны провидеть историю мира и каждого сенторианина в нем на несколько поколений вперед, они хозяева судьбы всей Сенты, старшие всемогущие могут двигать и стачивать горы, прокладывая новые русла рек, чертить произвольные географические карты, и не на доске в тиши кабинета, а на лице всей Сенты...

Именно это говорил сейчас наставник. Для прогулки он выбрал тихий тенистый уголок сада, увитый лианой элестии с большими белыми цветами, порой печально роняющими искорки-слезы в текучее зеркало ручья, извивающегося у корней старых деревьев. Наверное,

это место было выбрано с умыслом: будущие всезнающие и всемогущие сегодня должны окончательно примириться со своей особенной судьбой.

Лица учеников были серьезны, казалось, они погружены в тяжкие думы о доле среброликих, а Лереми слушала учителя вполуха, и ее серьезная значительная мина была не более чем маской. К чему грустить о возможностях, которые пока еще при ней? Она то и дело поднимала голову, поглядывала на уступ на границе Купола среброликих. Там молодые всевидящие готовились к первому полету.

— Хотела бы я иметь крылья, как у них, — шепотом поделилась она с Аки, братом Кейлы. Юный всемогущий улыбнулся:

— Зачем? Ты скоро будешь летать на других крыльях — крыльях предвидения.

Аки преобразился с ритуала выбора солнца. Исчезла его робость и неуверенность, он даже разговаривать стал громче и на тон ниже, и при разговоре смело глядел в лицо собеседнику, так что у того уже не создавалось ощущения, что этот юный сенторианин подавлен своей незначительностью. И Лереми с радостью принимала нового Аки.

— Ты знаешь, что Энжет придумал для спасения Кейлы? — спросила она, когда лектор свернул на узенькую тропинку, и стайка учеников была вынуждена растянуться гуськом.

— Хм, угадаю. Он хочет жениться на сестре?

— Ага. Ты не против?

— Не самый лучший вариант.

— Хм, ты говоришь это всезнающей? Уж я-то знаю все варианты!

Его глаза смеялись, казалось, он потешается над посрамленной провидицей:

— Ты что, не знаешь Кейлу? Она бесится, когда другие стремятся решать за нее. А Энжет именно пытается диктовать ей условия. Она откажется просто из чувства противоречия.

Лереми обиженно поджала губы:

— А ты знаешь лучший вариант, всемогущий?

— Юным распознавателям не показывают ритуал жертвоприношения. Боятся, что те засомневаются, увидев смерть товарища близко. Вся эта пафосная торжественность... — ею можно увлечь, но можно и вызвать отвращение. Надо добиться, чтобы Кейла увидела ритуал.

— Легко сказать, но как это сделать?! -

Лереми поскользнулась, и Аки подставил ей руку, подхватил. Она смутилась:

— Для всемогущего у тебя сильные руки.

— Хороший каламбур, — Аки засмеялся. — Увы, я рассуждаю гипотетически. Сейчас нам не вывести Кейлу на площадь в час ритуала, сестру хорошо охраняет каста. Но, может, мы подождем, и такая возможность откроется? Seriously, оставьте идею с браком. Вы можете сделать хуже.

Лереми прищурилась, не готовая уступить так быстро:

— Я спрошу наставницу. Она видит дальше меня... и даже дальше тебя, Акид.

Было весело наблюдать, как Аки при упоминании полного взрослого имени напустил на себя важность. Тем временем впереди показалась расчерченная черными тенями ветвей полянка — отличное место для медитации. Аки и Лереми, идущие в хвосте группы, нарочно замедлили шаг, чтобы продлить время разговора.

— Вообще-то, о женитьбе сейчас надо думать не Энжету и Кейле, а нам с тобой, — заметил Аки.

— Нам... с тобой?

О, ей удалось его смутить! Аки зарделся:

— Не нам с тобой... То есть, не нам, как паре... Но всезнающим и всемогущим лучше озаботиться выбором партнера пораньше. До потери первой из возможностей.

Лереми удивленно подняла брови, в душе обрадованная и смущенная почти признанием Аки, а тот продолжал:

— У тебя еще не появился шлейф поклонников? Многие мечтают хоть через брак, но приобщиться к силе среброликих. Я вот... — он усмехнулся, — до выбора солнца о таком внимании девушек не смел и мечтать.

— Шлейф? Не замечала. Наверное, его распугал мой брат страж...

Разговор оборвался. Они вышли на поляну последними и одновременно надели обязательные для часа самосозерцания маски глубокой задумчивости.

Строгая наставница Лереми, бегло посмотрев переплетение судеб Кейлы и Энжета, сказала, что перспективы этого брака не настолько велики, чтобы ради него можно было пожертвовать распознавательницей. Пришлось искать помощи старших всезнающих. Но те еще превосходили наставников юных в строгости и, похоже, считали учеников вовсе за неодушевленный и не особенно нужный элемент Купола, вроде детали интерьера. Лереми отчаялась посылать им мысленные сигналы о помощи. Закутанные в серебристое фигуры проплывали мимо, словно в совсем другом мире, где не было ни юной провидицы, ни ее огромной проблемы.

Печальная и почти отчаявшаяся, она сторбившись сидела у старинного фонтана в центре Купола, когда от группы старших всезнающих, гулявших по саду, вдруг отделилась одна закутанная в мерцающий серебристый покров фигура. Сребролика подплыла и устроилась рядом, на бортике чаши. Сердце Лереми испуганно, гулко стукнуло: неужели это к ней? Ее мольба о помощи услышана?!

Всезнающая повернула голову, и Лереми, окончательно смутившись, уставилась на переплетение разноцветных светящихся струй воды в кружевном хороводе кристаллических цветов в центре фонтана. Ох, этой всезнающей, должно быть, уже четыре десятка восходов Кана... Одета в серебристое до пят, значит, уже лишилась всех чувств и кожной чувствительности, зато получила взамен мощный дар предвидения. Она определяет судьбу всей Сенты! Собственная проблема показалась Лереми ничтожной.

— Сложно обратить на себя внимание старшего: нас не дозваться и бесполезно махать руками, а мысленный крик о помощи теряется в мириаде других, ведь к нам взывает вся Сента, — сказала всезнающая. — Но тебя услышали, потому сейчас не прячься и не смущайся. Соберись с мыслями и поведай мне свою тревогу.

Голос был тихим и очень мелодичным. Если у наставницы Лереми эта напевность была механистичной, то здесь была песня, и ее хотелось слушать и слушать. «Почему старшие среброликие так редко берут учеников!» — мысленно невпопад возмутилась Лереми. Голос этой всезнающей с первой же фразы успокоил и утешил ее, тогда как со своей наставницей приходилось быть постоянно напряженной в ожидании очередной вспышки злости и непонимания.

Сребролика прочитала ее мысли и едва заметно улыбнулась под вуалью:

— Конфликт наставницы и ученицы — испытание для обеих. Поведай мне, что тебя тревожит.

— Ты же уже знаешь, — несмело прошептала Лереми.

Старшая звонко рассмеялась:

— Зови меня Деала. Не сомневайся, говори все.

— Да... Деала. Меня тревожит переплетение судеб моего брата Энжета и моей подруги Кейлы. Когда я смотрю, как сплетаются их пути, я вижу только трещины и кровь!

— И что тебя тревожит?

Лереми опять смешалась:

— Ну... Это и тревожит. Они мои лучшие друзья, я не хочу, чтобы они были несчастливы друг с другом. Но с другой стороны Кейла — распознавательница чуждого, если она не выйдет замуж, ее принесут в жертву. Я не могу выбирать: счастье или жизнь! -

Она замолчала, снова всматриваясь в сияющие струйки. Но старшая молчала, и тогда Лереми призналась:

— Я не представляю, как тут решать! И больше всего меня ужасает то, что ведь это и есть путь всезнающих? Мы ДОЛЖНЫ решать такие вопросы! А я слаба.

— Солнце серебриликих выбирает только сильных, — строго сказала всезнающая. — Оставь дурные мысли!

— Не могу! — опять прошептала Лереми. Прозрачная слезинка упала в фонтан и влилась в золотистую струйку, рисующую в центре ажурного переплетения кристалла диковинный цветок.

— Трещины и кровь в видении напугали тебя... — почти нежно пропела серебриликая. — А ты пробовала переплестать нити других влюбленных?

— Нет.

— Попробуй и увидишь то же самое. Юные провидцы не умеют делать мысленные проекции исходных образов в будущее. Ты берешь образ Кейлы и образ Энжета, каковы они сейчас, и не учитываешь их способность к изменениям, их желание этих изменений, наконец, их любовь и стремление друг к другу. И видишь то, что видишь: два идеально чужих друг другу себялюбца — разумеется, такое переплетение тут же потрескается и разойдется!

— А ты что видишь в их переплетении?

— Им придется потрудиться, чтобы изничтожить свою гордыню. Но они способны прожить долгую счастливую жизнь вместе.

— Ох! — выдохнула Лереми. — Как хорошо!

— Скажи брату, что их обвенчают, — Деала поднялась. — А я поговорю с твоей наставницей. И больше не сомневайся.

Всезнающая серебристым призраком скользнула в тень сада и исчезла. Оторопевшая Лереми даже не успела прокричать: Спасибо!

Энжет

Приближалась буря. Это чувствовалось во всем. Резко сменившийся ветер нес отвратительный, неживой и немертвый запах чуждого. В реки, берущие начало за Границей, поставили сети, улавливающие зараженное, и они оказались полностью забиты уже через несколько цветков юлсинты. Многочисленные отряды стражей на Границе едва справлялись с волной зараженных тварей. Если так пойдет и дальше, придется отправить в бой и юных, недавно выбравших свое солнце, Энжет слышал эту страшилку от товарищей по сто раз в акат. Мир был на пороге новой масштабной войны с чуждым. Последняя такая война

уничтожила половину видов на Сенте и привела к образованию морей ничто в экваториальных областях темной и светлой стороны — этим полюбили пугать среброликые.

Багровый дым непрерывно поднимался с главной площади Наао. А среброликим все еще нужно было больше, больше, больше распознавателей! Это значило одно: новое чуждое сильно, вероятно, неуязвимо. Приближалась большая буря, но Энжет был так поглощен своей маленькой, что едва ли сознавал это.

Он сообщил родителям Кейлы свое намерение жениться на юной распознавательнице. Мать Кейлы обрадовалась, а вот отец, страж, как и Энжет, смерил юношу взглядом, ясно говорящим если не о презрении, то о сомнении, тот ли пузырек ему достался.

— Всем, взявшим на испытании цветной пузырек, должно следовать путем своей касты, не сворачивая, не отклоняясь, — процедил он. — Кто, как ни страж, должен это понимать?!

— Кейла останется распознавательницей, — несмело попробовал возразить Энжет.

— Номинально! Ты хочешь увести ее с ее пути. В ситуации близящейся войны с чуждым это не только неразумно, но и подло. Ты хочешь лишить мир распознавательницы, когда они так нужны!

— А ты... — Энжет осекся: дальнейшие слова требовали от него невероятной смелости, даже наглости. — Ты предпочтешь видеть Кейлу на алтаре?!

— На алтаре, у врат бессмертия, или у алтаря, с тобой, — пусть решает Кейла. Я же буду надеяться, что дочь проявит большую силу воли и верность единожды выбранному пути, чем ты. Да, я предпочту видеть лицо Кейлы, высеченное на колонне дворца Наао, чем видеть ее пусть живой, но с предателем, недостойным звания стража Границы! — отец Кейлы не сказал — выплюнул это Энжету в лицо.

...И теперь, у алтаря, когда в его ладони лежала теплая безвольная ладонь возлюбленной, Энжет мог думать только о первом и последнем разговоре с отцом Кейлы. И твердый шарик энью во рту — ритуальное кушанье, которое в начале ритуала он должен был передать супруге через поцелуй, наливался жгучей горечью его сомнений. Неужели этот шаг — действительно шаг с пути касты, а он стал предателем, не успев стать стражем?! Кто разрешит его сомнения? Беззаботно улыбающиеся Аки и Лереми, вставшие в отдалении от алтаря? Пришедшая с сестрой бесстрастная всезнающая, чье лицо скрыто под серебристой маской — дождем вуали? Или Кейла — незнакомая, безвольная, мягкая как детская кукла Кейла с затуманенными белыми глазами? Все собравшиеся доверчиво внимали ему, а он... Он вовсе не был уверен, стоит ли делать следующий шаг.

Небо заполнили тучи мелких легокрылых созданий, мигрирующих из зараженных областей. Вечный день светлой половины Сенты поблек, все краски словно загустели. Неприятное, тревожное время стирания всяческих границ! Приближается большая буря... Красные отсветы задыхающегося под волнами темной стаи солнца Эдо плясали на сложных узорах кристалла алтаря, кровавыми всполохами мелькали в складках вуали Среброликой, искорками проницали белый туман в обесмысленных глазах возлюбленной, стоявшей с ним рука об руку...

Энжет тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Не иначе их нашептал отвратительный, мертвый-неживой ветер!

«Она забеременеет и перестанет получать зелья распознавателей. И туман из ее глаз уйдет. Кейла будет моей!»

Словно в ответ на его сомнения, губы Кейлы вдруг дрогнули. Она покатила за щекой шарик энью, пробуя на вкус свои чувства, и ее взгляд прояснился.

— Энжет, что ты делаешь! — прошептала она.

— То, что пообещал, когда ты выпила пузырек распознавателей: спасаю тебя.

— Мы у алтаря с сереброликой... шарик энью за щекой... Мы женимся? Сумасшествие!

— Никакого сумасшествия. Родители согласны, ритуал ведет наставница Лереми.

— Где мы будем жить?!

— Ты останешься в доме своих родителей. Меня скоро отправят к Границе. Воспитателем первой двойни будет наш с Лереми старый пестун.

— Первой двойни... — Кейла в смятении схватилась за голову. — У нас будут дети?!

— Зачатие — обязательная часть ритуала, — строго напомнила сереброликая. Она покачивала головой, глядела слепыми глазами то на Энжета, то на Кейлу, красные всполохи резкими линиями порой выхватывали под прозрачной вуалью черты ее лица.

— Зачатие, воспитатель... — пробормотала Кейла, потирая лоб в попытке сконцентрироваться. — Нет, ты обезумел! Тебя отправят к Границе... Это МЕНЯ скоро должны отправить к Границе!

— Не отправят.

— Ты хочешь, чтобы я забеременела и перестала быть распознавательницей?

Энжет сжал зубами гладкий как камень шарик энью, и жгучая горечь потекла ему в горло.

— Ты останешься в касте, — выдавил он. — Но алтарь на площади дворца больше не будет тебе грозить. Разве это плохо, Кейла?

— Я чувствую чуждое в воздухе, и внутри все тянется к нему, чтобы вобрать в себя, запереть, не дать ему пожрать мир! Я должна сейчас быть на Границе, Энжет!

— Пока каста справляется там без тебя. У мира еще полно спасителей.

— Нет... Нет! Кем я буду с тобой? Никем! Как мама... Не хочу!

Вот упрямая дура! Совсем как ее упертый отец. Энжет зло стиснул ладонь девушки и услышал хруст ее тоненьких косточек.

— Ты видела ритуал распознавателей? Нет? Так посмотри! Может, еще перестанешь мечтать о посмертной славе!

Слава... — при этом слове туман опять начал заполнять глаза Кейлы. Нет, все поздно, бесполезно! Видимо, зелья распознавателей кормят прежде всего гордыню.

— Обменяйтесь энью, — велела сереброликая, решившись начать ритуал, и Энжет услышал тревожный вздох сестры в отдалении.

— Я хочу остаться в касте, настоящей распознавательницей, а не служкой, — как сомнамбула сказала Кейла. — Если это значит: оставить тебя навсегда, пусть будет так. Прости, Энжет.

Он развернул ее к себе за плечи, потрянул так, что голова девушки заболталась на тоненькой шейке:

— Это не ты сейчас говоришь! Это говорит туман! Очнись, очнись! Кейла! — это имя прозвучало в его устах хлестко, как удар. Кейла широко распахнула глаза. Взгляд снова стал осмысленным.

— Ты должна быть моей! — крикнул Энжет и теперь почувствовал сладость на языке. Сладость его любви мешалась с горечью его сомнений, и торопясь, чтобы новый вкус не пропал, он наклонился к Кейле и поцеловал ее губы. Девушка испуганно трепыхнулась, но скоро сама ответила на его исступленный поцелуй. Ее руки обхватили его голову, прижимая к своей, но жар в поцелуе Кейлы был страшным, леденящим. Она не воскресала сейчас —

убивала возлюбленного...

Ее шарик энью очутился в его рту, и Энжет не почувствовал какого-либо вкуса, внутри все онемело, как от наркотической травы сонто. Он оторвался от Кейлы, даже оттолкнул ее. Девушка катала за щекой его шарик энью, знакомясь с его горько-сладким вкусом.

— Ты в смятении, — прошептала она. — Твоя злость жжет даже сквозь сладость любви. Ты хочешь, чтобы я отвергла путь к вершине своей касты, но для себя от пути стража при этом отказываться не собираешься! Ты сомневаешься! А я... я ничего не чувствую, Энжет. Чувствуешь?! Ничего, кроме пути моей касты! Не надо продолжать ритуал, сребролика.

Всезнающая заговорила что-то: про то, что страх перед ритуалом испытывают многие, и он дает небольшую горечь энью, про то, что безвкусие шарика Кейлы — следствие лишь того, что юная распознавательница пила зелья своей касты, а вовсе не ее бесчувствия и нелюбви. Кейла не слушала ее, как и Энжет.

Он смотрел вслед уходящей фигурке девушки, и уже видел ее восходящей на алтарь для жертвоприношения. Когда придет время Кейлы, она поднимется по ступеням также гордо, уверенно, удивительно прямая, с такими чужими белыми глазами... Пусть идет! Она отреклась от него еще на ритуале выбора солнц, и он не станет более спасать отвергающую его любовь. Теперь Энжет отчетливо понял: в распознаватели попадают гордецы и себялюбцы — что ж, взяв к себе Кейлу, каста сделала отличный выбор! Он же пойдет своим путем, выбранным у того же древа солнц, — путем стража Границы.

Кейла

Многие пытались ее вразумить, вернуть, многие: мама, брат, Энжет, Лереми... Они долго говорили, предлагали варианты отсрочки приговора всех распознавателей и спрашивали, спрашивали, спрашивали, что думает Кейла, чего она хочет, хорошо ли она понимает свое — такое недолгое! — будущее. Кейла молчала. Она не знала, что отвечать. Теперь она и родители, друзья жили в совсем разных мирах.

Все эти лица, голоса сливались, смешивались, растворялись в едином свете и шуме родного, которое было вокруг Кейлы. Фигуры людей, животных, растений прорастали и перетекали одна в другую, образуя единое целое — узор, подобный тому, что вырезан на алтаре распознавателей и высочайшем куполе дворца. У родного был свежий и сладкий запах, и постоянство этой свежести и сладости надлежало защищать ей, распознавательнице чуждого.

Чуждое... — до выбора солнца, Кейла различала только один его запах, сладковатый и тяжелый — запах родного, погибающего в сетях чуждого. Но для распознавательницы единое чуждое распадалось на мириады запахов. Запах погибшего родного, запах меняющегося родного, запах родного, недавно соприкоснувшегося с чуждым, запахи разных стадий проникновения чуждого в родное, преобразования родного в чуждое... И в океане запахов ей нужно было найти один, главный, тот, с которого начиналось преобразование родного мира в ничто — запах источника чуждого.

Подготовка Кейлы должна была быть намного более последовательной и скурпулезной, но на Границе стало беспокойно, на площади дворца отдавали жизни новые и новые распознаватели, а источник чуждого установить все не удавалось. И каста торопилась. Кейле следовало бы прежде чуждого как следует изучить родное, но наставники этот этап ее

обучения вовсе пропустили. Ее хотели отправить на Границу, на первую и последнюю встречу с чуждым, как можно скорее.

Кейла только приветствовала пугающую всех остальных быстроту и узость своего обучения. Громада чуждого, узанная после первого же зелья распознавателей, ошеломила ее. Это чуждое, твердое, как глыба камня, текучее, как вода, и вездесущее, как воздух, пронизывало их мир. Все родное несло в себе крохотные частицы его — разнообразного, неуничтожимого, и если количество частиц чуждого превышало невидимый предел, для каждого существа свой, начинался ужасный процесс преобразования родного в чуждое и, в конечном итоге, в ничто.

Среброликие также владели этим страшным знанием: чуждое не только за Границей, оно везде, но все-таки ни всезнающие, не всевидящие не могли представить как воистину ужасно это выглядит... как это пахнет! Просочись из-за Границы сильное чуждое, и неконтролируемое превращение родного мира в ничто тут же начнется. Конец света может быть не когда-то там, через тысячи восходов Кана, он может быть прямо сейчас, и между слабым родным и всеильным чуждым тонкой преградой лишь они, распознаватели.

Сначала чуждое вызывало у Кейлы вполне естественный ужас. Она боялась заснуть в акат идей и пропустить крохотную струйку его запаха в воздухе родного мира. Но по мере того, как ее знания о чуждом углублялись, ужас перешел в трепет, а потом и в восхищение силой и могуществом единственного и многоликого врага мира Сенты. Родное все больше сливалось, расплывалось, блекло. Скоро мир сузился и прояснел. В нем остались только двое: чуждое и его распознавательница, и они тянулись друг к другу, как любовники, зная, что слияние уничтожит их обоих и все-таки прославляя его.

Визит Кейлы в родительский дом, когда Энжет пытался уговорить ее стать его супругой, был последним. Вскоре после него Кейлу отправили к Границе. Некоторых старших учеников оставили, а ее, самую юную в касте, отправили — о, как завидовали новые подруги-распознавательницы! Даже пошел слух, что какая-то важная среброликая обмолвилась в приватной беседе, что юной Кейле предназначено найти источник нового чуждого, приносящего миру столько бед. И Кейла ходила, гордо задрав нос и расправив плечи, насколько могла, а на ее коже сиял красивый рисунок сенрито — золотой птицы-удачи.

Границу Кейла увидела сразу. Это была вовсе не протокольная черта на карте. Невозможная и при этом реальная картина: повернись лицом к солнцу и увидишь странный, жуткий мир, большие кривые стволы деревьев, ветви, завязанные узлом, все в клочьях белой паутины и язвах игольчатой плесени, где-то меж ними зараженные твари голосят искаженными, несвоими голосами, на лесной подстилке то тут то там расплескались серебристые и наливающиеся кровью солнца Эдо лужицы ничто. Ужаснись, повернись к солнцу спиной, и найдешь знакомый и любимый родной мир, прямые, стройные стволы деревьев в разноцветных пятнах кое-где отстающей коры, в легких, как облачка в небе, кронах свистят знакомые мелодии птицы, а под ногами искрятся серебристо-зеленые и красно-желтые травы. Словно две картинки разных миров склеились, и Кейла стояла между ними.

«Граница...» — Кейла растерянно оглянулась. Поглощенная приготовлениями к походу, она совсем забыла о самом походе. Сопровождающие много говорили о его цели, о необходимости отыскать источник чуждого, и Кейла кивала, говорила такие же правильные умные фразы... но все происходящее не оставляло никакого эмоционального отклика, будто

происходило не с ней. Но сейчас от походного лагеря к ней пошли наставница с последней порцией одуряюще пахнущего зелья в руках и страж, который должен сопровождать распознавательницу за Границу — грозная тень ее будущего убийцы, и Кейла вздрогнула и опять, как на ритуале обмена энью, пришла в себя.

«Я уже на Границе. Осталось найти источник чуждого и передать его среброликим, лишившись жизни. Так недолго мне осталось! Ужас! Позади уже больше, чем впереди!»

Мудрости и спокойствия старейших в последней мысли Кейла не почувствовала. Был лишь страх и чрезвычайно, ненужно ясное ощущение своего пока еще живого тела. Так недолго осталось. Как жаль! Ни семьи, ни детей, конец всем простым мечтам!

Наставница почувствовала состояние ученицы и шагнула к ней, приподняла голову за подбородок, разжала стучащие в страхе зубы и влила в горло последнюю порцию зелья распознавателей.

— Вспомни, как нас провожал Наао! — настойчиво приказала старшая. — Вспомни!

...Любимый, дарующий покой и ощущение своей нужности запах родного. Единоликая толпа, скандирующая имена будущих спасителей: где-то в ней растворились и мать, и отец, и Аки, и Лереми, и Энжет... И красные как кровь лепестки юлсинты — цветка времени вперемешку с золотыми перьями сенрито дождем проливаются над уходящим отрядом, когда они проходят главные ворота. Лепестки юлсинты — символ краткости их пути и перья сенрито — пожелание удачи на нем...

Зелье было безвкусным и маслянистым, как предыдущие. Кейла по привычке облизала губы и уставилась сухими, блестящими от ужаса глазами на наставницу.

— Ты обучена хорошо и поход станет легкой прогулкой для тебя, — тихо сказала старшая. — Не бойся чуждого, помни: у тебя одной на Сенте есть сила, останавливающая его. Трое распознавателей со стражами разойдутся сейчас по Границе. Твое направление — по правую руку от Эдо.

— Да, я помню.

Старшая распознавательница почувствовала волнение и ужас ученицы, и, мягко улыбнувшись, обняла ее.

— Таких юных не отправляли раньше к Границе. Очень жаль, что тебя не успели обучить всему, чему учат распознавателей. Ты не познала мир, познала лишь чуждое миру. Но на твоей сегодняшней отправке за Границу настояли среброликие. Конечно, всезнающие не открывают нам тропы своего предвидения... — добавила она благоговейным шепотом, — но ходит слух, что Деале, старейшей, открылось в беседе с Великими: юная Кейла найдет источник опаснейшего в истории Сенты чуждого и... новые поколения всезнающих будут советоваться с юной распознавательницей в зале памяти, как с величайшей из великих!

Кейла согласно наклонила голову. Зелье уже начинало распространяться по жилам — в животе стало горячо, тепло растекалось оттуда по телу. Дурманящий туман мириадов запахов чуждого вновь заполнял голову.

Лереми

Видение моря ничто на месте Наао настигло Лереми в самый неожиданный момент, на свадьбе Энжета и Кейлы. Брат и подруга уже обменялись шариками энью, и разочарование обоих оказалось так велико, что они отказались продолжать ритуал. Кейла сразу же

отвернулась от друзей и по дороге к родительскому дому ни разу не обернулась к ним. А Лереми все глядела вслед уходящей фигурке подруги... и внезапно полуразрушенные колонны дворца Наао в море серебристой вязкой субстанции — подарок просыпающегося дара предвидения, будто пронзили ее острыми копьями.

Она видела, как отверстие в высочайшем куполе дворца затворилось, и зелье, поддерживающее постоянство родного Сенты перестало поступать в воздух. Сенториане на площади вдыхали и морщились от его вкуса. Это же отвращение ощущала и Лереми — горечи желчи и тошнотворная сладость, будто съела тухлое мясо или гнилой плод. Подул ветер с Границы, облака волнами пошли по небу, меняющему цвет с обычного розоватого на багровый. Небо кровоточило, его, будто кинжалы, вспарывали золотистые всполохи молний.

Горизонт заблестел серебристым... Ничто шло с приграничья на Наао!

Лереми задохнулась. Видение было ужасно реальным, но самым ужасным было то, что она почувствовала слабую связь между Кейлой и будущим морем ничто в центре столицы. Но должна юная распознавательница предотвратить катастрофу или, наоборот, она будет виновна в ней — это Лереми еще не научилась определять.

Сейчас, когда Лереми шла через знакомую колонаду дворца Наао к месту совета среброликих, ее преследовало то же видение. Она то и дело вскрикивала от ужаса и хваталась за колонны, бросала панические взгляды вниз, на ступени. В ее видении ступени в этот же самый момент времени захлестывало безликое, серебристо поблескивающее ничто.

Лереми толкнула тяжелые деревянные двери зала, предваряющего зал совета. Здесь в ожидании окончания собрания толпились просители. Бывшие среди них молодые всезнающие жадно ловили изредка прорывающиеся сквозь мысленный блок старейших яркие эмоции и выкрики. Прислушалась и Лереми. Она недавно получила первую порцию зелья, облегчающего чтение мыслей неродственных ей сенториан, и чужие яркие мысли, эмоции уже начинали оставлять различимые отпечатки на ровном поле ее дум.

— Увеличение моря ничто на темной стороне Сенты связывают с этим же чуждым, — в голосе незнакомого Лереми старейшего был страх: он помнил, что на темной стороне род чуждого не удалось установить, жители готовились к катастрофе, но чуждое вдруг исчезло... Исчезло, чтобы объявиться на светлой стороне!

— Оно не поддается никакому нашему воздействию, — четкий равнодушный голос всезнающего.

— Море ничто реками струится в наши приграничные земли, — крылатый всевидящий.

— Верны ли слухи: недалеко время, когда ничто разольется по нашим землям? — спросил какой-то решительный всемогущий, и этот вопрос вызвал настоящую мысленную сумятицу у присутствующих, море их чувств заволновалось, даже Лереми сполна глотнула пены его паники:

«Это чуждое ужасно сильно! Пусть всемогущие замкнут его в кольцо гор, нельзя пропускать его сюда!»

«Но такое воздействие на природу не пройдет незамеченным — еще одна катастрофа!»

«Его не замкнуть. На темной стороне уже пытались. Оно стремится к нам и, я думаю, стоит дать ему дорогу», — знакомый фон мыслей — ровный и светлый... Деала?

Эта осторожное замечание вызвало настоящую бурю негодования:

«Оно чуждое!»

«Чуждое должно быть уничтожено!»

«Мы уничтожим его, или оно уничтожит нас!»

— Взгляните правде в глаза: мы слабы перед ним. Нам его не уничтожить. А оно, хоть и способно уничтожить наш мир, к этому не стремится. Я полагаю, — Деала взяла паузу даже в мыслях наполнив его спокойной и ясной мудростью, — ...полагаю, что это чуждое — не то обычное чуждое, с которым мы до сих пор сталкивались. Это чуждое разумно и стремится не к уничтожению, а к диалогу с нами.

«Остановись, Деала. Ты же видишь, что ждет нас на этом пути — Море ничто на наших землях», — столь же спокойный и ясный голос мыслей старейшего... — и ему ответом вздох Деалы:

«Морем ничто оканчиваются все пути нашего мира. Увы, это такая же данность, как смерть в конце моего — твоего... каждого пути каждого живого существа...»

— Но, Деала!

— Твое предвидение завязло в переплетении судеб Сенты, Ирвен. А я брожу по тропам миров за пределами нашего мира. Я вижу, как болезненно замкнут наш мир. Он как сухая трава, предназначенная на корм огню. Вы говорите: в загрязнении наших рек виновно чуждое, вы говорите, моря ничто создает чуждое, вы говорите: чуждое враг! И не видите, что враг не вне нас, враг внутри нас. Чуждое не было б опасно, не реагируй на него так болезненно, неправильно наш мир. Я видела иные миры взглядом предвидения, и нигде войны родного и чуждого не ведутся столь бескомпромиссно. Уничтожая чуждое, мы превращаем родное в ничто, губим сами себя. Так, может, выбрав диалог с чуждым, мы спасем наш мир?

Лереми даже потрясла головой, чтобы вытряхнуть из нее чужие кощунственные мысли. То, что говорила Деала, так странно. Непонятно. Неправильно. Родное и чуждое — эти два слова были столбами, на которых стоял мир Сенты. А Деала предлагает разрушить эти столбы?! Что же встанет вместо них, какие новые слова, что будет с миром?! И все же Лереми признавала, правильное мнение Деалы звучало волнующе. Притягательно! Миры за пределами Сенты... — какие существа их населяют? И как им удастся сохранить свое родное, не прогоняя чуждое? Если б это узнать!

Совет окончился. Старейшие расходились, но их недовольство, волнение прорывалось даже сквозь плотные мысленные блоки. Лереми нашла Деалу среди одинаковых фигур, закутанных в серебристое, по грациозным движениям рук и легкому наклону головы, и послала отчаянный мысленный вопль. Всезнающая обернулась и, оставив важную компанию, неслышно подплыла к Лереми.

Лереми знала: все ее новости, мысли, чувства, недоумения, тревоги лежат перед старейшей как на ладони и нет нужды озвучивать их. Есть хорошая поговорка: хочешь поговорить со всезнающей — молчи — и Лереми молчала, только ясно, открыто глядела в лицо Деалы и старалась, чтобы таким же ясным, открытым был разум. Сребролика, расслышав ее мысли среди мириадом других, мягко улыбнулась под вуалью:

— Пойдем в мои покои, юная провидица.

Комната Деалы, на самом верхнем ярусе дворца, оказалась светлой, просторной и очень пустой. Мягкий ковер на полу, гамак, низенький столик с непонятными, холодно сверкающими приборами — это помещение не было предназначено для приемов, только для отдыха и дум.

Деала присела на ковер и жестом пригласила девушку.

— Вижу, вопрос: что случилось, Лереми? — можно опустить, — звонко и мелодично сказала она. — Свадьба Энжета и Кейлы расстроилась, и ты недоумеваешь, зачем я

обнадежила тебя. Я не могла не предвидеть итог этого ритуала.

Скромно присевшая на самый краешек ковра Лереми потупила взор:

— Да.

— А если отбросить покров вежливости и уважения к старшей, ты негодуешь: я намеренно позволила этот ритуал, чтобы Кейла, обидевшись, ушла и более уже не сомневалась в пути распознавательницы.

— Да, — скованно призналась Лереми. — Ты отправила ее на Границу, на смерть...

— Я отправила ее на встречу с чуждым. И при этом на пути распознавательницы нет близкой ямы смерти, посмотри сама.

— Ты... — Лереми задохнулась от волнения, поперхнулась, закашлялась, но верные догадки уже вспыхивали звездочками:

«Ты сейчас говорила на совете о разумном чуждом, о необходимости диалога с ним, а не уничтожения... Так Кейле предназначено найти разумное чуждое?! Невероятно!»

— Уже более чем вероятно. Они движутся сейчас навстречу друг другу, словно связанные одной нитью. Скоро твое предвидение станет тоньше, и ты увидишь.

— Ох... Но разумное чуждое, оно же...

— Преобразит наш мир, — довольно сказала старейшая. — Я слышала твой страх еще на собрании. Не надо бояться перемен, Лереми, перемены несут благо обновления. Это как возвращение в юность, это придает сил, но тебе, юной, наверное, моя радость пока непонятна, — она засмеялась.

Взгляд Лереми скользнул по столу с приборами и зацепился за один, удивительно чуждый, холодный, тяжелый на вид. Переплетение гладких пластинок и черных нитей. Прибор серебристо переливался на солнце.

«Что это?!» — старейшая почувствовала ее недоуменный мысленный вопрос.

— Моя маленькая тайна. Это вещь для связи с мирами за пределами Сенты. Когда-нибудь я научу и тебя, если не проболтаешься.

— Она такая странная! Из чего она сделана? Не знала, что преумножители знания умеют создавать такое!

— Она сделана не в нашем мире. Не нашими преумножителями знания, — вся музыка вдруг ушла из голоса старейшей. Он зазвучал вяло, безжизненно, но Лереми едва ли обратила на это внимания. У нее дух захватило: связь с иными мирами! И Деала пообещала научить ее...

— Вот здорово! — восхитилась она.

— Я обязательно научу тебя, — тускло сказала Деала. — Да, я забираю тебя у наставницы. Будешь моей ученицей.

Лереми радостно засмеялась:

— А что нам принесет встреча с чуждым? Говорят о море Ничто, но вы же видите дальше? Когда я первый раз увидела его, мне показалось, оно как-то связано с Кейлой...

Деала встрепелась, это отразилось легкой рябью на поле ее мыслей:

— Море ничто — конец нашего мира является всем всезнающим, и не стоит связывать его с событием в реальности, во время которого тебя посетило видение. Это еще одна ошибка юных. С этим видением надо просто смириться. А встреча с разумным чуждым принесет нашему миру несомненную пользу, не бойся, юная провидица. Скоро ты снова увидишь подружку... а вместе с ней — небывалое, невиданное никем прежде разумное чуждое, союз с которым принесет миру величайшее благо!

При последних словах Деалы видение серебристого моря ничто вновь встало перед глазами Лереми. Но, вооруженная новым знанием, она лишь усмехнулась и отодвинула в сторону, как надоевшую картинку.

Кейла

Акат идей уже десять раз сменился акатом действий, а они со стражем все еще шли вглубь зараженных чуждым земель. Серебристые лужицы ничто вокруг сливались в озерца, деревья приобретали все более искаженные очертания: то вздувались как бочки, то завязывались причудливыми узлами. Зараженная, переливающаяся всеми цветами радуги слизь и яркая до боли в глазах игольчатая плесень иногда сплошным ковром покрывали их. Разноцветная листва с прохождением вглубь Границы обретала все более отчетливый серебристый оттенок. Сопровождающий Кейлу страж сжигал ее, вызывая пламя смешиванием зелий. Деревья сторали до легкого пепла, серебристая субстанция в лужах, озерцах бурлила, стонала, пищала, но в конце концов также уступала силе огня. Изуродованные чуждым твари, одна страшней другой, вопили, услышав приближение распознавательницы. Одни бежали, другие кидались в бой, но тут же падали, одурманенные ароматом, который издавал мешочек на груди Кейлы. Страж рубил их на куски и забрасывал останки тяжелым, маслянисто поблескивающим крупнозернистым снадобьем, и зараженная чуждым плоть истлевала и рассыпалась в пыль на глазах, будто десятки восходов Кана проходили для нее в мгновение ока.

Кейла вся отдалась главной цели — отыскать источник чуждого. Она поймала в ветре слабую нить его запаха и следовала за ней, не отвлекаясь ни на что вокруг. Стражу рядом, наверное, казалось, что он сопровождает куклу. Кейла даже не знала его имени! Все родное на Сенте перестало иметь смысл. Единственным смыслом ее существования стало чуждое — незримое и всеильное, разлитое в воздухе, воде, земле вокруг.

В кратких снах Кейле являлись видения толпы, провожавшей ее на Границу. Толпа яростно и радостно скандировали ее имя, и скоро в ритме этого единого крика начинало биться сердце. О, эта невыносимая сладость и невообразимая горечь славы! Какое счастье, что ей дано испытать, как звучит ликование заведенной тобой толпы! Какое горе, что услышать этот гул ей доведется еще лишь только раз в жизни! Если б путь распознавательницы был чуть длиннее! Какой свободной и счастливой стала бы она, если б можно было собирать толпы и толпы, забыв о мече скорой смерти над головой!

Странный мелодичный звон будил ее. Кейла открывала глаза и почти видела тонкую нить, натянутую в тяжелом, мутном, проросшем чуждым воздухе. Эта нить вела к источнику чуждого...

— Мы скоро встретимся, и я схвачу тебя, я вберу тебя в себя и не выпущу. Ты будешь мой, мой, мой. Я буду любить тебя как мужа, которого у меня не будет. Я буду беречь тебя как детей, которых у меня не будет. И мы умрем вместе, в один акат, как в старых сказках, — напевала Кейла. С каждым шагом она чувствовала, как сильнее натягивается незримая нить, будто кто-то тянул ее на себя. Чуждое словно само стремилось к распознавательнице.

Дорога пошла вниз по склону, поросшему уродливо раздутыми деревьями, к большому озеру серебристо поблескивающей субстанции ничто. Земля сама бросалась под ноги, и Кейла побежала. Источник чуждого был близко, она чувствовала: обойди озеро, и найдешь,

возьмешь в руки. С разгону влетела в ничто по щиколотку, и ноги онемели. Кейла качнулась и чуть не рухнула в серебристую жидкость. Подоспевший страж вытащил ее. Кейла упала на землю и бессмысленно смотрела, как спутник растирает ей ноги особым составом: чтобы не заразиться чуждым они каждый акат намазывались зельями распознавателей и принимали их внутрь. Страж приговаривал что-то, наверное, ругал ее за глупость.

Едва вновь почувствовав ноги своими, Кейла поднялась и пошла вдоль озера, все ускоряя шаг. На том берегу вилась кромка густого леса, будто разрубленного всемогущим надвое точно посередине. Кейла уже знала: там, на просеке, источник чуждого.

Огромная зараженная тварь скатилась с холма перед ними, оставив за собой плотный слизистый след. Увидев сенториан, она расправилась и встала на дыбы, раззявила гнилую пасть. Она была заражена сильно, на пороге превращения в ничто — под членистым панцирем просвечивала знакомая серебристая субстанция. Одурманивающее зелье в мешочке было слабо для нее. Страж оттолкнул Кейлу и достал меч. Кейла отползла немного в сторону, не следя за развернувшимся боем, затем снова рванулась вперед, к источнику чуждого.

Шаг, еще шаг. Прыжок — через клубок плесени, прежде бывший деревом. Позади раздался крик, Кейла обернулась, и увидела, как тварь расплывается огромной каплей ничто, увлекая стража за собой в озеро. Она остановилась было... но незримая нить властно потянула за собой, обручем боли сдавив ребра, и Кейла побежала вдоль озера к далекой просеке.

Скоро большой полукруг озера ничто остался позади. Стали различимы детали впереди. Лес на дальнем берегу оказался не удивление слабо пораженным чуждым. На просеке блестело что-то. Странное. Белое-белое, размером гораздо больше Кейлы. Источник чуждого? А преумножители знания говорили, он должен быть очень мал...

Шаг, еще шаг. Прыжок — через камень, покрытый радужной слизью. Кейла вышла на просеку — удивительно ровную прямую дорогу, будто кто-то здесь гигантской бритвой срезал траву вместе с тонким слоем земли. Белый предмет оказался чем-то вроде шатра пирамидальной формы. А перед шатром стоял тот, кто все это время держал другой конец незримой нити распознавательницы. Источник чуждого.

Во время похода Кейла совсем не задумывалась, каким загадочное чуждое окажется с виду. По рассказам распознавателей и преумножителей знания она готовилась искать нечто невзрачное, бесформенное и очень мелкое — чужеродную гранулку меж песчинок, каплю слизи в озере воды. Ведь проникнуть сквозь плотный покров атмосферы Сенты могут лишь мельчайшие чуждые твари, способные образовывать защитные капсулы или преобразовываться в споры. Но сейчас источник чуждого был перед ней, и он был вовсе не мельчайшим. Да, сам источник, не заражённая тварь, это подтверждало обоняние распознавательницы. Ростом на голову выше стража, а осанкой, подобной его, не мог похвастать даже Энжет. Руки существа были свободно, легко сложены на груди, немыслимо широкие плечи расправлены, а его лицо и пугало, и притягивало Кейлу: удлиненное, с резко очерченными скулами, прямой тонкий нос, удивительно яркие голубые глаза. Похожее... нет, не на лица сенториан — на те, что высечены на колоннах дворца Наао: не красота, лишь мечта о невозможной красоте. Он прекрасен. Но... кто он?

Чуждое было в нём, в каждой его частице. Чуждое было им. Откуда он пришёл? — в голове Кейлы проносились версии, одна другой сказочней.

Голова пришельца с гордо вздернутым подбородком, покрыта черными волосами, также

и подбородок, — отмечала она. — И тело облачено в темно-красные кожи: похоже одеваются на темной стороне... Только фасон странный, и кожа, судя по всему, тончайшей выделки... но, может, всё-таки это сенторианин? Давно заражённый, настолько давно, что даже распознаватель чуждого не отыщет в этом теле частицы родного... Нет, немыслимо! Ни одно тело на Сенте не выдержит такой концентрации чуждого, любой сенторианин давно обратился бы в ничто!

Знакомый, слышанный на границе сна и яви мелодичный звон раздался позади и сбоку от Кейлы. Она вздрогнула, а существо подняло руку, ладонью к ней.

— Не бойся меня, — сказало оно. Кейла с трудом разобрала эти слова, так как фраза была абсолютно лишена мелодии. Чуждый тянул звуки на одной ноте, не выделяя те, что должны были звучать на полтона выше или ниже.

Кейла молчала. Как следует вести себя с говорящим, определённо разумным чуждым, ее никто не учил. Если б это чуждое нападало, она бы ответила, даже, возможно, сумела убить его. Но незнакомец держался доброжелательно и спокойно, и она только переминалась с ноги на ногу, вздрагивая, когда холодный эфес меча случайно касался её бедра. «Есть ещё мешочек на шее», — вспомнила Кейла, и тут же ухватила за него, будто это могло лучше защитить.

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда, — снова уверил чуждый.

— Ты странно говоришь! — прошептала Кейла. Здесь, в нескольких шагах от чуждого, ее так и тянуло коснуться его, прижаться, впитав его запах. Она вспомнила, как ведут себя некоторые неразумные твари при встрече с чуждым: начинают валяться, тереть об него шкуру, грызть, жевать, впитывая его запах, все с безумными ошалевшими глазами. Сейчас Кейла была готова уподобиться этим тварям.

— Ваш язык мне не родной, — заметил чужак. Он глядел на Кейлу с осторожным любопытством, но все так же доброжелательно.

Слева Кейле почудилось движение. Она скосила глаза, стараясь при этом всё же не упускать из виду незнакомца. И низкорослый кустарник с узкими листьями и желтоватая от песка земля под ним вдруг показались картинкой. Кейла приглушённо вскрикнула, а изображение ветвей мигнуло и исчезло. Закрывая собой настоящий кустарник, слева от Кейлы стояла тварь, ростом ей по щиколотку, зеркально блестящая, многоногая. Овальное удлиненное тело, членистые конечности казались на вид холодными и неживыми. Да. В твари не билось живое сердце, частиц чуждого чуткое обоняние Кейлы не улавливало, как и частиц родного. Тварь была... никакая, равнодушная, и мир Сенты был безразличен к ней. Чуждый монотонно сказал что-то твари, та знакомо мелодично прозвенела в ответ и отступила в сторону. А мужчина обратился к Кейле:

— Опасности нет. Это мои помощники. Они приносят мне знания о вашем мире. Благодаря им я узнал ваш язык и социальную структуру, вашу науку и вашу религию.

«Опасности нет», — повторила Кейла, успокаивая саму себя, хотя краем глаза углядела ещё двух таких же тварей, сбросивших покров невидимости и подбирающихся к ней с другой стороны. Она вскинула голову, пристально посмотрела чуждому в его странное, невыносимо прекрасное лицо.

— Ты распознавательница, верно? — опять с неприятной монотонностью спросил чуждый. — Тогда ты должна видеть: ни я, ни мои помощники не причиняем вреда ни тебе, ни твоему миру.

Кейла встряхнулась и немного пришла в себя. Что вертится в голове? — граница...

Граница!

— Не причиняешь вреда? А ты видел Границу? И взгляни на озеро ничто у меня за спиной. Это всё ты! — от волнения голос сорвался, и получилось едва ли не также немелодично.

Чуждый безнадежно посмотрел за её спину на серебристо блестящее озеро ничто:

— Первоначальной волны искажений избежать невозможно, так было и на тёмной стороне. Но посмотри, сейчас от меня в ваш мир не проникает ни единой частицы чуждого. Я установил все необходимые барьеры для этого. Я осторожен. И не опасен для Сенты.

— Кто ты? Откуда ты пришёл?

— Я провёл некоторое время на тёмной стороне Сенты.

— Но ты не сенторианин...

— Нет.

— Чуждое... — она трудно сглотнула.

— Должно быть уничтожено, — закончил он, на этот раз похоже скопировав мелодию фразы, видимо, слышал её много раз. — Верно?

Он говорил «верно» точно так же, как говорят на тёмной стороне, с той же доверчивой простодушной улыбкой, и сердце Кейлы опять тревожно стукнуло: может, всё-таки, он не чуждое? Может, это зараженный сенторианин, сошедший с ума, а она просто перетрудилась, переволновалась, готовясь к походу, и источник чуждого лишь мерещится ей?

Нет. У его фигуры другие пропорции: ноги короче и талии почти незаметно. Он опирается не на пальцы, а на всю стопу. Конечно, чуждое изменяет изначальный вид существ, порой и сильно, но... не так. И этот запах! Вот, он опять кружит голову. Сейчас она упадет прямо в объятия этому странному чуждому...

— Откуда ты? — Кейла торопливо перебирала свои небогатые знания о других мирах, из которых на Сенту могло приходиться чуждое. — Сента каждые сто акатов проходит Хвост Лисицы, и с дождём звёзд на землю сходит много чуждого. Но то чуждое мало, а ты... откуда ты?

— Этот мир назывался Земля, но его больше нет.

— Земля, — монотонно повторила Кейла, не зная точно, какой слог следует выделить повышением или понижением тона. Неживые механические твари путались под ногами, и Кейла сделала неосознанный шаг вперед, к чуждому. И доброжелательный незнакомец вдруг отшатнулся, прикрыл лицо широкой ладонью в гладко блестящей перчатке:

— Не подходи ближе! Или сними с шеи эту вонючую дрянь! Еще немного, и она уничтожит барьеры! —

Ненаигранный испуг в голосе чуждого поразил Кейлу. Но она сняла мешочек и кинула его твари. Быть рядом с чуждым — голос инстинкта распознавателей был сильнее даже страха перед неизвестным.

Она все сделала правильно. Чуждый заметно расслабился, напряженный прежде взгляд потеплел.

— Зачем ты пришёл на Сенту? — осмелела Кейла.

— Что в вашем мире делает чуждое?

Кейла задумалась.

— Оно... уничтожает.

— Выброшенное из родного мира, оно лишь пытается выжить в вашем, болезненно замкнувшемся на себя, — он засмеялся, приятно, музыкально, почти как сенторианин, но

резко оборвал смех. — Вам нужно остановить катастрофическую реакцию живого вещества планеты на чужаков, иначе вы погибнете, Сента съест саму себя. А мне просто нужен новый дом для меня и моих детей. И, я думаю, мы можем друг другу помочь.

— А твой дом? Зем-ля?

— За пределами Сенты есть много видов чуждого. Все они и добры, и злы, с какой стороны посмотреть, и лишь джийане — воплощенное зло. Они отняли мой мир, а я с вашей помощью уничтожу их мир, — задумчиво, как бы сам себе сказал пришелец, и опять засмеялся, на сей раз страшно, монотонно.

— Джий...

— Здесь их нет. Пока. Молись, чтобы они не пришли на Сенту, прежде чем я смогу дать им отпор! — чуждый резко развернулся и поманил Кейлу за собой. — Но ваше неподвижное солнце все-таки невыносимо жестоко. Продолжим беседу в моем шатре.

Кейла струхнула. Кое-как взяв эмоции под контроль разума, она сумела сама отступить на шаг.

— Нет, я не могу. Я расскажу о тебе серебрикам, они пусть решают. Я — распознавательница, я знаю только, что... — она поперхнулась, с ужасом поглядела на незнакомца.

— Что? Что чуждое должно быть уничтожено?

Кейла слабо кивнула. Но чуждый сам шагнул к ней, протянул руку ладонью вверх — доверительный, дружеский жест на обеих сторонах Сенты.

— Распознавателям, полагается постичь чуждое прежде чем пробовать уничтожить его, верно?

— Верно, — прошептала она, теперь неосознанно копируя его монотонность.

— Тогда начнём диалог, а серебрикие подождут, — он улыбнулся, показав ровные белые зубы. — Прошу в мой шатер. В моем мире меня звали Шелтон. А вы, разноцветная леди?

Кейла смутилась. Леди — подобное обращение употреблялось редко, обычно, по отношению к серебрикам... Но ей было очень приятно.

— Кейла.

Осторожно ступая, она пошла за пришельцем. Шел он неуклюже, медленно, как все стопоходящие твари. Но Кейла смотрела не на ноги, а на его безупречно прямую спину, широкие плечи...

«С ума сойти, он, наверное, может легко развести руки в стороны...» — пришла дикая мысль и тут же забылась, величие момента поглотило Кейлу. Разговор с чуждым... — подобное испытание не выпадало никому из распознавателей... вообще, никому из сенториан до нее! О, только бы не оплошать!

Краткая известная дорога распознавателей вдруг развернулась в бесконечно длинную и нехоженную. Следы Кейлы на ней были первыми — какое завораживающее, пьянящее чувство!

Оставшееся до начала новой миссии время Ардин провел в поисках Роумы. Он не желал погружаться в изучение неизвестной и, возможно, враждебно настроенной инопланетной расы, не завершив джийанских дел. Довольно будет неразгаданной тайны собственных снов. Но разыскать загадочную джийанку не удалось. Похоже, обещание: «вы сами меня найдете» было очередной ее бессмысленной и странной игрой. Роума пропала из общего каталога много лет назад, как раз после событий у Сенты. Из каталога исключали умерших... и в мирах Джийи Роума давно не числилась живой, как, впрочем, и вся команда погибшего у Сенты тяжелого крейсера.

Одна тайна порождала десяток других. Ардину не было известно случаев отключения живого джийанина от общего каталога. По мнению большинства это вовсе могло привести к смерти отключенного.

Он побывал в городе на Джийе, где Роума прожила большую часть жизни. Но Роуму тут не видели уже сорок два стандартных цикла. Старые знакомые давно считали ее мертвой и даже нешуточно напрягались в начале беседы, соображая, откуда им известно само имя Роума. Кстати, тогда, сорок два цикла назад, Роума еще была Роумом. Очевидно, умом несчастный джийанин тронулся уже после Сенты.

Ардин выяснил результат психологического тестирования Роумы. Согласно ему, джийанке рекомендовалось посвятить жизнь творчеству, но вместо этого она рванула на военную службу. Что и говорить, чуждую нелогичную логику Роума демонстрировала с юности.

Ардину удалось разыскать бывшего командира Роумы, но выяснить у него подробности катастрофы двух крейсеров у Сенты не получилось. Подготовка экспедиции на поиски неизвестной инопланетной цивилизации была завершена, и Кентор требовал отправляться немедленно. А связываться с командиром Роумы через каталог Ардин не решился. Было подспудное ощущение, что историю Роумы не следует рассказывать во всеуслышание.

Загадку пришлось отложить, и, недовольная этим, наглая джийанка просочилась в его подсознание. Кошмары о расплавляющемся мире теперь перемежались смутными запутанными снами, в которых он опять разговаривал с Роумой — длинные, странные, изматывающие разум скрытыми смыслами беседы.

Через месяц Ардин вновь зашел в кабинета начальника с докладом о проделанной работе.

Кентора на месте не было. Вместо него за пультом в центре комнаты стоял Орфа, слуга. При виде Ардина лицо идиота расплылось в радостной улыбке: но не ясно было, искренние то чувства или просто еще одна гримаса неполноценного, не умеющего управлять собственным лицом.

— Мне нужен Кентор.

— У хозяина встреча, — улыбка сменилась гримасой трагического отчаяния. — Вы

можете подождать?

— Что вы делаете за его пультом? — резко, вопросом на вопрос ответил Ардин. Орфу он недолго любил, хотя слуга Кентора ничем не отличался от его собственного, Дестера, такого же полудиота в бледно-зеленом кособоком костюме. Это была какая-то иррациональная неприязнь, недостойная джийанина, но справиться с ней Ардин не мог.

Орфа послушно отступил от пульта на два шага, вытянув руки по швам.

— Я отвечаю на вызовы, что хозяина нет на месте, — отчеканил он. — Законом это не запрещено, но если господин Ардин не доверяет мне и хочет занять мое место, я уступаю мнению высшего.

— Да оставайтесь, — Ардин досадливо махнул рукой. Не хватало еще, чтобы его обвинили в неприязни всех неполноценных разом!

Кентор подошел через несколько минут. Станный, непривычный, взвинченный.

— Рассказывайте, — хмуро потребовал он, едва заметив Ардина. Жестом прогнал Орфу за дверь и прошел к пулту. Ардин лучезарно улыбнулся, несмотря ни на что настраиваясь на спокойный, ровный тон беседы:

— Я отыскал инопланетный корабль близ Родны. По первому беглому осмотру его технические решения довольно стандартны. Раса имеет близкий к нашему тип разума, техническое отставание от нас невелико. Строить гигантские автономные объекты в космосе они умеют, остался шаг до гиперпространства. Свой мир они зовут Земля, но выяснить его местонахождение пока не удалось.

— Вы сигнализировали, что внедрение в мир призрачных существ корабля прошло успешно.

— Да. Я проник к ним через заброшенную внешнюю сеть, удачно нашел временную личину в игровом секторе призраков. Надо признаться, они чутко чувствуют чужое: один раз меня почти засекли, но я успел удрать. С языком проблем не возникло — в игровом секторе есть целый блок, посвященный обучению их основному языку, видимо, земляне всерьез готовились к контакту с другими расами. Но, — Ардин вздохнул, — несмотря на эти две несомненные удачи, информации, какая из планет галактики является домом землян, найти не удалось. У землян много фильмов и фотографий с пейзажами родной планеты, но нет ни одного вида их родины из космоса или данных о составе планетной системы их светила. Видимо, это сделано на случай сдачи корабля врагам. Система Земли затерялась где-то среди миллионов отмеченных на их картах звездных систем. Они, безусловно, знают путь домой, но передают его друг другу устно, не чертят на космокартах. Также и фотография Земли наверняка есть среди девяти тысяч их фотографий планет и планетоидов, но это фото не подписано: «Родина». Кстати, главными врагами земляне считают нас, джийан. Помните катастрофу двух крейсеров у Сенты? Там была замешана «Красавица» — так они зовут свой корабль и, надо сказать, небезосновательно. Эта их идея заставок для обшивки...

— Ближе к делу, Ардин, — от напряжения Кентор даже вцепился в пульт. — Катастрофу у Сенты я помню прекрасно! «Красавица» была нарушителем наших границ?

— Да. Там была погоня, их корабль был поврежден. Наши солдаты взошли на борт, убили команду. А потом произошло нечто странное. Похоже, джийане покинули корабль, не завершив операцию. В живых на «Красавице» осталось младшее поколение землян, они и руководят сейчас полетом.

— Как им удалось улизнуть?

— Загадка! Их капитан стер всю базу памяти корабля перед смертью. Зачем? — Опять

непонятно. Нынешний экипаж корабля полагает, что он хотел оградить их от какой-то информации, возможно, он стыдился ее.

— Зачем они спускались на Сенту?

Ардин выразительно пожал плечами. То, что ему удалось выяснить о землянах, и его выбило из колеи надолго, так что теперь он отлично понимал начальника!

— Во всей этой странной истории радуется одно: выжившие земляне знают о той катастрофе и ее причинах не больше нас, — заметил он.

— Хорошо. Точнее, нехорошо... но вариантов пока нет, — Кентор натянуто улыбнулся. Он по-прежнему вцеплялся в пульт, будто вознамерившись его раздавить, и Ардин внезапно подумал, что для начальника эта важная история, несомненно, имеет и какую-то собственную невероятную важность. — Расскажите об экипаже, реальном. Кто они: солдаты, ученые?

Ардин задумался. Он не знал, как точно описать увиденное.

— Ни то, ни другое, — сказал он наконец. — Я пришел к выводу, что это скорее социальная, чем профессиональная группа. Семья. Трое мужчин и трое женщин. Управляет делами разнополая пара старших. Я же особенно сдружился с одной из младших землянок. Она проводит много времени в мире призрачных существ.

— Призрачные существа. Каковы отношения реального экипажа с ними?

— Натянутые. У землян есть версия, что база памяти была стерта капитаном, чтобы вывести виртуалов, так они зовут своих призрачных существ, из некоей игры. Возможно, у Сенты, они преследовали собственные цели и намеренно подставили «Красавицу» под наш удар. Нынешний капитан считает виртуалов врагами, похуже джийан. Хотя в мире Земли, как я понял, нормой считаются дружественные отношения с призрачными существами. Земной виртуальный сектор по числу жителей сравнивается с реальным. Правда, эта информация, заложенная в корабль перед полетом, боюсь, давно безнадежно устарела.

— А их язык?

— Язык землян не унифицирован, хотя тенденция к унификации прослеживается. Их тысячи! Некоторые похожи на языки инопланетян, но сходство случайно, не системно. С джийанским значимых совпадений нет. Зацепок нет.

— Я просил обратить внимание на возможную опасность землян для Джийи.

Ардин пожал плечами:

— Не вижу опасности. Обычные слабые существа типа два. Самое сильное их оружие нанесет минимальный вред нашим костюмам. Способностей к телепатии, телекинезу, ясновидению земляне не демонстрируют. Нас они, конечно, изучают, но лишь по открытой части общего каталога — минимальные сведения, там нет ни данных о нашей армии и флоте, ни данных о центральных планетах и уязвимых местах обороны. В принципе, мы находимся на равных: что-то знаем друг о друге, но значимого ничего. Планов мести убийцам родителей земляне не лелеют, наоборот, при приближении наших кораблей прячутся под маской планетки или астероида.

— Планов мести не лелеют, — эхом повторил Кентор. — Это все, что вы узнали?

Скрывая колебания, Ардин изобразил задумчивость. Он узнал еще кое-что, но постановил это не сообщать, пока не разузнает кое-что у начальника.

— Вернувшись в джийанские миры, я поднял всю информацию по Сенте. Оказалось, ее постоянно мониторит наше управление. Вы не могли не знать, что корабль землян побывал у Сенты, что это именно из-за него погибли два наших крейсера...

Кентор чуть отстранился. Его пальцы задрожали и оторвались наконец от пульта.

— Да, я знал, — спокойно сказал он.

— Информация по Сенте открыта для всех джийан, но выводы по тому, что произошло с нашими крейсерами там, закрыты, пятый уровень секретности...

— К чему вы ведете?

— Вам известно, что произошло с крейсерами, почему они погибли? — прямо рубанул Ардин. — Это связано с некоей опасностью землян для нас? С какой-либо их способностью, или же они заражены чем-то? Я ничего не нашел.

— Ардин, — резко сказал Кентор и прожег его недобрый взглядом, будто собеседник слишком глубоко проник под его броню. — Если эта информация закрыта, значит, на то есть причины. Никому, кроме узкого круга посвященных, знать эту информацию не необходимо. Пожалуйста, занимайтесь своим заданием.

— Гм. Не предупрежденный о роде опасности землян, я могу погибнуть, выполняя его, — Ардин позволил себе легкую обиду.

— Сейчас вы живы. Помните, почему РИДовцев зовут подлецами, Ардин?

— Я думал, если мое задание такое секретное, что весь обмен мнениями идет вне общего каталога, значит...

— Значит, я должен ввести вас во все тайны РИДа? — Кентор коротко рассмеялся. — Рано, Ардин!

Он равнодушно кивнул:

— Что дальше? Мне продолжать наблюдение? Капитан и штурман, в любом случае, знают конечную цель полета. Даже если этой информации нет в открытом доступе, можно использовать психозонд и вырвать у них сведения о Земле.

— Использование психозонда выходит за рамки кодекса Децы, — в голосе начальника послышалась усталость.

— Не думаю, что тех, кто на Джийе будет решать судьбу Земли, действительно волнует этот кодекс, — осторожно предположил Ардин.

— Продолжайте наблюдение. Теперь не ограничивайтесь виртуальностью. Попробуйте проникнуть на корабль. А вопрос местоположения Земли в галактике оставьте. К нему мы вернемся позже.

— Ясно.

— Тогда можете идти, — Кентор с раздраженным видом склонился над пультом, показывая, что разговор закончен.

Ардин повернулся к выходу. Выбор был сделан.

В мрачной задумчивости он покинул главное здание управления РИД. Ардина пугала собственная смелость. Еще узнав о связи давней катастрофы у Сенты и «Красавице», он понял, что история земного корабля будет не просто запутанной, а очень запутанной. Эта история сплела в тугую клубок Джийю, Сенту и неизвестную Землю. Она, несомненно хранила тайны, способные пошатнуть устои всех трех цивилизаций. Это формула со многими неизвестными и лишь вопросительный знак вместо числа по другую сторону равенства. Кем же он, хоть и талантливый, но лишенный хода во властные круги сотрудник среднего звена возомнил себя, утаив часть важных сведений от начальника? Кентор абсолютно прав: есть задание, а все, что кроме него, не его ума дело! И все-таки Ардин упрямылся. Ведь он знал подсказку, которая поможет подставить все нужные числа в формулу. Подсказка, неизвестная никому, кроме него, во всей джийанской части Вселенной.

Что случилось с джийанскими крейерами у Сенты? Почему они покинули «Красавицу», не завершив операцию? И что искали земляне в чужом хранилище биологического оружия? Наконец, почему РИД закрыло информацию о той катастрофе? В чем опасность землян для Джийи? — ответы на эти вопросы могла знать только она, единственная выжившая... и исчезающая из общего каталога Джийи много циклов назад.

То, что Ардин рассказал Кентору, для него самого было лишь удивительно и немного загадочно. Главная же тайна повергла его уже не в удивление — в шок, ужас... непонимание.

С темнокожей реалкой Таей он часто встречался в кафе игрового сектора. Девушка посчитала Дина виртуалом, и подружились они легко. И вот, как-то она между делом сообщила другу, что капитан Дэн раскопал кое-что интересное о стертых похождениях «Красавицы». Оказалось, корабль однажды «зарулил» на Землю, и экипаж нашел свою «продвинутую», технически «подкованную» цивилизацию в руинах. Тая не сомневалась, что «раскатали» землян джийане. Вот только во всей истории Джийи не было никаких сведений о разгромленной, покоренной Земле. Величайшей цивилизации галактики случалось уничтожать расы, чем-либо угрожавшие или мешавшие Джийе, но всегда это делалось открыто. Джийане не скрывали своих побед, гордились ими. Почему же стерли всю информацию о разгроме Земли и геноциде землян? Почему стерли саму отметку об этой звездной системе? Мог ли их страх перед какой-либо способностью или возможностью землян быть настолько велик, что они предпочли забыть о нем? Или Земля была неудачным научным экспериментом Джийи, о котором также безопаснее было не вспоминать?

Или то были не джийане... — но тогда придется признать, что в галактике существует некая могущественная раса, точно так же, как земляне, неизвестная Джийе. В общем, вторая версия была также невероятна, как первая.

Может быть, Земля пала жертвой гражданской войны и деградировала в развитии до прихода Джийи? — Тая давала на этот вопрос резкий, однозначно отрицательный ответ. Разумеется, ведь только Джийя — враг, этому девчонку учили с младенчества... А Ардин? — Ардин надеялся разыскать Роуму и припереть ее к стенке.

«Придержу пока информацию о войне с Землей, — решил он, — разужнаю подробности. А что до неподчинения начальству... Недаром РИДовцев зовут подлецами за их методы работы. Главное, был бы результат. Ведь так, Кентор?»

Выбравшись из РИДа, Ардин зашагал по дороге прочь, погруженный в непростые думы но вскоре остановился. Справа был пустующий темный тоннель, заканчивающийся громадной четырехугольной шахтой лифта. В период строительства нижнего города этот путь использовали для доставки грузов с поверхности, а потом забросили. Сейчас из тоннеля доносились звуки борьбы. Вот раздался тонкий вскрик — странный, приглушенный, словно жертва боялась быть услышанной. Но Ардин мгновенно узнал этот голос и рванулся в тоннель.

Он увидел клубок тел на полу. Маленькую джийанку подмяли под себя длан-ро — две крупные и безмозглые твари с длинными конечностями и массивным телом. Обычно они жили на поверхности планеты, но иногда, заплутав, спускались в нижний город. Там их без жалости уничтожали.

Ардин выхватил оружие, полоснул лазером синию чешуйчатую спину твари, бывшей сверху. Раздался визг. Раненная тварь отскочила, а ее компаньонка повернулась к Ардину и оскалилась.

Джийанка легко вскочила, но, даже не поглядев на своего спасителя, бросилась бежать.

Длан-ро издал боевой клич, неожиданно высокий для такой большой твари, с клохчущим звуком в конце, и кинулся на Ардина. Тот почти неслышным щелчком переставил род заряда на своем оружии и всадил в грудь подлетевшему чудовищу изрядный кусок плазмы. Длан-ро рухнул на землю и не шевелился. Синяя чешуя на его спине мгновенно утратила блеск. Когда-то эти чешуйки служили деньгами у местных аборигенов, — невпопад подумал Ардин. Когда-то! Разумеется, до прихода Джийи, уничтожившей и аборигенов, и большую часть производителей их денежных знаков.

Раненный лазером зверь удирал в сторону нижнего города. Ничего, там на него найдется другой джийанин с полным зарядом плазмы. Джийанка бежала в противоположную сторону, к пустой шахте лифта. Тупик же, — про себя усмехнулся Ардин. Он неспешно пошел к ней, на ходу убирая оружие, но у шахты лифта смелая дама не остановилась. Уцепившись за какую-то деталь на внутренней стороне шахты, она ловко подтянулась — и скрылась из виду.

«Верхний люк все равно закрыт», — подумал Ардин. И тут же подумал еще: что полной уверенности в правильности этого заключения у него нет.

— Роума! — крикнул он. Бесполезно. Судя по звукам, джийанка с утроенной скоростью рванула к верхнему концу шахты.

Выругавшись, Ардин кинулся за ней, влез в шахту. Джийанка была далеко вверху. Вот она отодвинула в сторону какую-то деталь казалось бы намертво приваренной крышки люка, и по глазам преследователю, едва перестроившимся на ночное видение, ударил безжалостный дневной свет.

— Роума! — еще раз позвал он, но джийанка растворилась в ореоле слепящего солнечного света.

Со всей возможной скоростью Ардин полез наверх. По стенам шахты шли бороздки, за которые удобно было бы цепляться в рабочем костюме обслуживающего персонала, но никак не в парадном синем костюме РИДовца. Пришлось даже подключить дополнительные хватательные конечности, но он не отступал.

Он догнал джийанку уже на поверхности, на пустоши, плавящейся под ярким солнцем Мегре, повалил на камни. Роума вскрикнула, опять приглушенно, будто боялась, что кто-то услышит ее крик. Тогда Ардин развернул ее к себе.

— Это я, Ардин, — только сказал он, и джийанка сразу же перестала сопротивляться.

— Я не узнала вас в этом костюме, — выдохнула она. — Как хорошо, что это вы!

Он не понял ее реплику, но ослабил хватку, потом вовсе отпустил женщину. Они поднялись.

— Я же говорила, что вы меня найдете, — сказала Роума. Она уже вернула себе бодрое состояние духа и знакомые, с ума сводящие дерзость и незащитность тона.

— Это было непросто. Вы так бросились от меня бежать, будто перед этим не дрались, а любезничали с длан-ро.

— Я их заметила слишком поздно. Наверное, они спустились через открытый люк. А вас приняла просто за одного из РИДовцев, — тонкое лицо джийанки на мгновение исказилось ненавистью. — Ненавижу эти синие костюмы.

— Я звал вас.

— Да, и я, кажется, расслышала Роума — так я представлялась только вам. Но обернуться все же побоялась. Спасибо, что защитили, мое оружие давно разрядилось, а без отметки в треклятом каталоге ни новое получить, ни старое зарядить...

— Что вы делали в нижнем городе?

— Это допрос? — джийанка неподдельно оскорбилась. — Ну, допустим, гуляла...

— Почему вы боитесь РИДовцев?

— Я остерегаюсь всех джийан. Если вы искали меня, то уже заметили, что официально я мертва для всех миров Джии. Вы сейчас находитесь в каталоге? Пожалуйста, закройте внешний поток связей, пока меня не засекали.

После беседы с Кентором Ардин так и не снял блокировку с внешнего потока, но сейчас перед Роумой постарался изобразить чуткость к ее требованию. Пусть проникнется к нему дополнительной благодарностью!

— Хорошо, закрыл. Признаться, я был очень удивлен, когда обнаружил, что вас нет в общем каталоге уже сорок циклов...

Роума усмехнулась:

— Меня отключили от него.

— Но... разве это не приводит к смерти?

Нервная усмешка так и не покинула лицо Роумы.

— Пойдемте погуляем, — предложила она. — Не люблю стоять на месте, люблю движение.

Она пошла к возвышающимся на горизонте цилиндрам грузового космопорта. Роума стала странно рассеянной. Она даже запнулась пару раз о камни, потому что не смотрела под ноги. Она оглядывала пустошь, и красное солнце Мегре огоньками плясало на пластинах ее костюма — того самого, в котором она была в день их с Ардином первой встречи. И Ардин понимал: у изгнанницы это, наверняка, единственный костюм.

— Как вы думаете, до прихода Джии это был красивый мир? — тихо спросила Роума.

— Не знаю, но можно поискать в каталоге записи о нем, — машинально отозвался Ардин. Вот, рядом с ним идет величайшая загадка, связывающая Джию, Сенту и неизвестную Землю воедино. Ее следует припереть к стенке, допросить, разобрать на части, на молекулы, если понадобится, но достать из нее всю информацию, а он, РИДовец, подлец, не может связать двух слов! Страшно не хочется ломать ее, такую хрупкую, красивую... Странную!

— Каково это, жить без каталога, Роума? — спросил он наконец. — Мне сложно представить себе жизнь в абсолютной тишине.

— В тишине? — удивилась джийанка. — Я слушаю песни звезд и планет. В прошлый раз вы были в костюме космолётчика, я помню. На нем стоит преобразователь электромагнитных колебаний космических объектов в звуковые. Просто увеличьте его громкость и послушайте. Это интереснее и информативнее вашего драгоценного каталога.

— И это способно заменить каталог? Но как же визиты в хранилище знаний, новости, обмен мнениями?

— Можно обойтись и без лживых новостей! — глаза Роумы сверкнули. — Вы не представляете, как отупляет, одурманивает этот каталог! Вне его я впервые почувствовала себя собой. И я увидела всю нелепую систему Джии, всю, всю — будто взмыла над ней на птерокаре! Я покажу ее и вам, должна, обязана показать, ведь вы такой же, как я! А

отключили меня... не случайно.

— Из-за катастрофы у Сенты?

— Вы и это знаете?

— Не лукавьте. Узнать это было легко, — проворчал недовольный Ардин. Он чувствовал, что над ним надсмехаются. Неприятное чувство!

А они меж тем подходили к космопорту, пора было действовать. Скрывая смятение, он поспешно, но четко проговорил:

— Мне нужно знать, что произошло у Сенты сорок циклов назад. Что вам известно об инопланетном корабле?

— Каком корабле? — хорошо сыграть удивление женщине не удалось, и Ардин цепко ухватил ее за руку. Зная о хрупкости ее костюма, он нарочно старался причинить ей боль, вызвать страх.

Роума подняла на него глаза, ее рот округлился от удивления, но в глазах заплескались радостные искорки:

— Про инопланетный корабль никто не знает, кроме РИДа... Эти инопланетяне — ваша задача, так? РИД отыскал их!

Ардин обескураженно молчал.

— Не бойтесь, говорите и представляйте, что говорите с пустотой: я вне каталога, меня нет. Никто не узнает о нашем разговоре.

— Я хочу прежде узнать вашу цель.

— Вы ее знаете: я хочу открыть вам глаза на наш мир. И сведения об инопланетном корабле могут здорово помочь и мне... и вам.

Ардин сильнее сжал ей руку. Они остановились.

— РИД нашел корабль, так? — глаза Роумы лихорадочно заблестели, шепот стал безумным. Кажется, она вовсе не замечала его хватки. — Ардин?!

Так странно, завораживающе прозвучало его имя в ее устах, что Ардин сдался:

— Да. Корабль был обнаружен, за ним ведется наблюдение.

— Вы его ведете...

Он только кивнул. На пустошь спускался вечер. Солнце клонилось к закату, оно уже не сияло на верхушках цилиндров космопорта, а грело их бока, спускаясь все ниже. Тишина разлилась по миру — мертвая тишина еще одного мира, насильно присоединенного к великой Джийе.

— Проведите меня на корабль. Я хочу на них посмотреть. На этих инопланетян.

— Землян, — механически уточнил Ардин и поперхнулся, осознав просьбу собеседницы. — Что-о? Провести на «Красавицу»?

— У вас есть помощники в этом задании, которым я помешаю?

— Нет, но...

— Тогда позвольте мне полететь с вами на «Красавицу». Я хочу еще раз увидеть землян, — быстро прошептала Роума. Взглядом она так и впилась в собеседника. Ардину захотелось построить вокруг себя непроницаемый экран.

— Это невозможно.

— Я все расскажу о том случае у Сенты. Вы сразу все поймете. Как только увижу землян, — теперь она и сама так вцепилась в его руку, что Ардин даже почувствовал слабую царапающую боль. — Пожалуйста!

Он усмехнулся, пытаясь отстраниться от неприятного покалывания в стиснутой руке:

— Я могу сейчас сдать вас начальнику, и вы расскажете все без выставления условий! — металл зазвучал в его голосе, и джийанка затихла, даже испуганно втянула голову в плечи. Но скоро выпрямилась и рассмеялась ему в лицо:

— Вы не РИДовец, вы мой союзник, единственный на Джийе... — я верю в это! — его голос сорвался. — Жаль, что джийане не могут плакать.

— У костюмов нет такой функции, — холодно сказал Ардин. — Но я подумаю над вашим предложением.

Они отпустили друг друга, одновременно, резко, и — удивительно! — эта разорванная связь отозвалась большей болью, чем предшествующая ей хватка.

— Хорошо. Тогда я буду ждать приглашения, — Роума улыбнулась. Губы еще дрожали от пережитого волнения.

— Я изучаю мир призрачных существ корабля. Я не смогу провести вас в мир реальных земель.

— Найдите способ!

«Я найду способ... разговорить вас», — мысленно пообещал Ардин, покоробленный уверенным тоном, которым Роума начала раздавать приказы. Будто чувствовала в нем слабейшего! Вслух сказал:

— Встретимся здесь же через неделю. Не попадайтесь длан-ро и джийанам.

Роума улыбнулась и вдруг быстро перехватила его руку, легонько сжала пальцы, и Ардин почувствовал радость и завершенность восстановившейся неведомой связи.

— Я приду, — тихо сказала она. — Спасибо. Спасибо.

Непривычно было слышать это слово. Раболопное, приниженное, оно было уделом низших рас, но в устах джийанки звучало совсем иначе. В нем не было слабости, была неведомая, страшная сила, так незаметно заковывающая тебя в цепи долга — доверие.

Они расстались у космопорта, расстались, не попрощавшись. Роума просто скользнула в щель между двумя партиями груза в ящиках и растворилась в темноте. Ее легких шагов Ардин даже не услышал.

Тишину глубокого космоса нарушало лишь ровное бормотание общего каталога. В бескрайнем черном океане Вселенной, вдали от миров Джийи хотелось вовсе отключить его, вынести себя вовне — как странная Роума, но Ардин боялся возвращения кошмаров. В его снах о расплавляющемся и сжимающемся космосе общий каталог Джийи сигнализировал о себе лишь неестественным молчанием. В своих снах Ардин был один на один со Вселенной, но в реальности у него не хватало духу поступить также.

Ардин дремал. Встроенные батареи костюма подпитывались энергией от близкой Родны, а капсула с биоматерией, надежно экранированная от бушующих вокруг электромагнитных полей, проходила дополнительную внешнюю аэрацию из кислородного баллона. Мысли всех джийан текли сквозь мысли Ардина затейливой, но многократно повторяющейся мелодией. В мирах Джийи все было спокойно. Хорошо... Только на границе слуха какой-то тихий шелест, может быть, песни звезд и планет, о которых говорила Роума? Ардин нашел в белом костюме космолетчика маленький неизвестный преобразователь сигнала, и усилил громкость, так, что даже заглушил бормотание каталога.

И сейчас же зазвенела и зажужжала желтая Родна, оставшаяся позади. Рой ее планет ожил, запульсировали их сердца. Планеты-гиганты хлестко стреляли бичами, очерчивая границы своих владений, малые планеты в ответ негромко, как далекий гром, и недовольно

рокотали. А если прислушаться получше, становилось ясно, что ожила не только ближайшая система, но и вся Вселенная. Холодно и больно, как ледяные колокольчики, звенели далекие звезды, тихо шуршала бледная полоса спирального рукава галактики. Огромной змеей она ползла через весь небосвод, и в ее чешуе как бриллиантовая пыль застревали огоньки звезд. Это они своими острыми гранями царапали небесную твердь, отчего и слышался шорох. «Красиво. Но информативно едва ли», — Ардин хмыкнул и уменьшил громкость преобразователя до минимума. Снова забормотал общий каталог, даря привычное успокаивающее ощущение мнимого не-одиночества. Но сейчас оно впервые показалось Ардину глупым. Бессмысленным, как болтовня длан-ро. Неожиданно ярко раздражившись, он приглушил и общий каталог, и остался в почти тишине.

«Красавица» плыла впереди — переливающийся радужными красками мыльный пузырь, подхваченный ветром. Неотступного преследователя экипаж не замечал: Ардин вышел из гипервоя в стационарной точке перехода прямо на птерокаре, скоро отыскал корабль землян и пристроился у него в хвосте. Земляне развили немалую скорость, за кораблем тянулся шлейф камней и снежных комьев, среди которых легко затерялось крохотное тонкостенное джийанское судно, вдобавок ко всему набросившее режим невидимости.

Несмотря на впечатляющую неподвижного наблюдателя скорость, в масштабах галактики «Красавица» продолжала оставаться тихходкой. Ардин успел слетать на Мегре и провести кое-какие поиски на Джийе, а корабль землян за это время лишь только успел покинуть пределы системы Родны.

Странное совпадение: «Красавица» держала курс к той самой точке перехода, которой пользовался Ардин. Но, поговорив с Таей, он выяснил, что землян интересует не вход в гипер, а проплывающая неподалеку планетка-странница, населенная одним, но преогромным обитателем — ураносом. Экипаж надеялся пронаблюдать за рождением монстра.

Ураносы... Отношение к этим тварям у джийан было двойственным. Когда-то их способ перемещения в пространстве указал Джийе путь к созданию гиперпространственных тоннелей. Ураносы обеспечили Джийе могущество в родной галактике, но скоро новоявленных правителей начал терзать страх. Что, если другие расы, вступающие в космическую эру, с помощью громадных существ овладеют тем же секретом и смогут составить великой Джийе конкуренцию? Соперники в галактике джийанам были не нужны, и одно время по мирам Джийи бродила идея о необходимости истребления ураносов. Истребление даже было начато, но под давлением ученых, беспокоящихся, что таким образом будут уничтожены все искры разума, зарождающиеся только на планетах-носителях личинок ураносов, прекратилось. Джийане стремились к господству, но они не хотели быть господами мертвой галактики. Поэтому крупнейших во Вселенной тварей оставили в покое... Пока.

Есци информация о землянах выплывет в общий каталог, Джийя опять вспомнит планы истребления ураносов, — подумал Ардин, разглядывая движущуюся картинку, которую его кибернетический разведчик передавал с планеты-странницы. На ней в бездонной черноте трещины, прорезающей южный полюс планеты, медленно перетекали одна в другую грани тела чудозверя, готовящегося покинуть колыбель. Эти твари не вызывали в нем почтения и приязни, но Ардин чувствовал: в них, как и в его снах, есть тайна. А тайна, уничтоженная без разгадки, — это прореха в ткани бытия, черная дыра мироздания, которую уже ничто не заполнит. Это шаг к краху Вселенной.

Ардин закрыл картинку и сверился с внутренним ощущением времени. Земляне уже проснулись, и скоро Тая появится в игровом секторе виртуальности — его ниточка к неизвестной расе. Ардину следовало поторопиться.

Прибор для связи — дверь в мир призрачных существ был наготове. Оставалось сделать своего призрачного клона. Сложная комбинация нажатий на пластины в разных местах рабочего костюма, и тот раскрылся, чуть показав содержимое: капсулу из молочно-белого материала. От капсулы тянулись проводки. Ардин подключил несколько к компьютеру прибора для связи с чужой виртуальностью, и расслабился, откинувшись в кресле.

Это была быстрая, но очень точная операция, миллиард действий в секунду. Компьютер прибора воссоздавал призрачного клона джийанина. Затем, одним импульсом он направил его по уже проложенному тоннелю в виртуальность «Красавицы». Через внешнюю сеть в игровой сектор, в пустующую временную игровую проекцию...

Тая ждала его на привычном месте за столиком в кафе игрового сектора виртуальности. После конфликта реального экипажа «Красавицы» с виртуальным, Джад, глава виртуалов, закрыл доступ в свой мир всем реалам, кроме своих приемных дочерей — Эли и Таи. Это ужасно разочаровало Ардина, он надеялся поглядеть и на других реалов вблизи, особенно, на капитана. Но теперь планы пришлось отложить до неизбежного, но пока далекого примирения глав реальности и виртуальности.

— Привет, Дин! — девушка радостно улыбнулась. Ардин присел за столик. Он был сегодня в том же образе, что при первой встрече с реалкой: солдат техноигрушки. А вот собеседница воспользовалась не игровой проекцией, облик виртуальной Таи был точной копией реального, и Ардин уже знал, о чем землянка сейчас заговорит.

— Опять ты в этом образе! — капризно протянула Тая. — Почему ты не даешь мне посмотреть на себя настоящего?

На птерокаре зашелестел переводчик, но Ардин, не дожидаясь его вывода, выбрал ответ и вложил его в уста виртуальному клону. Да, этот вопрос землянки был уже привычным, как и его ответ.

— Ты пока не готова меня увидеть.

Мимика землян удивительно походила на джийанскую. Тая обиженно надулась.

— Что там такого страшного, к чему я не готова?

— Ничего страшного, но... — Ардин застопорился, подыскивая нужные слова и их перевод на земной.

— Ты сам чего-то боишься, — пронизательно заметила девушка. — Я заметила, ты странно говоришь. Это последствие отключения блока памяти? Травма, как у Катерины? — Ардин грустно потупился, про себя радуясь удачной легенде, и Тая всплеснула руками:

— Так вот, почему ты все время в игровой проекции ходишь! Тебе неприятен твой настоящий облик?

— Так мне легче.

— М-м-м, ясно. Наша Дэра тоже сама себя боится.

Дэра! Единственная пассажирка «Красавицы». Живое и странное напоминание с неизвестной Земле. Ардин внутренне подобрался:

— В прошлый раз ты говорила, Дэра была на той фотографии, из-за которой Дэн поссорился с Джадом.

— Да, наши родители забрали ее с Земли. А теперь Дэн собирается приручить еще одну странную зверушку... Ты не знаешь? Он хочет наладить контакт с ураносом, который скоро

родится на 670-ой. Ал разыскал информацию о них в той части памяти Бома, которую успел скопировать. Там сказано, приручать нужно молодыми. И Кас говорит, у нас хорошие шансы.

— Ал, Кас... у вас странные имена, — пробурчал Ардин, пытаясь осмыслить новую информацию. — У ваших родителей имена звучали по-другому.

— Это сокращения, — с охотой отозвалась Тая, не подозревая, что снабжает ценными сведениями шпиона злейших врагов. — Родители всех нас назвали в честь ярких звезд. Я — Тайгета, сестра — Электра, это две Плеяды. Дэн — Денеб, Капа — Капелла, Кас — Кастор, Ал — Альфард. А Дэра — Альдерамин.

— Эти имена звезд на разных земных языках? — Ардин поспешил забить новые словечки в базу данных. — Что они значат?

— Капа, когда разозлится, обзывает Дэна куриной гузкой... А, неважно. Все равно на этих языках давным-давно никто не говорит, — Тая помрачнела. — Может, и цивилизации Земли давно уже нет.

— Так проверьте! Почему вы не хотите вступить в контакт с джийанами?

— С джийанами?! Ты с ума сошел?! Они убили наших родителей!

— Тот конфликт требует подробного разбирательства и с вашей стороны, и со стороны джийан. Сейчас там ничего не сходится, — искренне сказал Ардин.

— Ал тоже так говорит. Про конфликт.

— Джийане летают быстрее вас и карты их получше. Вернулись бы на Землю в мгновение ока.

Тая, казалось, заколебалась, но вновь помрачнела:

— Ага, указать врагу нашу родину! Врагу, который, судя по фотографии и Дэре, нашу родину уже громил один раз! Да и джийане не любят виртуалов вроде бы, они могут заставить нас избавиться от... от вас.

Тут Ардин промолчал. В душе он был согласен с землянкой. И странное молчание Джийи об уничтоженной когда-то, походя или согласно плану, Земле, терзало его все больше.

— Долго еще лететь?

— Дэн говорил, лет сорок по биологическим часам, — Тая вздохнула. — Вы, хоть и дольше реалов живете, но тоже состаритесь сильно. Интересно, а сколько живут джийане? Или киборги бессмертны?

— Нет, не бессмертны, — машинально сказал Ардин.

«Лет сорок: планета где-то в радиусе пятидесяти световых лет...» — Ардин сверился по каталогу, высветилась небольшая таблица. Два десятка обитаемых планет — и ничего, напоминающего Землю! Загадка.

Токсон, Артэ, Лессно, даже Джийя — все в радиусе пятидесяти световых лет. Все из систем с единственным желтым солнцем, все с кислородосодержащей атмосферой, с водой, с зелеными лесами в настоящем или прошлом, все обитаемы, и все — не Земля. Могли ли джийане пропустить целую солнечную систему, обитаемую, у себя под носом? Или Земля просто стерта из этой таблицы? Потому что эта планета хранит какую-то тайну Джийи. Тайну, связанную с войной, погубившей земную цивилизацию. Опасную тайну, уничтожившую два крейсера у Сенты.

— Та фотография. Я хотел бы ее увидеть.

— Что там смотреть? — хмыкнула девушка. — Ночь, пустошь и Дэра. И огоньки

патрулей джийан в небе... Я тебе не смогу ее принести: виртуальные копии Дэн стер, а единственную реальную фотку прячет где-то в рубке. Я пойду. Дэн злится, когда я ухожу в виртуальность, Джад — когда возвращаюсь в реальность. Тяжело, как меж двух огней, — Тая вздохнула. — А как твои родители относятся к реалам?

Ардин вздрогнул. Землянка опять подобралась к очень скользкой для него теме.

— У меня нет родителей, — наконец выдавил он. Подойдет? Должно подойти, ведь и у главы виртуалов никогда не было родителей.

— О-оо, так ты старый, — припечатала Тая. — В нашей виртуальности только у самого старшего, Джада, нет родителей. Но, знаешь, я почему-то так и думала. Ты такой... самодостаточный и... нет, не одинокий... как бы это сказать? — ты в единственном числе.

Ардин ровно улыбнулся:

— До новой встречи, Тая. Ты тоже старше, чем кажешься на вид.

Он знал, что эти слова должны польстить землянке. Тая зарделась и поторопилась сбежать.

Ардин вышел в город. В игровой проекции делать это было небезопасно, прохожие обращали внимание на странную фигуру. Тем не менее он прошел до самого центра выхода голографических проекций в реальность.

Он искал путь к Земле в виртуальности, и не нашел, но не может быть, чтобы никаких сведений о родине землян не было в реальности! В конце концов, есть вид звездного неба с Земли на фотографии с Дэррой, можно сравнить положение известных всей галактике ярких звезд-маяков, определить их звездную величину и тогда попробовать установить хотя бы примерное местоположение Солнечной системы...

Несмотря на указания начальника, оставлять поиски родины странных инопланетян Ардин не собирался. Он затребовал у общего каталога вид звездного неба с поверхности всех планет и звезд в радиусе ста световых лет вокруг. Тут же веер картинок развернулся перед его мысленным взором. Маяки для всей галактики — горячие белые гиганты и холодные разбухшие умирающие красные звезды, двойные, тройные системы и скопления... Ардин отметил те, которые могли бы стать координатами для поиска Земли. Теперь осталось посмотреть фотографию землян и сравнить их.

«Если б Кентор сказал больше! — мысленно воскликнул он. — Если б я знал примерный род опасности землян! Шесть слабых существ типа два, что с ними церемониться? Забрать в заложницы ту же Таю, и жена капитана моя. За своих девочек она и умрет, и убьет, если не врет каталог о сущности термина семья».

Словно в ответ на его сомнения, в зеркальный виртуальному пункт перехода реалов в виртуальность, вошла Капа. Женщина торопилась, то и дело боязливо озираясь по сторонам.

«Как ее пропустил Джад? Нет, неверный вопрос... Почему ее пропустил Джад?»

Еще одна загадка «Красавицы» скрылась из виду... Тогда Ардин отправился на арену.

Арена, как и кафе, была весьма привлекательным пунктом сбора случайной информации от землян. Огромная площадка с тонким песчаным покрытием и вздымающимися вокруг стенами амфитеатра была местом поединков любых игровых проекций. Здесь персонажи разных игр выясняли, кто сильнее. Ардин обошел двух сражавшихся зверюг из двух разных сказочных миров и на мгновение застыл от удивления. Поодаль устроили спарринг-бой два джийанина. Один в белом костюме космолетчика — в таком же был сейчас Ардин на птерокаре, другой в черном облачении воина. Виртуальные копии джийан были весьма точны, хотя о назначении некоторых деталей костюма, земляне,

похоже, не догадались, не то использовали бы дополнительные возможности в битве.

Черный и белый дрались врукопашную. Битва получалась жаркой, Ардин помимо воли увлекся. Земляне, пусть виртуальные, оказались расой с выдумкой и отнюдь не лишенной чувства прекрасного. Отточенными движениями бойцов, умелыми блоками и уклонами можно было любоваться, как своеобразным танцем. Побеждал черный, при большей массе и возможностях костюма, неудивительно. На стороне белого была легкость, маневренность. Некоторые его пируэты живо напомнили Ардину Роуму. Но, в конце концов, он был побежден и грохнулся оземь так, что задрожал песок арены. Черный победитель поставил ногу на помятую грудную пластину белого. Но поза триумфатора была очень краткой, он тут же сам помог сопернику подняться, дружески отряхнул его от виртуального песка.

Ардин подошел поближе, встал за декорацией — куски монолитных гигантских белоснежных колонн были в изобилии и тщательно продуманом хаосе разбросаны по площадке. Но этот наблюдательный пункт был плох, потому скоро он, презрев секретность, взобрался на колонну и сделал вид, будто увлечен переговорами по видеофону с кем-то за пределами арены. Виртуалы и не подумали говорить тише, заметив новую фигуру в пейзаже. Действительно, к чему? — Ведь мысли виртуалов текут одной рекой, в чем-то подобно общему каталогу Джийи.

— Неплохо, Катерина, — похвалил черный. Ардин по голосу узнал главу виртуальности, Джада. А Катерина... — не та ли это строптивая оппозиционерка, лидер изоляционистов?

— Не просто неплохо, а хорошо! — бодро поправила виртуалка в белом костюме. — Я продержалась против тебя три минуты на поле боя. А на политической арене этих трех минут мне хватит для полной победы. Стареешь, Джад.

Виртуал улыбнулся, и Ардин заметил еще одну неточность воспроизведения облика джийянина землянами: они наделили всех джийан резкими хищными чертами лица и странной мимикой, навевающей сходство с мимикой Орфы и прочих неполноценных:

— Девочка, не напоминай мне о моем возрасте! А на политической арене... ты отлично знаешь, что не выцарапаешь у меня и минуты. Теперь послушай, — инстинктивно уловив тончайшее изменение тона, Ардин весь обратился в слух. — Дэн направился к колыбели ураноса, как я и хотел. Ты молодец: вовремя подала реалам нужную информацию. Сначала о том, что я старейший, затем об ураносах. Теперь подготовка окончена, пришло время нашего хода.

Даже несмотря на глупую дерганную мимику, Ардин распознал всю гамму чувств Катерины: сомнение, отвращение... раскаяние:

— Джад, ведь все складывается неплохо. Зачем ворошить прошлое?

— Прощлое само взывает к нам. Недавно один из участников старой истории отыскал меня. Он по-прежнему на посту и готов выполнить свою часть плана. Мы откроем коридоры в гиперпространстве, пошлем сигналы, также как в прошлый раз. И будем ждать ответа. Надеюсь, реальная команда увлечется ураносом и нам не помешает.

— Не надо, Джад!

— Отказываешься от своей новой роли? Рассказать реалам о твоей прошлой роли? — жестокая усмешка искривила лицо черного. — Предательница пути Эрны, семя искаженных!

— Не надо, Джад, — прошептала Катерина. Она оставалась неподвижной, но, наверное, заплакала бы, если б у костюма джийянина была подобная функция.

— Не надо что?

— Не говори реалам.

Осанка черного вновь выдала в нем триумфатора:

— Вот и отлично, — с превосходством бросил он. Катерина отвернулась.

— Но ты задумал то, что погубит виртуальность, и я не могу не думать об этом! — призналась она чуть погодя. Джад уверенно поднял ладонь, призвав ее остановиться:

— Это долг. Долг перед Эрной. Дань памяти, если хочешь. Скорее всего, с той стороны никто не отзовется.

— А если отзовется, тогда что?!

— Вряд ли, Кати. Эти вопли уйдут в никуда. Но если вдруг Он отзовется, мы примем волю Эрны с радостью.

— Джад! — вновь начала протестовать Катерина, но виртуал развернул ее и, ни слова не говоря, подтолкнул к выходу с арены. Девушка подчинилась, а Джад пугающе медленно повернулся к Ардину. И Ардин только теперь осознал, как жалко выглядит его человекоподобная игровая проекция рядом с внушительным черным.

— Чужак! Реал! — прорычал джийанский воин. — Дэн, это ты?!

Ардин соскочил с колонны.

— Не смей развоплощаться! — пригрозил Джад. — Не будь трусом! — Каменное лицо воина искривила злорадная усмешка. С грацией большого хищника он двинулся к Ардину. Тот глубоко вздохнул и оставил проекцию.

Он долго, неподвижно сидел в кресле птерокара, будто задумавшись или задремав. Потом отключил капсулу от связи с виртуальностью. Комбинация нажатий на пластины костюма, и те вновь закрылись, надежно спрятав хранилище отпечатка вселенского Света от внешнего мира. Еще одно нажатие, на кнопку прибора для связи с виртуальностью, и виртуальный двойник Ардина был уничтожен.

«После такого представления вход в игровой сектор для меня будет закрыт. Как ни прикидывай, остается одно: посетить корабль землян в реальности. То, чего так жаждет Роума... Интересно, что это задумали виртуалы? Связь через гипер — с кем? Может быть, с покинутой родиной? Коридоры, сигналы — значит, адресатов несколько...»

«Джийя, Сента и Земля!» — воодушевился логический ум.

Земля 3

«Красавица»

Дэн

Жизнь экипажа «Красавицы» и прежде нельзя было назвать спокойной и простой, а сейчас неприятности и проблемы наполнили ее. Эти проблемы зрели давно, но... медленно, и старшие дети «Красавицы» откладывали их решение на далекое будущее. Сначала они были правы, ведь главным насущным вопросом в первые годы без родителей был вопрос, как выжить. Но в последние пять лет, с горечью был вынужден признать Дэн, он отмахивался от них просто потому, что чувствовал: старые вопросы поколеблют основы его нового уютного мира.

Теперь тайна гибели родителей рассорила весь экипаж, белое пятно Земли оказалось мертвой зоной, а простое недопонимание между реалами и виртуалами обернулось полной блокадой. В темноте настоящего они остались без опоры прошлого, без путеводной звезды — цели в будущем и каждый сам по себе, наедине с собой.

Первая фотография, собранная Алом практически наугад за десять минут в виртуальности, так и осталась единственным источником сведений о прошлом «Красавицы». Другие фотографии, которые Дэну удалось составить, были не столь информативны. На одной опять была Дэра, только уже на «Красавице», отмытая и подлеченная, на второй знакомая пустошь, взятая чуть левее. На горизонте виднелись некие полуразрушенные строения, Бран с небольшой погрешностью идентифицировал их как главный центр связи земной реальности с виртуальностью. Другие восстановленные ссылки открыли Дэну часть дневника Антона. Записи касались контакта с ураносом, которого предыдущая команда «Красавицы» считала разумным, даже сверхразумным существом.

«Объект 556 — звезда с молодой планетной системой. Здесь собралось десять ураносов, молодых и старых. В основном, планетные, но есть и один звездный, и две диковинные формы, наверное, пришельцы из старшей или параллельной Вселенной. Их солнечные паруса переливаются цветами, для которых в нашей Вселенной нет названий.

Маскировка «Красавицы» под астероиды и планетоиды помогает нам подбираться ближе, чтобы наблюдать за жизнью колоссов. Они группируются у зачатка каменистой планеты по трое, четверо, редко пятеро, их солнечные паруса создают общий кокон, где и происходит таинство зачатия. У каждого младенца, таким образом, от трех до пяти родителей. Временные рамки процесса широки, от чего они зависят, установить не удалось. На наших глазах кокон распался через полминуты после образования, притом что соседние пребывают в закрытом и совершенно неподвижном состоянии с тех пор, как мы заметили их на расстоянии четырех световых лет.

Для закрепления теории провели опыт, тот же, что и в первую встречу с чудозверем. На этот раз попробовали связаться с молодым и не прогадали: действительно, как Лера и предполагала, молодые податливей и общительней. Попытку контакта предприняли поочередно Бран, роботы и мы, реалы. Уранос опять среагировал только на людей, хотя наши действия были идентичны тем, что предпринимали Бран и роботы. Вывод вновь

подтвердился: ураносы реагируют на существ живых, с душой, а не на голый разум, логический ум. Шелтон предложил попробовать побеседовать с ураносом Джаду. Надо ли говорить, как возмутился виртуал! И, пожалуй, не стоит пересказывать его гневную речь о пренебрежительном отношении реалов к виртуальности... Я предложил ему утереть нам нос, удачно связавшись с ураносом, но виртуал отговорился занятостью своего сектора. Неужели он боится, что чудозверь не найдет у виртуалов ни жизни, ни души?»

На этом записи обрывались. Ссылка на следующую вела в сожженное виртуальное хранилище памяти, куда Джад закрыл доступ абсолютно всем реалам.

О конечной цели «Красавицы» все молчали. Все делали вид, что поглощены скорой встречей с ураносом, и Дэн содрогался, когда представлял, что же скажет команде, когда они наконец придут к 670-ой. После 670-ой была пустота. Возвращаться на Землю? На Землю, родившую Дэру... Не слишком ли это опасно?

Ал исподволь внушал Дэну лететь к 404-ой, и про себя Дэн уже начал соглашаться с его доводами. Если затемнилось будущее, следует, по крайней мере, просветить прошлое. Может у 404-ой они получают подсказку, как действовать дальше? Решающей стала их беседа на подлете к 670-ой.

— Эта загадка все разрастается, — задумчиво заметил Ал, придя с очередной порцией расшифрованных ссылок. — Даже если оставить, как умоляет Капа, в покое личность предателя на «Красавице», еще есть тайна 404-ой и тайна джийан.

— Что ты имеешь в виду?

— Что так заинтересовало наших родителей на 404-ой? Ты говорил, они искали подходящую планету. Подходящую для чего? Думаю, если мы увидим, какова жизнь на 404-ой, мы поймем и почему родители оставили Землю, и что они искали в глубоком космосе. А тайна джийан... Они слишком легко нас отпустили тогда. И вообще, складывается впечатление, что джийане намеренно заманили родителей на 404-ую, возможно, они проверяли что-то. Может быть, реакцию планеты на чужаков?

— Слабовата твоя версия. Погоня, битва, уничтожение команды... — джийане явно тревожились о нарушении своих границ.

Ал отступил, в растерянности взъерошил волосы, но скоро просиял:

— А почему ты решил, что все джийане действуют сообща? Может у них, как и у нас, есть разные группировки? И одна пустила нас на планету в своих неизвестных целях. Ведь если б некто со стороны джийан не скрыл от своих информацию с датчиков у 404-ой, «Красавицу» расколошматили бы, едва она подошла к планете. Но информацию с датчиков успешно скрывали, вплоть до первой нашей экспедиции на планету. А дальше то ли большинство джийан узнало об играх меньшинства, то ли наше воздействие на планету разошлось с их теориями — и подопытных уничтожили.

— Ал, подожди... — запротестовал Дэн, не поспевающий за юношей мыслью. Ал в волнении схватил его за рукав:

— Ты понимаешь, что это значит, Дэн? Возможно, у нас до сих пор есть союзник на стороне врагов, который пустит нас к планете!

— Я все же склоняюсь к тому, что это путешествие слишком опасно.

— Мы разделимся. Пошлем к 404-ой небольшую команду. Можно одного меня.

Дэн чуть было не согласился... но ограничился тем, что примирительно поднял ладонь:

— Идеи интересные, Ал. Но, я думаю, перед какими-либо переговорами с джийанами нам стоит озаботиться усилением.

— Усилением?

Дэн многозначительно указал на монитор, на котором колыбель ураноса все разрасталась и разраталась в размерах.

Последние три дня перед встречей с 670-ой прошли в лихорадочных приготовлениях. Дэн с Алом писали программу контакта с ураносом, Кас перенастраивал необходимую для него аппаратуру. А Капа занялась Дэрой, раз за разом она показывала отшельнице фотографию земной пустоши и спрашивала, помнит ли Дэра, что это. Дэра, прищурившись, будто действительно вспоминая что-то, смотрела на выжженную землю, но молчала.

Эля и Тая принесли из виртуальности весть о новых помехах. Внешняя сеть снова ходила ходуном, будто в ней запуталось какое-то огромное чудовище. Еще Тая передала Дэну послание от Джада: не прятаться за чужими временными проекциями, а приходить самому. Дэн нахмурился:

— Я не пользовался чужими проекциями! Я вообще не был в виртуальности уже две недели! У Джада что, объявился незарегистрированный посетитель?

— Он решил, что это был ты...

После этого Дэн проверил все легальные пути в виртуальность. Никаких внеплановых перемещений там не было. В обход пункта перехода можно проникнуть только через игру на персональном компьютере, осталось проверить этот путь.

И вот они добрались. Шар 670-ой занял весь главный монитор. Скучная коричневатая поверхность планеты-странницы была испещрена ударами метеоритов и исполосована трещинами, многие из которых были необычайно глубоки. В зияющих черных разломах порой проносились какие-то странные тени: то юный уранос ворочался, готовясь покинуть детскую постельку.

Последние часы перед общим собранием Дэн думал провести над программой контакта, но вместо этого ноги сами понесли его в боковое ответвление оранжереи — огород, расстелившийся на целый ярус. Он знал, что найдет здесь жену.

Капа рыхлила землю на клумбах. Эти клумбы с земными садовыми цветами была ее выстрадавшим детищем. После гибели Леры Дэн предлагал оставить уход за цветами — огород важнее, но Капа заупрямилась. Каждый день она выкраивала немного времени от своего и без того короткого сна и шла сюда. В первые годы без родителей ее стараниями, которых никто не ценил, здесь росли скромные и неприхотливые цветы, а сейчас клумбы радовала буйством красок и пышностью форм. Тут были диковинные орхидеи и фарфоровой красоты розы, языкастые лилии и важные пионы. И еще несколько десятков видов цветов, названия которых Дэн, к стыду своему, не знал. Пожалуй, даже при Лере царство цветов на «Красавице» не было представлено столь богато.

— Что, Дэн, скучаешь? — проговорила Капа, с удовольствием растирая жирную влажную землю между пальцев. Дэн давно заметил: в окружении своих цветов жена становилась словно бы смелее и уверенней. Сильнее.

— Скучать не приходится. Но тревожно. Вот и пришел к тебе... Мне нравится смотреть, как ты тут работаешь.

— Да ну? Нравится видеть меня грязнулей? — девушка окунула руки в ручеек, опоясывающий клумбу с орхидеями, и его журчание чуть изменило тон. Ближайший вентилятор пустил в лицо двоим очередную струю воздуха, как промасленная бумага пропитанную смешанным, сладко-липким ароматом цветов. Дэн блаженно улыбнулся.

Капа пожалла плечами и принялась осторожно рыхлить землю у корней орхидей.

Увлечшись, она встала на колени прямо в землю. Теперь уже окончательно испачкалась, но неаккуратность жены сейчас не раздражала Дэна. Ветер от вентиляторов, ручеек отфильтрованной воды и, главное, эта черная жирная земля — здесь, в оранжерее, Дэн был свидетелем таинства. Стихии Земли сплетались в танце, чтобы подарить жизнь красивым созданиям — цветам. Интересно, как садоводство выглядит на Земле? В глубоком космосе даже созерцание суррогатов — искусственного ветра, неживой воды в танце с землей дарило ощущение прикосновения к чуду, а на Земле, где все стихии чисты и сильны, он бы, наверное, сразу сошел с ума от счастья.

— Не обращай на меня внимания, — прошептал он Капе, закрыв глаза.

— М-м, на твои руки, обосновавшиеся у меня на груди, тоже не обращать внимания?

— Я машинально, — проворчал Дэн, но руки не убрал. — Ты что-то напряжена.

Капа окаменела и неожиданно отстранилась от его объятий.

— Да, — призналась она. — Мне тоже тревожно.

— Я разберусь со всем. Постепенно, — Дэн тяжело вздохнул. — Проблемы, и правда, навалились со всех сторон. Тая передала, что в виртуальность проник неизвестный гость в чужой игровой проекции. Похоже, кто-то из детишек лазает в соседний мир со своего компьютера. Думаю, устроить тотальную проверку всех ваших компьютеров, чипов и планшетов, если этот бессовестный не сознается на общем собрании.

Капа возмущенно поднялась:

— Ваших? Ты что, и меня подозреваешь?

— Я и свой компьютер проверю: выход в виртуальность мог быть совершен с любого устройства... Кап, ты что?

— Ничего! — Капа зашмыгала носом, стараясь не заплакать. — Просто мне не нравится, во что ты превращаешь нас, — призналась она через минуту.

— Не понял? Мне что, отказаться от проверки личных вещей? Как по-другому предлагаешь выяснить личность нелегала? С виртуалами мы и так в ссоре, ни к чему усугублять отношения играми в шпионов.

— Я говорю не о компьютерах. Вообще. Мы были семьей, Дэн. А теперь все распадается.

— Дети выросли, это естественно. А меня ты в чем винишь?

— Ты смотришь на Каса, Ала, на близняшек как на свою команду, а не семью. Ну, мне так кажется...

Губы Дэна озадаченно искривились: новый поворот беседы ему совсем не нравился:

— Если и так, чем это плохо? Я капитан «Красавицы», Капа.

— Ты, может быть, папа последних земных детишек, Дэн, — Капа беспомощно улыбнулась и как-то робко, осторожно опять опустилась на колени.

— Все будет хорошо, Кап.

— Интересно, наши родители тоже использовали это волшебное заклинание? — Капа помолчала. — Ох, я опять сорвалась! Прости, прости. Конечно же, мы со всем справимся.

— Вот и отлично.

Капа потянулась к цветку орхидеи, ласково погладила лепестки кончиками пальцев. Как она была хороша сейчас! Перемазанное землей лицо казалось удивительно одухотворенным. Она ухитрялась черпать силы даже из жалких суррогатов стихий Земли и неведомым образом творить из них хрупкую красивую сказку. Дэн вдруг ясно представил Капу в саду близ идиллического земного домика в окружении чистых, настоящих стихий, освещенную

настоящим солнцем, и захолонуло в груди, и в бессильной ярости сжались кулаки. Будет ли это? Хотя когда-нибудь? Или Земле суждено остаться их мечтой?

— Дэн...

— Что?

— Ты сказал, что любишь Ала, Каса, близняшек... Никого не забыл?

— А! — Дэн иронически усмехнулся, принимая игру повеселевшей супруги. — Точно!

Я забыл Дэру.

— Дэн!

— Мне хорошо с тобой, — прошептал он. Капа развернулась к нему и ласково, мягко коснулась его губ своими, а ее перепачканные руки обвили его шею.

— Может, перейдем в спальню? — только предложил Дэн. В ответ хитрый смешок:

— Лучше в главную оранжерею. Полетаем...

— Там Дэра!

— Тогда давай прямо здесь, — Капа отстранилась лишь на мгновение, чтобы отключить голограмму платья. И, хотя в дрожи ее тела было больше нервности, чем страсти, Дэн в который раз поддался ее чарам и не стал ничего спрашивать.

— Мы подлетим к планете на истребителе, — общее собрание Дэн начал заметно повеселевшим. — Остановимся в экваториальной части, в квадрате Б или Д и начнем посылать первое сообщение программы контакта. Далее все зависит от реакции существа.

— А если иглоголов захочет с нами дружить, мы попросим его отвезти нас к 404-ой? — спросила Эля. У Таи в этот момент сделалось такое напряженное, серьезное лицо, что Дэну моментально стало понятно: вопрос старшую подговорила задать младшая.

— Не нужно льстить, Эля. Называй существо ураносом, как тебе больше нравится. Если контакт состоится, я постараюсь увести диалог в нужное русло. Да, нам желательно воспользоваться услугами перевозчика... А Земля или объект 404 будет являться конечной целью, я предлагаю решить сейчас, общим голосованием.

Дэн сообщил это и замолчал, ожидая решения команды... Или семьи? Да, Капе удалось заронить зерно сомнений в его думы!

— 404, — уверенный голос Ала, и почти сразу же близняшки, удвоившимся эхом:

— 404.

Капа печально посмотрела на Дэна, и он уже подумал, что жена примет сторону брата, но девушка прошептала:

— Земля!

— Я тоже за Землю, — ровно сказал Дэн. — Остается Кас... Кас?

Молодой человек хмурился:

— Разве это голосование? Кто-нибудь спросил мнение виртуалов?

— О, дитя Эрны вспомнило о своей миссии! — немного нервно хохотнул Ал. — Или расстроился, что никто не спросил мнения твоей обожаемой Катерины?

Уши Каса заалели, он ужасно смущался:

— Причем тут Катерина? Давайте спросим Джада, он, как глава, выразит мнение всей виртуальности. Нам как раз не хватает одного голоса, потому что я... голосую за Землю.

— Предатель! — не сдержался Ал.

— Вообще-то вы не дали мне досказать, — Дэн улыбнулся. — Эля и Тая до совершеннолетия не обладают правом голоса, так что вопрос решен: Земля.

— Только не ссорьтесь! — попросила Капа, но ее голос потонул в сонме других.

Близняшки заговорили разом:

— Это нечестно!

— Сколько можно к нам не прислушиваться?

— Ты над нами смеешься дядя Дэн?

— Скажите, что это шутка...

— Следующий вопрос. Кто-то лазает в виртуальность нелегально, через игру с компьютера, — вполне равнодушно сообщил Дэн. — И пока я не узнаю, кто и почему, продолжения обсуждения конечной точки нашего путешествия не будет.

— Через игру? Зачем нам? Мы с Таей гуляем там легально, — Эля надула губки. — Я поняла! Джад говорил, что тебя замечали в виртуальности нелегально, и ты теперь хочешь свалить это на нас...

— Ал? — спокойно спросил Дэн.

— Я не был в виртуальности две недели... как и ты, Дэн.

— Кас? — тот раздраженно отмахнулся:

— Нужны мне ваши шпионские игры!

— Капа?

Жена опустила глаза:

— Это не я, Дэн. Но я недавно потеряла планшет. Может, Дэра подобрала его?

С минуту Дэн поочередно буравил всех присутствующих взглядом. Потом ровно заметил:

— Что ж, как угодно. На время экспедиции к планете я заказал Брану проверку всех персональных компьютеров и игровых устройств. Так что нелегал все равно будет выявлен. Жаль, что он не смог признаться сейчас. Теперь к главному делу, — он радостно хлопнул в ладоши, будто не замечая вытянувшихся лиц вокруг. — Определим, кто войдет в команду контактеров.

...Молчание.

— Ну же? Никто не хочет побеседовать со сверхсуществом о смысле жизни?

— Десять минут назад хотели, теперь уже нет, — пробормотала Эля за всех.

— Тогда назначу я. Эля, ты летишь. Еще будет нужен хороший пилот.

— Я тут, кэп, — отозвался Кас.

— Осталось назначить главного. Ал...

— Не буду! Я тут останусь, — Ал злобно сверкал глазами. — Как хочешь, сам лети!

— Собственно, я так и предполагал. Ал, ты остаешься на «Красавице», проследишь за Браном. Капа будет контролировать наш полет из главной рубки — я доверяю тебе, козочка. А Тая ходит в гости к папочке Джаду и постарается разузнать у него о новых помехах в виртуальности и таинственных нелегальных гостях. Все? — сам себя спросил Дэн. И сам себе ответил с видом чрезвычайного довольства: — Все.

Команда расходилась неохотно, будто слегка оглушенная. Эля, проходя мимо, вздохнула:

— Ты сегодня в ударе, дядя Дэн, — тем самым опять выразив мнение всех присутствующих.

Последние проверки: систем главной рубки, истребителя, оружия, спасательных челноков и костюмов... Капа наблюдала за погрузкой аппаратуры для контакта в истребитель, и постоянно прижимала руку к губам, будто хотела что-то сказать, но не решалась. Только когда Кас устроился на месте пилота и Эля забралась в истребитель, она

подошла к Дэну, тронула за рукав:

— Эй, какую игру ты затеял? Не расскажешь?

— Потом, козочка.

— Ты меня подозреваешь?

— Нет. Но сказать ничего не могу. Пока не могу. Эксперимент должен быть чистым.

— Для кого эта игра? Для виртуалов? -

Он только кивнул.

— Не заиграйся, Дэн! Ох, чем играть в интриги и войну, лучше б вы просто побеседовали с Джадом за рюмкой! Ведь вы не враги...

Дэн привычно пропустил замечание мимо ушей. В играх с обитателями виртуальности следует забыть о каких бы то ни было дружеских эмоциях и чувствах. Иначе непременно проиграешь.

— Я подумаю, козочка, — все же смиренно сказал он, видя, что жена ждет ответа, и ступил на трап истребителя. — Все разрешится очень скоро, Кап. Правда.

«Красавица» отдалялась, круг планеты наоборот расстелился в огромное ровное поле. Уранос, будто почувствовав приближение разумных существ, задвигался с утроенной силой — в глубоких трещинах в коре планеты грани его тела перетекали одна в другую с болезненной для человеческого глаза скоростью. Но Дэн, такой увлеченный всегда биолог, вовсе не смотрел на чудозверя. Прилонившись шлемом к стеклу иллюминатора, он размышлял, вновь и вновь перебирая составляющие своей игры.

Нет, он не собирался лететь на Землю. Но виртуалов следовало убедить как раз в том, что конечная точка путешествия — Земля, и что достигнуть ее корабль способен очень быстро. Когда Дэн предъявит Джаду ураноса, готового сей же момент доставить их на космическую родину, виртуал сдастся и расскажет все, что помнит из стертого для остальных прошлого. Иначе Дэн получит ответы на все свои вопросы на Земле, и тогда у виртуалов не останется ни шанса оправдаться, ни надежды вернуть себе когда-либо власть над памятью... Что до нелегала, Дэн оставил на «Красавице» всех, в ком подозревал незваного гостя виртуальности. А также оставил для нелегала ловушку, в которую тот обязательно попадет.

Капа

— Нет, ты слышала, что он решил?! Летим на Землю! Решил за всех! — Ал в ярости ударил кулаком в край приборной доски. На главном мониторе рубки в это время истребитель Капа гордо отвернул от «Красавицы» нос и двинулся к планете.

— Успокойся, Ал. Думаю, это не окончательное решение Дэна, — примирительно сказала Капа.

Она стояла, вцепившись в спинку кресла капитана, но в кресло не садилась, хотя ей полагалось сопровождать истребитель до места назначения. На то была своя причина. После угрозы мужа найти нелегала, Капе требовалось срочно навестить виртуальность.

Разумеется, навестить нелегально.

— Дэн затеял какую-то игру, — задумчиво сказал Ал. Капа поморщилась, играя усталость:

— Чем гадать, брат, займись лучше тем, что тебе поручили. Бран уже начал проверку,

помоги ему. А сейчас иди к центральному узлу Брана.

— Я отсюда за ним прослежу, — Ал с комфортом устроился в кресле штурмана, заложив руки за голову.

— Иди в центральный узел, — тон Капы стал нервным. — Удобнее следить за работой Брана оттуда. Сколько еще раз тебе повторить?!

Брат прикрыл голову, ладонями к ней, будто в шутку оборонялся:

— Иду, иду, мама Капа.

— И позови Таю. Надо дать ей указания перед визитом к виртуальному папе.

Ал ушел. Капа склонилась вперед, не выпуская спинку кресла. Она следила за полетом истребителя, уже превратившегося в мигающую точку, и опять украдкой смахивала слезы.

Почему она так расклеилась после медового месяца на 677-ой? Ведь были времена и хуже. В первые годы без родителей маленькая девочка сумела собраться и достойно вынесла свалившийся на нее груз забот и ответственности. Что же сейчас? Дети выросли здоровыми, красивыми, уверенными в себе, на Капе теперь лежит только ответственность за младших, но и ее груз с взрослением близняшек все уменьшается. Корабль полностью восстановлен, уже не надо поминутно ждать, что отключится свет или потеряется связь с каким-либо отсеком, не нужно изыскивать фантастические способы приготовления пищи и ухода за садами в условиях отсутствия тепла или воды. Все спокойно, хорошо и в ближнем космосе, и на «Красавице». Откуда же эти частые слезы, неуверенность, мертвая усталость и нежелание думать о чем-либо у взрослой состоявшейся дамы, матери большого семейства? Неужели дело лишь в потере цели долгого путешествия? В ужасном детстве без родителей в боевом состоянии духа Капу поддерживала мысль, что однажды они обязательно вернуться домой, на Землю. И эта Земля будет совсем как в их книгах и фильмах — настоящий теплый уютный родной дом. Мечта о Земле, можно сказать, заменила Капе погибших родителей, спеша на Землю, она мысленно спешила к маме — к ее любви, ласке, заботе и всепрощению. А, оказалось, ее ждет выжженная неизвестной войной пустошь и безумные искалеченные существа, похожие на Дэру. Яркая звездочка впереди, освещавшая путь, обернулась черной дырой, поглощающей, а не испускающей свет. Лишившись опоры под ногами, Капа больше не могла бежать, только висела, как в невесомости. Невесомость... бесцельность — есть между этими словами какая-то тонкая и очень грустная связь.

Когда подошла Тая, Капа оставила рубку на нее, а сама ушла. В коридоре она сорвалась на бег, и в свою комнату влетела, совсем запыхавшись. Достала из ниши у стола старенький планшет с полустертой картинкой сказочных принцесс на обложке, нервным росчерком пальцев включила. Экран ожил, засиял серебром. Из серебристо-серого низкого неба мягко падали игольчатые снежинки. Это была не заставка экрана — вход в игру. Нелегальный путь в виртуальность.

В небе будто расплавилась луна, накрыла всю землю серебряным куполом. Купол постепенно застыл и теперь таял, таял, серебристо-белым пеплом снега ложился на волосы, плечи, застилал землю вокруг Капы. Хрупкие, прозрачные на просвет как стекло снежинки звенели, случайно сталкиваясь в нескончаемом вальсе. Этот звон создавал мелодию, сладко, по-сказочному гармоничную и простую. Обещающую волшебство.

Капа стояла на полянке, поросшей молодыми белоствольными деревьями, тоненькими, ростом не выше девушки. Со всех сторон полянку окружал темный еловый лес, лишь справа в одном месте вроде бы виднелась просека и что-то поблескивало на горизонте. Желтые искусственные огни, может быть, город? За пятнадцать лет Капе так и не удалось до него

добраться.

В виртуальность отсюда можно было попасть, пройдя между стволов одного дерева, выросшего в виде латинской V на краю полянки. Несколько раз Капа пользовалась этим входом — дверь выводила во внешнюю часть виртуальной сети и, к сожалению, работала только в одну сторону. Приходилось топтать до пункта перехода в реальность и принудительно отключаться там. И каждый раз девушка боялась, что встретит по пути знакомых, что те захотят доискаться, откуда она зашла в виртуальность, если в большом зале отдыха ее нет.

Капа касанием веточки вызвала прозрачный экран управления игрой, поставила полную блокировку на переход в виртуальность и сейчас же стерла всю историю изменений. Теперь, если Дэн или Бран проверят её планшет, выхода в виртуальность не найдут. Значит, предатель — не Капа.

Мелодия стала убыстряться. В ней отчетливо выделился ритм, его создавали два дерева, по воле усилившегося ветра схлестнувшиеся в поединке. Стройные длинные ветви скрещивались как мечи, ритмичным гулом наполняя округу. Из неба посыпались огромные, в ладонь десятилетнего ребенка, разноцветные снежинки, небесно-голубые, золотистые или нежно-розовые на просвет. Капа подхватила две розовые, попробовала сложить узорные края. Нет совпадения. Но она пока не огорчалась: редко удается сложить нужный узор с первой попытки.

Простая и красивая игра, проникнутая особым зимним волшебством, она словно специально была создана для десятилетней Капы. Та беззаботная девочка влюбилась в образ Снежной Королевы, и тогда на ледяном спутнике планеты-гиганта папа построил для нее Зимнее Царство. Капа обосновалась там и не желала возвращаться на корабль, даже когда спутник вступал в полосу ледяной угольно-черной космической тени. Смешная и трогательная Снежная Космическая Принцесса в зеркальном гермошлеме и серебристом скафандре... Потом на «Красавице» она сильно грустила, даже плакала по навсегда оставленному сказочному царству. Пока однажды не обнаружила под подушкой планшет с игрой... Она выкладывала узоры из разноцветных снежинок до самой катастрофы у 404-ой.

Кто положил планшет под подушку? Кто написал эту игру для нее? С годами Капа все больше стала подозревать, что стала чьим-то орудием, что игра была создана не просто, чтобы утешить маленькую принцессу. Головоломки из узоров при прохождении игры постепенно усложнялись, и что-то крылось за ними, что-то иное.

Можно ли связать игру и блокировку определенных сведений от Брана и команды? Возможно ли, что, собирая невинные узоры из снежинок, Капа, сама того не подозревая, спрятала от Антона и всей команды часть сведений о 404-ой? Ту часть, что указывала на принадлежность этой планеты расе джийан. Сведения, в конечном счете разрушившие спокойное, счастливое детство Капы, приведшие к конфликту с джийанами и гибели родителей.

Капа искала ответы. В последние годы она все чаще приходила в игру, выкладывала на полянке узоры из снежинок или собирала слова из льдинок на ровном поле замерзшего прудика чуть дальше. Она пыталась восстановить в памяти этапы детской игры, установить точную комбинацию своих прошлых действий, записать. А потом наложить на запись этапы блокировки данных и проверить, есть ли сходство. Таков был план, но далеко по нему Капе продвинуться не удалось. Мешали проклятые нервы. Ал со своими детективными изысканиями подбирался все ближе... Ей даже начали сниться кошмары, в которых Дэн

объявлял, что ему все известно.

Капе удалось собрать узор из пяти розовых, трех золотистых и трех голубых снежинок. Узор оказался незавершенным и путей завершить его не просматривалось. Капа ногой в пушистой унте раскидала снежинки по поляне. Полчаса прошли, пора вернуться в главную рубку.

Наверное, следовало рассказать все Дэну сразу, как только у нее появились первые подозрения. Но юная Капа испугалась, что, узнав пусть о неосознанном, но предательстве старшей, малыши перестанут ее уважать, слушаться... даже любить. А как после такого посмотрит на нее Дэн? Этот позор останется на ней несмываемым черным пятном. Капа постановила найти точную связь игры с блокировкой данных, и уже тогда предъявить все сведения капитану. Она не беспомощная дурочка, она справится! Но пока справиться не получалось. А из-за Ала и Дэна, вздумавших поиграть в детективов, ее ложь все умножалась, усугубляя и без того невероятно усложнившуюся ситуацию... Что же делать?

Со вздохом Капа сделала шаг с полянки назад и покинула игру. Она сидела в своей комнате, скорчившись в тесном детском креслице для связи с виртуальностью, и беззвучно плакала. А перед усталыми воспаленными глазами все еще кружились в танце огромные разноцветные снежинки.

Катерина

— Просыпайся, Кати, нас ждут великие дела! — бодрый голос Джада вызвал у Катерины горячее желание заткнуть уши, а довольно улыбающееся лицо главы виртуальности — не менее горячее желание запустить в монитор подушкой. Нет, лучше чем-то потяжелее.

— Давай, Кати. Истребитель с реалами уже ушел к 670-ой, у нас мало времени!

Катерина со стоном зарылась в подушку.

— Джад, меня просто убивает твой план, — глухо сказала она подушке. — Кажется, мне сегодня опять снился кошмар.

— Разве ты можешь видеть сны? Не сочиняй и не хандри, Кати. Вставай!

Задрапировавшись одеялом, Катерина приподнялась на локте, недобро глянула на монитор на противоположной от дивана стене и тут же, встретившись с Джадом взглядом, опустила глаза. Одним из последствий ее травмы был блок на зрительные контакты с виртуалами. Поэтому она неосознанно отыгрывалась на реалах, и уже Кас и Дэн опускали глаза под ее смелым взглядом.

— Если я соглашусь, ты исполнишь, что обещал? — спросила она еще хмурым тоном, в котором, вопреки жалким словам, сквозила угроза. Глава виртуальности кивнул.

— Ты получишь то, о чем просила. Сразу после того, как выполнишь то, что назначу тебе я.

— Я получу всю мою стертую память, — уточнила Кати.

— Это не память. Это мои сведения о твоей прошлой памяти, не более того, — уточнил Джад.

Катерина полежала еще минутку, как бы раздумывая, хотя вопрос был решенный. Когда притворяться больше не было сил, промямлила: «Ладно, я встаю, Джад». Затем коснулась межключичной ямки и, надев наряд, отбросила одеяло. Увидев эффектную леди в голубом

брючном костюме, Джад одобрительно крякнул:

— Люблю тебя девочка, за то, что не заставляешь себя долго ждать.

Катерина холодно улыбнулась, придирчиво оглядывая свое отражение в ставшей зеркалом стене:

— Вообще-то этот вариант мне не нравится. Надо подобрать что-то, действительно достойное великого дня. Что-то праздничное. Отключись на полчаса, Джад, дай даме переодеться.

— Катерина!

Катерина показала язык и сама отключила монитор. Негромко напевая, она меряла одно платье за другим с такой скоростью, что виртуальное зеркало не успевало менять картинки отражений, они наслаивались одно на другое.

Настроение начинало налаживаться.

Все началось у 677-ой. К Джаду пробился голос из потерянного прошлого. Голос прежнего союзника землян со стороны джийан. Союзник был готов вновь предложить помощь, если «Красавица» пожелает вернуться к объекту 404. Но Джад прежде планировал послать через гиперпространство сигнал к той планете. Если там удалось обжиться последнему члену первого экипажа «Красавицы» — Шелтону, попытаться, по его словам, стоило.

Нескольким наиболее сообразительным роботам, предназначенным для тонких технических работ, Джад установил через виртуальность программу, позволяющую воспринимать сигналы из виртуальности и индуцирующую беспрекословное повиновение этим приказам. Роботов глава виртуальности планировал направить к пункту перехода в гипер у 670-ой. Джийане регулярно пользовались им для отправки сообщений по всей галактике. Иногда ворота в гипер стояли открытыми по несколько часов, Джад полагал, в это время джийане наблюдали за колыбелью ураноса в режиме реального времени. В общем, перед виртуалами открывалось множество возможностей для контакта.

Сухой пыльный вихрь подхватил Катерину за порогом дома, кинул в лицо горсть песка, бесстыдно залез под широкую юбку платья, коснулся шершавыми пальцами бедер. Вверху мелькали разноцветные вагончики монорельсовой дороги — виртуальный народ спешил к месту работы. Двери центров служб виртуальности не успевали закрыться, как на порог ступал новый служащий или посетитель. Катерина надела на ухо усыпанный стекляшками плеер и влилась в разноцветную толпу виртуалов. Ее кораллово-красное платье скоро затерялось среди других ярких пятен, на лице обосновалась доброжелательная и равнодушная улыбка как у всех вокруг. В толпе многие были с плеерами, но только одна Катерина слушала не музыку. В ее голове звучали новости виртуальности.

Реалам Эрнатон должен был казаться чрезвычайно молчаливым городом. Уличные шумы здесь сведены к минимуму, не услышишь ни фоновой музыки ни срочных сообщений с новостных мониторов. Ведь каждому виртуалу открыты мысли всех жителей виртуальности, и все новостные сообщения мгновенно распространяются по единой мысленной сети. Виртулы не знают, что значит утаивать и скрывать друг от друга и испытывают дискомфорт, когда случайно отключаются от общего мысленного фона. Даже во время сна видения общие для всей виртуальности. Можно вдоволь погулять в чужих снах, можно пригласить в свой сон друзей. Только Катерина была в этом абсолютно глухой и слепой. Травма отключила ее и от общего мысленного фона, и от полей сновидений. Пробиваться к ней мог только Джад, как старейший, и, чтобы быть в курсе событий, приходилось пользоваться услугами

новостного радио, работающего в основном для реалов, а также для тех, кто только что проснулся или вернулся из игрового сектора.

Оторванность от родного мира очень тяготила Катерину, но с утроенным упорством она принималась отстаивать идеалы изоляционистов, требующих закрыть виртуальность. Она даже не задумывалась, что стремится защитить вовсе не родной дом, как убеждала себя. В рвении Катерины было нечто нездоровое, она фанатично защищала недостижимый и непознаваемый для себя идеал.

Катерина своим ключом открыла кабинет Джада. Здесь уже был включен компьютер, ожидая ее прихода. С монитора добродушно улыбался глава виртуальности.

— Очередная удача, пункт перехода открыт, — объявил он. — Брана я только что оглушил, наших роботов он не видит. Есть примерно час времени. Приступай к работе, — тон Джада был обычным, будто он давал виртуалке рядовое задание. Но Катерина пригляделась и заметила ужасную, просто каменную напряженность его скул и внутренне содрогнулась. О, сегодня великий и страшный день!

Она устроилась на месте Джада, пальцы ловко забегали по клавиатуре. Не отрывая взгляда от монитора, по которому поползли строчки данных от роботов, Катерина потянулась к малым мониторам и поочередно включила их. Вокруг главного голубого квадрата заблестело ожерелье черных, пронизанных блестящими искорками — картинки от роботов, приближающихся к пункту перехода в гипер. Тот красным огоньком отметился на каждой картинке то в правом, то в левом углу, то по центру.

— Как реалы? — спросила Катерина невидимого Джада, пока могла себе позволить отвлечься от занятия.

— Висят над экватором планеты, начали передачу сообщения для ураноса.

— Состав группы?

— Дэн, Кас и Эля.

— Ох, — Катерина не удержалась от вздоха. Контакт с ураносом был опасной затеей, теперь она волновалась за Каса. Что, если он опять бросится геройствовать, очертя голову?

— Джад, если у них что-то пойдет не так, мы ведь поможем?

— Хм-м, — выразительно усомнился Джад. — Отныне наши взимные дела с реалами ограничиваются мониторингом и ремонтом систем «Красавицы», и то только потому, что корабль — и наш дом.

— Но Джад! Там одна из твоих дочерей!

— Названных дочерей, — холодно сказал виртуал, и у Катерины мороз прошел по коже. — Занимайся роботами и забудь про реалов. И не вздумай мне тут устроить приступ!

— Так выбрал бы здорового ассистента! — огрызнулась Катерина, мгновенно разозлившись до предела. Джад окинул ее многозначительным взглядом.

— Выбрал бы, но я, девочка, хочу научить тебя. Из-за твоего прошлого, — неожиданно мягко сказал он. Катерина опустила глаза к пульту:

— Не напоминай пока о моей ошибке. Потом.

— Ты меня неправильно поняла, Кати. Я восхищаюсь тобой. Твоей тогдашней смелостью, твоей уверенностью в своей правоте.

— О, как заговорил! Не ты ли недавно звал меня семенем искаженных?!

— Прости. Я надавил, потому что боялся, что ты откажешься. Ты нужна мне, Кати. Ты смогла пойти против всей виртуальности, и у тебя одной хватило силы, чтобы переплыть море наших мыслей. Все до тебя и после тебя тонули в нем. Ты очень сильная, а мне нужен

сильный союзник.

— Я ошиблась! Из-за меня погибли реалы, из-за меня, в конечном счете, виртуалы потеряли память!

— Ты просто выбрала не тот маяк, — добрая улыбка озарила лицо Джада. — Сегодня после беседы с Сентой я покажу уже не последствия, а причины той ошибки, и вина перестанет тебя терзать. Мы все совершаем ошибки.

Катерина сморгнула слезинки.

— Все роботы у пункта перехода, — глухо доложила она. — Что дальше?

— Ищи канал в гипер, подсоединяйся.

Катерина действовала быстро, уверенно, точно, работать с реальной техникой она умела и любила всегда. Скоро канал в гипер был найден.

— Джад, 404-я открыта, ты можешь отправлять сообщение.

— Отлично, Кати. Дальше я сам. Не уходи, следи за состоянием коридора в гипере, — ясно и спокойно отозвался Джад, будто отправка сообщений через половину галактики была для него самым обычным делом.

Катерина откинулась на спинку кресла, руки убрала с клавиатуры. Она прилежно следила за состоянием открывшихся в гипере коридоров, но то и дело скашивала глаза на небольшой монитор на пульте Джада. Там высветилось первое сообщение главы виртуальности неизвестным адресатам.

«Красавица» на связи. Говорит Джад, глава виртуальности. Корабль исправен, населен пятью тысячами виртуалов и семью реалами. Но мы блуждаем по галактике без цели, без смысла. Отдаем себя на волю Эрны. Ждем ваших указаний».

Интересно, отзовется ли кто-то? Глава виртуальности молчал. Проходили томительные минуты ожидания, и Катерина решилась обратиться к нему с вопросом:

— Джад, ты всерьез надеешься, что Шелтон отзовется?

— Я надеюсь, что нет, — задумчиво заметил виртуал. Катерину воодушевило послышавшееся в его голосе сомнение:

— Джад, не надо! Ты сам говорил, нам дан шанс новую жизнь, без оглядки на прошлое, — зачастила она. — Дитя Эрны сейчас среди реалов. Это Кас, я уверена. Давай надеяться на него и не вспоминать прошлое!

— Кас? — тихий, какой-то безнадежный смешок. — Нет, у реалов «Красавицы» нашей надежды нет. Раньше я думал: может и хорошо, что наша память стерта, там много такого, чего следует стыдиться... Но появился старый союзник из джийан и напомнил, где она, наша надежда. И я подумал: может, нашим прошлым стоит гордиться? Антон в последний момент дал слабину и отключил блок памяти, но Шелтон не такой, он не сдастся, я верю... — Джад не договорил, будто поперхнулся. Катерина глянула на монитор с сообщениями и обмерла. Адресат откликнулся!

«Рад услышать старого друга. С целями и смыслом у меня порядок. Дэра с вами?»

«С нами», — после секундной заминки написал Джад.

«Отлично. Возвращайтесь к 404-ой, и мы завершим, что начали. В ближайшее время планета будет готова вас принять».

Джад опять застрочил ответ:

— Рад что вы в добром здравии и боевом задоре. Но прежде, чем принимать эпохальные решения, мне нужно посоветоваться с командой реалов.

— Отлично! Команда реалов вся та же, в прежнем составе?

Тут Джад помедлил. Катерине показалось, она даже услышала его вздох.

— Твои друзья все погибли, Шелтон. Еще тогда, у 404-ой. Остались ваши дети. Дэн теперь капитан. Капа — его жена.

Еще одна минута молчания в эфире. Но Шелтон быстро взял себя в руки:

— Что ж, будем работать с командой детей. Они не знают об этом сеансе связи?

— Отношения между реальностью и виртуальностью натянутые. Дэн не передал мне власть над блоком памяти виртуалов.

— Я со своей стороны обеспечу вам безопасный проход к планете, — подключился к разговору новый собеседник. Должно быть, с Джиии, союзник из джийан.

— Ваши условия прежние? — спросил его Шелтон.

— Мне нужно тело! Исполните, что обещали: дайте мне тело!

— На этом мы отлично сойдемся. Джад, сообщи все реалам, нам пригодится их помощь, — Шелтон подождал ответа, но Джад почему-то молчал. — Джад?!

Курсор пульсировал в конце сообщения, будто отсчитывал время на раздумья виртуала. Катерине представилось, что Джад также смотрит сейчас на маленькую светящуюся палочку, а его рука в сомнении, страхе зависла над клавиатурой, только пальцы чуть подрагивают...

Тишина, казалось, взорвалась. Катерина испуганно подскочила в кресле. На экране замерцало очередное сообщение, насколько непохожее на предыдущие, что стало ясно: это уже четвертый собеседник:

«Планета закрыта. Она принадлежит не вам и никогда не будет принадлежать вам. Выбросьте ваши нелепые мечты. Вам ничего не вернуть. Вам не вернуться домой. Дома нет. Вашего дома нет, нет нигде во Вселенной, не тешьте себя напрасной надеждой. Не возвращайтесь. Планета закрыта».

Джад резко обрубил все каналы связи. Катерина успела только ухватить адрес одного из каналов. Координаты были ей хорошо знакомы. Земля.

— Джад, кто это был? — спросила она в трепещущей тишине. — Тот, последний? Я поймала координаты одного собеседника. Наверное, последнего. Это Земля?!

— Земля, — голос Джада был усталым. Видеосвязь он отключил.

— Ты что, тайком от всех отправил сообщение и на Землю?! Что значит: планета закрыта? Принадлежит не вам? А кому тогда она принадлежит, джийанам?

— Возвращай роботов на «Красавицу» и сама иди домой. Сеанс связи окончен.

— Так мы летим к 404-ой или нет? Почему ты ничего не ответил Шелтону? Ты передумал?

— Все-таки поищем нашу надежду у реалов. Иди домой!

— Эй, ты обещал рассказать о моем прошлом! Ты меня слышишь, Джад? Джад?! — но виртуал вовсе отключился, и бесполезно было пробовать прочесть его мысли. Катерина чертыхнулась и занялась роботами. Уже мало заботясь о секретности, вывела их из джийанского пункта перехода и направила обратно в патруль «Красавицы». По дороге очень небрежно стерла им недавнюю память, так что, возможно, повредила другие узлы и связи... Ну и пусть! Пусть Джад теперь объясняется с Дэном, — мстительно решила она.

Приказ Джада идти домой она решила игнорировать и осталась в кабинете. Полчаса копалась в компьютере Джада, скакала по ссылкам, открывающим разные области жизни обитателей Эрнатона и окрестностей, но любопытство быстро гасло. Последние несколько минут, Катерина вяло тыкала то в одну, то в другую ссылку, с неясной ненавистью глядя в мониторы, потом оставила пульт, уронила голову на скрещенные руки и застыла.

Помогать виртуалу, чья цель тебе не просто безразлична, а глубоко несимпатична, подставив под удар жизни тех, кто тебе дорог — это просто ужасно. Отвратительно. Катерину тошнило от себя. Была лишь крохотная слабая надежда, что очередной приступ разрушит ее до того, как она достигнет дна в море презрения и отвращения к себе. Почему она согласилась? — спросят, крикнут все, когда узнают... Катерина не знала, что ответить. Поймут ли преданные ею ее беду и боль? Подлый глава виртуальности парой слов уничтожил все, чем она жила пятнадцать лет. Выбил ей почву из-под ног. И сам же предложил канат, за который она теперь должна держаться, чтобы не упасть: пообещал открыть ее прошлое. Как она решилась предать команду, как предала, почему... Вот только ответа на главный вопрос: как жить дальше, Катерине никто не мог дать.

— Не ушла все-таки? — раздался голос Джада за спиной. — Так и думал. Люблю тебя, девочка, за красивую настойчивость. Да, именно красивую, потому что очень у многих она выглядит отвратительно, но не у тебя. Ну, не переживай. Ты предала, но ты вовсе не злой гений экспедиции.

— Я не о старой ошибке печалюсь, Джад, — глухо сказала Кати, не поднимая головы, в горячие от дыхания и мокрые от слез руки. — Я боюсь, что уже совершила новую, позволив тебе связаться с Шелтоном. Я боюсь, что всех убьют там, у 404-ой, и виртуалов, и реалов. Джийане это сила. А у нас один корабль, шестеро так и не выросших умственно детишек и одна сумасшедшая. И виртуальность, которая только разбивается на осколки, не сходясь во мнениях, но за пятнадцать лет ничего не умеет решить. У нас нет ни оружия против врагов, ни крепкого дома за спиной, ни цели, к которой стоило бы стремиться и на пороге смерти. Ничего!

— Успокойся, — глава виртуальность подошел ближе, положил холодную тяжелую ладонь ей на голову, примяв жесткие рыжие кудри. — Ты запуталась, ты думаешь, что ответов нет, но все они в твоём прошлом. Смотри!

Катерина послушно закрыла глаза и в черноте замелькали картинки прошлого, посылаемые старейшим виртуалом.

— Сейчас ты — изоляционистка, но двадцать четыре года назад по времени корабля тобой владела совсем иная идея... — гулко, будто из большой пустой бочки загрохотал голос главы виртуальности.

— Потихе, Джад. — Помедленнее. Я должна узнать все. Должна понять все! Не торопись, — прошептала Катерина. Она уже чувствовала, как река прошлого подхватывает ее и несет, как она затекает в открытый рот и глаза, как все тело становится ею... Она возвращалась к началу истории.

Эля

Кас посадил истребитель на краю обширного каменистого плато. Острый любопытный нос корабля вытянулся за пределы ровной пустоши и будто принохивался к бездне, простершейся за краем мира. В другой край гигантской трещины, перерезавшей надвое северный материк, заваливался горизонт.

Эля соскочила на землю первой. Увы, сила притяжения на 670-ой была выше, чем на «Красавице». Куда приятнее порхать как бабочка на легких спутниках и малых планетках, а тут собственное тело казалось отвратительным, тяжелым и неуклюжим, будто она

поправились этак на центнер. Завтра от перенапряжения наверняка заболят все мышцы.

Солнце 677-ой отсюда казалось очень яркой желтой звездой без видимого невооруженному глазу диска. Ничейная планетка была отдана во власть космической тьмы, пока подошедший корабль землян не осветил ее кусок восемью дисками, наподобие солнечных, только много меньше. Но высветился лишь холодный мертвый камень — надгробие на старинном кладбище. Остатки атмосферы, толика тепла сохранились только в глубоких трещинах на коре планеты. К сожалению, местный воздух был ядовит для землян, а слабое тепло не позволяло прогуляться без тяжелого скафандра.

Дэн остался на поверхности с истребителем, а Эля и Кас погрузили в аэрокосм аппаратуру для контакта, пообещали капитану, что не пустятся в авантюры и начали спуск. Кас управлял аэрокосмом, а Эля прильнула к окну, так что гермошлем периодически стучался о стекло. Края трещины стали стенами, просвет звездного неба вверху сужался. Большие белые пятна света скользили по стенам бесконечного коридора, но выхватывали лишь скучные глыбы базальта, испещренные кавернами. Снизу снова раздался гул, кажется, во тьме там промелькнули какие-то светлые полосы... Уранос? Эля вдруг явственно представила, что огромный зверь собирается покинуть колыбель сей же момент, и любопытство мгновенно уступило место страху.

— Кас! — она затрясла брата. — Мы успеем вернуться, если что?! Вдруг уранос примет нас за... за блох? Или вообще не заметит, как микробов, и раздавит? Если он полезет наружу?! Не хочу умереть так глупо!

— Не хочешь? Тогда постарайся не бояться ураноса, — Кас усмехнулся. — Он совсем юн и может неправильно истолковать это чувство.

Эля поежилась, представив, как разъяренный чудозверь крушит все вокруг.

— Как истолковать, например? — тихо спросила она. Кас улыбнулся:

— Он может также тебя испугаться.

Пятно света справа зацепилось за нагромождение странных глыб. Кас включил винты, и аэрокосм завис в воздухе. Прожектор так и впился в интересную фигуру в каверне. Это была железная конструкция, довольно простой механизм с лопатами-ручищами.

— Вот и следы цивилизации, — Кас понизил голос, будто вступил во храм.

Каверна уходила вглубь скалы. Кас приблизил аэрокосм к самой стене. Белый, жестоко-правдивый луч осветил мрачные недра планеты, где уже двести миллионов лет не было ничего живого, кроме твари в ядре. Тонули в беззвездной, адской черноте коридоры, которыми миллионлетия назад гуляли существа, создавшие великую цивилизацию.

«Они предпочитали правильные шестиугольные и восьмиугольные формы», — отмечала Эля, следя за белым пятном света, скользившим по развалинам. Дома существ лепились к стенам коридоров, подобно сотам. Камень, из которого они были вытесаны, покрывали сложные геометрические узоры, и во многих угадывались существа и сценки из их жизни. Правда, что означают эти сценки, понять было невозможно. На одной членистое существо, отдаленно напоминающее земного богомола, было заключено в яйцо или капсулу, из стен которой выходили тонкие длинные иглы. Игры пронзали голову существа, но, судя по расслабленной позе, пытка не причиняла ему мучений.

— Что это, Кас? — шепотом спросила Эля. — Это казнь?

— Непохоже.

Кас повел аэрокосм вниз, и восьмигранные коридоры и здания-соты мгновенно поглотила тьма, будто вновь забрала в небытие. Эля грустно вздохнула. В душе поднималась

горячая жалость к неизвестным богомолам. Кас ускорил падение-полет, и пятна света прожекторов, скользящих по стенам, замелькали новые постройки погибшей цивилизации: коридоры и соты, колоннады и яйцеобразные камеры, как та, на барельефе. Они возникали из тьмы равнодушной Вселенной на доли секунды и вновь исчезали. Словно душа умершего, вновь и вновь упрямо стремящаяся из реки забвения за глотком живительного воздуха. Она хватается его жадными губами, но, принадлежащая тьме, не может вдохнуть, воскреснуть...

Крупные слез-градины покатались из глаз Эли. «Что ты?» — спрашивал Кас, но она не могла объяснить. Зато уранос без слов понял ее грусть, и загрустил сам в глубине планеты, почти не шевелился.

Здания-соты по стенам трещины кончились, пошли яйцеобразные камеры. Кас замедлил полет, скоро снова завис, подыскивая удобную площадку для приземления.

— Пришло время для контакта, — пробормотала Эля. Жаль, слезы утереть было нечем. Они высыхали на коже под гермошлемом, оставляя неприятное ощущение стянутости.

Они выгрузили аппаратуру и прошли вглубь зала. Помещение было большим, поболее главной рубки, но Касу не понравилось. Он активировал двух четвероногих роботов-помощников и отправил их просканировать нижние помещения.

— Начинайте контакт, мы уже непозволительно задерживаемся, — предупредил Дэн по аудиосвязи.

— Как дела на поверхности, кэп? — спросил Кас.

— Скучно. Уранос притих, но это вам на руку. Начинайте! Только с максимальной осторожностью. И сдерживайте эмоции, юный уранос очень чутко на них реагирует.

— Ага, кэп.

Возвратились помощники, и аппаратуру пришлось перетащить ярусом ниже. Тут была яйцевидная камера, размерами на этот раз превосходящая главную оранжерею. Никаких узоров не видно. Стены, пол, потолок испещрены крошечными, в ноготь мизинца, дырочками.

— Знаешь, Кас, мне тут не нравится, — проворчала Эля, косясь на них. — Помнишь барельеф наверху?

— Никаких игл тут нет, я проверил. Снаружи камеры, метрах в двух, еще одна непроницаемая каменная оболочка, забитая трубочками. Какой-то воздухопроводный механизм.

— А зачем тогда нужны дырочки на внутренней оболочке яйца? Ерунда какая-то.

— Да, интересно, — Кас включил для ураноса на приборе-переводчике урок номер один и подошел к стене, у которой стояла Эля, ковырнул зачем-то одну дырочку. — Очень интересно. Видишь? Края узорчатые, будто головка старинного ключа.

Следующие полчаса Эля следила за показаниями прибора. Уранос молчал, но, как казалось ей, равнодушно. Как прилежный ученик, чудозверь слушал урок языка. Кас отыскал проход в камеру между двумя скорлупками яйца-камеры, полазил там, потом спустился вниз, взбудораженный, с дикими глазами, и сразу полез в передний отсек аэрокосма.

— Кас, ты чего? — встревоженно спросила Эля.

Брат, не ответив, прошел мимо, бережно прижимая к груди инструменты. Включив реактивный ранец, снова взлетел к проходу в междукammerье.

— Кас? — без особой надежды позвала Эля.

— Сейчас, жди.

Кас загромыхал инструментами. Эля опасно глянула на ближайшую фигурную

дырочку в стене. Излишне яркое изображение тотчас же нарисовало, как оттуда вылетает длинная игла и, пробив забрало гермошлема, вонзается ей в глаз.

Сухой щелчок, и струя воздуха выплеснулась из отверстия в центре потолка. Раздался странный, мелко дребезжащий звук. Второй щелчок, и тонко запел новый голос камеры. Третий — и к дуэту добавился бас.

— Кас, что это? — закричала Эля. А Кас продолжал изучать оригинальную конструкцию зала. Теперь он изменял напор подачи воздуха в камеру, создавая подобие мелодии, дикой на слух, но, безусловно, гармоничной. И уранос встрепенулся, приемное поле прибора запестрело его радостными и в то же время удивленными восклицаниями. Тягучая гнусавая инопланетная мелодия порой заставляла Элю вздрагивать: среди незнакомых витиеватых звуковых узоров, ей казалось, едва различимым плыл мотив старинной земной песни.

Через десять минут музыкальных упражнений Кас спустился к сестре.

— Кас, что это было? Музыкальная машина?

— Не совсем, — Кас оглядел камеру, будто видел ее впервые, с удивлением и восхищением. — Это их способ записи данных. Мы с тобой стоим в библиотеке, Электра. Или, точнее, внутри огромной книги.

— У них не было букв? Алфавита?

— Подобных нашим визуальным образам — нет. Видимо, нет. Вообще, похоже, это была цивилизация слепых.

— Ого!

— Сложное искусство рельефов, система записи информации с помощью звуков налицо. Да и зачем им зрение под землей?... Как там уранос?

Эля глянула на прибор и удивленно вскрикнула:

— Он стал очень активен эмоционально! Музыка на него подействовала!

— Значит, самое время начать с ним серьезный разговор. Дэн, — обратился Кас к капитану через аудиосвязь, — пора, я сейчас быстро прокручу урок два, и мы начинаем диалог.

— Хорошо. Но здесь мне вас плохо слышно, спуститесь ниже. Прямо под вами, пятьдесят метров вглубь, должна быть отличная обширная пещера, — распорядился Дэн.

Эля и Кас выполнили требование и спустились на аэрокосме ниже. Когда прожектора осветили внутренность пещеры, земляне замерли от восторга. Эта пещера, несомненно, служила местным жителям храмом. И объектом поклонения у них был уранос.

Стены выдавались тонкими гребнями — гранями сложных геометрических фигур, изображавших тело ураноса. Долго смотреть на них было непросто: возникала та же иллюзия, что и при взгляде на самого чудозверя. Пространство искажалось, острые грани таяли и растекались ручейками в прорезавшиеся щели в четвертое измерение, время холодным камнем застревало в груди на вдохе, и мгновение растягивалось в вечность.

— Ох! — не удержалась Эля.

— Закрой глаза, — сквозь зубы приказал Кас и включил урок три. — Не смотри. Тут можно с ума сойти. Но позиция отличная, остаемся.

Эля опустила на камни, закрыв глаза. Она часто дышала, так что стекло шлема запотело и пришлось померить обогрев скафандра. Теперь холод расползлся по телу, мокрая от пота нижняя одежда прилипла к коже ледяной коркой.

— Кас, как тяжело тут!

Брат бодрился. Он обошел пещеру, старательно глядя под ноги, прощупал стены.

— Тут те же фигурные дырочки, только совсем крохотные. Можно включить звуковое сопровождение, — заметил он. — Дэн, как думаешь?

Дэн что-то неразборчиво прогудел в наушниках. Эля осмелилась открыть глаза, и дуга на стене, на которой остановился ее взгляд, тут же вытянулась готической аркой, острием явственно вспарывая потолок. Эля опять закрыла глаза.

— Интересно, а незрячие обитатели планеты знали об эффектах этого храма? — спросила она, стараясь подбодрить себя. Кас усмехнулся в ответ:

— Полагаю, он под эти эффекты и был создан!

— Но если они были слепы, эти существа, как они воспринимали то, что мы сейчас видим?

— Как-то воспринимали. Этого мы не узнаем! — почему-то вспыхнул Кас. — Эля, приготовься. Мы начинаем.

Но диалога не получилось. Хаотические всплески неясных эмоций ураноса невозможно было прочитать. А предложенным в уроках землян языком для общения он воспользоваться не захотел. Минута проходила за минутой, а на приемном поле прибора все также мельтешили пятна нерасшифрованных посланий ураноса. Кому он адресовал их, землянам ли?

Эля старалась смотреть только на экранчик прибора, но краем глаза все же замечала, что стены зала шевелятся, грани перетекают одна в другую, как на теле настоящего ураноса. Со свистом распахивались щели в иные измерения, они то пожирали большую часть зала, оставляя землянам крохотный пяточок, то раздвигали стены храма в бесконечность. Временное поле ходило ходуном, в его набегающих волнах люди видели себя то детьми, то стариками.

Что-то прорывалось к ним сквозь ткань пространства-времени. Что-то... Эля с головой погрузилась в очередную временную волну и увидела...

...Увидела это же подземелье, заполненное серыми сгобенными существами. То была погибшая цивилизация богомоллов. Они были облачены — или то был их хитиновый покров? — в зеркально блестящие пластины. В этих бесчисленных зеркалах отражались темные стены пещеры, так что распознать, где здесь живые существа, а где стены зала можно было лишь по движениям богомоллов. Сборище слепых невидимок... Но, если картинка прошлого была сера и невыразительна, то звуковое сопровождение действия оглушало и подавляло яркостью и разнообразием. Пел каждый участник ритуала, пели стены зала, пело пространство вокруг. Сотня симфоний развивалось параллельно, но удивительно! — мириады звуков создавали вовсе не какофонию. Миллионы голосов связывались единой гармонией. Это была мелодия мелодий, подобная голосу Бога.

Эля закричала от ужаса и восторга, и этот голос впелся в общую мелодию. Следующая временная волна возвратила ее в реальность. Рядом Кас мотал головой, будто надеялся тем самым вытрясти только что увиденное и забыть. Эля поймала его ошалевший взгляд и сглотнула. Во рту совсем пересохло от волнения.

— Кас, Эля, что у вас стряслось? — тревожно спрашивал Дэн. Кас опять переглянулся с Элей и тоже сглотнул.

— Кэп, думаю, нам лучше отсюда уходить и поскорее, — ровно сказал он.

— Как контакт?

— Ураносна нас не реагирует. Чтобы завладеть его вниманием, нужен раздражитель

посильнее, чем наши уроки. Может, включить ему музыку погибшей цивилизации? Тут в стенах такие же дырочки, как в верхнем зале.

— Попробуй. Но очень внимательно следите за его реакцией. И приготовьте аэрокосм к экстренному взлету. Возросшая активность ураноса мне совсем не нравится.

— Да он тихий, — с сомнением заметил Кас, оглядев вполне целый зал, монолитные, хоть и шевелящиеся стены. — Ты что, Дэн?

— В этом зале вы находитесь в несколько... смещенном пространстве. У меня наверху уже земля дрожит под ногами. Еще пять минут вам на работу — и возвращайтесь!

Кас и Эля недоверчиво переглянулись, но решили не спорить. Эля взобралась в аэрокосм и включила панель приборов, а юноша, схватив тот же набор инструментов, бросился через весь зал к проходу в верхнюю камеру, откуда можно было включить музыкальную машину.

Эля развернула аэрокосм к пролому и успокоенно вздохнула. Нежилой, но и не мертво-неподвижный зал остался позади. Дэн оказался прав, стены трещины подрагивали, снизу доносился мерный гул, грани ураноса мелькали, как спицы в колесе. Неужели он собрался покинуть колыбель?

— Кас, побыстрее! — вопль Эли утонул в гуле сотен труб включившейся музыкальной записи древних. Услышав ее, уранос замер. Гул в глубине стал дрожащим и... нежным. Чудозверь будто мурлыкал.

Показался Кас. Уже никуда не торопясь, он весело махнул Эле рукой и пошел к прибору — переводчику.

— Подействовало, — скоро довольно доложил он Дэну и Эле. — Он слушает! Дэн, я передаю наше сообщение?

— Передавай, — через мгновение, будто немного засомневавшись, сказал Дэн.

— Ладно, кэп, — как-то вопросительно сказал Кас. Он отправил ураносу урок три и... музыка зала вдруг резко оборвалась, так что Эля даже испугалась, не оглохла ли она? Уранос больше не мурлыкал. Он задвигался с утроенной энергией. Эля развернулась в кресле к залу. Ближайшая стена знакомо поплыла, ее расщепил надвое быстро расширяющийся черный разлом. Но вряд ли эта дверь вела в иное измерение! То была не иллюзия — зал рушился!

Подхватив прибор, Кас в три прыжка достиг аэрокосма, плюхнулся в кресло пилота:

— Улетаем!

— А контакт?!

— Уранос разъярен, на эмоциональное поле страшно смотреть. Улетаем!

Он пристегнулся. Оторопело глядя на него, Эля также защелкнула ремни поддерживающего тело плетения.

— Здесь сейчас все рухнет! — после короткого рывка в условиях повышенной силы тяжести Кас все еще тяжело дышал. Он споро поднял аэрокосм в воздух и рванул вверх.

— Почему уранос так разозлился?

— На нас он разозлился! Зря включили музыку! Он вообразил, что это из погибшей цивилизации кто-то уцелел, а мы его кодами чужого языка, уроком три! Он запутался!

Новый вопрос застыл у Эли на губах. Мертвый мир вокруг рушился. Трещины разрезали древний камень, домики-соты сминались, будто бумажные, а гул в глубине нарастал. Вот задрожала и дернулась назад стена пролома. Трещина расширялась. Сверху полетели каменные глыбы, Кас уворачивался от них. Его руки лежали на штурвале с уверенной, спокойной силой, и Эля старалась смотреть на них.

— Только не бойся, — предупредил Кас. — Если он еще и твой страх поймает, станет совсем плохо!

— Я не боюсь. Я смотрю на твои руки.

— Смотри, куда хочешь, но не бойся! Я нас вывезу!

Удалившаяся на сотню метров стена оползала, рассыпалась. Пролетавшая мимо глыба краем зацепила аэрокосм, и маленький аппарат закувыркался в воздухе. Стену трещины прорезал гигантский разлом, такой же черный, как небо, и потерявший управление кораблик потянуло туда.

— Держись! — крикнул Кас. — Только не бойся!

Эля вцепилась в сидение, зажмурила глаза, чтобы не видеть кувыркающейся, распадающейся реальности вокруг. Нет, она не боялась. Она мельком подумала о Дерекке, погибшем подобным образом, а потом зачем-то вспомнила Таю и планету 677, где они плавали наперегонки в прозрачной речке, а потом сушили волосы на солнце и болтали... обо всем. Это что, конец? — переполняющими Элю чувствами было удивление и неверие.

— Я вас вижу, — раздался в наушниках напряженно-ровный голос Дэна. — Сейчас зацеплю.

Эля вздернула голову, насколько позволял скафандр. Слева и вверху серебристо поблескивал бок истребителя, из него к аэрокосму вытягивался манипулятор. Конечно, Дэн работал на пределе скорости, но, Эле сейчас казалось, так медленно!

«И сердце бьется странно чувствительно и медленно. Нет, нет, она совсем не боится, сейчас нельзя бояться... Какое у Каса белое лицо! И губы дрожат, когда он говорит:

— Мы выберемся, сестренка».

Манипулятор зацепил кораблик, резко потянул вверх. А гул уже не доносился из глубины разлома — гудело все вокруг. Запредельно низкий бас раздирал тело изнутри. Это была пытка! Эля стиснула зубы, чтобы не закричать. Когда вдруг наступила тишина, она неверяще радостно вздохнула, но тут же завопила, наконец-то согласившись признать, что боится... очень боится! Уранос рвался из темницы, каменные глыбы теперь из глубин планеты, полетели на два корабля в связке.

Кас, отчаянно ругаясь, раз за разом пробовал восстановить управление аэрокосмом, но кораблик не откликался. Дэн увильнул от пары камней, потом удачно пристроился рядом с огромной глыбой, которая летела вверх, точно посланная рукой великана. Камни поменьше разбивались о ее бока, не причиняя вреда истребителю. А Эля опять смотрела на руки Каса на штурвале и уговаривала себя не бояться. Сердце билось тише, и, кажется, быстрее, или это время возвращается к нормальному течению? Впереди что-то заблестело... Что это? Искры звезд? Вдруг руки Каса на штурвале судорожно дернулись, он закричал:

— Кэп, справа!

Справа в полном беззвучии столкнулись два огромных пласта земли и, будто выпущенная из пращи, в истребитель полетела глыба размером не менее их камня-защитника. Дэн рванул корабли вверх, и две исполинские глыбы столкнулись за задним багажным отсеком аэрокосма. Корабли засыпало дождем мелких камешков, бока аэрокосма помялись, обзорное стекло залепила противная серая пыль, но и сквозь муть Эля разглядела, что в связку кораблей, вращаясь, несется еще один камень. Дэн выстрелил в него из бортовой пушки, но глыба ударила истребитель, смяла, будто игрушечный, и лишь потом раскололась. Аэрокосм, так и сцепленный с истребителем, повело вбок, прямо на осколок камня. Эля успела увидеть на нем знакомый барельеф с существом в музыкальной библиотеке, прежде

чем последовал удар, и она лишилась чувств.

Капа

Капа застыла в кресле капитана, вцепившись в край пульта. Взгляд вмерз в монитор, на котором две белые точки отмечали путь истребителя и аэрокосма. Две... Только что были две, а теперь одна. Истребитель Дэна исчез, аэрокосм несясь один, без управления, навстречу неминуемой гибели.

На главном мониторе в полном беззвучии разворачивалась фантазмагорическая картина гибели планеты. Продольные трещины поползли от полюсов и встретились на экваторе. Поверхность крошилась, как черствый хлеб. Из трещин лились потоки света, будто сияющая звезда готовилась сбросить неприглядное серое рубище.

Ал и Тая замерли у главного монитора, Ал обхватил голову, Тая зажала рот. Бран нудно повторял: «Связь с истребителем потеряна, экипаж аэрокосма на позывные не отвечает... связь с истребителем потеряна, экипаж аэрокосма на позывные не отвечает». После пятого повторения страшных фраз Капа очнулась:

— Жизненные показатели экипажа, — потребовала она у Брана. Тот думал ужасно, ужасно долго.

«Надо бы убрать Таю из рубки, — успела подумать Капа. — Если Бран сейчас сообщит о смерти Эли, крика близняшки мне не выдержать».

Но она не успела еще встретиться взглядом с Алом, попросить его, как Бран сообщил:

— Оба члена экипажа живы. Открываю экстренный канал связи.

— О-ох, — долго, тяжело выдохнула Капа, откинувшись на спинку кресла, взглядом бессмысленно следя за точкой-аэрокосмом на мониторе. Кораблик только что вышел из зоны непосредственной опасности. Но где Дэн? Неужели это все? Они расстались навсегда... вот так? Капа отказывалась признавать, что исчезновение точки означает гибель истребителя. Она не хотела верить, что жуткий давний страх — весть о смерти мужа явится к ней... вот так.

Тая кинула отчаянный взгляд на Капу. Девочка дрожала мелкой дрожью, а Ал даже не догадывался ее приобнять, успокоить. Треск громкой связи возвестил о том, что экстренный канал к аэрокосму открыт. Капа глубоко вздохнула, борясь с желанием бессильно закрыть глаза.

«Корабль... И дети. На мне корабль и дети... Капа, соберись!»

— Меня слышно? Кас, Эля, как вы? — спросила она трескучую тишину. Получилось ровно. Тревожно, но без звенящих ноток истерики. Правильно. По-матерински.

— Кас? Эля?

— Я тут, Капа, — глухой голос Каса. Слабый то ли от боли, то ли от боязни говорить громче. — Я цел. Эля без сознания, но вроде цела.

— Как корабль?

— Стекло выбито, хвост смяло в гармошку. Одна видимость, а не транспортное средство. Висим, пристегнутые ремнями к куче хлама, я шевельнуться лишний раз боюсь. А под нами... редкое зрелище, не каждый день такое увидишь.

Капа бросила взгляд на главный монитор. Уранос окончательно разломал свою оболочку, но выходить в открытый космос не торопился. Плавал в облаке космической

пыли, прикрывшись крупными осколками планеты. Сияние его граней угасало, уже не слепило. Из тела-глыбы осторожно вытягивалась крохотная головка с иглой-острием.

— Запас кислорода у вас на сколько?

— На три часа хватит. И у меня под левой рукой запасной баллон, один.

— Как Дэн? Истребитель пропал с мониторов. Что с ним?

Голос Каса дрогнул от усилия сдержать эмоции:

— Истребитель всмятку, Капа. Я не знаю, что с кэпом. Связи нет.

— И у нас нет! Ты его видишь сейчас? Видишь истребитель?

— Кап, это может быть буфер, защита... — начал объяснять что-то Ал. — Ну же, сображай! Подушка безопасности! Она не пропускает никакие волны, потому и нет связи... — Капа махнула на него рукой.

— Отсюда мне не видно истребитель, Кап, — преувеличенно ровно сообщил Кас. — Не знаю, может, Эля его разглядит, когда очнется. Связывающий нас трос обмотался вокруг осколка камня.

— Ясно. Мы летим за вами, — Капа решительно встала... и покачнулась. Ее подхватил подоспевший Ал.

— Ты слушаешь, что я говорю? При ударе такой силы в истребителе обязан срабатывать буфер. Подушка безопасности! Соображаешь?

— Истребитель исчез. Ни связи, ни маячков, ничего. Наверное, он взорвался, — выдохнула Капа, и горло обожгло льдом от этих слов.

— Нет, нет, Кап! — заволновался Кас, услышавший ее. — Взрыва не было, я не видел взрыва! Слушай Ала, он прав! Это сработал буфер!

— Это органическая масса, усиленная на наноуровне, вроде очень плотного желе. Клей. Мгновенная химическая реакция при ударе. Заполняет все свободное пространство истребителя. Пилот, получается, будто находится внутри резинового мячика. Это вещество не пропускает излучение, поэтому связь теряется. Вся, кроме виртуальной, вроде.

— А маячки истребителя? — слабо спросила Капа. Сердце уже поверило Алу, крови зашумела в ушах.

— Может, оказались внутри буфера, раз корабль всмятку?

Капа не дослушав, бросилась в док готовить спасательный модуль.

Дэн

Когда-то давно Дэн читал памятку о том, что такое подушка безопасности на малых звездолетах. Тогда врезалась в глаза фраза: «Образует вокруг кресла пилота защитную полиметалло-органическую капсулу, эластичную, плотную. Пилот остается в ней до прибытия спасательной группы».

Сейчас он сам оказался в такой полиметалло — органической капсуле. Мгновение удара так и не настало, вместо боли и тьмы — светло-серая стена сразу за стеклом гермошлема. Тело вдавило в спинку сидения, руки, ступни прижало к горизонтальным плоскостям — не пошевеливаться. Давление было безболезненным, но сильным, даже сверхсильным. Эта сила немедленно давала понять: даже не пробуй трепыхаться.

Растрчивая невеликие запасы кислорода, Дэн раз за разом пробовал связаться с Касом, Элей, с «Красавицей». Эфир был пуст. Лишь через пять минут, когда мягкий неживой

женский голос системы умного скафандра доложил, что воздуха космонавту хватит на один час, он перестал взывать к команде. Следующие пять минут Дэн прикидывал, как скоро сюда сможет добраться спасательный модуль с корабля. По всему выходило около того же пресловутого часа. Чтобы снизить расход кислорода, следовало активировать режим анабиоза у скафандра, но Дэн тяготила неизвестность судьбы аэрокосма, Эли и Каса.

Оглушенный внутришлемный монитор сигнализировал желтым квадратом — входящим сообщением с «Красавицы». Сообщение автоматически поступило за мгновение до столкновения с камнем. Бран определил, кто из команды лжец, отследив историю закрытия всех нелегальных входов в виртуальность. Прочитать послание целиком было нельзя, но и не было нужды, просвечивало его начало: Капа.

Треск громкой связи заставил Дэна вздрогнуть. Но непоколебимая светлая стена сразу за гермошлемом и не колыхнулась.

— Дэн, ответь. Прием. На связи виртуальность, — раздался голос Катерины.

— Все в относительном порядке. Сработал буфер. Я цел, — безрадостно отчитался Дэн, менее всего желающий сейчас разговаривать с кем-либо из подчиненных Джада. — Что с Касом и Элей?

— Живы, целы. Аэрокосм по-прежнему в связке с истребителем. Реалы выдвигают вам на помощь спасательный модуль. Что у тебя с запасом кислорода? Я верно вижу, час?

— Да, час. А у Каса и Эли?

— Три часа и у них есть запасной баллон.

— Уже неплохо. Передайте Капе, пусть не волнуется. Полагаю, следует включить режим анабиоза в моем костюме. Надеюсь, голосовое управление цело.

— Я могу помочь, активировать режим анабиоза из виртуальности.

— Спасибо, — с невытравленной до конца сухостью сказал Дэн. Виртуалы пришли на помощь реалам, хотя могли не прийти. Могли оставить все, как есть, и никто не обвинил бы их, ведь отношения разорваны, главным образом, из-за упрямства Дэна. Дэн вспомнил, что и авантюру с ураносом он затеял, надеясь разговаривать с Джадом, и скрипнул зубами. К чему это привело? Счастье, что все остались живы!

— Дэн, — снова голос Кати, — подожди еще минуту со сном. С тобой хочет поговорить Джад.

Он слабо усмехнулся:

— Что ж, пусть так. Куда я теперь денусь!

Несколько минут был слышен только треск далеко не идеальной связи, и Дэн заподозрил, что Джад уже здесь, только молчит, иногда вздыхая. Глава виртуальности собирается с мыслями. Что он хочет сказать?

— Джад? — неуверенно позвал Дэн. — Ты меня слышишь?

— Я здесь, здесь, — усталый и какой-то очень далекий голос. — У меня к тебе серьезный разговор, Дэн.

— Я слушаю.

Джад расхохотался: неприятный трескучий смех. Или это помехи связи?

— Помнишь помехи во внешней сети виртуальности? Вы решили, что мы запустили уборку тех уровней, и они забарахлили... На самом деле я создал помехи. Чтобы тебя запутать! Мы не можем стереть или изменить поступающие в реальность данные, но можем потопить их в ворохе ненужных, перегрузив Брана, — как бы сам себе, довольно заметил Джад.

— Я учту это на будущее.

— Я не повторяюсь, Дэн. Но не будем отвлекаться. Знаешь, чем занимался я, пока вы мотались до 670-ой? Кстати, это ведь я нарочно направил тебя сюда, изучать ураноса. Думаешь, я настолько слеп, что мог пропустить вашу диверсию в хранилище памяти? Несколько фотографий Земли виртуалы составили из обломков памяти давно, и я позволил вам отыскать одну, даже нарочно подкинул ту, что почетче... Нужно было выбить у тебя почву из-под ног и вместо путешествия к Земле отправить к 670-ой.

— Хм, вообще-то, контакт с ураносом я задумал, чтобы в конечном счете выпытать у тебя правду о прошлом «Красавицы»...

— Оба хороши, — резюмировал Джад. — Так вот. Пока вы веселились на планете, я отправил несколько роботов к пункту перехода джийан, открыл коридор в гиперпространстве и отправил сообщение.

— Куда? На Землю? — законы субординации, конечно, требовали возмутиться на виртуала за самоуправство но Дэн сообразил, что сейчас не время. Сейчас время истины. Странно, в этом светло-сером коконе, отрезанный от Вселенной, кроме тонкой нити к собеседнику, Джаду, он мог мыслить как никогда ясно.

— Я послал сообщение к объекту 404, — спокойно сообщил Джад.

— Шелтон? — с удивительным даже для себя спокойствием спросил Дэн.

— Шелтон.

— И... как?

— Он жив. Он ждет нас там. Это долгий разговор, капитан, а у тебя мало воздуха. Я включу режим анабиоза и, одновременно с этим, включу твоего виртуального клона. Побеседую с ним. Полагаю, мне удастся совместить ваши а-ритмы, и ты нашу беседу будешь воспринимать, как сон. Ничего не пропустишь. Ты узнаешь все.

— Джад, — недостаток воздуха уже начинал ощущаться, дыхание реала участилось. — Полагаешь, я могу тебе доверять?

Плотная стена за гермошлемом таяла, расточая мягкое светло-серое сияние. Он уже засыпает. Засыпает, чтобы проснуться в виртуальности...

Он стоял в знакомом пункте перехода из реальности в виртуальность. Он, на пять лет моложе, на десять килограммов стройнее. Этот виртуальный клон Дэна был сделан на случай гибели реала, и после его смерти мог быть активирован для расследования каких-либо обстоятельств прошлого. Этаким законодательно утвержденный призрак отмщения или привидение-консультант. Законами Земли разрешено было включать таких клонов не более трех раз, в самых исключительных случаях, слезы вдовы и детей такими случаями не являлись. А через двадцать лет после смерти владельца, клона вовсе уничтожали.

— Здравствуй, Дэн, — сказал Джад, подойдя откуда-то сбоку. Глава виртуальности был непривычно серьезен, без вечной сигары в зубах, без шуточек о противоборстве реалов и виртуалов... с усталостью в глазах. — Как ты себя чувствуешь?

Дэн с удовольствием вдохнул полной грудью душный воздух Эрнатона.

— Просторно тут, — заметил он. — После подушки безопасности в истребителе.

Джад удивленно поднял брови:

— Ого, ваши а-волны совпали идеально! Клон чувствует и помнит все, что и ты сам, Дэн.

— Начнем беседу?

Они вышли из пункта перехода на бульвар и устроились на скамье у фонтана. Струи

воды, взлетающие ввысь и разбивающиеся о бледно-серый мрамор, как и весь фон виртуальности, были прорисованы излишне четко. От блеска капелек-бриллиантов болели глаза.

— Знаешь, какой цвет у памяти, капитан? — спокойно, невыразительно спросил виртуал. — Память должна быть серого цвета. Серый цвет — туман, ретуширующий все неважное. Серый цвет — безразличие ко всему ненужному. Серый цвет — равнодушие к оценкам, что было хорошо и что плохо. Думаешь, истина сияет, капитан? Нет, она серая. Как рассвет, как сумерки. Ни да, ни нет.

— Ты решился рассказать, что знаешь? Что взамен? Потребуешь власть над нынешней памятью виртуальности?

— Взамен? — Джад усмехнулся. Тени чужих лиц плотным потоком пронесли по лицу виртуала. Кто это был — пришельцы из прошлого или из будущего? Чьей памяти отголоски? — Взамен ты скажешь мне, да или нет, капитан. Примешь решение за нас двоих. Ибо я сам не могу решить.

— Что ж, согласен.

Джад заговорил:

— Память виртуалов не всегда принадлежала реалам «Красавицы». Когда мы покидали Землю, ключ от памяти был при нас. Мы отдали его реалам в путешествии, после первого контакта с ураносом. Корабль вышел из той встречи изрядно помятым. «Красавице» требовался капитальный ремонт, и Антон решил доверить его роботам и виртуалам. Команда реалов до окончания ремонта легла в долговременную заморозку. Антон доверил нам «Красавицу» и жизни всех реалов, а я взамен доверил ему память виртуалов. Теперь мы были привязаны друг к другу не просто бумажкой трудового договора, а будто старинной клятвой.

— Я ничего этого не помню.

— Вы с Капой родились уже после заморозки.

— А почему было не вернуться на Землю и не отремонтироваться там?

— Мы находились в пятидесяти двух световых годах от Земли. Скорости света корабль бы не выдержал.

— Пятьдесят два?! Сколько же лет назад «Красавица» покинула Землю?

— По земному времени с момента начала экспедиции на сегодняшний день прошло... — Джад задумался, подсчитывая. — ...четыреста тринадцать лет.

— Какова была цель экспедиции? Кто ее организаторы на Земле?

— Это был серьезный межгосударственный научный проект, организованный учеными ведущих стран. Команда — нанятые специалисты: техник Дерек, врач-биолог Эмма, психолог Лера, космограф Ли-Энн. Руководить экспедицией поставили Антона, до того возглавлявшего земную миссию на Титане. Целей было много: изучение ураносов — тогда еще ходили споры, живые существа это или бионические корабли неизвестной расы, — исследование ближнего космоса, отработка механизма полетов на субсветовой скорости. Наконец, это был триумф человеческой мысли: мы можем сделать, значит, сделаем. Газеты Земли кричали о наступлении второй эпохи Великих Географических открытий — открытий Космографических. Но при этом проект позиционировался, как избавленный от какой-либо политики, и это всячески подчеркивалось.

Антон прищурился:

— Ты не все сказал, Джад.

— Возможно. Это было так давно! Двести пятьдесят лет по времени корабля... Если вспомню еще что-то — расскажу. Итак, после аварии реалы уснули, а мы с роботами занялись ремонтом.

— Сколько времени это заняло?

— Это мой рассказ, капитан, а не твой допрос! — лицо виртуала помрачнело. — Достаточное количество времени, почти тридцать лет. Потом мы разбудили реалов и взяли курс на Землю. Мы вернулись домой, но...

— Дэра? — чужим голосом спросил Дэн. — Вы вернулись, но нашли родную планету в руинах?

— Точно.

— Кто такие джийане?

— Они появились в галактике внезапно. Я не знаю, откуда они взялись. Может, их и правда послал к нам вселенский Свет, как они сами верят? Когда «Красавица» покидала Землю, о них ничего не было известно. Но когда после ремонта мы добирались домой, частенько встречали их патрули. Капитан хотел выйти с ними на контакт, но половина команды резко воспротивилась. Так и летели молча, только с ужасом ждали встречи с космической родиной.

— Давай подробнее. Вы вернулись на Землю и...

Тень чужого лица вновь скользнула по лицу виртуала:

— Мы вернулись на Землю спустя двести сорок шесть лет с начала экспедиции и увидели только итог конфликта землян с «джийанами». Человеческая цивилизация уничтожена, воздух, вода, почва отравлены. Радиоактивность плюс тяжелые металлы — жизнь на планете едва теплится. Но это еще не предел жестокости. Виртуальность Земли я нашел сожженной дотла. Там не осталось ничего и никого. Джийане более всего во Вселенной ненавидят виртуалов. Возможно, реалы Земли пострадали потому, что вступились за нас. Это было бы... очень по-человечески.

Перед внутренним взором Дэна встали картинки, одна страшнее другой. Какие-то покореженные здания. Глубокие котлованы — настоящие колодцы на развалинах земных городов, знакомые роботы-наблюдатели джийан в незнакомом грязном небе Земли... — Дэн потрянул головой, избавляясь от видений, и очнулся в виртуальном саду у фонтана. На белый мрамор все также с грохотом падали бриллианты-капли.

— И все из-за виртуальности! — процедил он. Джад вздохнул:

— Антон не говорил так, но он так думал, я чувствовал. И я сказал ему: откажись от сотрудничества с нами, выжги память виртуальности, ты ведь это можешь, и сдай нас беспомощными в руки джийан. И может всеильные простят людей и позволят вам заняться восстановлением родной планеты. Он тогда побледнел, вот также, как ты, — Джад усмехнулся, — побледнел... и ничего не сказал. А на следующий день мы улетели с Земли. Отправились искать планету-базу, вдали от территории джийан, откуда сможем начать претворять план отмщения тварям, погубившим Землю, в жизнь. Искали долго, намотали еще шестьдесят световых лет на счётчик. На свет появилось новое поколение «Красавицы», погиб Дерек. Ну, это ты и сам помнишь. Мы уже отчаялись найти подходящую планету, но тут Лера предложила обратиться за помощью к ураносу. Твоя мать обладала уникальной способностью претворять расплывчатую надежду в стройную цепочку логических рассуждений. Мы направили «Красавицу» к звезде с формирующейся планетной системой, нашли там ураносов и успешно побеседовали.

— Это я знаю, эту частичку памяти Ал выудил у Бома...

— Не удивлен. Бом хранил все аудиозаписи, все дневники капитана. Должно быть, для тебя. Лера отправила чудозверю мыслезапись чайний последних землян, и тот перекинул «Красавицу» в окрестности 404-ой.

— Планета-база? Что в ней особенного?

— 404-ая — удивительное естественное хранилище идеального биологического оружия. Используя его, мы могли бы уничтожить джийан и легко восстановить Землю. В экваториальной зоне планеты расположены моря живой субстанции, которую мы окрестили Первоокеаном. Квинтэссенция протожизни. Она способна все живое на всех планетах превратить в себя за считанные недели, и уничтожить ее можно, лишь спалив дотла вместе с жизнью на планете. В то же время ее можно обратить на противоположный процесс. Как стволовые клетки способны стать любым видом специализированных клеток, так эта материя может принять форму любого живого существа. Кто владеет ею — владеет галактикой. С ее помощью можно создавать армии и миры. Если перевезти ее на Землю, она восстановит все видовое многообразие планеты.

— Джийане не вполне живые существа, как биологическое оружие поможет в войне с ними?

— Этим оружием можно создать армию. Кроме того, известно, что в костюмах джийан присутствует живой компонент. Это киборги, — Джад прервался, с интересом посмотрел на Дэна. — Однако! Ты так спокоен.

— Я внимательно тебя слушаю. Ты приближаешься к самой интересной части нашей беседы — катастрофе у 404-ой.

— Вижу, ты все еще не вполне мне веришь.

— Рассказывай, Джад.

— На 404-ой стояли датчики джийан. Но, к счастью, у нас внезапно появился союзник со стороны врага. Этот джийанин был не согласен с политикой своей расы и сочувствовал землянам.

Дэн кивнул. Похожее говорил недавно и Ал.

— Он отключил датчики, и мы прошли к планете. Исследовали ее, провели одну высадку. А потом...

— Произошло предательство, — жилка задергалась на виске, когда Дэн вдруг вспомнил имя Капа в неоткрытом сообщении Брана: скрывала свои прогулки в виртуальности... может, скрывает еще что-то? — Некто установил блокировку на сведения о датчиках. Так кто предатель, Джад?

Виртуал нахмурился:

— При чем тут датчики? О них на «Красавице» знали все. Не было никакой блокировки.

— Я помню, отец говорил с Шелтоном о блокировке.

— Наверное, ты не так понял разговор взрослых, Дэн. Предательство было, но оно произошло позже. Один из моих виртуалов, несогласный с планом команды, сообщил джийанам о чужаках близ их планеты. Другим джийанам, не нашему союзнику.

— Почему вы не вывели в бой роботов, наномашин? Вы могли задержать джийан, — этот вопрос должен был уколоть виртуала, а уколол Дэна: ледяная игла непощения.

— Могли, — Джад вздохнул. — Я понимаю, чем вызвано твое недоверие к нам, Дэн. Но мы бросили ваших родителей сражаться одних не потому, что желали им смерти. Виртуальность тряслась от страха. Мы не хотели умирать! Часть виртуалов тогда верила, что

джийане могут пощадить нас, и во время штурма все уцепились за эту жалкую надежду...

Дэн скрестил руки и задумался. Струи воды все также вели хрустальную мелодию. Джад повернулся к реалу в профиль, равнодушно следя за песней фонтана. Волнение виртуала было выражено только маленькой вертикальной складочкой у бровей.

— Ты знал все это. Всегда знал, Джад, — сказал Дэн после долгого молчания. — Почему не сказал никому? Почему ничего не делал?

Слабая радость озарила лицо виртуала, и Дэн понял: Джад ждал этой его реплики.

— Почему Антон стер блок памяти? В наказание нам? Нет, нет, Дэн. Кажется, я сказал тебе достаточно, чтобы ты понял: между первой командой реалов и виртуалами «Красавицы» не было моментов недоверия. Передача блока памяти реалам была произведена лишь из соображений вашего психологического комфорта и, кстати сказать, отдать блок памяти вам я предложил сам. Сам! Из-за нас Антон отказался от сотрудничества с джийанами, Ли-Энн доверила мне часть воспитания дочерей, планету-базу мы с реалами искали вместе, как одна команда. Антон стер блок памяти, потому что в последний момент решил отказаться от мести. Не захотел, чтобы тем же путем злобы пошел его сын. Ведь месть не приносит удовлетворения, Дэн. Эта дорога ведет только к новым потерям. Вот и Антон у 404-ой потерял всю команду. Твой отец хотел, чтобы вы искали и нашли во Вселенной жизнь, а не смерть. И, пожалуй, я согласен с ним. К моменту катастрофы у 404-ой виртуальность представляла собой клубок противоречий. Многие из нас запутались и не видели, куда идут. Обнуление блока памяти подарило нам шанс прожить жизнь заново, с чистого листа. Без груза ошибок прошлого. А теперь, наконец, я скажу, к чему затеял этот разговор, Дэн. Я думал, что время ему придет, когда вы доберетесь до Земли, но момент пришел раньше. Незадолго до нашей беседы, когда ты узнал, что я старейший виртуал на корабле, объявился наш старый союзник из джийан. Его первое сообщение было отправлено с маленьким роботом-разведчиком у 677-ой. Союзник призывает нас вернуться к 404-ой и закончить начатое. Он со своей стороны готов оказать всю возможную поддержку. А сегодня я связывался с 404-ой, капитан. Шелтон жив и он сейчас там, готовит планету к нашему прибытию. Я не знал, что ему ответить, и позорно прервал разговор. Я не знаю, следует ли нам возвращаться к 404-ой. Я живу той же надеждой, что и прежде, но не хочу продолжения мести. Я не уверен, что нам нужна война с джийанами. Двадцать семь лет, прожитых виртуальностью с чистого листа, были для нас самым лучшим, не замутненным никакими сомнениями, злобой и тоскою временем. Да, я не хочу возвращаться во времена Антона, Шелтона и их мести. Ищите во Вселенной новый дом, Дэн. Дом, а не планету-базу.

Дэн, ухитрившийся выслушать тираду со спокойно-равнодушным выражением лица, встрепенулся:

— Это и есть твое «да или нет», Джад? — виртуал с усмешкой кивнул.

— Ты повторишь виртуалам все, что сказал сейчас мне?

— Они уже знают, я открыл поле нашего разговора всей виртуальности.

— О!

— Да, капитан. Это мера предосторожности. Если ты и после такой откровенности не вернешь виртуалам власть над их памятью, все здесь признают, что ты попросту слаб, упрямя... и глуп.

Дэн встал напротив Джада, все также со скрещенными на груди руками. Лицо Джада искривилось, тени иных виртуальных лиц вновь пробежали по нему.

— Я ценю искренность, а в сказанном тобой я полной искренности не увидел. Ты не все

сказал о целях экспедиции «Красавицы». Космографическая экспедиция и без примеси политики — так не бывает, Джад! Ты пропустил Шелтона, когда перечислял команду «Красавицы». Кем он был? Также ты не все рассказал о том, что вы обнаружили на Земле. Почему после разморозки Антон не вернул вам власть над блоком памяти? Почему виртуальность перед 404-ой была клубком противоречий? Вы больше пострадали от джийан и должны были гореть мстью все как один. И ты определенно солгал мне, что со стороны «Красавицы» не было блокировки сведений о датчиках джийан. Блокировка была, я помню! Ты что-то до сих пор не договариваешь мне, Джад. Ты опять не говоришь больше, чем говоришь.

— Знаешь, почему?! — Джад тоже вскочил. — Потому что боюсь тебя! Потому что единственной ошибкой Антона было то, что он доверил ключ от виртуальности глупцу и упрямцу — тебе! Вижу, тебе нравится представлять виртуалов своими рабами. Но твой шантаж не пройдет, Дэн. Теперь, когда все знают, не пройдет!

— Я не льщу себе надеждой, что правлю виртуальностью, я лишь пытаюсь контролировать тебя! Да, у меня есть сила — ключ от памяти твоих подопечных, а твоя сила — информация! Я должен знать все то же, что ты, тогда и только тогда конфликт будет исчерпан!

Джад опустил обратно на скамью, устало уронив руки.

— Нет, ты не захотел дать виртуальности надежду, — после долгого молчания сказал он. — Тогда мы пойдем к тем, кто уже протягивает нам руку помощи. Вот и ответ на мое ни да, ни нет, Дэн! Мы полетим к 404-ой: там тот, кто готов дать нам надежду прямо сейчас.

Грохот капель о мрамор стал невыносимым, потом резко стих. Слепящий зеленоватый свет ударил в глаза, в нем постепенно растворились и исчезли очертания виртуальности, последним пропало лицо Джада со злыми прищуренными глазами и упрямо сжатыми губами. Проявлялись контуры новой реальности: зеленоватые стены спасательного модуля, медицинские приборы, показывающие всевозможные параметры здоровья спасенных. А перед Дэном вместо Джада была Капа, в глазах жены тревога, но радость улыбкой на губах.

— Дэн! Он пришел в себя... Дэн!

Он приподнялся, ощущая поддержку жены. В спасательном модуле собралась почти вся команда, не считая Ала и Тай.

— Дэн, как ты себя чувствуешь? — с тревогой спросила Капа, видимо, не вполне доверяющая оптимистическим показаниям медицинских приборов.

— Неплохо. А Кас с Элей?

— Лучше, чем ты, — заявила Эля, сидящая на соседней койке. — Мы, когда тебя нашли... прямо перепугались!

— Где Ал и Тая?

— Ал ведет модуль, а Тая осталась на «Красавице», — доложил Кас. — Про ураноса спросите, кэп?

— Потом. Пусть Ал включит автопилот и идет сюда. И Тая пусть выйдет на связь. У меня только что был интересный разговор с Джадом...

Почти слово в слово Дэн рассказал им содержание беседы. Умолчал только о новом конфликте по поводу возвращения виртуалам памяти.

— Джад спрашивает нас, да или нет. Вернуться к 404-ой или оставить все как есть, — закончил он. — Высказывайтесь, кто что думает.

— Джад многое не договорил, — скептически произнес Ал.

— Он ни слова не сказал про дитя Эрны, — Кас хмурился.

— Да. Ценное замечание, Кас! Но большего он пока говорить не хочет.

— Пока ты не вернешь ему власть над памятью виртуалов, — резюмировала Капа. — Что ж, мальчики, меряйтесь дальше, кто круче! Что до меня, я против войны с джийанами, но к 404-ой слетать следует. Там наш с Алом отец.

— Да, — взгляд Ала затуманился. — Я его совсем не помню. Было б интересно.

— Мы своих не бросаем! — прервала его Капа. — Но как это объяснить этому... союзнику из джийан? Похоже, он жаждет войны со своими.

— Значит, что там за оружие на 404-ой, мы так и не узнаем? — слабый тихий голос Эли. Дэн повернулся к ней:

— Ты поддерживаешь план мести наших родителей?

— Ты ведь тоже был на 670-ой. Значит, на Земле сейчас такие же руины, и виноваты в этом джийане, — начала рассуждение Эля, эмоционально помогая себе руками. — А мы вроде как молчим? Ага, выставляйте наш дом на посмешище Вселенной, мы себе новый найдем?! Да мы не заслуживаем тогда никакого дома!

— Эля, — Капа молитвенно сложила руки. — Пойми и нас. Антон потерял всю команду, поэтому принял такое решение. Нас шестеро против целой расы. Лучше быть живыми эмигрантами, чем мертвыми патриотами.

— Для многих это спорное утверждение, — некстати заметил Ал. — Идея-то с отщипением была верная. Если б не предательство! Но ведь сейчас среди нас предателей нет, так, Дэн? Давайте закончим, что начали родители!

— Я не хочу всю жизнь жить с таким позором на душе, — тихо сказал Кас. Капа всплеснула руками:

— Лучше бы мы ничего не узнали!

Дэн вздохнул и прикрыл глаза. Стыдно было признаться, но он тоже сейчас больше всего хотел вернуться к виртуальному фонтану, к началу разговора с Джадом. Команда или семья? Семью следовало защищать, команду пора было бросить в бой.

Тая

Все было хорошо.

До прибытия модуля оставалось полчаса, и Тая, напевая, спешила в док, встречать команду. Скоро, не сдержавшись, она даже начала пританцовывать на ходу. После такой беседы с Джадом... теперь уже точно: они не полетят на Землю. Таю ждет глубокий космос и приключения. Ах, приправленные соусом мести за родину и родителей, они кажутся такими благородными и ничуть не опасными. Ведь правда на их стороне, так? Значит, будет и победа.

Тая напевала и не видела ничего вокруг. И, когда прямо перед ней из бокового коридора с визгом вывалилась Дэра, она отшатнулась, закричав еще громче отшельницы:

— Дэра, ты что-о?!

— Чужое! — провыла Дэра, по паучьи шевелясь у ног Таи, не поднимая головы. — Здесь другое! Чужое!

— Здесь? На корабле?

Дэра заскулила, трясая головой.

Тая обескураженно огляделась. Чужое на корабле — сама мысль об этом казалась сумасшедшей. Как оно прошло пять уровней защиты, почему ни на одном не сработала сигнализация?

Она опустилась перед Дэрой на колени, осторожно отодвинула шторку светлых спутанных волос в сторону, чтобы открыть лицо отшельницы.

— Оно большое, это чужое, Дэра?

Дикарка бессмысленно взглянула в глаза Таи и залопотала что-то на языке сумасшедших. Тая вздохнула:

— Бран! Проверь все системы защиты «Красавицы». Код 2: на корабле, возможно, инопланетный организм.

Компьютер ответил не сразу, видимо, все еще был занят проверкой личных компьютеров экипажа.

— Начинаю проверку, — голос Брана звучал странно замедленно, глухо. Будто спит на ходу — пришло глупое сравнение.

— Побыстрее, Бран!

— Никаких инопланетных организмов на корабле нет. Все системы защиты функционируют правильно, — замогильным голосом доложил компьютер. — Обнаружены сбои в работе видеокамер в секторах 17, 18 и 19.

— Спасибо, Бран.

Тая предалась размышлениям. Инопланетян на корабле нет, только реалы и... Стоп! Может, кто-то в виртуальности воспользовался переходом в реальность и проник на корабль в голографической проекции?

Мысль заработала на полную катушку. Да, точно! Вон, и видеокамеры барахлят — виртуалы их сбивают, когда идут. Но что может быть нужно виртуалам в реальности? Они имеют доступ ко всему здесь и из своего мира. Ко всему... кроме открытого кусочка памяти Бома! Кроме фотографий и обрывков дневника, которые Дэну и Алу удалось выловить. Надо проследить за ними!

— Дэра, идем-ка в рубку, — приказала Тая. Отшельница подумала мгновение, потом радостно закивала.

«Хорошо бы узнать все до прихода спасательного модуля, — подумала Тая. — Дэн будет мною доволен. А главное, Ал просто обязан будет мной восхититься!»

Розовым коридором в обход оранжереи она направилась в главную рубку. Дэра по-паучьи тащилась следом, потом отстала, потерялась. Тая осталась одна.

Шелтон

Наверное, за годы странствий в космосе, за десятилетия в заморозке, за столетия одиночества ему следовало отвыкнуть от родины, забыть ее, но...

Он все еще помнил Землю.

И эта планета, так не похожая на Землю, жестокая и наивно-честная в своем разделении на дневную и ночную половины, на родное и чуждое, поистине непревзойденная в разнообразии форм сосуществования живых организмов, родина телепатов, телекинетиков и крылатых людей, мир, где земные сказки — обыденная реальность, — эта удивительная планета вызывала в нем раздражение. Обескураживающая пестрота животного и растительного мира, болезненная для глаз землянина пестрота тел сенториан и совсем невыносимые и лишние — пестрота их лент, пестрота их мелодичной речи — все это было с одной стороны слишком, а с другой стороны бессмысленно. Да, Сента сейчас была лишь материал, разнообразный, но неструктурированный, бесцельный. Сенте еще только предстояло стать чем-то.

«И я сам положу начало изменениям», — подумал Шелтон. Эта мысль наполнила его силой и решимостью. Он все еще помнил Землю и помнил, во что ее превратили джийане. Что ж, Земли нет, значит, не будет и Джийи. Око за око. Смерть ваших детей за смерть моих! И поможет в осуществлении мести последнего землянина Сента. Старый план все еще можно было претворить в реальность.

В катастрофе у Сенты, тогда еще просто объекта 404, Шелтону посчастливилось уцелеть. Из спасательной капсулы он видел, как крейсер джийан забрал покалеченную «Красавицу» в гипер. Связь с кораблем оборвалась, но Шелтон верил, Антон еще не сказал своего последнего слова. И союзник из джийан снова объявится, тогда они и закончат... — а пока он философски решил улечься в криосон. Он поставил на обшивку картинку небольшого астероида, отключил маячки, запустил капсулу по длинному эллипсу вокруг солнца 404-ой и спокойно проспал сорок лет. Его разбудили позывные Джийи. Старый союзник искал землянина, и Шелтон откликнулся. Джийанин сообщил, что «Красавица» обнаружена в районе объекта 677, в команде корабля Дэра, шесть реалов и все та же виртуальность. Что ж, раз все в сборе, пора приниматься за работу.

Шелтон решил начать с темной стороны планеты. Но прибытие капсулы вызвало волну мутаций, ему тут же пришлось спасаться от армии стражей. Спустя время он отыскал базу земной экспедиции, оставшуюся от единственной высадки в компании Эммы и Леры. Там он провел ряд очень важных опытов, лучшим образом подтвердивших старую теорию. Вдохновившись этим, вволю поэкспериментировал с тканями и энергополями, выполняющими роль защитных барьеров, и скоро вычислил их оптимальную комбинацию. Теперь Шелтон был готов к встрече с местными жителями.

Капсулу он оставил на базе на темной стороне планеты, а сам в вездеходе отправился на светлую. К сожалению, и здесь первоначальной волны мутаций избежать не удалось, но

лагерь в пятистах километрах от Границы Шелтон уже установил по всем правилам, так, чтобы ни единой частички чуждого не утекло во внешний мир. А, установив, принялся ждать аборигенов. Местные телепаты рано или поздно сообразят, что с разумным чуждым, во что бы то ни стало решившим задержаться на их крайне негостеприимной планете, лучше всего установить некоторые соглашения.

Пока было время, он занялся изучением сенториан и их мира. В обычаях и законах местных жителей причудливым образом переплелись как категории, близкие землянам, так и вовсе чуждые им.

На единственной материке планеты, двумя языками протянувшимся по обе стороны планеты с северного полюса и до экватора, кипела жизнь. Такого разнообразия форм живой природы землянин не видел нигде. Связаны между собой сенторианские существа были куда крепче и заметнее, чем на Земле, разумная жизнь также была объединена на уровне планеты. Никаких государств, никаких недопониманий между темной и светлой стороной. Планетой правили среброликие — представители каст телепатов, телекинетиков и крылатых разведчиков. Прозвали так касты из-за особого компонента их преобразующего зелья. Он придавал коже в области лица, стоп и кистей серебристый оттенок, с годами проявляющийся все ярче.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Социум на уровне не самой сложной компьютерной игры, крайне примитивная экономика и техника, достаточно сказать, что дерево и металлы сенториане научились использовать совсем недавно, а до того в строительстве обходились примитивными закладками из грибков и кристаллов. Но дикарские черты в значительной мере компенсировались развитой биологией и биохимией, и знания об устройстве Вселенной у них были близки земным, не иначе благодаря предвидению всезнающих.

Сенториане жили семьями, где были отец, мать и до двух-трех двоен детей, пестуемых воспитателями. Роль нянек на себя брали родственники родителей либо подростки старшие дети из тех, кто так и не определился с полом. Да, это была еще одна любопытная особенность Сенты. Пол ребенка здесь не закреплялся генетически, а определялся условиями внешней среды: климатом, особенностями питания, физической активностью. Родители сами выбирали, какого пола будет каждый из их детей, соблюдая единственное законодательно закрепленное условие: двойни должны быть разнополыми. Будущих мальчиков выращивали в холодных комнатах, кормили преимущественно мясом и заставляли до изнеможения упражняться в силовых дисциплинах, женский же пол предпочитал тепло, фруктовую диету, а из физических упражнений — бег. Удивительно, но подобного комплекса жизненных условий было довольно, чтобы как тело, так и разум развились в мужском или женском направлении. Осечек у сенториан, в отличие от землян, не происходило. Правда, частенько бывало, что ребенок вырастал, так и не обретя признаков своего пола. Биологически это было, видимо, обусловлено тем, что для ухода за двойнями детей требовались еще одни руки, помимо материнских. Бесполые сенториане не обзаводились собственными семьями, а оставались в родительских, пестовать младших братьев и сестер. Всеми остальными правами бесполые пользовались наравне с определившимися. Правда, их крайне редко выбирали солнца высших и даже срединных каст. Но наибольшую оторопь у землян все же вызывала другая особенность сенториан. У большинства тварей, населяющих Сенту, была прозрачная кожа и слабопигментированные мышцы, и разумный вид не стал исключением. Сенториане рождались на свет прозрачными,

похожими на диковиные стеклянные статуэтки с туманными тенями органов внутри. Младенцы сразу же получали порцию особенного зелья, придающего коже цвет. Оно содержало красящие пигменты и проникало глубоко в клетки кожи. На светлой стороне планеты предпочтение отдавали коричнево-желтому, на темной — молочно-голубому. В дальнейшем на кожу наносились особенные мази, придающие иные оттенки. Из них составлялись узоры и целые картины. На светлой стороне Сенты такой боди-арт считался вполне достаточной формой одежды, на темной, более холодной, жители дополнительно кутались в меха и шкуры, но о декоративной и этической функции одежды задумывались едва ли.

Биология, безусловно, была любимой наукой сенториан, и здесь, благодаря особенному устройству родного мира, они достигли небывалых высот. Особенно сильна была микробиология Сенты. Зелья, которые сенториане пили на испытании выбора солнца, были чрезвычайно сложной системой множества искусственных культур микроорганизмов, и борьба или синэргизм их в организме дарили сенторианам необычайные способности, вершиной которых были телепатия и телекинез.

Сами сенториане, разумеется, считали все волшебство своего мира вполне естественным, и даже, совсем как земляне, страдали от некоей выдуманной ущербности, несовершенства своего вида. Все от мала до велика носили жуткое пыточное приспособление вроде корсета из высушенных жил животных — «ленты». Главная полоса шла вдоль позвоночника на спине, она фиксировалась на теле такими же, но поуже, в области плеч, груди, талии. Ленты позволяли сенторианам чуть выпрямиться и приподнять голову, но до земной стати все равно было далеко. Вот и новая знакомая Шелтона, Кейла, ужасно стеснялась своей спины, и узких плеч, вечно согнутых в уродливом выражении покорности. Шелтон знал, угодливая поза вызвана не раболепным преклонением перед инопланетянином, такова особенность анатомии сенториан: отсутствие в скелете ключиц плюс особый изгиб позвоночника. И все-таки признавал: не будь этой особенности, перед гордо выпрямленным аборигеном он вряд ли ораторствовал бы столь уверенно.

Он ждал среброликих, но прежде явилась распознавательница чуждого. Местный жертвенный агнец, разведчик-самоубийца, натасканный на распознавание чужеродного ДНК. Она быстро вышла на источник чуждого — лагерь землянина, пока товарищи из касты плутали в окрестностях. О, эта разноцветная леди была опасна! Но, кроме того, она была юна, наивна и горда.

Стены закрытого шатра потемнели, имитируя земную ночь: каждые двенадцать часов Шелтон давал отдых глазам и всему организму, изнуренному бесконечным местным днем. Сенторианка испуганно вжала голову в плечи. Ей, жительнице светлой стороны, тьма представлялась огромным плотным чудищем. Шелтон трижды хлопнул в ладоши, и по стенам шатра загорелись светильники, залив аппаратуру и собеседников мягким золотистым светом.

— У нас такое же освещение на Полсе, — сказала Кейла. — Это середина между тенью и светом, архипелаг — курорт.

— На Земле так выглядело утро или вечер, — задумчиво объяснил Шелтон.

— Расскажи о Земле, — попросила девушка, ненадолго осмелившись поднять на собеседника глаза. По меркам Сенты она считалась красивой, да и Шелтон неосознанно признавал за аборигенкой некоторую... прелесть. Большие миндалевидные глаза с длинными ресницами, пухлые, вполне земной формы губы, четко очерченные скулы —

редкость среди аборигенов, лица большинства более всего напоминали блины. Даже широкий и будто расплющенный от удара, как у всех здешних, нос, не портил ее. Правда, разглядеть эти достоинства из-за пятнистой кожи всех цветов радуги было непросто. Шелтон заметил их лишь к третьей беседе, а до того просто пребывал в эстетическом шоке от всех этих накожных узоров: будто оживший персидский ковер.

Первые беседы они посвятили Сенте. Шелтон проверял сведения, полученные от разведчиков. Справедливо: теперь пора перейти к Земле.

— Земля... О, там будет много неожиданных открытий для тебя, Кейла! Но сперва расскажи, какой тебе представляется Земля, просто исходя из моего внешнего вида и поведения.

Разукрашенная дикарка, абсолютно голая, если не считать узких алых лент, впрочем, прикрывающих отнюдь не те места, которые следовало бы прикрыть, опять коротко, робко глянула на него и смешно, совсем по-человечески потупилась.

— Земля... Это должно быть прекрасное место! Ведь там живут люди, высокие, разумные и прекрасные, как ты. Они создают сложные механизмы и отдают им всю сложную работу. С их помощью вы летаете, двигаете горы и читаете мысли. А изменять свое тело, чтобы оно само могло делать это, как делаем мы, вы не умеете. Что еще сказать? Если судить по твоему шатру, твоим аппаратам и помощникам, Земля — это мир преумножителей знания. Еще там есть какие-то виртуалы, я слышала это словечко от тебя, но не очень поняла, что оно значит. Это существа, подобные мельчайшим? И еще вы не делите мир на родное и чуждое, и если б я вдруг очутилась на Земле, мир бы вовсе не обратил на меня внимания. Хотя я не могу понять, как это так.

— Ты все верно представила, Кейла. По сравнению с Сентой, на Земле главенствовали преумножители знания. Впрочем, у нас были и очень талантливые творцы красоты в литературе, живописи, музыке. Я потом дам тебе послушать запись. А виртуалы это не микробы, это... — Шелтон нешуточно задумался. — У вас есть легенда, понятие о существах, лишенных или лишившихся тела? О духах?

Он замолчал, раздумывая, правильный ли аналог слова дух подобрал. В глазах сенторианки заблестело удивление:

— Лишившихся тела? Как это?

— Ладно, оставим пока виртуалов. Когда сюда придет «Красавица», я просто познакомлю тебя с жителями виртуальности лично. Поговорим про родное и чуждое, я ждал этого вопроса. Ибо Сента представляется мне столь же удивительной, как тебе Земля. У всех высокоорганизованных существ, населяющих Землю, есть особая система органов, тканей и клеток. Она называется иммунной, а ее назначение — оберегать организм от чуждого. Из-за нее мы не можем объединяться с мельчайшими, как делаете вы, когда пьете зелья. Она просто убьет всех мельчайших, а если не убьет их — уничтожит организм. Для вас процесс взаимодействия вашего тела и мельчайших — преобразование, а для нас болезнь. Мы зовем это: инфекция.

— То есть, для вас на Земле нет родного? Совсем?

Шелтон призадумался, скорее, для вида, почувствовав какое-то сакральное волнение собеседницы.

— Да, у нас нет родного в том виде, в каком понимаете это вы. И чуждого нет. Вместе с иммунной системой мы получили инфекционные болезни, впрочем, и вы платите за свое преобразование. Так, мельчайшие из зелья среброликих, бесконтрольно размножаясь в

организме, постепенно уничтожают органы чувств, а из зелья всемогущих — разрушают спинной мозг, приводя к полному параличу.

Сенторианка опустила лысую голову еще ниже:

— Но ведь сейчас Земли нет. Ты говорил, она погибла. Как она стала ничто?

Он прикрыл глаза... И сейчас же перед внутренним взором отчетливо явились лица команды реалов, ступивших на Землю спустя двести сорок шесть лет с начала экспедиции. Лера и Ли-Энн плачут, Эмма прижимается к нему, он не видит лица жены, но чувствует боязливую дрожь ее тела под голографическим платьем. Антон кажется спокойным, но губы, сжатые в узкую полоску, словно вытесаны из камня. И Дерек также — с этого дня он забудет об улыбке. А Шелтон надевает маску для связи с виртуалами и...

Выжженные поля и темное от ненависти, будто также прошедшее сквозь волну огня, лицо Джада...

— Земля не стала ничто, Кейла. Но по ней прошли волной огня джийане. Иная раса, раса врагов. Это была война механизмов, и наши машины оказались слабы против их.

— Ты говорил, они могут прийти на Сенту.

— Не бойся. Сента их встретит лучше, чем Земля. У вас нет сложных механизмов, но есть отличное биологическое оружие. Джийан растворит море ничто, как все чуждое.

— О! — Кейла вдруг вскочила, в волнении зашагала по шатру. — Ты говоришь, что они точно придут?! Надо срочно сообщить это среброликим!

— Успеем, — он тоже встал, подошел к ней, осторожно взял за слабые запястья. — Я подготовлю Сенту к их приходу. Помогу вам.

Кейла дернулась, вскинула голову, и он опешил, не найдя во взгляде сенторианки знакомой робости. Была другая стена. Недоверие. Девушка тяжело дышала, в ее позе чувствовалось напряжение.

— О тебе я тоже скажу среброликим! Как бы ты ни был осторожен, ты чуждое. И... и... ты говоришь, сюда прилетят еще земляне, кроме тебя? И эти... виртуалы? Нет, нельзя! Мир сейчас и без вас балансирует на грани!

— Кейла, — он вновь ухватил ее за запястья, и теперь она не подалась назад, а прижалась, жадно вдыхая его запах. Белесый туман заволакивал глаза распознавательницы. Она видела чуждое, которое должно быть уничтожено...

— Кейла, перестань! — прикрикнул Шелтон. — Мы уже говорили. Я не опасен! Я помогу вам.

Сенторианка покачивалась, еще не до конца придя в себя.

— Как? — она засмеялась. — Ты прекрасен, ты велик, ты мудр. У меня голова кружится от одного взгляда на тебя, но ты погубишь Сенту. Мне жаль твою Землю, но, думаю, вы виноваты сами. Вы не называли свой мир родным, потому и потеряли его!

Шелтон поднял ладонь, призывая собеседницу к молчанию. Ладонь дрожала, он с трудом сдерживался, чтобы не ударить горбатую пигалицу. Подобные обвинения выводили его из себя.

Кейла замолчала, слегка испуганно. Шелтон уселся на складной стул и скоро и эмоциями и мыслями сумел отрешиться от сенторианки. Он вспоминал недавний разговор с Джадом, размышлял, что стало причиной резкого молчания виртуала, и гадал, прилетит ли сюда «Красавица». Без земного корабля, без его сумасшедшей хранительницы его план на

Сенте обречен на неудачу...

— Вы совсем ничего не рисуете на коже? — робко нарушила молчание Кейла. Видимо, этот вопрос терзал сенторианку давно. Шелтон улыбнулся:

— Если дать маленькому землянину краски и время, он нарисует на себе всё, что угодно. Моя дочь Капа однажды так разукрасилась, что Дэн не узнал ее и испугался, заплакал. Есть ещё татуировки. Это такие тонкие рисунки черной тушью...

Но, разглядев, что рассматривает сенторианка на боку робота, Шелтон вскочил с гневным окриком. Кейла случайно включила встроенный в разведчика монитор, и тот воспроизводил последнюю запись, что Шелтон просматривал перед визитом распознавательницы. Запись сверхважных экспериментов на первой базе!

Шелтон резко отстранил Кейлу и выключил монитор, прежде чем сенторианка успела понять суть экспериментов. Девушка вскочила, выпрямилась, насколько могла при горбатой спине.

— Что ты? Я что-то сделала неправильно?

— Да. Касаться моих помощников могу только я.

— Но почему, ведь от них нельзя заразиться чуждым? Ладно. Извини, я больше не буду.

— Ничего, — он долго, тяжело выдохнул, успокаиваясь. — Я сам виноват. Не предупредил.

— Твой помощник показал мне движущиеся картины. Там были ты и какой-то сенторианин. Ты уже говорил здесь с кем-то?

— Да. На темной стороне, — осторожно сообщил Шелтон.

— Этот сенторианин в серых лентах, никто. Ни одно солнце не выбрало его, перед ним нет дороги. Зачем ты говорил с ним, что полезного он может сказать о Сенте? — в тоне сенторианки послышались презрительные нотки.

— Серых на Сенте большинство, насколько я понял. Я захотел узнать мнение большинства.

— Они не достойны пути солнца, — отчеканила распознавательница. — Ни на что не годны, без касты, без предназначения.

— Хм, так ли уж они недостойны чего бы то ни было? Быть может, вы ошибаетесь: это не лишённые касты, а отдельная каста с пока неизвестным вам предназначением?

Шелтон давно размышлял, как убедить сенториан следовать за собой. Он не сомневался, что ему удастся увлечь преумножителей знания, но ученые на Сенте даже не входят в совет планеты! Требовалась поддержка помощнее, и после слов Кейлы о серых, он вдруг понял, кто ею может стать. Но прежде нужно было кое-что уточнить. Довольный тем, что сенторианка не догадалась о сути его опытов, он почувствовал прилив энергии и желание проповедовать.

Шелтон уселся на пол, скрестив ноги, жестом пригласил сенторианку последовать его примеру:

— Милая разноцветная леди! Давайте поговорим еще. Сенториане так поразительно несведующи в некоторых вещах! Вы полагаете, что жизнь заканчивается со смертью?

Кейла недовольно нахмурилась:

— Да. Мы едины с Сентой, мы малые ее частицы. От роду нам написано стоять на защите нашего мира от чуждого. Мы смиренно исполняем назначенные нам природой роли. Смерть приходит ко всем нам, тогда мы исчезаем, но мир благодаря нашей работе будет жить. Разумеется, однажды конец придет и Сенте. Но это лишь часть дыхания Вселенной.

— А награда за хорошее исполнение роли?

Сенторианка премило нахмурилась.

— Нет награды. Ясно. Действительно, ощущение, что я говорю с... иммунной системой. Если уместна такая аналогия, — Шелтон задумался. Удивительный мир легко открыл еще одну особенность. Оказывается, у сенториан не существовало понятия души!

Это открывало новые, неожиданные горизонты... Шелтон вовремя спохватился, вспомнив о местных телепатах, может быть, в этот самый миг читающих его мысли. Запутывая их, он вызвал в памяти печально-тревожную картинку подлета «Красавицы» к Земле. Зброшенные или разрушенные станции на Европе, Марсе, Луне и Титане. Громоздкие крейсера джийан, патрулирующие границы Солнечной системы...

Помогло. Сердце вновь сжала в тисках ненависть, жажда мести горячими волнами крови запульсировали в голове.

— Что с тобой? — тихо спросила Кейла, коснувшись его руки. — Опять Земля?

Шелтон улыбнулся:

— На Земле думали не так, как думаете вы. Мы верили в душу. В то, что человек, и лишившись тела, не погибает. Душа, хранящая память и опыт тела, уходит странствовать по Вселенной. Она невидима и легка, но ее иногда можно почувствовать по тому, как трепещет пламя свечи. Душа может находить себе иные тела, в разных мирах проживать жизнь за жизнью. Она... — он хотел сказать: свободна, но побоялся, что для сенториан свобода вполне может быть ругательством, и закончил так: — ...она как дитя — не определившаяся, не выбравшая свое солнце. Но зато она не прикована к одному дому, одному миру.

— Как дитя? А кто ее пестует?

— Вселенная.

Глаза сенторианки заблестели интересом.

— Мы умеем сохранять память и опыт тела. Ножи из сенти-кристалла вытягивают их из тела вместе с жизнью, и сохраняют навеки. В зале памяти дворца Наао хранят тысячи таких кристаллов. Но так делают только для великих из нашего народа, для тех, чья память и опыт ценны. И для распознавателей.

— Значит, тебе бессмертие гарантировано.

Сенторианка улыбнулась. Впервые Шелтон видел на ее широкоскулом, плосконосом лице этот знак доверия и признательности. Что ж, теперь, когда он узнал слабое место системы сенторианского общества, пора перейти к следующей части плана...

— Отлично, — он поднялся. — Думаю, ты права. Мне пришло время познакомиться со старшими из народа Сенты. Веди среброликих.

На лице Кейлы отразилось огорчение вперемешку с разочарованием.

— Так скоро!

— Ты же только что порывалась вернуться в Наао и сдать меня стражам. В чем дело?

Кейла низко склонила голову, показав разукрашенное золотыми перьями гладкое темя.

— Я не знаю, что они решат. Вдруг они решат тебя убить? — глухо призналась она.

— Жаль меня? Брось, последним землянам меньше всего нужна чья-то жалость. Если нам суждено исчезнуть, пусть запомнят величие наших душ.

Расчет оправдался, сенторианка вздрогнула при неожиданном упоминании нового слова «душа». Кажется, он мог осязать ее любопытство, это была целая сеть тонких нитей. Если такой же будет реакция и других сенториан...

— Жаль, что я так мало узнала о землянах, — оборвала нить его мысли девушка, и

Шелтон засмеялся:

— Могу напоследок устроить тебе еще один урок. Помнишь, я обещал включить запись наших творцов красоты?

Он поманил девушку за собой из шатра, включил маленький компьютер в вездеходе. Кейла вышла следом, щурясь от яркого света, а Шелтон уже выбрал запись в музыкальной копилке. Начать он решил с классики. Сенторианка испуганно дернулась при первых звуках музыки, играемой невидимым оркестром, но скоро прислушалась как следует, и на ее пухлых губах вновь расцвела искренняя улыбка.

Моцарт дикарке понравился, Бетховен насторожил. Баха Шелтон включать не стал, осведомился, танцуют ли на Сенте парами, и, получив утвердительный ответ, выбрал запись рок-н-ролла и показал сенторианке несколько танцевальных движений.

— Я не услаждающая взгляд, — застенчиво сказала Кейла. — Я плохо танцую.

Все-таки он увлек ее за собой на ровную площадку перед вездеходом. Несмотря на отсутствие танцевального опыта, все движения девушка перенимала быстро, но танцевать с удовольствием у Шелтона не выходило. Слишком мала эта сенторианка: ее голова не достает ему и до груди. И спина, несмотря на тугие ленты, горбится вечным знаком вопроса, худые неловкие ручки согнуты, прижаты к телу и напоминают лапки дрессированной собачки. Смешное, с толикой отвращения, ощущение, что танцуешь с неразумным зверьком где-нибудь в цирке.

«Кто лучше всех танцует рок-н-ролл?» — хрипло спросил певец. Шелтон тихо подпел ему, и... разноцветные огоньки заметались по стенам круглого зала оранжереи, еще почти пустого и гулкого. Память вновь услужливо подбросила картинку прошлого. Первый год экспедиции, и ночь рок-н-ролла, устроенная Лерой, потому что: «Нам всем давно пора отдохнуть, ребятки!»

В реальности просигналил разведчик-робот. Закодированное сообщение: сюда движется большой отряд сенториан. Шелтон усмехнулся про себя, но сворачивать дискотеку не стал. Ожидая серебристых телепатов, он с наслаждением окунулся в океан воспоминаний. Опять мелькание цветных огоньков, и смешливая, заводная Лера юлит как рыбка, и дразнит, и манит, и не дается в руки. «Кто лучше всех танцует рок-н-ролл?» — припев подхватил нестройный, но восторженный хор землян «Красавицы»... А в реальности Кейла вскрикнула и остановилась. Шелтон запнулся о ее ногу, и они едва не повалились в траву.

Кейла, не двигаясь, смотрела на край поляны. Там еще одной статуей стоял страж. С боевым снаряжением, копьем, разукрашенный красным и черным — цветами своей касты. За ним виднелись еще силуэты: мощные фигуры стражей, гротескные, с головами, раздутыми как воздушные шары, фигуры преумножителей знания, бесформенные, слегка смешные с точки зрения землян фигуры серебристых — эти будто играют в привидений. Все совершенно без одежды, но от обилия красок так рябит в глазах, что несмотря на наготу невозможно понять, кто какого пола. Шелтон нервно хихикнул и отступил от Кейлы.

— Этот страж меня сопровождал к тебе, — потерянно сказала Кейла, и указала на ближайшую фигуру. — Я думала, он погиб. А он привел сюда серебристых!

Она смело вышла к своим и закричала:

— Я нашла чуждого! Но он не опасен! Он не хочет причинять нам вреда!

Четверо стражей, повинаясь негромкому приказу безликого телепата в серебристой простыне, подошли к Шелтону, окружили, угрожающе направив копья ему в спину и живот. Тот, усмехаясь, поднял руки вверх, ладонями к аборигенам.

— Я была рядом без защиты, и жива до сих пор! — надрывалась Кейла. — Я распознавательница, и я не чувствую в нем угрозы! Он не стремится уничтожить наш мир, наоборот, он поставил барьеры, чтобы никак не навредить нам!

— Откуда ты пришел? — спокойно спросило серебристое привидение.

— С Земли.

Распознаватели, — Шелтон узнал их по узким алым лентам, обвивающим тела, — окружили Кейлу, заставили понюхать какую-то дрянь из плетеного мешочка. Кейла прекратила кричать, ее глаза масляно заблестели... вдруг она, резко расслабившись, как тряпичная кукла повалилась на руки товарищам из касты. Распознаватели унесли ее за широкие спины стражей. Серебристый подошел к Шелтону.

— Пойдем, — не просьба, не приказ: констатация факта. Шелтон опустил на лицо прозрачную маску, прежде откинутую назад как капюшон, и покорно согласился:

— Пойдем.

Кейла

Обратная дорога в Наао потонула в тумане забвения. В этом тумане плавали огромные, раздутые от знаний головы преумножителей, опасно покачиваясь на кажущихся тонкими шейках. Все время пути они провели подле Кейлы. Мучили непонятными опытами и странными, будто вовсе не относящимися к теме контакта с чуждым вопросами. Старшие преумножители, уже полусумасшедшие, даже подрались из-за нее, используя в качестве оружия собственные блокноты с записями... Наконец, когда вдали показался Наао, ученые пришли к выводу, что Кейла не заражена чуждым. То, что она и сама знала с самого начала!

Их привезли напрямик на главную площадь Наао, где для землянина уже приготовили место казни. Алтарь для жертвоприношений накрыли кристаллическим куполом. Под куполом лежал кинжал и большая куча хвороста, приготовленная на корм огню.

«Его поместят под купол, какой-нибудь всемогущий силой мысли пошлет кинжал ему в грудь, потом тело сожгут», — сообщила Кейла и всхлипнула. Землянина было жалко. Некстати вспомнились простые моменты там, на Границе. Как Шелтон глядел в свои мониторы, как рассказывал о Земле — с такой горькой усмешкой в уголках губ, как сам слушал запись, которую включил для Кейлы, какое у него тогда было лицо. Он... такой живой! И совсем не чуждый! За что?!»

А что будет с Кейлой? Картинка будущего явилась яркой, четкой вспышкой, как видение всезнающих, и тут уж она, не сдерживаясь, зарыдала. Каста не простит проваленного задания, ведь Кейла не попыталась получить от Шелтона ни частицы чуждого! Её сошлют домой. Родители найдут жениха, пойдут двойни детей... Через пару восходов Кана Кейла и думать забудет про дело распознавателей.

Шелтона повели на помост. Землянин выглядел спокойным и, встретившись с ним взглядом, Кейла перестала причитать. Потом, дома, у неё будет на это время. Много, много бессмысленных тоскливых акатов...

— Он не опасен! — свой голос она услышала как бы со стороны. — Я, как распознавательница чуждого, ручаюсь!

Ее подхватили старшие из касты, потащили к шатрам. Кейла упиралась и снова, и снова выкрикивала две фразы, пусть от этого на неё с недоверием, отвращением посматривали все,

собирающиеся в преддверие необычной казни. Это была последняя попытка поменять ситуацию... и она не удалась. Кейлу закрыли в шатре, стража встала у входа. Она опустила на ковер, и опять почувствовала слезы, заструившись по щекам. Шелтон уже на помосте. Сейчас его заведут под защитный купол и убьют!

«Что ж, его душа уйдет странствовать по Вселенной. Таково бессмертие землян. Вот жаль, что уже не узнать, как обзавестись душой сенторианке! Она хотела бы сопровождать землянина в его путешествиях...»

Кейла ждала криков толпы, переживающей смертельный удар всемогущего, ждала треска разгорающегося по воле той же касты пламени. Но ничего не было. Вместо этого звонкий голос какой-то всезнающей разнесся над площадью:

— Я Деала, всезнающая светлого совета, и я хочу прежде послушать, что скажет чуждый.

Шелтон не заставил себя упрашивать. Монотонный голос землянина разнесся над площадью. Чуждый рассказывал своим палачам при Землю, про душу... То же, что говорил и Кейле на границе: потрясающие, захватывающие вещи. Скоро кто-то из толпы спросил, может ли сенторианин получить такую же душу. Кейла затаила дыхание. Затихла и вся площадь, начавшая поддаваться чарам странного рассказа.

— Душа у каждого из вас уже есть! — возгласил землянин и дальше перешел на касту серых. Он говорил, что они предназначены к жизни вне Сенты, поэтому их и не выбирает никакое солнце. Солнце выбирает только тех, кому предназначено заботиться о родном мире, но таковых меньшинство. А большинство ждут новые миры, лучшие миры...

Даже стражей, охранявших шатер распознавательницы, очаровали эти речи. Они и не услышали, как с легким шорохом полог позади пополз вверх. Кейла осторожно выбралась из шатра и прокралась к помосту. Ей не мешали, все были поглощены речью землянина. В толпе поднимался радостно-возбужденный гул, будто рой насекомых.

Кейла глубоко вздохнула, призывая спокойствие, и ступила на лестницу. Землянин стоял у кристаллического купола в окружении всезнающих, возвышаясь над серебристым морем их одеяний на голову, копьё стража утыкалось ему в грудь, но он едва ли замечал это, подаваясь к внимающей ему толпе. Шелтон говорил горячо, решительно, уверенно. Кейла почувствовала, как эта уверенность передается ей. И ощущения распознавательницы вернулись: хотелось прижаться к чуждому, и слушать, и верить во все, что он говорит, упиваться ритмом и странной мелодикой его речи...

Заметив ее, землянин улыбнулся и поманил к себе. И Кейла полетела. Вверх по лестнице, не чуя ног. К этому странному существу, незаметно ставшему ее судьбой, ее путем, ее солнцем. Куда он ведет ее, к добру или худу?

«Не знаю, ничего не знаю. Все, что могу: бежать. А к смерти или к бессмертию ведет эта дорога, ответ будет дан лишь в конце. А, может, он вовсе не будет дан. Я оттолкнусь от земли и распахну крылья, а падение то было или последний полет, решат уже после, другие, не я».

Толпа встретила их воссоединение на помосте рукоплесканием.

Наступили новые, странные времена. Новая историческая эпоха Сенты. Момент начала новой эры был увековечен на колоннаде дворца Наао в трех основных фигурах. Первая — Шелтон, ораторствующий на главной площади. Вторая — Деала, с символическим ключом от дверей во Вселенную в руках. Этот ключ она передавала безликой толпе серых. Третьей стала Кейла. Впервые в истории представитель касты распознавателей попал на колонну

славы при жизни, а не после смерти. Невиданная честь!

Кейла понемногу привыкала к свалившейся на голову народной славе. Сначала, конечно, терзало, что чудесное спасение Шелтона почему-то приписали ей: будто пока землянина вели на помост, распознательница прорвалась во дворец и убедила совет и Деалу, что чуждый не опасен. Действительности это мало соответствовало, и Кейла расстраивалась. Какой-то иной ее образ складывался в народных легендах. Идеализированно-правильный, как и ее лик на колонне. Вдруг при встрече с настоящей Кейлой ее поклонники разочаруются? Но Шелтон, с которым она поделилась своей печалью, ответил резко:

— И разочаруются, если будешь делать такое кислое лицо и заранее готовиться к худшему! Цени то, что с тобой происходит. Сейчас сказка идет впереди тебя и защищает своими чарами. Следуй за ней, и она подарит тебе еще много чудес. Зачем разрушать волшебство? Это глупо.

— Ты говоришь, как творец красоты.

Шелтон засмеялся:

— А я и есть... сказочник!

Действительно, для серых землянин был, пожалуй, сказочником. И они верили ему беспрекословно, а все касты с удивлением глядели на этих, прежде безликих, ни на что не годных, бессмысленных для Сенты. Какой яркой радостью горят теперь их глаза! Полно, эти ли сенториане получили на первом испытании пустой пузырек?

Кейла видела, как преобразилась ее мать. Лора, без преувеличений, обрела смысл жизни, чут не летала по дому, и уже собиралась на темную сторону — взглянуть в звездное небо, посмотреть на иные миры. И Кейла преисполнилась благодарности к Шелтону. Чуждый сумел разглядеть то, чего тысячи восходов Кана не замечала вся Сента: серые не изгой, они отдельная каста, предназначенная для жизни в иных мирах, для защиты интересов Сенты во всей Вселенной!

Освоение новых миров — это была не пустая мечта. По словам Шелтона, подтвержденным и выводами преумножителей знания, вторая планета от Эдо, Ламос, была вполне пригодна для жизни. Правда, там было холодновато, и атмосфера разрежена, но Шелтон уверял, что сенторианское море ничто решит эти проблемы. Оказывается, серебристую субстанцию можно было направить не только на уничтожение, разложение, но и на создание, формирование.

«Облучим частицу ничто по моему методу и отправим на Ламос. Там она создаст для вас мир по вашему вкусу».

Мечта? Утопия? — недовольные шепотки прекратились, когда среброликие обнародовали катастрофические данные по родному миру. Многие прежде плодородные земли были поглощены ничто, и моря расползались, отхватывая новые лакомые куски суши, население же неуклонно росло. Впереди маячил голод. Необходимо было отрегулировать численность населения Сенты: либо путем уменьшения рождаемости, либо путем отправки части сенториан на освоение иных миров. Кроме того, Шелтон обмолвился, что новую касту посредников можно создать с малой чувствительностью к чуждому: это будет барьер на пути ничто.

Поэтому Шелтона, в конце концов, поддержали абсолютно все касты. Сам же землянин кроме серых, сдружился только с преумножителями знания. С ними он до хрипоты обсуждал моря ничто и их практическое применение, втолковывал земные понятия о строении

Вселенной. Ученые, конечно, ждали, что космический гость откроет им секрет межпланетных путешествий, но Шелтон легкомысленно заявил, что Сенте это не требуется, а проблема доставки колонистов на Ламос будет решена в срок с привлечением большого земного корабля.

Знания распознавательницы, оставшиеся при Кейле, несмотря на утрату нюха, говорили об опасности такого шага. Но землянин опять проявил обаятельное легкомыслие:

— Не тревожьтесь, разноцветная леди! Если б мои опыты угрожали миру, разве Деала позволила бы проводить их? А она позволила!

Скоро Шелтон с серыми и преумножителями перешли к слов к действиям, и Кейла забыла тревогу. Землянин отвел ей особую роль в череде опытов, ведь это были не обычные научные опыты. Это были настоящие представления, мистерии, а Кейле доверили право возглавлять их.

Каста распознавателей чуждого вновь главенствовала на площади Наао. На алтаре под звуки гимнов воскуривалось то одно, то другое зелье. Серая толпа перед помостом безумствовала: то билась в экстазе, то разражалась плачем или криками ярости. Комбинацию зелий придумали специально для серых, получивших статус отдельной касты, и она должна была преобразить их в соответствие с новой ролью — посредников между Сентой и другими мирами. Щепотка предвидения всезнающих, зоркость всевидящих, тонкий ум преумножителей знания, вдохновение и умение убеждать творцов красоты... Чтобы охватить огромную массу народа, решено было воскуривать зелья, а не давать их пить.

Кейла руководила созданием новой касты. Она пела гимны, раскачивалась в такт их ритму, и безумствовала вместе со всеми, ощущая новый аромат, распространяющийся в воздухе Наао. Он плыл над куполами дворца, оведал колонны и стремился дальше, в другие города и селения по всей Сенте. Это был свежий и немного резкий аромат нового времени. От него сначала щипало язык, а потом распространялось онемение и бесчувствие. Но каким приятным было ощущение, что ты — тот самый центр новой маленькой Вселенной! Толпа внимала и повиновалась каждому слову и жесту Кейлы.

Потом пришло время жертвоприношений. Трое из новой касты должны были отдать свою кровь для зелья, закрепляющего специфичность свойств касты. Кейла полагала, это ритуал проведут среброликие и стража, но кинжал-убийцу из сенти-кристалла Деала вручила ей.

Площадь Наао плавала в разноцветном тумане воскуренных зелий. Толпа пела гимн за гимном — рокот моря, то набегающего на берег, то отступающего от него. И Кейле казалось, она тоже плывет куда-то, влекомая течением, что древнее моря, древнее мира, тем самым, что водоворотами закручивает галактики и вздымает пену звезд на гребнях волн. Она не чувствовала своего тела, она было одно с толпой и тем неведомым течением. Уверенно Кейла брала кинжалы из сенти-кристалла и вонзала их в сердца приносимых в жертву. И, глядя, как от их крови лезвие наливается тяжелым тускло-блестящим золотом, только жалела, что ее очередь обрести бессмертие еще не пришла. Впрочем, к чему жалеть о бессмертии, заключенном в одном мире, в крохотном зале памяти? Душе открыто множество путей, и Вселенная заботится о ней. Когда придет время Кейлы, ее душа уйдет туда, в черное многоглазое небо темной стороны, в другие миры, где солнце может гулять по небу, как ему вздумается, где может быть даже два... или три солнца, где живое не делится на родное и чуждое, потому что так правильно. Потому что для Вселенной все родное и вовсе не существует чуждого...

Так Кейла плыла... Только когда ритуал закончился и смолк последний гимн, она случайно глянула на красную дорожку, оставленную одной из жертв — и тут же затряслись руки и ноги, и холодный склизкий клубок заворочался внизу живота. Неопытной убийце, Кейле пришлось колоть ту жертву дважды, и струя крови из перерезанной артерии хлестнула ей в лицо и оставила алый росчерк на алтаре. С помоста ей, резко ослабевшей, помогли спуститься стражи.

В шатре распознавателей Кейла рухнула на скамью и долго лежала, царапая грудь, не пуская наружу плач... нет, вой. Страх, боль, последние сожаления о жизни убитых теперь навеки с их убийцей... Ее привел в себя резкий громкий долгий звук, разнесшийся над площадью. Прежде Кейла слышала его лишь однажды, когда Наао посетило посольство темной стороны Сенты. Так трубили их кристаллические витые рога.

Кейла выглянула из шатра. Да, посольство темной стороны ступило на площадь. Десятеро сенториан с молочно-голубой кожей и тонкими светлыми волосами на головах. Они были меньше светлых и полнее, но цвета лент, указывающие на принадлежность к кастам, были теми же, что и на светлой стороне. Голые тела разрисованы геометрическими узорами: на светлой, жаркой стороне планеты даже темные разоблачались и путешествовали без меховых накидок. С темной стороны прибыло по представителю от каждой касты среброликих: всезнающий, всевидящий, всемогущий, еще двое преумножителей знания, четверо стражей и коллега Кейлы — распознаватель чуждого. Посольство прошествовало через площадь к дворцу и скрылось за колоннадой.

«Почему меня не предупредили?» — Кейла почувствовала обиду. Она вышла из шатра и уверенно направилась во дворец. Но толпа на площади, увлеченная зрелищем посольства, и думать забыла о прежней фаворитке. Кейла получила несколько чувствительных тычков под ребра и пару ругательств вдогонку, пока добралась до ступеней, ведущих к колоннам.

Деала встретила послов в главном зале дворца. Она вышла в центр, а совет — сребролицые фигуры в серебристых одеяниях, расположился у стен вместе со стражей. Шелтон стоял по правую руку от Деалы, а вошедшей Кейле всезнающая указала место рядом с собой. Кейла с робостью подчинилась. Деалу она не знала близко, и образ всезнающий в ее представлении мало отличался от ее же каменного лика на колонне... Кейла побаивалась его.

Разговор начал темный всезнающий — старик со слабым надтреснутым голосом:

— Я чувствую недовольство твоих ближайших сторонников, Деала. Они недовольны тем, что некто извне Наао посмел вторгнуться в их новый мирок. Зачем вы пришли? — обиженно спрашивают они наше посольство. — Не мешайте нам! Мы боимся, что вы зададите вопросы, на которые у нас нет ответов. От сотен зелий, заполнивших здешний воздух, наши головы стали пусты и гулки. Все верные ответы потерялись в разноцветном тумане дурмана.

— Осан, — в знак приветствия Деала наклонила голову, зашелестев серебристой вуалью. — Я рада тебя видеть.

— Темная сторона поддержала создание новой касты посредников между мирами. Но нас удивляет то, как вы подошли к созданию, — сообщила более прагматично настроенная темная всемогущая. Несмотря на сравнительную молодость, она уже сидела в кресле-каталке, безвольные ноги были накрыты серебристым покрывалом. — Мы отобрали для новой касты только молодых, тех, кто легче перенесет преобразование, и зелья им даем принимать внутрь, а вы окуриваете зельями всех серых без разбору! Не все они переносят

преображение благополучно, экстаз, который мы сейчас наблюдали на площади, выходит за рамки необходимого. Преображение расшатывает их рассудок. А выброс такого количества сильных зелий в воздух нарушает общий фон постоянства родного Сенты.

— Возможно, мы чуть торопимся, — вежливо признала Деала. — Но времени у нас немного. Землянин сообщил, что Сента отмечена на картах могущественной и недоброй расы. И они очень скоро могут прийти сюда с визитом.

Темная всемогущая поджала губы:

— Я надеюсь, вы откажетесь от поспешности и переймете наш опыт. И почему я не слышу мнения моих коллег всемогущих, светлых всезнающих? Или одна Деала решила говорить за весь совет светлой стороны?

— Я бы посоветовала темной стороне не медлить и перенимать наш опыт, — спокойно лился голос светлой сребролицей. — Что до моих коллег в совете, я не затыкала им ртов.

— Собранию преумножителей темной стороны непонятно, почему сложные эксперименты с использованием зелий главных каст проводятся без согласования с ним, — встрепнулся темный преумножитель знания. — Общий фон постоянства родного изменился, об этом говорят собираемые нами данные. Пока изменение невелико, но, признайте, ваши опыты вышли за пределы локальных, и поэтому требуют согласования с советами всей планеты.

Деала опять вежливо наклонила голову:

— И каково будет решение собрания преумножителей темной стороны?

Красная краска залила бледное лицо большеголового темного:

— Мы требуем данные землянина. Чтобы поле экспериментов можно было расширить до всей планеты.

Кейла видела, при этих словах победная улыбка скользнула по лицу Шелтона. Он восхищенно взглянул на Деалу и сжал руку в кулак, оставив один палец поднятым. Кейла уже знала, что это: земной жест одобрения.

— Остановитесь! — выкрикнула темная всемогущая, с ужасом переводя взгляд с предателя-преумножителя на Деалу. — Вы же видите, куда идете! Ваши эксперименты могут вызвать волну ничто! Или вы больше не служите Сенте?!

Шелтон тактично кашлянул.

— Вселенная создает разумную жизнь не для того, чтобы она прозябала на планетах. Сента — дом для мельчайших, для растений, животных и птиц, они поддерживают постоянство родного. А ваш дом больше Сенты. Также и для моей расы. Мы — это мысль космоса, и наша судьба и цель — скользить от звезды к звезде и зажигать огоньки разума на всех встреченных планетах. В конце концов, наш совокупный свет должен рассеять вселенскую тьму.

— Я слышала, огонек на вашей родной планете погас, — заметила темная всемогущая.

— Земля не потеряна для нас навсегда. Джийане вообразили, что и мой мир, и ваш будто бы принадлежат им. Но в наших силах прогнать захватчиков. Я знаю это. И ваши всезнающие должны это видеть! В противном случае, почему вы не убили меня до сих пор? — землянин белозубо улыбнулся.

— Мы видим больше вашей ненависти и дальше вашей мести, — загадочно заметил старик-всезнающий.

— Ваш следующий шаг? — прищурилась темная всемогущая. Она смотрела на Шелтона, и вздрогнула, когда вместо него ответила Деала:

— На время следующего этапа опытов мы прекращаем участие в поддержании общего фона постоянства родного. Чтобы не перенасыщать атмосферу Сенты.

Всемогущая потрясенно ахнула, всплеснула еще подвижными руками — живой, негодующий жест:

— Так откажитесь от экспериментов, Деала! Почему должен страдать безобидный общий фон? — она повернулась в кресле к темному всезнающему. — Осан, увя, я перестаю понимать моих светлых сородичей.

— Те, кто заражены чуждым, часто не хотят признавать, что заражены, — снова противный скрипучий голос Осана. — Мы много раз видели такое у себя на темной стороне. Случалось, заражались и захлебывались в море ничто селения и целые города. Это всегда трагедия, когда исчезает один из куполов, создающих общее постоянство родного. Трагедия... и опасность для оставшихся.

— Вы хотите сказать, мы тут в Наао все заражены, и не понимаем этого? — не сдержалась Кейла. Туманные речи провидцев с недавнего времени раздражали ее больше обычного. — Хотите сказать, что мы опасны?!

Вуаль темного среброликого одобрительно шевельнулась:

— Молодец, девочка. Продолжай. Озвучь свои страхи. Дай им имена. Только так сможешь начать с ними борьбу.

— Положение серьезней, чем вы представляете, — мягко заметил молодой темный коллега Кейлы, распознаватель чуждого. — Бесконтрольное распыление сложных зелий создает хаос в общем поле постоянства родного. Даже маленький хаос способен пошатнуть всю систему. Его очаги — слабые места системы, за них любит цепляться чуждое...

— Если Наао заражен, с ним следует поступить, как со всем зараженным — сжечь, — громко заявил один из темных стражей. — Что мы обсуждаем, когда в опасности жизнь Сенты? Медлить нельзя! Осан, Кана, вы подтверждаете, что город заражен чуждым?

Темный среброликий безмолствовал. Кана, всемогущая, склонила голову, пальцами бессмысленно перебирая складки серебристого покрывала на коленях.

— Мы проверим это. Будьте готовы разжечь большой костер, — наконец сказала она, и Кейла задохнулась от ужаса и негодования:

— Наао не заражен! Как вы смеете решать за нас?!

Шелтон примирительно поднял ладонь:

— Старейшие, успокойтесь. Чье превидение сильнее, Деалы или Осана? Определитесь с этим, потом решайте, кого из них слушать.

Повисло недоброе молчание. Совет светлой стороны изваяниями застыл у стен зала, стражи также стояли истуканами, но по их лицам было видно, что они готовы горячо поддержать темных коллег. Только всезнающие, Деала и Осан, кажется, улыбались друг другу под вуалями и даже тайно посмеивались происходящему про себя.

— Мы останемся во дворце Наао до грядущего восхода Кана и проверим наши догадки, — сообщила темная всемогущая. Деала поклонилась, все также безмятежно улыбаясь Осану.

— Осан, почему ты не прибыл раньше? — зазвенел ее хрустальный голос. — Я ощущаю твое противодействие мне... Почему же ты не прибыл до того, как процесс можно было остановить?

Всезнающий столь же безмятежно улыбнулся светлой коллеге:

— Я ждал, когда откроется одна любопытная возможность.

— И как? Она открылась?

— Недавно. И, подобно тому, как узел твоих надежд завязался на Шелтоне и Кейле, так мой — на их зеркальных отражениях, — посмеиваясь, Осан отступил. — Пусть солнце Эдо вечно освещает твой путь, Деала.

— Прямого пути тебе, Осан, — неожиданно тихо, тускло отозвалась всезнающая, но тут же ее глаза весело сверкнули под вуалью. — А сейчас время угощения!

Советы расположились по двум сторонам длинного стола в трапезном зале. Было подано жареное мясо и закуска из соленых фруктов, но и хозяева, и гости ели мало и неохотно. Впервые между светлой и темной стороной не было полного понимания и приятия действий друг друга. Кейла сидела по правую руку от Деалы, еды не касалась, только то и дело нервно потягивала воду из узкого высокого бокала. Следовало поговорить со всезнающей, но она не знала, как начать. И надо ли начинать? Всезнающая слышит ее мысленный призыв и ответит на него, если их разговор важен для Сенты... Шелтон отошел к стене, участия в общей трапезе землянин не принимал. Вне своего шатра, перевезенного Наао и установленного за дворцом, он не снимал маски и перчаток.

Слова темных внесли сумятицу в мысли Кейлы. Она по-прежнему верила Шелтону. Не имела права не верить, ведь сама первой встала на его сторону. Что же, сейчас отступить? Они с Шелтоном стали живыми легедами, им теперь нельзя уйти в тень, стать бесцветными. Нет, она будет верить землянину до конца. А если он действительно обманывает Наао, предательство столь великого доверия станет столь же великим... Легендарным! По-настоящему же Кейлу задела последние слова Осана о загадочных отражениях Кейлы и Шелтона. Похоже, в противовес землянину и распознавательнице темная сторона готовит какую-то столь же сильную пару. Но тогда получается, все четверо — лишь фигурки в игре всезнающих. Как обидно!

До конца трапезы Кейла так и не захотела поднять голову от своей тарелки. Она размышляла о словах Деалы, о предостережениях темных, но так и не смогла прийти ни к какому выводу. Когда трапеза закончилась, она вышла из дворца. Площадь была пуста, только несколько молодых стражей, презрев дисциплину, сгрудились в конце лестницы и тихо говорили о чем-то: быстрые, возмущенные фразы, почти не сдерживаемое негодование. Потом от группы стражей отделился один, очень высокий и плечистый. Энжет.

— Кейла! Спустись, нам нужно поговорить.

— Что? — Кейла спустилась к другу, но преднамеренно остановилась, не дойдя трех ступеней, чтобы возвышаться над ним.

Энжет был очень серьезен. Лицо — окаменевшее негодование, брови хмуро сведены. Кейла поежилась.

— Наш наставник стоял сегодня в охране совета. Он все нам рассказал. Что говорило посольство темных. Что отвечала Деала... и ты.

Кейла опять недовольно вздохнула. Громко, так, чтобы слышали стражи на площади.

— И вам, судя по тону, что-то не понравилось в наших ответах?

— Да у нас пелена с глаз спала! — Энжет надвинулся на нее, кровь прилила к взволнованному лицу, так что узоры на нем покрылись сетью тонких темных прожилок. — Деала хочет снять часть Наао в общем фоне! Она что, с ума сошла?! Забыла пророчество о конце мира? Даже если волны ничто уже бьются о ступени дворца, пламя под алтарем в высочайшем куполе должно гореть!

— Деала сказала, это временно. Только пока идут эксперименты Шелтона на Границе.

— Этот землянин! — у Энжета даже шея раздулась от злости. — Может, он умеет внушать мысли? Он будто зачаровал всех! Восхода Кана в нашем мире не провел, а его лик уже на колонне, рядом с твоим! Но я помню, что Ирвен говорил о нем вначале, до того, как Деала подмяла под себя совет. Будто бы чуждый убил много сенториан на темной стороне. Надо проверить его тамошнюю базу, как следует!

Кейла скептически усмехнулась:

— Туда отправляли отряды за аппаратурой. Ничего плохого не нашли. Да и не могли найти! Шелтон ко мне прикоснуться боялся, чтобы не заразить чуждым. Он среди нас ходит в маске и перчатках, не снимает их и не ест с нами. И не потому, что боится от нас заразиться чем-то, а за нас боится! Его родной мир погиб, и он надеется, что теперь наш мир станет ему родным! — она так увлеклась, что даже сама поверила в свои слова. И Энжет, кажется, немного успокоился.

— Базу я проверю. Сам, — хмуро, не желая выходить из образа обвинителя, заявил он. — Я рад за серых, которые стали отдельной кастой. Правда, рад, Кейла. А радостнее всего видеть тебя, распознавательницу, на площади, собирающей толпы народа и при этом живой. Но то, что проделывает Деала, меня возмущает. Она узурпировала власть! Я полагаю... Стражи полагают, она скрывает значительную часть о землянине от совета. А он и рад такой поддержке и зачаровывает Наао сладкими речами!

Кейла сжала губы. Загадочность Деалы выводила ее из себя точно также, как Энжета. Но она решила, что следует держать лицо:

— Разве может одна среброликая противостоять хоть трем таким же? Это маловероятно, Энжет. Но, что ж, если выяснится, что Деала и Шелтон обманывают нас, я первая восстану против них. Я не стану защищать предателей. Клянусь тебе.

— Так восстань сейчас! Расскажи всем с площади Наао, почему нельзя гасить пламя в куполе! Тебя послушают!

— Я... — Кейла растерялась, обмякла и, воспользовавшись этим, страж больно обхватил ее за плечо, прижал к колонне.

— Что, будешь и дальше закрывать глаза?! Да как ты можешь, когда под угрозой мир?!

Кейла растерянно молчала. Объявить о своих сомнениях народу? Энжет прав, влиятельнейшую после Шелтона и Деалы персону выслушают. И многие засомневаются в новых правителях и выбранном ими курсе. Сказка, что до сих идет впереди Кейлы, защищая зеркальным щитом и показывая всему народу ее идеализированный образ, разобьется в пыль. Что потом? На Деалу ополчится прозревший совет, землянина убьют. А Кейлу, как напоминание о странной краткой эпохе нового времени, изолируют. Опять в родительский дом, под стражу отца и матери! Нет, нет, как это говорил Шелтон? — Глупо самой уничтожать сказку, она может принести еще много чудес... — Кейла решительно перехватила руку Энжета и по одному отцепила пальцы опешившего стража от своего плеча.

— Я не стану ничего говорить народу. Мое дело сейчас — вести ритуалы. Если совет не считает нужным останавливать Деалу и Шелтона, значит, они видят дальше нас с тобой, Энжет. И я советую тебе заняться тем, что назначила твоя каста... — она поперхнулась от ужаса. Страж обхватил ее за плечи, сдавил так, что захрустели кости. Лицо Энжета опять стало мраморным от злости:

— Я делаю то, что назначило мне солнце касты! Защищаю родное и слежу за тем, чтобы оно не превратилось в ничто! А вот что делаешь ты? Пусть серые, наши новые посредники между мирами, рассуждают о связях с чуждым. А ты распознавательница и твой долг

определять опасность чуждого и степень зараженности им. Когда ты в последний раз проверяла, каков общий фон над Наао, как близок распад и волна ничто? Ты сошла с пути своей касты, Кейла! Ты не видишь ни родное, ни чуждое, видишь только себя в окружении воющей от восторга толпы. Ты... ты... ты хуже, чем никто!

Кейла похолодела. «Никто» было худшим оскорблением на Сенте. Юноша и сам понял, что сказал лишнее. Он резко побледнел, отпустил Кейлу и отступил на ступеньку ниже. Он мялся, не зная, что сказать.

— Пошел прочь! — со всем возможным презрением велела Кейла.

— Кейла...

— Вон. Уходи. Больше не подходи ко мне. Никогда.

Она могла уйти с гордо поднятой головой, но осталась и наблюдала, как страж невесело возвращается к своим. Губы кривились. Кейла надеялась, со стороны это выглядит, будто она презрительно усмехается, хотя на самом деле сдерживалась, чтобы не заплакать. Она знала Энжета с детства, родители прочили их друг другу в супруги, и ни он, ни она не были против. Больше, Кейла и помыслить не могла, что на месте ее супруга может оказаться кто-то другой. И даже сейчас, после такой ссоры она привычно полагала, что они непременно помирятся. По-другому не может быть! Как в тумане вспомнилась свадьба, безвкусный наркотический шарик энью за щекой... «А у шарика Энжета сквозь горечь сомнений тогда проступала сладость любви», — подумала Кейла. Странно, вкус той горечи она забыла, а вот ту сладость помнила.

«Он назвал меня никем, — напомнила она себе, и наступила реакция, ее затрясло от обиды и пережитого волнения. — Пусть убирается! И не возвращается, пока не свыкнется с величием будущей супруги!»

Оставшееся до восхода Кана время прошло в ритуалах и подготовке грандиозного празднества. Кейла никому не рассказала о последнем разговоре с Энжетом и с самим стражем новых встреч не искала. А час восхода красной планеты приближался, и жизнь в Наао замерла. Все готовились к празднику, подводили итоги ушедшего периода и гадали на грядущий. На Земле был подобный праздник, только отмечающий не выход на небо далекой планеты системы, как на Сенте, а очередной оборот вокруг родного светила. Назывался он Новый Год, — это рассказал Кейле Шелтон. Землянин с любопытством наблюдал, как жители Сенты готовятся к своему Новому Году.

— И празднуете его вы также, как мы? — спросила Кейла.

— Уже сейчас я вижу различия. У нас последние дни перед Новым Годом проходят в лихорадочной суете. То, чего я у вас совсем не наблюдаю. Надо приготовить угощение для гостей, надо купить подарки.

— По-дар-ки? — по слогам повторила она незнакомое слово. — Что это?

Шелтон пожал плечами:

— Аналога этому в вашем языке нет. Странно, потому что, не придумав подарков, вы лишили себя толики счастья. Это дары людей друг другу. Небольшие дары, немного стоящие и для дарителя, и для получателя. Дороги лишь веселье и радость, которые они приносят. Даже оставшись одни в космосе, мы праздновали Новый Год и радовали друг друга подарками.

И вот на черное небо темной стороны Сенты вышел Кан. Темно-красный шар — точно капля крови, рана на теле небесного змея, что свернулся бесчисленными витками и баюкает планету — так на Сенте верили в древние времена. И верили, что кровь неба — это

целебный источник и эликсир силы. На темной половине планеты жители выходили из домов и протягивали к красному огоньку ладони, сложенные горстью. Кто просил счастья, получал полные пригоршни счастья, кто просил любви, получал ее. Слава, везение, терпение, мудрость — все дарил сенторианам щедрый Кан. Главное потом было: протанцевать весь праздник, не расплескав дар неба. Ведь запас счастья, любви или удачи нужно растянуть до следующего восхода красной планеты.

На светлой стороне, никогда не видевшей звезд, с восходом Кана совпадало время цветения эстерры. Это была длинная, тонкая, паучье-цепкая лиана с огромными красивыми цветами, такими же алыми, как кровь неба. Она считалась преемником Кана на Сенте, и пока неповоротливый Кан выбирался на черное небо темной стороны, сенториане светлой стороны караулили, когда распустятся бутоны эстерры, срывали чаши цветов, до краев полные счастьем, здоровьем и весельем, и, также как на темной стороне, танцевали с ними весь праздник, стараясь не расплескать ни капли дара Кана.

Деала не отказалась от своего решения. И когда веселье на площади Наао было в самом разгаре, она вышла на ступени дворца и подняла руку, прося тишины. В другой, прижатой к груди, она держала алый цветок эстерры. Интересно, что до следующего восхода Кана попросила для себя сребролика?

Музыка повилась еще недолго вокруг щиколоток танцующих и стихла. Кейла, в ожидании выхода всезнающей занявшая место у самых ступеней, шикнула на молодого и уже отвратительно серьезного преумножителя знания и веселого юного творца красоты, придирчиво выбранных ею из толпы поклонников. Деала дождалась, когда нестройный гул голосов стихнет.

— Скоро, знаменуя начало новой эры, пламя в высочайшем куполе дворца будет потушено, — закричала она, звонкий голос разнесся над огромной площадью Наао. — Советом просчитаны все вероятные исходы этого решения, и угрозы для существования Сенты нет ни на одном из путей. Но если кто-то в Наао сомневается, он может подняться сейчас в купол и заслонить собой алтарь. Я не стану продолжать этот путь, если кто-то почувствует в себе силы закрыть его.

В народе зашушукались. Кейла вопросительно глянула на знакомого преумножителя, надеясь, что тот растолкует ей смысл слов всезнающей, но большеголовый умник выглядел обескураженным. А творец красоты почесал подбородок и изрек:

— Я не понял. Она ждет, что кто-то захочет стореть на том алтаре? Принести себя в жертву?

Кейла излишне энергично дернула плечами и чуть не выронила свой цветок эстерры. А Деала, приняв продолжающееся молчание толпы за всеобщее согласие, зашелестела серебристым покрывалом и вновь спряталась где-то в колоннаде дворца.

Праздник возобновился. Ритм танцев ускорился, понемногу приближаясь к ритму, в котором бьется сердце. Опьяневшая от музыки Кейла танцевала, вертелась волчком, прижав к себе эстерру. Сорвав её сегодня, она попросила у Кана продолжение сказки. Но хрупкий цветок нелегко оказалось сберечь. Тонкие лепестки рвались от малейшего прикосновения пальцев.

В мелодию, разлившуюся по площади, вступил хор. К изумлению Кейлы петь начали первый из гимнов жертвоприношения. Затем, без перерыва, второй. Знакомое чередование мелодий гипнотизировало толпу. Кейла кружилась в водовороте рук, водопад звуков обрушивался со всех сторон. Она пришла в себя, мельком заметив Шелтона на верхней

галерее дворца. Землянин неподвижно стоял в своей красной странной одежде и прозрачной маске, единственный без цветка эстерры в руках. Кажется он ждал кого-то.

Кейла остановилась. Над площадью гремел пятый гимн жертвоприношения, а во дворце разворачивались свои таинственные ритуалы.

К Шелтону подошла Деала, и они вместе по винтовой лестнице поднялись в высочайший купол дворца. Там под маленьким железным алтарем со дня основания Наао горело пламя. От россыпи трав на алтаре под купол поднимался дымок — толика Наао в создании общего фона постоянства родного Сенты.

— Тоненькая струйка дыма — и все ветра Сенты? Что плохого может случиться, если этот огонек погаснет? — Ни-че-го. А все пророчества — предрассудки старой, уже ушедшей в ничто эпохи... — втолковывал кто-то за спиной Кейлы спутнице, также глядевшей сейчас на звездочку пламени в высочайшем куполе. Говорил... и поперхнулся, когда над площадью разнесся шестой гимн. Под его звуки в ритуале жертвоприношения у жертвы забирали жизнь.

Звездочка-пламя мигнула и погасла. Удивленно-испуганный вздох пронесся по толпе, но скоро зоркие всевидящие доложили: пламя не погасло, это нашелся сенторианин, решившийся заслонить его собой!

— Молодой страж с пером сенрито за ухом, — уверенно сообщила всевидящая со слюдяно-блестящими тонкими юными крыльями, поблизости от Кейлы.

— Энжет! — охнула Кейла. — Что с ним будет?!

— В купол поднялись землянин и Деала, — продолжила всевидящая, чуть прищурившись. — Остановились. Страж стоит. Он говорит что-то... Землянину... О, таким взглядом можно убить! Деала подходит к стражу... говорит ему что-то... Он... он отходит в сторону!

В доказательство словам всевидящей маленький огонек снова вспыхнул, окрасив черный ажурный силуэт купола в тревожный красноватый цвет. Кейла уставилась в поднебесье, разволновавшись, она перебирала в пальцах лепестки эстерры, пока они не превратились в жалкие изодранные тряпочки. Она с ужасом и восторгом ждала, что будет дальше.

— Деала подходит к алтарю, — дрожащий от волнения голос всевидящей за спиной, — Ох, она берет горсть песка...

Пламя в высочайшем куполе потухло. Крохотный, незначительный эпизод, но Кейле подумалось, что путь Сенты, начертанный красным лучом Эдо, в этот миг навсегда поменял направление.

— Пророчество исполнится! — раздался чей-то ясный голос в толпе. Будто эта сенторианка только что прозрела, поняла что-то. — Исполнится! — но ее слова поглотили первая фраза нового гимна. Над Наао, пропустив седьмой и восьмой, разнеслась мелодия девятого гимна жертвоприношения. Красивый гимн, прозванный колыбельной для Сенты.

«Это мир засыпает. Новый мир! — подумала Кейла и чуть успокоилась, сердце уже не ощущалось так болезненно в груди. — А скоро он проснется... для аката действий! Все будет хорошо. Пламя в куполе потухло, но я что-то не вижу волны ничто на горизонте. Нелепое пророчество осталось там, в ушедшей эпохе.

Хм, мне кажется, или небо побагровело? Немного другие краски вокруг...»

— Зачем они пели шестой гимн? — тревожно спросила какая-то девушка в толпе. — Это песня смерти! Кого принесли в жертву? Кого?

Она все спрашивала и спрашивала дремлющую под звуки девятого гимна площадь, пока из толпы не ответил кто-то хмурый, очень похожий на Энжета:

— Сенту.

Шелтон

Он стоял в высочайшем куполе, сквозь узорчатые прорезы в стенах глядел на качающуюся в танце площадь. Безликая всезнающая стояла рядом, держа алый цветок у груди, будто зажимала рану на сердце.

Даже в маске-фильтре Шелтон чувствовал горечь, заполнившую воздух. Горечь томящихся на алтаре трав, горечь пепла в потухшем костерке. Горло сушит неприятная древняя пыль, которой полно все в высочайшем куполе.

Пока ему все удавалось. Сенториане слушались его, кстати пришлась поддержка Деалы. Когда до Сенты доберется «Красавица», здесь все будет готово для финальной кампании. Только б новая команда оказалась также стоворчива, как старая! Какими они выросли, без родителей, без родной земли под ногами и родного неба над головой? Какими идеалами можно увлечь их в бой? Его старый бой...

Сребролика шевельнулась:

— Не прячься от меня за мыслями о старой мести, — с ехидцей промолвила она. — Бесплезно. Ты открыт для меня, Шелтон, полностью. Я знаю твои истинные деяния и истинные чувства.

— Гм...

— Почему я тебя поддерживаю? Потому что этот путь наименее опасный для Сенты из всех возможных в данный момент путей. Увы, Вселенная отвернулась от Сенты. Для нас пришло время потерь.

— Что вы сказали стражу, заступившему нам путь?

— «Сейчас ты отойдешь. Но запомни свой выбор, запомни тепло родного пламени у себя за спиной, страж, запомни глаза врага впереди...»

Шелтон холодно усмехнулся.

— Это вы отправили нам сообщение: «Планета закрыта...»? — почувствовав прилив злобного вдохновения, спросил он. — Сообщение было отправлено с Сенты.

— Я.

— Вот как. Откуда у вас аппаратура? Чья?

— Наши всевидящие порой перехватывают покалеченных роботов-разведчиков ваших врагов — джийан. На одном из них я нашла устройство, позволяющее связываться с адресатами в разных концах Вселенной. И отправила заговорщикам свое мнение об их заговоре.

— Я недооценивал сенторианских телепатов: ваши возможности поистине огромны! Вы даже выучили наш язык: сообщение было отправлено на земном наречии.

— Я знаю многие языки Вселенной, но я не самый сильный провидец. Я опередила своего наставника, но моя юная ученица опередит меня.

— Я вас не понимаю, Деала. Вы угрожали нам в сообщении, но в моем случае не позволили страже привести приговор в исполнение.

Деала откинула вуаль в сторону, открыв лицо. Кожа старой всезнающей отливала

чистейшим серебром, слепые глаза были закрыты, мимика почти застыла, рот кривился в мстительной усмешке — металлическая маска! Шелтон не был трусом, но он отступил на шаг от этого воплощения космического возмездия.

— Я обращалась не к тебе! Я постаралась заронить зерно сомнения в мысли твоих сторонников. По твоей печали вижу, что мне это удалось. Что, дети засомневались, стоит ли лететь к тебе, Шелтон?

На площади веселился народ Сенты. Маленькие горбатые создания с фигурами песочных часов и длинными худыми ногами, такие далекие от идеала красоты землян, танцевали, бережно держа свои надежды и мечты в чаше красного цветка в ладонях. Да, танцуйте осторожней, ни капли счастья не должно пропасть, ведь до следующего восхода Кана так далеко! — Шелтон безучастно наблюдал за сенторианами. Он давно выжег в сердце все привязанности, все ненужное милосердие и опасное сострадание, также как вся старая команда «Красавицы». Сента лишь материал, косный, бессмысленный сам по себе, материя, из которой надлежит выковать оружие мести и разрубить, наконец, цепи своего долга... — Шелтон долго убеждал себя в этом — и убедил. Только на уровне ощущений все же что-то осталось. Эта горечь и сухость, от которых перехватывает горло, эта странная болезненная чувствительность кожи под комбинезоном.

— Нет, они прилетят. Вы написали: «вашего дома нет нигде во Вселенной», — тихо сказал Шелтон. — К кому вы обращались? К землянам? Наша планета погибла, и замены ей не найти?

Всезнающая усмехнулась — должно быть, так усмеваются богини судьбы:

— Я обращалась к твоему дитя, Шелтон.

— Подождите. Как следует трактовать ваши слова? К которому из моих детей?

Но Деала уходила. Она вновь скрыла лицо под вуалью, серебристое покрывало зашелестело по лестнице вниз и все затихло. Шелтон лбом прижался к узорчатой стене купола, бесполезным движением пытаясь охладить разгоряченную кожу. Дрожа, как в лихорадке, он смотрел на искреннее веселье маленького народа, еще не знающего, что Вселенная оставила их Сенту, что Кан одарил их счастьем в последний раз и на краткий срок. Танцуй же, Сента!

Роума вцепилась одной рукой в подлокотник кресла, а другой в руку Ардина. Подавшись вперед, лицом чуть не касаясь стекла, она смотрела на корабль землян, зависший над планетой-странницей. Но ошеломительное впечатление на джийанку произвела не «Красавица», маскирующаяся сегодня под залитую лавой вулканическую планетку, а маленький крестик истребителя, отделившийся от корабля-шара и с деловитым видом направившийся к планете-страннице, колыбели ураноса.

— Они там! — прошептала Роума. — О, я все бы отдала, чтобы увидеть их! Все!

— Отдавать вам нечего: у вас ничего нет. Но есть, что рассказать, — с нажимом сказал Ардин. Ужасно хотелось отцепить пальцы Роумы от своего костюма, и даже не потому, что он опасался, что хватка джийанки повредит его наруч. Для работы с мониторами Ардину требовались все руки.

Пока он возвращался за Роумой на Мегре, земляне затеяли свою операцию. Вздумали наладить контакт с ураносом. Это было опасно. Неизвестная и опасная раса не должна получить секрет гиперпространственных полетов. Нужно было отправить сообщение Кентору немедленно, но... одну руку Ардина держала Роума.

На слова Ардина джийанка не отреагировала. Черты ее лица, казалось, заострились до лезвий.

— Я помню их. Они так прекрасны! Самые прекрасные создания Вселенной! А вы находите землян прекрасными, Ардин?

— Я привез вас сюда, чтобы говорили вы, а не я, — буркнул Ардин. — Рассказывайте о катастрофе у 404-ой, как обещали.

Эта не вполне нормальная, точнее, вполне ненормальная джийанка, оказывается, сходит с ума по землянам! Но Ардин уже ничему не удивлялся. Он все-таки осторожно отцепил ее пальцы от своей руки и негромко напомнил:

— Сорок циклов назад вы были в составе команды тяжелого крейсера, отправленного к Сенте наперехват землянам. Я хочу услышать, что там случилось. Вы обещали рассказать, Роума!

При звуках своего имени джийанка очнулась.

— Я? Я обещала, да. Но и вы обещали провести меня на корабль землян!

— Не раньше, чем услышу вашу историю. Я должен знать, с кем связался, — резко сказал Ардин. В собственном птерокаре Ало-ши, он чувствовал себя намного увереннее, хотя невозможность подключить костюм к кораблю, почувствовать себя с ним единым целым немного угнетала, да и на управляемость влияла: Ардин уже дважды задевал корпусом птерокара мелкие камни в шлейфе «Красавицы». Но разве можно оставить скучать такую важную гостью!

Пальцы всех четырех рук быстро двигались по пульту. Сразу на четырех мониторах поползли отчеты о стадии установки связи с пунктом перехода в гипер и сведения о степени

открытия канала до мегрианского отдела РИДа.

Взгляд Роумы быстро скользнул по мониторам.

— Вы собрались связаться с начальником? Почему так торопитесь, какая-то нештатная ситуация?

— Вас это не касается. Рассказывайте или выброшу в открытый космос.

— Я должна прежде увидеть землян.

Ардин резко оторвался от пульта, откинулся в кресле. Его новый белый костюм космолетчика и без соединения с птерокаром выглядел единым целым с большой машиной. А вот Роума в посеревшем от времени и грязи костюме казалась неуместной в сверкающем зеркально-гладкими белоснежными поверхностями и бритвено-острыми гранями мире Алоши.

— Я могу предложить вам, Роума, только посетить виртуальность. С моим сопровождением, конечно. Если вам не нравится такой вариант, попробуйте предложить РИДу другой, когда мы вернемся на Мегре.

— Что-о?! Вы не сдадите меня...

— Сдам. Если немедленно не расскажете что-то, что убедит меня этого не делать.

Роума молчала довольно долго, все также следя за пролетом истребителя землян, и Ардин, уверившись в победе, спокойно занялся отчетом Кентору. Но, составив, отправлять не стал. Сначала он послушает историю Роумы... Когда истребитель землян надолго завис над экватором планеты, загадочная джийанка согласилась разжать губы:

— Я боюсь виртуальности. Не хочу становиться призраком, пусть ненадолго. А чтобы пройти в виртуальность, необходимо стать призраком, не так ли?

— Призрачный или виртуальный клон — это лишь слабая копия вас. Она будет уничтожена, едва вы решите вернуться из виртуальности на истребитель. Я делал так много раз, и ничего страшного не произошло.

— И мир призраков не затянул вас? Удивительно!

— Я выполнял задание и не думал о мире призраков, как о мире развлечений. И вы сейчас туда со мной пойдете, чтобы увидеть любимых землян, а не убежать от реального мира.

Роума помрачнела:

— О, как я бы хотела убежать от реального мира! Вы сейчас такой счастливый и уверенный в себе, Ардин. Я не хочу делать вас несчастным.

— Вы примете решение или нет? — Ардин начал терять терпение. — Или мне принять его за вас?

— Я... — Роума сникла. — Нет, в виртуальность я не пойду. Расскажу здесь. Внешний поток связей с общим каталогом перекрыт?

— Вы же знаете, что да.

— Да, я тяну время, — джийанка нервно расмеялась. — Ладно. Сорок циклов назад наш крейсер стоял у Лессно. Там обещался бунт аборигенов, но не состоялся. Мы скучали, когда нас подняли по тревоге и погнали к Сенте. Там был обнаружен неизвестный инопланетный корабль. Их экспедиция даже успела высадиться на Сенту, взять образцы тамошних морей ничто. Это необходимо было пресечь. У Сенты мы, вместе с командой легкого крейсера, отыскивали корабль землян, прорвались на борт и начали зачистку экипажа. А потом... потом... В общем, я заметила кое-что у трупа землянки, с этим нужно было разобраться. Взрослые земляне к тому времени были ликвидированы, их дети спали в камерах криосна.

Мы подобрали подбитую «Красавицу» и включили переход в гипер. Но во время перехода корабль землян улизнул в прореху пространства. Кто-то из взрослых, а может их виртуал включил двигатели и сумел направить корабль.

— Виртуал... Погодите! Почему вы не выжгли виртуальность сразу, едва ступили на борт «Красавицы»?

— Это оказалась необычная виртуальность. Чтобы стереть призрачный мир землян, нужно прежде найти ход на его склад памяти, а мы его не нашли. Их блок памяти был соединен с блоком памяти реального корабля — необычное решение команды. Поэтому, чтобы начать уничтожение виртуальности, прежде пришлось бы разобраться с реалиями.

— Интересная история... — пробормотал Ардин. Пока ситуация ничуть не прояснилась, наоборот, встали новые загадки.

— Меня удивляет поспешность, с которой вы покинули корабль. Почему не проверили, все ли взрослые мертвы? И что вы такое нашли у трупов землянки?

— Я нашла... — Роума вздохнула. — Нет, потом. Я хочу прежде увидеть землян!

Ардин откинулся в кресле, старательно игнорируя упоминание об уговоре. Несмотря на неясность истории Роумы, он по-прежнему не чувствовал себя неуверенно. Сегодня он был РИДовцем. Подлецом. А значит, джийанка расколется и расскажет все.

— Наши датчики должны были сработать, едва земляне подлетели к планете. Почему они не сработали? И кто обнаружил, что на планету высаживалась экспедиция?

Джийанка мудро улыбнулась:

— Датчики не сработали, потому что кое-кто, — кое-кто она выделила с яростной ненавистью, так мало шедшей ее милому личику, — ...кое-кто с нашей стороны выключил датчики.

— Зачем?! — ошеломленный было неожиданным поворотом беседы, Ардин быстро взял себя в руки. — И кто?

— Кто? — выяснением этого я занимаюсь последние сорок циклов. Зачем? — полагаю, он хотел без помех понаблюдать за землянами, выяснить, что им нужно на Сенте. Видите ли, Ардин, «Красавица» — это последний земной корабль, населенный последними землянами. А Земля раньше была тесно связана с Джиейей.

— Земля была разрушена Джиейей.

Роума кивнула.

— Почему все сведения о Земле стерты из нашего каталога?

— Потому что... — женщина вздохнула, помялась, — Потому что они слишком опасны. Я много размышляла, и пришла к выводу: есть дезинформатор. Один джийанин или группа джийан следит за тем, чтобы сведения о Земле не просочились в общий каталог!

Роума увлеклась. Она опять нашла его руку на подлокотнике кресла, сжала пальцы, и Ардин почувствовал восстановление неведомой связи, промелькнувшей первый раз на Мегре. Странное тепло будто бы распространялось от пальцев Роумы, передавалось его руке и поднималось выше, проникало глубже, до капсулы с биоматерией, погребенной в недрах кибернетического костюма.

— Этот дезинформатор пользуется своим положением. Я долго размышляла, кому из джийан потребовалось бы отключить наши датчики у планеты при приближении землян, и пришла к выводу, что это сделал сам дезинформатор. Он вел с землянами какую-то свою игру, — таинственно прошептала джийанка, а ее пальцы тем временем пробежались по его запястью. Легкие прикосновения отзывались в теле Ардина слабыми дразнящими

электрическими разрядами. — Но почему вы так скованы, Ардин? Вы пугаете меня!

Ардин постарался сделать вид, что к манипуляциям джийанки он безразличен.

— Дезинформатор или некая группа джийан, не пускающая информацию в общий каталог, и ведущая свою игру за спиной официальной Джии. Красивая теория заговора, Роума, но, признаться, я разочарован.

Роума резко отстранилась, будто ее уличили во лжи. Губы джийанки дрожали, она волновалась:

— Почему вы разочарованы?

— То, что вы говорите, лишь ваши домыслы. А мне нужны факты, Роума. Конкретные факты.

— Факты? Извольте! — глаза собеседницы заблестели нездоровым фанатичным блеском. — Когда мы возвращались с того задания у Сенты, в гиперке нам дорогу преградил джийанский же тяжелый крейсер. Он стал стрелять без предупреждения. Легкий крейсер был уничтожен сразу же. Мы на тяжелом включили экстренный выход из гиперке, но и крейсер, и команда позже все равно погибли.

— Как это?

Ардин вновь начинал терять терпение. Она опять водит его за нос! Но это ненадолго. Долгим взглядом, от которого всем, не связанным с РИДом, становилось не по себе, он окинул джийанку. Но Роума, кажется, даже не заметила его глаз — сверел:

— То, что я увидела у трупа землянки, поразило меня, а, распространившись от меня по крейсерской группе каталога, оглушило всех. И, едва мы вернулись на крейсер, нас... выкинули из каталога. Всю команду. И с легким крейсером случилось то же. Полагаю, это сделал тот же могущественный дезинформатор. Чтобы то, что мы узнали о «Красавице», не вышло в общий каталог. Без каталога все сошли с ума, ослабели... и умерли. Одна я сохранила тогда ясный рассудок. Вы спросите, почему? Потому что... сейчас внимательно слушайте меня, Ардин. Потому что я не завишу от общего каталога и безболезненно переношу его утрату. И вы такой же. Я надеюсь, и вы сможете отключиться от общего каталога и стать свободным. Я хочу, чтобы вы почувствовали те крылья за спиной, что чувствую я... — джийанка грациозно повела плечами. Ардин проследил за этим движением, и ему привиделось, что за спиной женщины действительно распахиваются широкие сильные крылья.

Ардин встал.

— Знаете, что, Роума, — очень холодно сказал он, надеясь под ледяной броней вежливо-безразличного тона спрятать все, нахлынувшие от странного разговора, неясные чувства. — Ваша история, конечно, очень интересна, но очень неполна. Вы по-прежнему скрываете от меня истину. Я надеялся, что в такой важной для вас беседе вы будете до конца откровенны со мной. Но вы все пытаетесь вести какую-то свою игру. Довольно. Я отправляю сообщение начальнику. В нем есть сведения и о вас. Играйте в вашу игру со всем РИДом.

Она вскочила, но он, ожидая этого возмущенного движения, надавил ей на плечи, возвращая в кресло.

— Нет уж, сидите. Вступать со мной в рукопашный бой не советую. Будет жаль повредить ваш необычный костюм. Тем более, что он у вас единственный.

Роума подняла голову, и он вздрогнул, встретившись с ее удивленно-беспомощным взглядом. От него враз пропала сила в его больших руках. Ардин убрал ладони с плеч джийанки, сел в свое кресло.

— Наверное, вы меня не поняли, — заговорила Роума. Тихо и торопливо, будто осторожно, пальцами перебирала сейчас слабую ниточку, вновь связавшую двоих. — Что в моей истории показался вам неполным? Я волновалась и могла что-то пропустить. Не говорите обо мне начальнику! Пожалуйста! Разве вы еще не поняли? Кентор — и есть дезинформатор! Это за ним я следила на Мегре, когда мы встретились с вами в нижнем городе! Я выяснила, что сорок циклов назад управление Кентора осуществляло мониторинг Сенты. С тех пор никто не искал землян, потому что никто ничего не знал о них и Земле! Только он знал. И он искал их! Сейчас он отправил вас собирать сведения о «Красавице» втайне от официальной Джийи! У него какие-то свои дела с землянами. Ардин! Послушайте меня! Вы слушаете меня?!

Ардин только хмыкнул. Кентор? Быть не может! Кентор мечтал пролезть в совет Джийи, еще когда Ардин был лучом вселенского Света. Будучи главой РИДа, он неукоснительно поддерживал официальную власть Джийи. Пойти против совета, связать свои мечты и идеи со странными землянами... Чушь!.. Хотя, почему чушь? Ардину вспомнилось волнение начальника во время их последнего разговора. Еще он вспомнил, что тогда подумал: у начальника определенно имеется какой-то свой интерес в истории «Красавицы»...

Гневная отповедь застряла у Ардина в горле, и Роума воспрянула духом:

— Вот видите! Это Кентор! Вы это тоже поняли! А вы хотите сообщить ему обо мне!

Ардин помолчал.

— Про неполную историю, — скоро выплюнул он отрывистые сухие слова. Про Кентора пока говорить не хотелось. Подлости подлостями, но это даже для РИДа слишком. — Вы не объяснили, что не так было с трупом землянки. Вы не рассказали, что оглушило группу, заставив бежать с земного корабля за полминуты до окончательной победы. А идею про дезинформатора, способного стереть два джийанских крейсера из каталога и поставить под угрозу священную жизнь типа один, я даже комментировать не хочу.

— А вы уверены, что жизнь типа один священна абсолютно для всех джийан? — он отшатнулся от ее безумных глаз. — Для меня, например, нет!

— Вы... убивали джийан?

— Пришлось, — Роума грустно усмехнулась. — Тех сумасшедших, на тяжелом крейсере, когда пробивалась к докам... А про то, что я нашла на корабле землян, я не могу сказать вам сейчас, Ардин. Это длинная история, и пока вы подключены к общему каталогу, существует опасность утечки информации. Через вас я выдам дезинформатору и себя, и хорошего друга на Джийе. Нужно, чтобы вас отключили от каталога, как меня. Чтобы вы сами догадались о том же, о чем и я...

— Опять вы ставите условия и говорите загадками, — скучным голосом сказал Ардин.

— Я сама нашла вас! Я первой заговорила с вами, Ардин! Я не играю! Вы нужны мне, — с трудом выдавила джийанка, и опять опустила голову. — Вспомните! — простонала она. — Я полетела с вами сюда, прекрасно представляя, что сама ступаю в клетку, что в истребителе, вдали от миров Джийи, вы вольны сделать со мной, что угодно. Но я решила довериться вам! Неужели вы обманете мое доверие, Ардин?!

— Доверие — худший щит, за которым стоит прятаться от РИДовца, Роума.

Напряжение гудящим силовым полем заполняло крохотную камеру птерокара. Его следовало разрушить. Ардин сумел отвести взгляд от расстроенной Роумы, поглядел на

мониторы, наперебой сообщаящие о действиях землян.

— О, они начали контакт с ураносом! — воскликнул он через мгновение. — Попросят помощи. И, похоже, тот отвечает. Так, Роума, простите, но я и правда вынужден доложить начальству. Ситуация принимает серьезный оборот.

— Нет!

Но он потянулся к кнопке, решительно надавил, и сообщение отправилось на Мегре адресату. Роума так и застыла с протянутой к нему рукой. Затем ее пальцы бессильно задрожали, и она уронила руку на колени.

— Вы все погубили! — простонала она. — Вы меня убили сейчас, Ардин!

— Не надо преувеличивать, — проворчал он. Победа над упрямецой не принесла радости. Наоборот, Ардин явственно чувствовал тревогу, что, возможно, поступил неправильно. И боль Роумы рикошетом ударила его, острой холодной иглой проникла до капсулы в центре костюма. Странно нечувствительной, будто чужой рукой он коснулся грудной пластины, проверяя необычное ощущение. Так и есть. Невидимая толстая неподвижная игла.

«Все нормально, — попробовал он успокоить себя. — Все будет нормально. В любом случае. Если сюда прибудет Кентор, тем лучше. Честный разговор можно вести только при личном присутствии всех сторон. Джийя разберется, кто прав, а кто заслужил наказания. Я же наименее всех заслуживаю смерти: никого не убил и даже, подлец, никого не предал. Не считать же предательством отказ верить бредням странной джийанки?»

— Болит?! — свистящим шепотом спросила Роума, проследив его движение. Ардин поспешно убрал руку с грудной пластины и развернулся к мониторам, опять уходя из шаткого непривычного мира эмоций в привычный, удобный мир действий.

Землянам надоело висеть на экваторе, они спустились на планету, сели в северном полушарии у края трещины. Диалог с ураносом продолжался. На «Красавице» тем временем происходили странные вещи. Часть роботов ушла из патруля обшивки и двинула к недалекому джийанскому пункту перехода в гипер. Надоело быть в рабстве, решили сбежать? — Ардин усмехнулся и отправил вдогонку отряд наноразведчиков. Те скоро выяснили: роботы временно выведены из-под контроля компьютера «Красавицы», Брана. Добравшись до гипер, они открыли канал до Сенты и начали передачу некоего сообщения. Очевидно, Джад все-таки вознамерился связаться с таинственными сторонниками.

— Ага! — довольно прокомментировал это Ардин. Получилось зло и как-то хищно, Роума вздрогнула в своем кресле.

— Это к вам не относится, — успокоил ее Ардин. — Просто ваши любимые земляне затеяли опасную игру.

Роума выпрямилась. Джийанка пришла в себя после вспышки разочарования и, по контрасту с яростным огнем ненависти, решила напустить смертельного холоду:

— Вы видели землян, Ардин. Также, как я. Неужели вы ничего не почувствовали при виде их?

— Я был только в виртуальности. Простите, — Ардин опять порадовался, что можно отвлечься на монитор: там появилось ответное сообщение Кентора:

Непрерывно докладывайте обстановку. Скоро подключу видеосвязь.

Лицо Ардина озадачено вытянулось. После такого сообщения начальник не считает нужным связаться с ним немедленно?! Роума правильно истолковала это выражение и заметно приободрилась:

— Я видела, часть роботов покинула патруль обшивки. Мы можем подобраться к кораблю ближе, Ардин. Можно попробовать отправить разведчиков внутрь или даже отправиться самим. Я укажу путь проникновения, я все еще неплохо помню устройство «Красавицы».

Ардин раздраженно помотал головой. Опять эта джийанка встречается в самый неподходящий момент! «Хотя идея с разведчиками неплоха, — тут же подумал он. — Джад наверняка оглушил Брана, чтобы увести у него часть роботов. Самое время нанести землянам визит в реальности!»

— Какой путь проникновения, Роума?

— Видите, картинка обшивки на южном полюсе барахлит? Там повреждено несколько сегментов брони. Можно пробраться под них, там достаточное пустое пространство, в костюме космолетчика вы пройдете. Как раз точно на южном полюсе должен быть большой осевой тоннель, пронзающий «Красавицу» насквозь. Выйдем в центре — в оранжерее. Оттуда можно перебраться на любой ярус корабля.

— Гм...

— На «Красавице» многоуровневая защита от чужих организмов, но в прошлый раз джийане все уровни прошли легко. А роботов-обслужу можно отключать по пути. Ваше оружие работает с магнитными импульсами?

— Есть и такая функция, — покорно согласился Ардин, обескураженный натиском джийанки.

Параллельно он следил за беседой виртуала и его таинственного сенторианского друга. Переводчик тихо шелестел, едва поспевая расшифровывать фразы Джада и сенторианского сторонника землян. Часть разговора была понятна и без переводчика, но Ардин все равно то и дело сверялся с переводом и хмурился. По разговору выходило, что на Сенте остался кто-то из старого экипажа «Красавицы»...

— Роума, вы сказали, что убили всех взрослых землян на «Красавице», но был ли это полный экипаж? Мог кто-то остаться на планете?

Джийанка усмехнулась:

— Я же сказала вам! За Сентой следит Кентор, дезинформатор! Он открывает только ту информацию о планете, какую считает нужным! Нас послали уничтожить инопланетный корабль, о зачистке планеты речь не шла. Я решила, что экипаж на «Красавице» был в полном составе, но, может, на Сенте целая колония землян. Об этом вам стоит Кентора спросить, когда он прилетит за мной. Или... — с ядовитой ехидцей закончила она. — ...вы сами притащите меня на Мегре?

— Все-таки полагаете, Кентор — тот самый дезинформатор? — Ардин осекся. В гиперпространстве открылся еще один коридор. В разговор включился третий собеседник, джийанин:

«Мне нужно тело, дайте мне тело!»

Ардин затребовал адрес отправителя и через мгновение неверяще уставился в короткую строчку:

«Мегре, управление РИД, сектор Кентора».

— Так вот, почему он не захотел сразу включить видеосвязь! Ну, Кентор! — Ардин поспешно повернулся к джийанке. — Вы были правы, Роума.

Та медленно провела по лицу ладонью, будто стирала усталость:

— Да. Жаль, что вы поздно согласились это признать, Ардин!

Кентор появился на мониторе спустя пять минут после того, как разговор виртуальности и Сенты был закончен. Успокоиться, надеть маску равнодушия за это время ему не удалось. Лицо было перекошено, каждая черточка будто до сих пор вопила безумное: «нужно тело, дайте мне тело!»

Ардин встретил начальника вежливой улыбкой, в которой, после всего узнанного, была толика иронии:

— Веду наблюдение за землянами. Группа из трех человек высадилась на планету, начала диалог с единственным обитателем, и уранос им отвечает. Другие трое остались на «Красавице». Они ведут себя странно. Недавно отправили несколько роботов к нашему пункту перехода в гипер и затеяли общаться с кем-то на Сенте... и на Мегре. Я затребовал тамошний адрес, и...

— Это вас не касается, — поспешно заметил Кентор.

— Управление РИД, сектор Кентора...

— Меня интересуют земляне! Что отвечает уранос?

— Прилежно повторяет коды их языка.

— Продолжайте наблюдение. Я буду на связи, — сообщил Кентор и тут же куда-то ушел, оставив Ардина любоваться видом белых стен управления РИДа. Ардин повернулся к Роуме.

— Я не понимаю, что происходит! — признался он и вдруг расхохотался. Но Роума не захотела поддержать его. Глаза джийанки расширились, она с ужасом глядела за стекло истребителя:

— Планета... Смотрите!

Уранос, то ли вняв зову землян, то ли, напротив, разозлившись за назойливость, решил покинуть уютный домик. В жутком безмолвии трещины на полюсах планеты стремительно расширялись, ровный круг планеты распадался на сегменты, как бумажная мозаика от порыва ветра. Однако до конца разрушать свою колыбель чудозверь не захотел. Накрывшись крупными обломками планеты как одеялом, он затих в громадном облаке пыли, копя силы для финального рывка.

Ардин кинулся к пульту.

— Кентор! — закричал он. — Вы на месте?

Начальник, хвала Свету, тут же появился в поле зрения камеры.

— Что, Ардин?

— У нас тут новорожденный! Вы следите за поступающими данными?

— Уранос! — упавшим голосом сказал Кентор. — Нельзя допустить, чтобы земляне сейчас ушли с ним в гиперпространство, Ардин!

— Он пока не собирается переходить.

— Мы не знаем, что у него на уме. Высылаю к вам тяжелый крейсер. И постараюсь подогнать энергоголовушку для ураноса.

Начальник опять исчез. Теперь, похоже, совсем: сколько Ардин ни взывал, на мониторе были лишь белые стены управления РИД.

— Решил слетать за мной, землянами и ураносом самолично. Отличная будет добыча, — прокомментировала это Роума, выбираясь из угла, где пряталась от взгляда Кентора. — Смотрите-ка! Земляне снарядили спасательную экспедицию к своим.

Щель по экватору шара, путь из дока «Красавицы», распахнулась, выпуская наружу медицинский модуль: четырехугольный, моументальный на вид корабль-брус.

Там должен быть один пилот и один медик, — тихо сказала Роума. — Если на планете оставалось трое и к ним отправились двое, значит, на «Красавице» сейчас всего один член экипажа. Вы думаете о том же, о чем и я, Ардин?..

Патруль земных роботов, подоспевший, когда джийане покидали птерокар, Ардин оглушил магнитными импульсами, постаравшись, чтобы металлические тела угодили на глазки видеокамер, то тут, то там черными бусинами сверкающие между шестиугольными сегментами противоастероидной брони. Сегменты были невелики, с полроста землянина. Все сейчас полыхало красно-оранжевым огнем: башенки проекторов транслировали на них изображение залитой лавой планеты. Довольно нелепая личина в отсутствии близких звезд, в системы которых такая планетка могла бы входить.

Ардин направил птерокар к доку «Красавицы», и они поползли к погнутым, разбитым астероидом сегментам брони на южном полюсе. Находить опору для рук и ног было легко. У устаревшего костюма Роумы не было функции дополнительной защиты капсулы в безвоздушном пространстве, поэтому джийанке пришлось надеть довольно нелепый жилет, но двигалась женщина легко и быстро.

«Сюда!» — просигналила она. Ардин вырубил последнего робота, сунувшегося с правой половины шара, и последовал за спутницей. Друг за другом они аккуратно пролезли под отставшие сегменты и очутились в темном узком помещении. Сверху нависала тяжелая, с этой точки кажущаяся единым монолитом на подпорках противоастероидная броня, ноги скользили по гладкому полю убранных солнечных батарей. Землянин мог выпрямиться тут во весь рост, но джийанам приходилось туго.

Вспомнив этикет многих низших рас, Ардин, усмехаясь, пропустил даму вперед. Они поползли, цепляясь за стены, пронизанные кротовыми ходами проводов, кое-где прикрытые гладкими панцирями пластин. На южном полюсе обнаружился довольно широкий после тесной камеры вход в тоннель, плотно закрытый круглой крышкой.

— Придется использовать плазму, — тихо отметила Роума. — Дадите мне оружие?

Ардин хмыкнул. Перед интересным путешествием он обыскал Роуму и изыал плазмопушку. Старое оружие не выдавало магнитных импульсов, на нем стоял устаревший парализатор, но плазменная часть была вполне исправна. Роума обыск перенесла спокойно, только торопила иногда: «Побыстрее!» Ей не терпелось увидеть своих любимых инопланетян. А Ардину теперь приходилось терпеть двойной груз — своей плазмопушки и оружия Роумы, и изящества его движениям он не добавлял.

Ардин гадал, что джийанке нужно на «Красавице», но к ясному выводу так и не пришел. Сам же надеялся достать фотографию, о которой говорила Тая. Сличить небо на фотографии со звездными картами и вычислить местонахождение Земли. Когда Кентор пригонит крейсер, придет время для честного разговора с высшим начальством, и бонус в виде точного обозначения родины землян на космокартах Ардину пригодится...

— Рано для плазмы, — буркнул Ардин и протянул джийанке чип в маленькой стеклянной капсуле. — Подсоедините к системе компьютера. Это вирус. Пусть Брана немножко полихорадит.

Роума быстро вскрыла стеновую панель, прячущую крупный узел виртуальной сети «Красавицы».

— Готово, — через полминуты доложила она. — Но, я думаю, вы напрасно так стережетесь Ардин. Уходить отсюда мы будем с шумом в любом случае. Крейсер Кентора уже на подходе. Если эта семья землян будет также сражаться за своих, как та, быстрой

сдачи корабля не будет.

— Мне важно только без шума пробраться в главную рубку. ...Говорите, их система распознавания чужого на джийан в прошлый раз не среагировала?

— Нет.

— Тогда вперед, — Арден осторожно, одним пальцем отогнул крышку панели на люке и ввел код на маленьком пульте.

— Откуда вы знаете их пароли? — удивилась Роума.

— Подсмотрел, когда виртуалы тайным ходом отправили роботов к пункту перехода в гипер. Правда, это специфический код виртуальности, но, надеюсь, в бреду Бран не различит путь кода... — как раз к завершению фразы люк эффектно отворился. Путь на корабль землян был открыт.

— Как вы полагаете, что Кентору нужно от землян? — тихо спросила Роума, когда они уже ползли тоннелем.

— По нашему последнему диалогу у меня создалось впечатление, что он намерен их убить. Но... — Ардин задумался. — Я читал его переписку с землянами. Им он говорит противоположное, что они ему нужны. Ему нужно... т-тело.

— Что?

— Тело, — увереннее повторил Ардин. — Не догадываетесь, что это может значить?

Роума заученно пожала плечами, но в глазах блеснуло какое-то неизвестное ему знание.

— Тело, тело... — пробормотала она для виду. — Хм.

Ардин подавил горячее желание приставить плазмопушку к лживому личику джийанки и потребовать немедленной выдачи всех известных ей сведений о землянах. Но что-то подсказывало ему... что-то, поселившееся на острие невидимой иглы и жгущее капсулу изнутри: Роума не ответит. Она расхохочется ему в лицо, умирая под его плазмой.

Люк в оранжерею Ардин вскрыл тем же способом. Круглая дверь отворилась над бескрайним полем листвы. Пестрящее разнообразными оттенками — от черно-зеленого до яркого салатого, оно волновалось и вздрагивало порой, как большое живое существо. Ардин оттолкнулся от стенок люка, и изумрудное море надвинулось, приняло его в свои объятия. Сочные пятна всех оттенков зеленого замельтешили перед глазами, сливаясь в блестящий, какой-то искусственный фон, и вдруг пришло ощущение из старого кошмарного сна: стены, того и гляди, расплавятся, зелеными горячими ручейками затекут под пластины костюма... Ардин вскрикнул, ноги судорожно подтянулись к животу.

— Что с вами? — встревожилась Роума. Джийанка наслаждалась полетом в невесомости, она, раскинув руки, качалась на волнах листвы.

— Стало дурно, как во сне, — выдохнул он, с трудом преодолевая судорогу в ногах. Впервые костюм не сразу подчинился его воле: неприятное, пугающее ощущение!

— В оранжерее есть землянин, — дрогнувшим голосом сказала Роума. — Сверьтесь с вашим датчиком теплового излучения. Вон он, под нами.

Ардин через теплофильтр глянул вниз. Так и есть. В темном пятне листвы маячила красная фигурка.

— Я хочу его увидеть! — с мукой в голосе проговорила Роума.

— Нам надо в рубку.

— Нет, вниз!

Она кинулась за землянином, не помня себя. Ардин успел ухватить ее за руку. Джийанка отчаянно рванулась, и они закрутились, так что ориентиры в пространстве

окончательно потерялись. А землянин заметил резкое движение вверх: красно-желтая фигурка паническими скачками достигла одного из нижних тоннелей и скрылась в нем.

— Все! Теперь он доложит остальным и оповестит виртуальность! — Ардин опять заругался. — Быстро в рубку!

После оранжереи дорога усложнилась. Боковые ветви широкого прямого тоннеля в главную рубку выплевывали облака наномашин и стайки роботов, вооруженных простыми маломощными бластерами, а то и вовсе безоружных. Наномашин Ардин глушил магнитным полем, роботов, уже не скрываясь, поливал плазмой. Главная рубка оказалась пуста. Ардин забаррикадировал дверь и рванулся к незнакомому пульта. Круглые красные глазки кнопок сердито уставились на него.

— Тая говорила, капитан прячет фотографию здесь, — пробормотал он. — Где?

— Под панелью? — предположила Роума, косясь на дверь, сотрясающуюся от ударов.

Ардин оторвал одну пластину корпуса пульта, вторую. Под третьей обнаружился небольшой белый прямоугольник из тонкой бумаги. Ардин перевернул его.

Чернота, усыпанная точками звезд и красными крестовинами огоньков джийанских патрулей, силуэт земного истребителя и худенькая фигурка землянки...

— Оно!

— Ардин, не дадите мне оружие?

Он обернулся и увидел металлически блестящие и лязгающие волны роботов, вливающиеся в рубку через сломанную главную и неприметные боковые двери. Думать было некогда. С тягучим, холодящим ощущением опасности Ардин протянул джийанке ее плазмопушку, некстати вспомнив, что эта безумная не считает его жизнь, как и жизнь любого джийанина, священной. Трех кусков плазмы хватит, чтобы превратить костюм Ардина в металлический хлам, воняющий горелой органикой... Роума спокойно приняла оружие, привычным легким движением зарядила и отправила первый сгусток плазмы в приближающуюся волну роботов.

— Теперь вы хоть немного поняли, что значит доверие, Ардин? — весело крикнула она. Вдвоем им удалось прорваться к боковому ходу до дока, волна погони катилась за ними. Скоро плазмопушка Ардина оказалась полностью разряжена. Тогда он поставил на ней программу самоуничтожения и кинул назад, в металлическую толпу, а Роуму, цепко ухватив за плечо, направил в ближайший боковой коридор.

Позади рвануло так, что стены затрещали. Роума потрясла головой, приходя в себя.

— Верните плазмопушку! — потребовал Ардин, едва глаза джийанки прояснились. Роума разочарованно поджала губы и возвратила ему оружие. Аккуратно, по инструкции, рукоятью к Ардину.

— Вы мне не враг, — тихо, сухо сказала она и замолчала надолго.

Они долго шли извилистым узким коридором, облицованным безрадостной болотно-зеленой, потусторонне светящейся плиткой. Потом свернули в другой, светло-желтый. Когда впереди замаячил очередной стык, на этот раз с розовым коридором, наручный монитор Ардина очнулся, просигналил красным светом входящего сообщения. Джийанина вызывал начальник.

— Ардин, я в одном минутном прыжке от «Красавицы», — Кентор нахмурился, разглядывая фон позади подчиненного. — Где это ты?

— На корабле землян. Подвернулись благоприятные условия для разведки. Вы не возражаете?

— Экипаж на корабле?

— Здесь остался один человек, остальные улетели любоваться ураносом.

Мрачное лицо Кентора посветлело, будто он только что решил какую-то сложную задачу:

— Отлично! Упакуй этого землянина в капсулу криосна. Только бережнее, Ардин! Один мне нужен живым. Остальные улетели на истребителе?

— У них истребитель и медблок.

— С ними разберется тяжелый крейсер. Призрачный мир не трогай, но компьютер «Красавицы» постарайся выключить до моего прибытия.

— То есть прямо сейчас, — Ардин огляделся, подметил чуть отставшую стеновую панель: ее явно неоднократно убрали и ставили на место, чиня узлы виртуальности. — Хорошо, Кентор... — он осекся, не найдя в однообразном пейзаже «Красавицы» одну очень важную фигуру: — Роума!

Приглушенный писк донесся из розового коридора впереди. Уже зная, какую картину там найдет, и холодея от этого знания, Ардин зарядил пушку на четверть обычной мощности и вышел в коридор.

Роума стояла посреди коридора, широко расставив ноги, будто для большей устойчивости. Стальной обруч пальцев правой руки джийанки обхватывал горло извивающейся от боли и ужаса маленькой темнокожей землянки. Девчонка едва доставала Роуме до пояса, тело судорожно вытянулось вслед за направлением держащей его руки, касаясь пола самыми кончиками пальцев.

— Роума...

— Она моя! — срывающимся голосом прокричала джийанка. — Она прекрасна! Никому ее не отдам! Она будет жить, слышите?!

Девчонка опять приглушено пропищала что-то. Эля... или Тая.

— Роума, подожите, — Ардин, опустив плазмопушку, сделал осторожный шаг вперед. — Отпустите девочку, вы делаете ей больно. Я соврал: в сообщении, которое я отправил Кентору, нет ни слова о вас. Вам ничто не угрожает. Отпустите девочку. Сейчас тихонько вернитесь на Ало-ши, и о вас никто не узнает. Отпустите девочку, вы ее задушите.

Роума лишь всхлипнула и крепче сжала пальцы:

— Мне не дорога моя жизнь, — призналась она. — Такая жизнь — это не жизнь! — она так потрянула девочку, что та придушенно взвыла.

— Кентор обещал не трогать одного землянина. Я отдам девочку ему.

— Нет! — джийанка вся затряслась, на миг Ардину показалось, что она не владеет своим костюмом. — Это мне, мне нужно ее тело! Ее прекрасное тело!

— Роума...

Монитор на руке Ардина снова засветился красным, и Кентор доложил, равнодушно-деловито:

— Ардин, я уже здесь.

Земля 4

«Красавица»

Капа

Сигнал о скором прибытии тяжелого крейсера джийан сначала появился на боковых мониторах, скромной и нестрашной строчкой, указывающей на мерцание пространства поблизости... Поблизости? Точнее, прямо под носом, расстояние до предполагаемого выхода крейсера из гипера удобнее было измерять не в долях парсека, а в километрах.

Ужас ситуации до Капы дошел прежде всех. Дэн еще спорил с Касом о том, пострадает «Красавица» от волн искажения, или нет, Ал не нашел ничего лучшего, чем попробовать связаться с виртуальностью, Эля переживала, не повредит ли крейсер новорожденной чудозверушке — ураносу. А под ногами Капы уже разверзлась пропасть, и от ужаса падения в ней больно, невозможно было даже дышать.

Они на тихоходном медицинском модуле, истребитель, вместе с оружием на его борту, превращен в однородную кашу, склеенную буфером. «Красавица» в десяти тысячах километров, прикрытая личиной вулканической планетки, ложь которой любой ребенок распознает в две секунды. На корабле остались беспомощная девочка и сумасшедшая. И виртуальный сектор, за одно наличие которого джийане могут взорвать «Красавицу» без предупреждения... Параллелепипед медицинского модуля вовсе никак не замаскирован, так и сияет, всячески отрицая свое единство с естественными космическими объектами, вроде астероидов и планет. А за спиной землян — неизвестный, возможно, буйный огромный зверь, налаживание контакта с которым далеко от завершения.

Ситуация патовая. До главного корабля медлительному модулю не добраться к прибытию крейсера. Даже если Тая прямо сейчас догадается сменить картинку обшивки «Красавицы» на что-то менее кричащее, медицинский модуль не спрятать, разве что подлететь вплотную к опасному и неизвестному ураносу. Земляне будут обнаружены. И будут убиты.

— Дэн, — Капа коснулась рукава мужа, привлекая внимание. — Что будем делать?

Формальная субординация и желание поддержать мужа, придать мужчине уверенность в своих силах. Внутри себя Капа кричала: отведем модуль к ураносу! Не знаю, что хуже: джийане или он, но что-то делать нужно!

— Попробуем подобраться ближе к ураносу, — отозвался Дэн, не повернувшись. — Ал, ты связался с виртуальностью?

— Там чушь какая-то. Бран то ли заснул, то ли умер, не соединяет. Ты его перегрузил информацией.

О чем вы говорите?! Нас скоро убьют, а вы обсуждаете виртуальность! — хотелось крикнуть Капе, но она промолчала. Потом она разрыдается, на плече Дэна или одна, у себя в каюте. Сейчас нужно не паниковать, а делать все, чтобы это «потом» состоялось.

Впервые они встретили джийан через полгода после катастрофы у 404-ой. И тогда, увидев на главном мониторе два их легких крейсера-молота, невозмутимо плывущие куда-то по своим делам, маленькая Капа задрожала. Вспомнились лужи крови в коридорах и рубке, в

которых отпечатались железные ступни киборгов-пришельцев, вспомнились белые гробы с телами родителей, которые она с Дэнном отправляли в последнее путешествие к белой звезде. От воплей-воспоминаний в груди проснулась и заворочалась скользкая многоногая тварь, принялась цепляться за ребра крючьями-когтями, рвась выше, в горло... Позже Капа дала твари имя — Истерика. Но ни разу за годы без родителей она не дала твари вырваться криком в горло. Она решила для себя при встрече с джийанами слушать Дэна, подбадривать и не сомневаться в его решениях, будто рядом был не испуганный мальчишка, а взрослый отважный капитан. Тактика оказалась верной: друг приободрялся, через несколько лет он и выглядеть стал достойно своего поста. Только после того, как ситуация разрешалась, у Капы всякий раз наступала реакция. Стучали зубы, все тело била неукротимая дрожь.

Кас вел модуль за крупный камень, оставшийся от планетки-колыбели ураноса, на ходу уже прикидывая, успеют ли они прыгнуть до следующей огромной глыбы, более верного укрытия. «Капа, где мой гермошлем, там прямой канал связи с виртуальностью», — спросил Дэн. Ровно, спокойно, будто тяжелый крейсер врагов не рвал пространство в клочья в трех секундах лету от «Красавицы». Капа запустила пальцы в волосы, почувствовала, как острые ноготки глубоко погружаются в кожу, и немного пришла в себя.

— Где переводчик? Программа контакта с ураносом цела? — столь же ровно спросила она. — Стоит возобновить контакт, я думаю.

— В аэрокосме остался. Я могу слазить, — вызвалась Эля. В этот момент на центральном мониторе чернота космоса с белыми искорками звезд пошла волнами. В волнах открылись щели, сияющие перламутром. Крейсер джийан протаскивал тяжелое тело, утыканное иглами, сквозь ткань пространства-времени. Капа закрыла глаза.

— Конечно, слетай до аэрокосма, детка, — Эле. Неужели это она говорит ужасные в любой другой ситуации слова? Сбегай в открытый космос в порядке помятом скафандре, достань прибор из-под носа чудозверя... На верную смерть отправляет пятнадцатилетнюю девчушку!

— Что с Браном, не могу понять! — напряжение все сильнее натягивало струны в голосе Ала. — Я не могу установить связь ни с виртуальностью, ни с Таяй!

Дэн отыскал свой шлем и быстро набрал комбинацию цифр для связи с виртуальностью. Джад отозвался сразу, видимо давно ждал, когда реалы вспомнят об этом способе связи.

— Дэн, на борту чужаки! Джийане! Я их заметил в главной оранжерее, вошли, похоже, через отставшую обшивку на южном полюсе. Тая у них в заложницах. Сейчас они движутся к доку, я попробую заблокировать их в коридоре. Коплю силы.

— Джийане?! Сколько их?

— Двое. Я направлял на них роботов и наномашин. Прошли. Легко. Система распознавания чужого на них не среагировала.

— Виртуальность не трогали? Это они вызвали крейсер?

— Не трогали. Да, это их крейсер, я поймал переговоры. Бесполезно прятаться, Дэн, они знают, что вы на модуле.

Капа не сдержала всхлип ужаса. Повернула голову и встретила полный страха взгляд Эли. Девочка так и застыла у двери в камеру перехода.

— Бегом за переводчиком! — крикнула Капа. — Быстро!

— А Тая?! Что с ней будет?!

— Бегом — за — переводчиком! — взвизгнула Капа. — Надо что-то делать... Надо что-

то делать... Дэн! Что ты молчишь?!

— Постарайся заблокировать киборгов внизу и разыщи их корабль, — продолжал наставлять Дэн Джада, будто не слыша жену. — Мы будем прорываться на «Красавицу». Направь роботов в главную рубку, восстанавливай ручное управление кораблем, раз Бран замолчал.

— Да... да...

— Они сейчас включат послание, и связь оборвется. Джад, — держа шлем на коленях, Дэн склонился к самому микрофону. — Вы с нами? Вы не станете прятаться, как в прошлый раз?

— Безусловно, — с обидой, но и с теплотой сказал Джад. — В новой жизни, в эти пятнадцать лет виртуальность увидела, что в главном вы не делаете различий между реалами и виртуалами: мы все люди. Пока это так, ты можешь нам доверять... — голос виртуала утонул в треске помех. Скоро шум стих, из всех каналов связи землян ударил многоголосый хор джийанских переговорщиков:

«Вы нарушили границы владений Джийи, на вашем корабле обнаружена запрещенная форма жизни типа пять. Вы будете уничтожены».

Капа дрожаще выдохнула, ощущая, как вместе с воздухом от нее улетает жизнь. Ноги стали ватными, чужими. Она покачнулась и села на кушетку Дэна. Муж, кажется, обратился в статую, руки бессильно лежали на коленях. Однако какое-то упрямство чувствовалось в его спине, напряженной шее с рельефно выступившими венами. Вдруг глаза капитана сверкнули, он резко дернул к себе пульт.

— Ну, нет! — крикнул он. — Где переводчик? Включите джийанский.

Кстати из камеры перехода подросли Эля и Кас, который помогал сестре втаскивать тяжелый переводчик. Капа едва глянула на девочку, маленькую, тонущую в огромном скафандре для выхода в открытый космос. Она так и не успела за нее толком испугаться, только на сердце осталась маленькая трещинка. Но это ничего: у всех родителей сердца в таких трещинках. Переводчик быстро переключили на джийанский, и короткие сильные пальцы Дэна застучали ответное послание:

«Близ планеты и на ней не было ваших меток. О том, что жизнь типа пять запрещена в вашей части Вселенной, мы уведомлений прежде не получали. Предлагаю разойтись с миром, пока нет пострадавших».

Он нажал кнопку отправки, и его руки выжидающе замерли над пультом. «Успеет дойти послание?» — подумала Капа, глядя, как по левому борту джийанского крейсера загораются огоньки, подтверждающие наведение оружия на цель. Но вспышки света и удара не последовало. Каналы связи вдруг очистились, повисла звенящая тишина.

— Обычно они предупреждают для проформы, и сразу бьют, не дожидаясь ответа. Зачем высшей расе тратить время на расшифровку чужих примитивных языков? — Ал расхохотался — А ты их чистейшим джийанским! Молодец, кэп! Пока нет пострадавших... — блефуешь? Какое у нас оружие против их плазмы и лазера?

— Кас, отведи модуль поближе к ураносу, — распорядился Дэн. Ала он услышал, на губах мелькнул призрачный самодовольной улыбки. — Спрячемся в пыли, плазма и лазер в условиях запыленности неэффективны. А удар иного оружия модуль переживет, он крепкий.

«Вы нарушили джийанские законы и подлежите уничтожению», — воспротивились было из главного канала связи, и Джийя снова замолчала. Капитан усмехнулся и застрочил новый ответ:

«Нас следует судить за незнание ваших законов, прежде чем за их нарушение. Готовы выполнить любые ваши условия. Мы не хотим войны».

Опять тишина. Но Капе казалось, она слышит, как скрипят железные мозги джийанских киборгов в попытке увязать непреодолимое желание уничтожить землян с логикой и собственными законами.

— Надо было нашим родителям устроить с ними переговоры, а не бежать, — вновь подал голос Ал. — Сдулись джийане!

— Ох, брат, — дрожащим голосом сказала Капа. — Я бы не была так уверена.

Цепочка огоньков вокруг жерел пушек крейсера замигала — джийане устали от переговоров. Облака пыли прорезали голубовато-светящиеся шлейфы выпущенных снарядов. Модуля они не достигли, но в мелкую крошку разлетелись глыбы, защищающие землян.

— Кас, еще ниже, — крикнул Дэн. — Прижмись к ураносу! Надеюсь, они сообразят, что ни к чему тревожить чудозверя!

— Уранос сейчас меньшее из зол, — тихо согласилась Капа и, почувствовав прилив сил, вскочила с кушетки.

— Надо возобновить диалог с ураносом, — озабоченно сказала она. — Переводчик на джийанский больше не нужен? Дэн?

— Не нужен. Бери. Возобновляй, — разрешил тот. — Кас, уступи управление Капе. Сам слетай до истребителя, забери с него контейнер с топливом. Ал, надо связаться с «Красавицей».

— Они заглушки поставили на все каналы связи!

— Все равно пытайся. Капа, иди сюда.

Она шагнула к мужу... и пол ушел из-под ног, Капу швырнуло на угол большого медицинского анализатора. Очередной снаряд джийан достиг цели: модуль сильно трянуло, на мониторах замелькали сообщения системы о повреждениях.

Кровь из рассеченного лба заливала глаза. Капа поднялась сама, стирая кровь рукавом непривычного телу тканевого комбинезона, а она все лилась и лилась. Не успела отыскать глазами Дэна — как новый удар. И еще, еще... Поплыли от температуры стекла обзорных иллюминаторов, и кто-то, Кас или Ал, поставил полиметаллические ставни на все окна ударом кулака по пульту.

— Кас, дуй за контейнером! — заорал Дэн где-то близко. Капа протянула к нему руку, другой стирая все не желющую угомониться кровь, и муж заметил просящий жест. Подхватил, потащил к пульта управления. На мгновение Капа расслабилась, забылась в любимых сильных руках.

— Капа, слушай, — отрывисто сказал Дэн, усадив ее в кресло. — Веди модуль вон к тому камню, видишь? — он указал на монитор, показывающий внешнюю картинку. Капа разлепила потяжелевшие от крови ресницы. На мониторе в облаке осколков проплывала бобовидная глыба. Сразу за ней — тело ураноса с гранями, перетекающими одна в другую, и круглая любопытная головка с иглой, длиной в пять «Красавиц». Чудозверь был неспокоен, головка вертелась в разные стороны, будто он принюхивался.

— Ого, как мы близко!

Еще удар... И все прекратилось. Видимо, и джийане рассудили, что ни к чему злить ураноса. Капа подвинула к себе пульт. Боль отозвалась на резкое движение, запульсировала в голове, она охнула и потянулась к ране.

— Заживет, — увидев ее движение, заверил Дэн. Быстро поцеловал жену в лоб и ушел.

Капа покрепче взяла штурвал и направила модуль к указанному камню. Вести было нелегко: обзорные окна закрыты, а часть внешних видеокамер повреждена. Но картинка крейсера джийан осталась. Огоньки под жерлами пушек тревожно горели красным, подтверждая готовность врага ударить вновь, а в центре города-корабля распахнул пасть док. Оттуда, одна за другой, вылетели пять двоек джийанских истребителей: тонкий хищный клюв — кабина пилота и вращающийся круг орудий позади нее.

— Истребители будут здесь через пять минут, — доложил Ал. — Ну, может, поплутают среди глыб еще три... — предположил он тут же. — Дэн, зачем тебе контейнер с топливом? Хочешь использовать взрывоопасные свойства внешней оболочки потока, как Антон? Но контейнер на истребителе не выработал ресурс, не получится.

— Мне нужен функционирующий контейнер, а не отработанный мусор. Слепим из потока микродыр одну побольше, и пошлем джийанам подарочек, — намеренно легкомысленным тоном сообщил Дэн.

— Супермегажестокий сценарий: крейсер противника затягивает в себя черная дыра, — у Ала прорезались морщинки у бровей и губ — свидетельства его неверия. — Было бы отлично, Дэн. Но контейнер, насколько я знаю, неплохо защищен. Система выдерживает прямое попадание стотонной глыбы, как мы недавно имели возможность убедиться. Ни лазер, ни плазма не повредит нанометаллической оболочке канала потока микродыр, этому чуду нанотехнологической мысли. Процесс их синтеза и испарения идет непрерывно, пока не иссякнет поле, направляющее поток.

— Можно поменять полярность, и микродыры начнут сталкиваться и аннигилировать, — Дэн по монитору следил за Касом, добравшимся по тросу до покореженного истребителя и сейчас роющегося в том, что раньше было его задним отсеком.

— То есть, мы летаем столько лет на ужасно опасной штуке?! Которая в любой момент может проглотить «Красавицу»?!

— Не в любой. Код, сообщающий системе контейнера поменять полярность, знает только капитан. И только он решает, когда стоит воспользоваться этим, последним оружием. Отец сообщил мне код незадолго до 404-ой.

Онемевший Ал с надеждой посмотрел на Элю. Та не осталась в долгу, резюмировала:

— Лучше б отец рассказал тебе побольше о Земле, кэп.

Группа джийанских истребителей разделилась пополам, и две пятерки начали заходить землянам справа и слева. Странно: они целились не в модуль, по касательной к его левому боку.

— Они стреляют по истребителю! — крикнул Дэн. — Кас!

Капа рванула рычаг, и большое тело модуля сдвинулось влево, загораживая истребитель. Новые снаряды прочертили дорогу сквозь пыль — к модулю. Страшный беззвучный долгий удар. Затрясся пульт под руками, будто был сделан из бумаги, но девушка упрямо держала рычаг в крайнем левом положении.

— Капа, потерпи еще немного, — сказал Дэн от двери в камеру перехода: теплый, волнующийся тон. — Кас уже возвращается.

Что-то щекотало лоб и правую щеку. Капа повернулась. Эля достала походную аптечку и стирала девушке кровь с лица. Ее руки не дрожали, движения были жесткими, резкими, уверенными. Потом она достала биоклей и стянула края раны.

— Спасибо, Эля, — надорванно сказала Капа. — У меня есть для тебя задание. Очень

важное.

Она замолчала, опять не зная, как выговорить дальнейшее. Нет, наверное, это все сон, она никогда не сказала бы таких страшных слов в реальности.

— Я сейчас подумала, что надо посильнее тебя защитить, детка, — хрипло сказала Капа. — Полезай в спасательную капсулу и возьми переводчик. Я выпущу капсулу ближе к ураносу, посылай ему сигналы. Только не страх, пошли ему любовь.

— А вы?!

— Мы останемся на модуле. Мы все нужны здесь. Не побоишься?

— Нет, — Эля гордо тряхнула головой, в точности как Ли-Энн.

— Тогда беги, быстрее. Дэн, помоги ей перетащить переводчик в спасательную капсулу!

Муж мгновенно принял решение Капы, кивнул:

— Сейчас.

Она и хотела бы обнять девочку на прощание, но руки были заняты дергающимся штурвалом...

— О, появился необычный коридор из виртуальности, он открылся только что, — донесся возбужденный голос Ала, едва она нажатием на кнопку отправила капсулу Эли за пределы модуля. — Кто-то там решил связаться с джийянами. Я думаю, это тот же предатель, что и пятнадцать лет назад, как ты говорил, Дэн!

— Сможешь пробиться в канал?

— Легко. Путь простой. О, кажется, я понял, кто предатель... Это Катерина!

— Лживые женщины, — Дэн горько усмехнулся. Капе показалось, он коротко глянул при этом на нее, и мгновенное знание пронзило холодом сердце: муж знает и о ее лжи!

«Это не то, что ты думаешь, Дэн», — она не сказала это, лишь покаянно подумала. Говорить было некогда, модуль опять трясло, внешние камеры одна за другой вспыхивали белым огнем и гасли.

— Сходи за ней и закрой коридор, — распорядился Дэн. Ал радостно согласился, но тут раздался голос Каса:

— Дай лучше я схожу за ней, кэп.

— Ты когда последний раз был в виртуальности? Дорогу найдешь? — заязвил Ал.

— Найду. Кэп?

— Дэн махнул рукой:

— Иди, Кас.

Сам он склонился над контейнером, который Кас принес с истребителя. Белая прямоугольная с закругленными углами коробка из полиметалла под слабым предупреждающим силовым полем. Поле капитан отключил, прикоснувшись к нему наручным браслетом, и через мгновение уже открывал выпуклую крышку контейнера. «Слепим из потока микродыр одну, побольше, и пошлем джийянам подарочек», — вспомнила Капа. Только б это подарочек не погубил и модуль вместе с врагами! Но вслух она опять ничего не сказала. Ободряюще улыбнулась мужу и дернула рычаг управления теперь вправо, уходя от снарядов джийян.

Катерина

С появлением джийян на «Красавице» мысленное море виртуалов обратилось морем

страха. Из новостных динамиков доносились лишь бессвязные восклицания. Многие ударились в панику, отключились от активного фона сети и перебежали на поля сновидений в надежде, что там джийане не достанут их, или, по крайней мере, достанут не так скоро, подарят еще несколько минут жизни. Джад руководил оставшимися смельчаками, они направляли роботов на «Красавице» навстречу пришельцам, но киборги легко сметали эту слабую армию. Джад защищал общий с реалами дом, это было достойно уважения. Но никто, совсем никто в виртуальности не сумел посмотреть на ситуацию под другим углом.

Благородство реалов. Одна Катерина почувствовала его. Остальные в виртуальности, видимо, настолько к нему привыкли, что считали само собой разумеющимся. А ведь Дэн мог бы легко установить дружбу с Джией, уничтожив виртуальность. Наличие существ типа пять — единственное обвинение, которое Джия действительно могла бы предъявить сейчас землянам. Но и Антон, и его сын предпочли воевать с могущественным противником, ставить под угрозы свои жизни и жизнь семьи. Зачем? Ради призрачного мира, который никто из реалов не может даже в полной мере ощутить? Какая выгода им в существовании виртуальности, никто из реалов «Красавицы» никогда не изъявлял желаний перейти в виртуальное тело и навсегда остаться в Эрнатоне. Виртуалы были для них соседями — не всегда дружелюбными, злопамятными, по большей части бесполезными. Почему же реалы с таким упорством раз за разом бросаются в бой за них, не задумываясь ни о какой выгоде, не взвешивая чья жизнь, реала или виртуала, важнее? По виртуальности и реальности «Красавицы» всегда бродило много расистских шуточек, но теперь Катерина поняла: не стоит принимать их слишком серьезно. Может быть, реалы и сами не осознают того, что не задумываясь бросаются на защиту виртуала просто потому, что виртуал для них — такой же человек, как они сами... Главное, что это осознала она. И это знание застучало в сердце, толкнуло ее, задыхающуюся от своей новой силы, прочь из уютной квартирки на улицу и дальше, дальше... к центру проекций сети и выходу во внешнюю сеть виртуальности, настроенную на связь с другими сетями. Друзей-реалов нельзя оставлять в беде и опасности! Катерина решила повторить позабытый опыт и поговорить с врагами. Джад открыл немного, но она многое сумела домыслить и догадалась, что за слово может остановить от продолжения бойни даже тяжелый крейсер джийан.

Центр проекций сети был пуст, работники разбежались по полям сновидений в надежде, что там джийане до них не доберутся... Катерина кинулась к монитору во всю стену, погладила светящееся перепетение нитей внешней сети и решительным касанием вызвала поиск иных сетей.

— Кати, не ходи к джийанам!

Джад все-таки достал ее, проникнув в мысли. Катерина тряхнула головой, нелепо надеясь выгнать оттуда старейшего виртуала:

— Я знаю, как остановить эту войну, Джад! Нужно просто рассказать джийанам, кто мы и что искали у 404-ой.

— Ты сошла с ума, Джия сотрет виртуальность!

— Не сотрет. Знаешь, почему? Ключ от нашей памяти находится в реальности! Дэн мог бы отдать его джийанам, а до него Антон, но реалы не предали нас. Подумай об этом, Джад.

Вот и общий каталог Джии: переплетение нитей, отливающих красным. Катерина собрала их в пучок, объединив ссылки, и монитор исчез. Вместо него был коридор, ведущий в серую пустоту. Сейчас нужно сказать слово-код, и она сможет войти в общий каталог Джии. Хитрый Джад не открыл ей эту частичку памяти, но Катерина, кажется, догадалась,

какое слово здесь нужно... Пора проверить догадку.

— Девочка, вернись, — снова голос Джада.

— Я закрою за собой дверь, в виртуальность этим путем джийане не попадут. Не бойся.

— Знаю. В прошлый раз ты также позаботилась о нас. Но не ходи к джийанам.

— Реалы там погибают из-за нас, а мы опять молча смотрим?! Я так не могу, Джад, — сердце опять разволновалось, силой налилось все тело, только голос то и дело срывался на хриплые тяжелые вздохи: новой сильной Катерине мало было сухого бедного воздуха виртуальности. — Ведь ты также как я можешь остановить эту войну! Почему не идешь со мной?

— Думаешь, я не понимаю благородство реалов? Думаешь, не ценю их защиту? — металл прорезался в голосе Джада. — Но надежда для виртуалов важнее... Важнее всего.

— При чем тут надежда виртуалов?!

— Джийя — враг, искажение! Враг не должен узнать истинную ценность 404-ой, пока на планете не закрепимся мы! — взвизгнул глава виртуальности и тут же, поняв, что открыл слишком много, сменил тон на дружески-отеческий. — Ничего у тебя не выйдет, Кати. Твой новый коридор тут же заметят из реальности. Хочешь, чтобы тебя остановили реалы? Хочешь заглянуть в глаза тем, кого уже один раз предала?

Катерина решительно шагнула в серую пустоту. Джад говорил что-то вслед, и чтобы не слышать новые казни и кары, она громко прокричала слово-код:

— Земля!

Угадала ли она? Пустота впереди начала расслаиваться на тьму и свет. В ней зажглись мириады звезд, и серость почернела в их лучах. Звездное небо, только не реальное, а виртуальное. Общий каталог Джийи, каким он представляется изнутри существу призрачной расы.

Катерина шагнула в звездное небо, и ее тут же повлек невидимый поток. Скорость загудела в ушах. Ее несло вокруг общего центра маленькой виртуальной Вселенной. Мимо на ошеломляющих скоростях проносились созвездия диковинных форм — сообщения джийан друг другу. Все знания, вся история, все секреты Джийи были здесь, языком звезд записанные на лице вселенской пустоты.

Катерина и сама стала скоплением звезд. Подавленная скоростью перемещения, она не могла и шевельнуться, но видела свою руку, просяще вытянутую вперед. Эта рука состояла из миллионов крохотных сверкающих бриллиантов, связанных тонкими, но прочнейшими связями. Впереди дорогу быстро пересекла зеркальная сфера секретной джийанской информации, и Катерина увидела в ней звездную королеву. Звезды россыпью застыли на черном стройном прекрасном теле, в пышных волосах запутались галактики, глаза сияют силой мириад горячих белых солнц... Это она?

Красиво! Виртуальная изнанка Джийи оказалась куда приятнее ее жуткой реальности. Катерина вздохнула. Нужно было поскорее сформулировать послание джийанам. Как ей в прошлый раз удалось обратить на себя внимание Джийи? Кричать, определенно, бесполезно, на такой скорости встречный ветер мгновенно заткнет ей рот. Или нужно просто ждать, когда тебя заметят?

Однако ей понемногу становилось хуже. Скорость уменьшалась, теперь она двигалась не по воздуху, а будто в толще воды, пространство впереди уплотнялось. Каталог Джийи выталкивал наглухо виртуалку. Жесткий ветер колебал нити, связывающие бриллиантовый контур ее тела, расшатывая связи. Только не это! Приступ! — Катерина всхлипнула от ужаса:

— Здесь? Сейчас?! О, жестокая Вселенная! Нитка звездных бус порвется, камешки-бриллиантики суровый джийанский ветер разметает во все стороны, закатит во все уголки маленькой виртуальной Вселенной...

— Помогите! — крикнула Катерина, еще не задумавшись, КОГО здесь просить о помощи. Ветер тут же ворвался в горло, ударил так, что на мгновение она решила — это смерть. Но кто-то отозвался. Кто-то в этом чужом призрачном мире:

— Дай руку, Кати. Я вытащу.

Впереди появилась фигура человека, сотканная из звезд. Широкоплечий мужчина. Увидев его глаза, Катерина мгновенно поняла, кто из реалов пришел за ней. Эти глаза не сияли испепеляюще двумя белыми дырами, а светили мягко — теплое земное солнце. Кас.

Она протянула ему руку. Резкий рывок. Бриллианты, очерчивающие контуры тел двоих, задрожали так, что показалось, оба созвездия, реала и виртуалки, сейчас рассыплются, как нитки бус. Но бусины звезд остались на местах, наверное, тонкая леска взглядов связала их.

Еще рывок, и Катерина открыла глаза в зале проекций сети. Кас, другой рукой придерживающий красноватые нити джийанского каталога на мониторе, отпустил их, и те вернулись на места. Реал был в обычном своем обличье, рыжие пряди, казалось, еще хранили свет джийанских звезд.

— Ал проследил твой путь, — тихо сказал он. — Почему, Кати?

Он не спрашивал зачем, он спрашивал, почему. Лучшего признания ее предательства нельзя было сыскать. Катерина опустила глаза, точно перед ней был виртуал:

— Я надеялась спасти вас.

— И ТОГДА надеялась?

— Тогда нет, — как тяжело говорить, хуже чем на суровом ветру общего каталога! — Но тогда я была другой, Кас. Совсем другой. Сейчас я в числе изоляционистов, а тогда была в противоположной им организации. Мы выступали за слияние с Джиейей, надеялись, что они разглядят в виртуалах равных себе.

— Да-да, — он безжалостно потащил ее к выходу из зала. — И, чтобы заслужить их похвалу, выдали им реалов. Ничего более отвратительного я в жизни не слышал.

— Пусть так. Я вернусь к джийанам. Объясню им... Отпусти меня, — залепетала Катерина. — Я хочу помочь! Я знаю, как прекратить эту войну! Кас! Пока не стало слишком поздно!

— Лучше молчи, — Кас дотащил ее до стоящей у выхода из зала энергетической ловушки. Джад с парализатором в руке заботливо распахивал дверцу клетки.

— Кас, пожалуйста!

— Твоя помощь не требуется. Черная дыра, знаешь, оружие посильнее предательства, — хмыкнул реал. — Войдешь сама или помочь?

Перекрестья энергетических лучей клетки приблизились. Катерина попробовала сопротивляться. Тогда Джад парализовал её импульсом, а Кас швырнул безмолвную одеревеневшую девушку внутрь.

Дэн

Выпуклая крышка беззвучно отворилась, открыв содержимое контейнера — еще одну полиметаллическую коробочку с зеленым дисплеем, забитым данными о состоянии потока

микродыр. Сбоку от дисплея помещался черный глазок детектора. Дэн провел перед ним наручным браслетом, и из детектора потянулся тонкий луч лазера-распознавателя. Дэн подвинулся так, чтобы красная нить попала в его правый глаз. Считав информацию с сетчатки, лазер исчез. Из глазка выдвинулась голограмма пульта управления системой потока.

Остался последний шаг: ввести код и сменить полярность. После этого у землян будет несколько минут, чтобы убраться за пределы горизонта событий новорожденной черной дыры.

— Нестрашная эта штука с виду, — заметил Ал. Дэн кивнул.

— Т-ты, правда, хочешь выпустить мощь этого оружия на свободу? — от волнения Ал начал заикаться. Дэн усмехнулся. Как он и подозревал, на деле брат Капы оказался не таким храбрым, как на словах. А вот он впервые за все годы правления «Красавицей» чувствовал себя на месте. И совсем недавние собственные рассуждения, что предпочесть: битву или бегство, казались жалкими. Ему было стыдно за то, что он просто думал так, он малодушно радовался, что не сказал это вслух. Сейчас молодая команда заражалась его уверенностью, но отдали бы они ему право распоряжаться их жизнями, если б он прежде позволил себе высказать хоть крохотное сомнение — нет, не в исходе битвы с джийянами, а в ее целесообразности?

Земли, той, к которой они стремились, больше не было. Последних землян ждала измученная, еле живая планета, нуждающаяся в их силе, разуме и жизненной энергии. И так стыдно было, что он думал сбежать от нее, так плохо, будто он из трусости оставил без поддержки родную мать. Земля дождется их... но битва за родину будет потом. Сначала уничтожение Джийи.

Дэн одинаково презирал Капу, согласную на эмиграцию, и Джада, мечтающего о спокойной жизни без борьбы с Джийей. Он даже немного разочаровался в поведении родителей в аналогичной ситуации: пустились в бегство, когда были в шаге от цели — 404-ой... Когда произошел такой перелом в его сознании? Тогда ли, когда джийяне ударили модуль лазером, тогда ли, когда он увидел залитое кровью лицо жены? Нет, еще раньше. Когда вместо обреченного согласия он решил посмеяться над посланием джийян. И вдруг все стало легко и нестрашно. Враги обнаружили свою слабость, а глаза команды Дэна загорелись надеждой и удивлением от осознания своей силы.

— Дэн, я не могу связаться с Касом, — хмуро, торопливо сообщил Ал. — Он вытащил Катерину и закрыл канал, но связь с нами тут же оборвалась. Кас застрял в виртуальности.

Дэн быстро глянул на тело Каса в кресле для связи с виртуальностью.

— Жизненные показатели в норме?

— Кроме шока от предательства Катерины, в целом, в норме.

— Ладно. Не вынимай его из кресла, может быть, удастся восстановить связь.

— Дэн, помести Каса в спасательную капсулу, — попросила Капа. — Пока он в виртуальности, он не твой солдат! — Но Дэн отозвался, сухо:

— Панику убрать. Мы все доберемся до «Красавицы». Целыми и невредимыми.

Истребители джийян подобрались к поясу осколков вокруг дремлющего ураноса. Стрелять они остерегались, и без того видимость была затруднена облаками космической пыли от раскрошившихся глыб.

Поглощенные наблюдением за истребителями, они не заметили новый сигнал о мерцании пространства поблизости, и прибытие подкрепления джийян застало землян

врасплох. Перламутровая щель над красным маячком пунктом перехода джийан распахнулась на мгновение и тут же сомкнулась, выпустив в окрестности бывшей 670-ой нечто небольшое, состоящее будто бы из сплава разноцветных огоньков. Оно двигалось с ошеломляющей скоростью и по ходу движения распадалось на сегменты-огоньки, связанные тонкими светящимися энергонитями. Гигантская энергетическая сеть с разноцветными огоньками в углах четырехугольных ячей.

«Для «Красавицы»?» — успел подумать Дэн и тут же понял, что ошибся. Сеть предназначалась ураносу. Подлетев ближе, огоньки, взяв близкую к световой скорость, рванули в стороны, распахивая сеть до предела. Переплетение энерголучей заключило в себя ураноса, филигранно обойдя модуль землян. Чудозверь дернулся, камни, кружащие около него, брызнули в стороны. Один попал в модуль, зато другой удачно ударил джийанский истребитель, выведя его из строя. Но остальные девять приближались, нацеливая на землян пушки.

— Ал, к ракетной установке, — скомандовал Дэн.

Согласно земному кодексу, космические медицинские модули должны быть лишены какого-либо оружия на борту. Но у джийан другие понятия о чести, поэтому Дэн еще пять лет назад оборудовал все модули «Красавицы» ракетными установками.

Ал уселся за пульт управления напротив Капы, быстро развернул обзорные мониторы с метками-мишенями.

— Я ослеп на правый глаз, Дэн. Работает только левый монитор!

Джийане ударили со всех сторон, и Ал, уже ни о чем не сообщая, надавил кнопки выпуска ракет. Две наши цели: вокруг двух джийанских истребителей замерцало серебром и погасло разрушенное силовое поле. Уранос опять дернулся, в сражающиеся стороны полетел град камней. И, камень тот был или джийанский снаряд, Дэн не успел понять, — вывел из строя систему искусственной гравитации модуля. Дэн машинально бросился за взмывающим контейнером, и почувствовал, что и сам теряет опору под ногами. Капа в кресле пилота успела пристегнуться, а вот Ал, как и Дэн, вылетел из кресла, но отчаянно извернувшись в воздухе, изловчился вновь нажать кнопку пуска ракет. Теперь совершенно вслепую: лазеры джийан расплавили все видеокамеры внешней оболочки модуля. Ждать дольше было нельзя. Пришло время использовать последнее оружие.

Дэн неловко развернулся в воздухе, зажав контейнер под мышкой. Капа, умница, догадалась открыть стеновые панели и вывести ручки для передвижения в условиях невесомости, и он, хватаясь за них, добрался до отсека со спасательными капсулами. Там открыл одну и, достав контейнер с мерцающей синеватой голограммой, начал набирать код смены полярности.

Тишина и покой. Странные, невозможные тишина и покой установились на поле битвы. Не слышно было криков и восклицаний его команды, модуль не трясло от ударов снарядов. «Я выпал из времени или это контузия?» — совершенно равнодушно подумал Дэн. Внутри все смерзлось, но страха не было. Неизвестность результата применения черной дыры была просто еще одной математической величиной. Он вздохнул и закрыл глаза, вспоминая положение всех кораблей на момент последней атаки.

— Капа, разверни модуль на пятьдесят градусов вправо, — скоро велел он.

— Зачем?

— Я выпущу капсулу с контейнером в направлении крейсера джийан.

— Дэн, но я же ослепла! И автонавигация вышла из строя... Как?!

— Вручную по авионике!

Капа послушалась. «Готово», — тихо доложила она через минуту.

— Джийане давно не отвечают, — теперь Ал тревожился, почему противник прекратил огонь! — Чего-то новенькое нам готовят?

— Может, их уранос сильно побил камнями? — предположила Капа.

— Или все твои ракеты достигли целей, — оптимистически предположил Дэн. Остались три последние цифры кода, по капризу госпожи случайности, это был ряд 4-0 — 4, а пальцы словно окаменели и не слушались. Наверное, и отец ощущал подобное, когда вводил код, чтобы стереть память виртуальности...

— Дэн, подожди, одна камера, кажется, цела, — Капа впиалась взглядом в боковой монитор, там мельтешение серебристых полос периодически прерывалось картинкой джийанского тяжелого крейсера.

— Отлично. Сейчас узнаем, верно ли мы выбрали цель, — немного зловеще побещал Дэн, негнуцимаясь пальцами ввел последние три цифры кода и, поместив контейнер в капсулу, захлопнул белую крышку. Потом, установив на пульте максимальную силу пуска и поставив на наружную оболочку картинку астероида, отправил капсулу в космос.

— Готово! Теперь, Капа, включай максимальную скорость и удирай в противоположном от капсулы направлении.

— Вон наша капсула! — вскрикнул Ал. — На мониторе, смотрите!

Действительно, на мониторе появилась крохотная звездочка. Капсула, успешно замаскированная под космический камушек, быстро двигалась в сторону крейсера джийан. Цель была выбрана верно. А джийане не замечали приближения опасности. Они выпускали плазму, заряд за зарядом, очевидно, по «Красавице», находящейся где-то за пределом глазка единственной работающей камеры модуля.

«Держись, Джад, — подумал Дэн. — Скоро придет помощь. Через полминуты джийан дойдет, что гравитация приближающегося объекта несоизмерима с размерами этой крошки и, более того, стремительно растет... но через полминуты будет уже слишком поздно!»

Капсула без помех прошла силовое поле крейсера, и джийане, наконец, заинтересовались странным объектом. Оболочка его на глазах сминалась, проваливалась внутрь. Джийане послали в капсулу заряд плазмы, должно быть, с испугу не соображая, что могут навредить сами себе. Крейсер оказался крепок, лишь его серая переливчатая обшивка побелела в тех местах, где ее коснулась плазма. Остатки капсулы смело, но микродыра осталась. Дэн затребовал увеличение изображения, и скоро нашел черную точку: его подарок проделал ход на корабль джийан и внутри сразу же принялся за обед.

Вспыхнули и тут же погасли огоньки на концах игл крейсера — джийане хотели убраться в гипер, но побоялись, с неуправляемой черной дырой на борту это привело бы к непредсказуемым последствиям. А микродыра добралась до хранилища плазмы и скоро, сытая сверх меры, изрыгнула в пространство две струи газа в противоположных направлениях. Малышка быстро набирала вес: мир уже начал пока слабое вращение вокруг нее. Дэн ощущал вибрации стенок модуля — это в них снаружи толклись камни, понемногу начинающие движение к новому центру масс.

— Дэн, я выжимаю всю мощь, но модуль почти не движется! — крикнула Капа.

— Ничего, выберемся. «Красавица» нас подберет.

Наверное, волновался и уранос, ворочался в джийанской сети. Но находящиеся на

модуле не могли видеть ни его, ни капсулу Эли. Им осталось нестись прочь от микродыры — безумный полет вслепую — в надежде на то, что главный корабль подберет их прежде, чем горизонт событий разрастется настолько, что поглотит маленький тихоходный модуль. Дэн впился взглядом в монитор, где его подарок пожирал крейсер джийан. Редкое зрелище позволяло отвлечься от панических мыслей. Микродыра разрушила почти четверть крейсера, сформировав из обломков быстро истаивающий в черной точке, но еще быстрее пополняющийся новой материей аккреционный диск.

— Связь с виртальностью восстановилась! — радостно завопил Ал, рванулся к монитору связи с виртуальностью и повис, вцепившись в него одной рукой.

— А Эля? С ней свяжись! — дрожащий голос Капы.

— Джад пока молчит, просто передает данные. Внешняя обшивка «Красавицы» сильно повреждена, есть пробоины, их сейчас герметизируют. Двое джийан заперты в коридоре, Тая у них. «Красавица» идет модулю наперехват, уже близко.

— Эля!

— Она... Сейчас! Ее капсула в поле притяжения ураноса. Дыра ее не достанет.

— Отлично, — ровно сказал Дэн, игнорируя оглушающий шум крови в ушах. — Капа, не отклоняйся от курса.

— Мы... мы встали, Дэн. Сейчас потащит назад, — упавшим голосом доложила жена.

Все пространство единственного монитора, передающего внешнюю картинку, вдруг залило ярчайшим белым светом. Капа инстинктивно заслонила глаза щитом ладони.

— Что это, Дэн?

Он не знал. Может быть, новая струя газа от растущей черной дыры? Но ее притяжение, напротив, отпустило модуль. Он несся вперед, точно пущенный сильной рукой великана, пока его не цапнула другая рука — манипулятор «Красавицы».

— Все в порядке, Дэн, я вас держу, — голос Джада с монитора связи с виртуальностью.

От неожиданного нахлынувшего облегчения Ал расхохотался, а Капа разрыдалась.

— Джад, «Красавица» не истребитель, чтобы так ее гонять! — радостно обругал виртуала Дэн.

— Я веду вас в док, — невозмутимо сообщил тот. — Сейчас появится гравитация, примите безопасное положение.

Дэн пропустил последние слова мимо ушей, потому пребольно ударился об неподвижного медробота, когда тело вдруг вновь обрело привычный вес и обрушилось на пол. Но на виртуала в этот раз он и не думал обижаться.

— Что за вспышка была только что? Это с крейсера?

— Да. Черная дыра обезврежена. Джийане применили что-то вроде белой дыры и, видимо, отправили твою «малышку» в параллельную Вселенную.

— Ого! — пожалуй, он был рад и даже благодарен врагам, за то, что те смогли найти выход из безвыходной на его взгляд ситуации. Все-таки черная дыра слишком страшное оружие! Оно должно устрашать возможностью своего применения, но не должно применяться. — Мы видели, что крейсер стрелял по вам плазмой. Чем вы его разозлили?

— Можете выходить: модуль в доке, док закрыт. Да, был бой, жаль, что вы не видели. Джийя прислала подкрепление, три легких крейсера через пункт перехода. Я взорвал их в момент выхода из гипера, вот джийане и обозлились, — Джад хохотнул. — Каково, Дэн?

— Одобряю.

— Опять меряются, кто круче, — Капа еще всхлипывала, но уже улыбалась. — Что с Таей, Джад?

— Она у джийан, — уже не так гордо сказал виртуал. — Они пока не выдвигали требований. Я запер их в коридоре на пути к доку с двух сторон, оставил крохотный отрезок. Плазму там не применить без вреда для себя.

— Ага, — Дэн поднялся и, припадая на правую ногу, неудачно подвернутую при падении, заковылял к креслу Каса.

— Каса верни нам, Джад. К джийанам пока не прибыло подкрепление?

Джад на мониторе отрицательно покачал головой. Кас глубоко вздохнул и открыл глаза.

— До чего же хорошо в реальности, — сказал он, и на губах расплылась блаженная улыбка. — Когда вас начало затягивать в дыру, кэп, я было подумал, что придется погибать в виртуальности. Хуже не придумаешь! Предательницу мы с Джадом заперли пока.

Больше про Катерину он ничего говорить не захотел. Дэн почувствовал щекой отчаянный взгляд Капы. Она, безусловно, уже поняла, что он знает о ее нелегальных посещениях виртуальности. Нет, она не прочтет презрения в его глазах, когда он решится к ней повернуться, нет там презрения. Но разочарования ему не спрятать: девочка... дурочка! И червоточина недоверия уже растет и тяжелеет, как давешняя микродыра, навсегда, безвозвратно поглощая толику всех светлых чувств: жена врала ему! Врала в ответ на его прямой вопрос!

«Не смотри пока, Капа. Потом, это потом».

Скоро все четверо вбежали в главную рубку. Здесь побывали пришельцы-джийане, и картина была удручающая. Внимание же Дэна более всего привлекли оторванные панели под пультом.

— Джийане стащили твою фотографию ночного неба Земли, — впервые за время сражения с общим врагом, в тоне Джада почувствовался старый яд. Дэн хотел было привычно усомниться, и обвинить в краже виртуалов... но только махнул рукой. Надоело сомневаться, не доверять и плести интриги. Все-таки были в недавней битве свои хорошие иллюзии: иллюзия ее ясности, иллюзия ее чистоты, иллюзия ее простоты.

Он включил поочередно все мониторы рубки. Последним загорелся главный монитор и Дэн удовлетворенно вздохнул:

— Как же хорошо прозреть!

Теперь виден был и крейсер джийан, обглоданный наполовину. Внутренность была выедена ровным полукругом, отчего город-корабль стал напоминать гигантскую чашу. Силовое поле однако, несмотря на значительные повреждения, вновь окружало крейсер, и вокруг уже вились машины-ремонтники. Они герметизировали важные отсеки. Сами джийане показывались редко. Некоторые в оригинальном подобии спасательных жилетов, видимо, для защиты капсулы с биоматерией от холода и безвоздушия внешнего пространства. Биоматерия... — интересно, чем она представлена у джийан? Можно ли их считать живыми существами, способны ли они, как люди, на чувства? Как выглядит их ненависть, их ярость? Пока Дэн видел только образец машинной логики, и это раздражало. Хотелось разозлить по-новому открывшихся в своей слабости и глупости врагов. Чтобы они почувствовали такой же страх, такое же смятение, такую же боль, как он.

Виден был и уранос, по-прежнему плененный энергетической сетью, и расплющенные останки джийанских истребителей около него, и маленькая звездочка — капсула Эли, совсем рядом с головой чудозверя.

— Это я вывел запасные видеокамеры на обшивку. Старые все расплавились от плазмы, — сообщил Джад, чуть подпортив впечатление.

— Хорошо, Джад, — уже сдержанно похвалил Дэн. — Значит, пункт перехода джийан разрушен?

— Поврежден. Ничего, больше истребителя, через него теперь не пройдет. Но они могут прислать тяжелые крейсера в обход точки перехода.

Капитан довольно улыбнулся:

— Думаю, наступает пора переговоров. На «Красавице» достаточно действующих контейнеров с топливом.

— О, мне одной черной дыры хватило! — с нервным смешком заметил Ал. Дэн обернулся:

— Контейнеры с топливом должны стать для джийан сдерживающим от нападения аргументом. Я не хочу когда-либо еще применять это оружие. Именно поэтому оставляю в главной рубке тебя. Ты и стреляешь метко, на случай вооруженного конфликта... А мы отправляемся за Таей.

— Ого, — неуверенная улыбка странно искривила точеное, но неэмоциональное лицо брата жены. — Я благодарен за доверие, Дэн.

— Не стоит, — отмахнулся тот. Пожалуй, впервые в жизни он не испытывал неприязни к Алу, но счел лучшим вариантом это вовсе не упоминать. Брат Капы — очень полезное звено команды, но лучше ему не знать ни о своей полезности, ни о том, что он, убежденный одиночка, входит в какую-либо команду.

— И надо связаться с Элей и вернуть ее капсулу на «Красавицу». Пока джийане заняты крейсером, — договаривал Дэн уже на ходу. — Остальные за мной. Джад, Ал, держите нас в курсе о перемещениях джийан.

— Я буду копировать нашу переписку тебе на браслет, — с охотой откликнулся Ал.

На складе по пути Кас сразу схватил большой лучемет. Капа взяла бластер, но тут же положила.

— Там же Тая. Можно ее задеть, — пробормотала она. — Что будем делать, Дэн?

— Разговаривать, — бросил он. — Какие еще варианты? Кас, положи оружие!

— Как девочку жалко, — глухо сказала Капа. — Она так боится роботов!

— Дэн, к джийанам идет подкрепление. Два кресейра. Я послал им сообщение, гляди, — доложил Ал и он поднес наручный браслет к глазам:

«Забирайте свой крейсер и убирайтесь, пока я добрый. Этой частью галактики владеет Земля! И мы готовы применить микродыру еще столько раз, сколько понадобится».

Дэн поморщился:

— Претенциозно, Ал. Но вкупе со зрелищем поврежденного крейсера должно произвести впечатление.

Кас тоже прочитал сообщение и застонал:

— Зачем он упомянул Землю? Идиот!

— Пусть. Нам с ними, действительно, настала пора поговорить о Земле, — махнул рукой Дэн. — Те киборги, к которым мы идем, забрали фотографию с координатами Земли.

Весь путь до закупоренного коридора они молчали. Только Капа иногда подходила, касалась его руки: то ли хотела поддержать, то ли сама нуждалась в поддержке. На подходе к коридору Дэн потребовал новую сводку. Ал сообщил, что джийане гордо молчат и пока занимаются буксировкой поврежденного крейсера на дальний рубеж. А Эля на «Красавицу»

возвращаться отказалась наотрез. И еще она наладила контакт с ураносом.

— Это же отлично, Дэн, — добавил Ал. — Видишь, какие у нас повреждения, с ними нечего и думать о скорости света. А убираться отсюда лучше побыстрее... Пусть киборги остаются заложниками на борту, а мы воспользуемся способом перемещения ураноса. В обмен на свободу он отвезет нас, куда мы захотим.

— Хорошо, сообщи это же Эле, — сказал Дэн, игнорируя умоляющий взгляд Капы. — Пусть остается с ураносом, пока непосредственной опасности нет.

— Дэн! — не выдержала жена, но он приложил палец к губам: тс-с! Из-за запертой двери впереди раздалась джийанская речь. Холодная машинная мелодичность странно контрастировала с живой эмоциональностью фраз:

— Ваша девочка теперь моя! Дайте нам уйти, и никто не пострадает!

Голос джийанина был тонок, звонок, необычен. Дэн всмотрелся в малоразборчивую картинку из тоннеля на стеновой панели-мониторе. Киборг стоял так, что в поле зрения единственной камеры попадало только его плечо, покрытое выпуклой светлой пластиной. Космолетчик. Дэн потер лоб, вспоминая возможности костюмов космолетчиков. Рост почти в два человеческих, четыре одинаковых по силе и точности руки, две ноги. Силовое поле. Неуязвимость к пулям, к большинству излучений. Пожалуй, только плазма да взрывы выработавших ресурс контейнеров способны им повредить. Впрочем, какая плазма? Ведь там Тая...

Девочку видно не было. Киборг полностью закрывал ее собой. Только иногда сбоку от пояса джийанина мелькало облако ее жестких волос.

— Девочка жива? — как ни старался Дэн, голос предательски дрогнул. — Я должен ее услышать.

— Она моя!

— Я должен убедиться, что он жива.

В ответ смех:

— Зачем? Она уже не ваша!

Станный джийанин. Дэн готов был поклясться, он не такой, как те, на крейсере. Что-то иное, странное для расы джийан, но ужасно знакомое землянину. Что?

Кас, перехватив его взгляд, изобразил руками плавную кривую в области груди, очертив выпуклый полукруг. Женщина? Джийанская женщина?

— Ваш корабль мы нашли и отбуксировал к полюсу «Красавицы». Вам не на чем улететь: в наших истребителях вы просто не поместитесь. Крейсер сильно поврежден и на помощь не придет. Бежать вам некуда, — принялся втолковывать джийанке Дэн. — Сдавайтесь и возвращайте девочку. Вернете — выпустим живой.

— Нет!

Капу испугала страсть и ненависть в этом крике, она вцепилась в руку мужа. Дэн успокаивающе погладил ее пальцы.

— Тогда поговорим еще, — спокойно сказал он джийанке. — Вы вскрыли панели под пультом в рубке и взяли то, что было там. Откуда узнали, где искать? И зачем вам оно?

— А что там было? — с девичьей непосредственностью удивились за дверью. — Мне нужна только девочка. Взамен я могу поделиться информацией. Я помню ваш корабль, я уже была здесь.

Кас подался к двери, чтобы лучше слышать. Дэн также.

— Вы были у 404-ой? — тихо спросил он, мгновенно вспомнив женоподобного

киборга-космолетчика в карантинном отсеке.

— Ваш вопрос означает, что вы приняли мое условие? — тут он почувствовал улыбку, тронувшую губы невидимой джийанки.

— Дэн! — всхлипнула Капа, опять ужасно раздражающе затеребила его рукав.

— Неужели ты думаешь, что я приму такую сделку?! — возмутился он погромче, чтобы слышали и за дверью, и добавил, уже одной джийанке: — Не в вашем положении ставить нам условия, леди.

— В вашем, что ли? — язвительно возмутились за дверью. Другой голос, мужской, заговорил на земном языке со странным механическим акцентом. В беседу решил вступить второй пришелец. — Зачем вам так нужна эта девочка? У вас вторая точно такая же есть.

— Где вы выучили язык? — Дэн проницательно прищурился, будто противник был перед ним. — Это вы взяли фотографию?

— Да, а милая девочка, чье горло сейчас ласково сжимает моя напарница, подсказала, где искать. Я изучал вашу виртуальность, капитан Дэн. Но хватит пугать мою подружку, а то она от страха сожмет пальцы посильнее.

Дэн сжал правую руку в кулак.

— Повторяю, отпустите девочку — уйдете с корабля живыми, — медленно, отдельно повторил он. — А пока побеседуем. Вы руководитель операции или...

— Исполнитель, — насмешливо перебил джийанин, не дав закончить. — Побеседовать с тобой, Дэн, безусловно, было бы интересно, но начальство требует результат. Поэтому я уйду с Красавицы вместе с одним из твоих людей. Ты полагаешь, я не посмею применить плазму в узком коридорчике? Я могу сию же секунду проделать дверь в любой стенке. Мой костюм новый, усиленный, выдержит недолгое воздействие плазмы. Напарницу в старом, конечно, жаль, но что ни сделаешь ради выполнения задания, да, капитан? Что до задания, начальник требует доставить ему одного землянина, но это не обязательно должна быть черная девчонка. Соображаешь, Дэн? Эй? Что ты замолчал? Возможно, я выбрал слишком жесткий вариант? Тогда так: под стеновыми панелями коридора я вижу массу интересных узлов вашего Брана. Разрушить их? Ведь настоящей красавице ум не требуется, м-м?

— Обойдемся без Брана, — с ненавистью сказал Кас, опередив Дэна. Джийанин сухих рассмеялся:

— А без виртуальности? Глядите-ка, я только что нашел интересный узелок. Если я ничего не пугаю, это якорь виртуальности. Отрезать его, и настройки реальности и виртуальности собьются. Бран, конечно, быстро восстановил бы путь в призрачный мир, но вы ведь уже согласились, что вашей «Красавице» мозг не нужен? Молчите? Что передать Джаду, Дэн, ты отрекаешься от виртуальности?

Дэн молчал. Натиск пришельца ошеломил его. Все, упомянутые джийанином, земные имена лазерными лучами полосовали мозг. Глубоко же враг приник в жизнь «Красавицы»! Они прятались от него, меняли картинку внешней оболочки корабля, не замечая, что враг уже внутри, под оболочкой.

— Зачем вы следили за нами? Искали путь к нашей родине? — Дэн осекся. Видимо, так, и путь они нашли! Фотография у них! И наверняка уже скопирована в общий каталог!

— Так что? Выпустите нас или попросаетесь с виртуальностью? — издеваясь, протянул джийанин. — До сколько у вас принято считать в таких случаях? До пяти? До трех? Так или иначе, Джийя никому не дает времени на раздумья: наше время слишком ценно.

— Дэн, крейсера джийан готовятся к атаке, — затараторил с другого монитора Ал. —

Готовить микродыру?

— Если он отключит Брана и виртуальность, мы не успеем улететь, — пробормотал капитан.

— Я... я думаю, может, запустить к ним через вентиляцию дестабилизированный отработавший контейнер? Взорвать там все?

Капа побледнела:

— А Тая?!

— Придется кем-то пожертвовать... — но Дэн сам отключил монитору Ала звук. Слушать его было тошно, тем более, что брат Капы проговорил и его собственные задавленные в зародыше отвратительнейшие мысли. Команда или семья? Новая развилка выбора. И лихости, с которой капитан расправился с первым крейсером джийан, уже не было в помине. Ведь на мониторе у двери мелькало темное облачко волос несчастной девочки, и по пальцам Дэна будто ток пробежал, когда он вспоминал, как однажды вздумал сплести из этих жестких кудрей косички.

— Отдавай девочку, капитан, копию можешь оставить себе, — повторил джийанин. Его издевательский смех потонул в шуме помех, и связь оборвалась, мониторы погасли.

— Этот урод вырубил Брана! — крикнул Кас, не сдержавшись, ударил запечатанную дверь кулаком, разбив в кровь суставы пальцев. Капа всхлипнула, зажала рот обеими руками.

— Так что, мне применить плазму? — прогрохотал и без динамиков отлично слышный голос джийанина.

— Кас, открывай! — крикнул Дэн. Вдвоем они принялись вручную вращать тяжелую ручку, не думая пока ни о чем, кроме того, как бы приложить побольше усилий. Капа подскочила, повисла на плече мужа.

— Дэн! Не надо! Они заберут Таю! Они убьют нас всех!

— Они выйдут оттуда, так или иначе, — Дэн вдруг почувствовал, что губы растягиваются в улыбке, такой же болезненной и страшной, как трещина на лице мраморной статуи. — Знаешь что, Капа. Беги-ка к спасательным капсулам. И брата возьми с собой. И Кас...

— Вот еще, кэп!

— Делайте, как я говорю!

Дверь распахнулась от страшного удара изнутри. Дэн успел отодвинуться с пути тяжелого листа, а вот Каса зацепило, отбросило к противоположной стене. Оглушенный, он сполз на пол, ошеломлено моргая, а джийане уже ступили в коридор. Высокие матово-блестящие киборги с красивыми, но неестественно-симметричными силиконовыми лицами. Первый был вооружен устрашающего вида ручной плазموпушкой, центральный ее раструб был направлен в лицо Дэну. Второй джийанин казался меньше ростом и субтильнее. Часть деталей его изношенного костюма была удалена и добавлены другие, навевающие сходство с тонкой женской фигуркой.

Неестественно тихая Тая с блестящими дорожками высохших слез на щеках шла сбоку от джийанки. Левая нижняя рука космолетчицы обручем сжимала горло девушки, так, что она не могла даже повернуться, чтобы увидеть родных. Дэн подсознательно ждал крика Капы, но жена молчала. Она встала посреди коридора, скрестив руки на груди, чтобы скрыть их дрожь. Оставлять это так было нельзя. Дэн выступил к джийанам, и лицо первого киборга при виде землянина расплылось в улыбке.

— Мне понравилась твоя понятливость, капитан, — молвил он и раздался тихий

щелчок. «Пусковая кнопка плазмопушки», — успел мысленно отметить Дэн, но уйти с пути направленного электрического заряда не успел. Болью взорвалась каждая клетка, тело выгнулось дугой назад... Он очнулся на полу. Джийане уходили и Тая с ними. Капу и Каса видно не было. Кто-то, надрываясь, звал капитана с наручного браслета, но его слова сливались в бессмысленный шум.

Дэн потянулся за Таей, но слабым малоосознанным движением лишь вызвал мощную волну боли, током пронзившую каждую мышцу поочередно. И скоро сознание, не выдержав ее натиска, вновь отключилось.

Эля

Она вдруг стала хитрой и серьезной — она, прежде не задумывавшаяся о вещах сложнее манипуляции приемными родителями. Едва капсула вступила в дальний пояс останков планеты, Эля открыла капсулу и прикрепила видеокамеру на ближайший камень. Картинка, тут же появившаяся на мониторе в крышке, ее не вполне удовлетворила. Она покидала спасательную шлюпочку еще три раза, прежде чем осталась довольна открывшимся обзором. Пропустила момент, когда ураноса опутали сеть, зато получила полную картинку «Красавицы», крейсера джийан и модуля. Она продолжила упрямое движение вперед, к чудозверю, даже когда на мониторах запестрели сквозь пыль бело-голубые трассы снарядов — позади опять начался бой. Отсюда корабли казались игрушечными, белая коробка модуля будто совсем не была связана с Капой, и Дэном, и Касом, и Алом, но Эля вспомнила мокрую и красную от крови Капы медицинскую салфетку, и губы задрожали. Нет, модуль на мониторе не был игрушечным. И там сейчас сражались и гибли любимые, родные люди. Эля видела, как джийанские истребители ударили земной корабль с восьми сторон. Неужели, все?

Она вскрикнула, забилась в капсуле, будто отчаянно боролась с жестокостью этого вопроса. Она напрочь забыла об огромном и чувствительном звере. А уранос, услышав ее крик, испуганно заворочался, затанцевали на орбитах камни вокруг капсулы. Эля ойкнула, притихла было, но тут же опять забыла об ураносе. Джийане окружили беззащитный, потерявший ориентацию в пространстве и изрядно помятый модуль, опять приготовились стрелять.

— Вот гады! — со слезой в голосе крикнула Эля неизвестно кому. — Ох, дали бы мне плазмопушку...

Ее опять услышал только один. Уранос. Камни с дальнего круга обломков словно ожили и понеслись на джийанские истребители. Три корабля, лишённые земными ракетами силового поля, разбились сразу же, остальные отступили.

— Спа-спасибо, — заикаясь сказала Эля. Уранос услышал и это. По монитору переводчика побежали широкие волны.

Обоим пришлось понервничать, когда Дэн решил применить последнее оружие — микродыру, и это еще сблизило громадину-чудозверя и крохотную девушку. Потом всё успокоилось. Над головой Эли за обзорным стеклом переливалась огоньками энергетическая сеть, в которой затих огромный пленник, а в ней поднималась волна благодарности к чудозверю.

— Эля, ты как? — спросил вдруг браслет голосом Ала. — Мы тебя потеряли.

В любой другой ситуации, она недовольно поморщилась бы: не терпела сноба и эгоиста Ала с детства, но сейчас Эля была рада услышать хоть кого-то.

— У ураноса. А вы? — Эля поглядела картинку с видеокамер: там была пустая чернота. То ли корабли переместились, то ли камни с глазками камер уплыли куда-то.

— Мы на «Красавице»! — гордо сообщил Ал. — Крейсер противника, можно сказать, уничтожен. Начинаем операцию по спасению Таи. И ты возвращайся на корабль. Тебя отвести или сама доберешься? Ручное управление капсулой цело?

— Цело.

— Тогда ждем.

— Я...

Эля вздернула голову. Вверху, плененный джийанской сетью, грустил уранос.

— Я сначала должна ему помочь. Ураносу, — сказала Эля, и почувствовала какой-то крохотный внутренний огонек, будто в сердце зажглась маленькая свечка. — Да, так будет правильно. Он ведь помог нам, уничтожил джийанские истребители. Мы с ним установили контакт... вроде.

— О, отлично! — голос Ала был столь полон нездорового воинственного оптимизма, что Эля поморщилась. — Может, поговоришь с ним еще, попросишь отвезти нас к 404-ой? Мы освободим его от сети, а он отвезет нас, куда мы скажем?

— Ал, ты ужасен.

— Почему?

Эля вздохнула:

— С ураносом нельзя заключать сделки.

— Ты же говорила, что установила контакт.

— Я... не знаю! Он на эмоции реагирует, — она опять вздохнула, замолчала.

«С ураносом не заключишь сделку, он не станет исполнять просьбы и приказы. Если твои эмоции созвучны его, он сделает, что тебе нужно. Он весь — мелодия Вселенной, и твои крохотные мечты, которые гармонируют с ней, получают развитие. Созвучна ли Вселенной мечта Ала о 404-ой? А мечта Капы о Земле?»

— Мне кажется, он отвезет нас туда, куда это нужно Вселенной, — наконец выдавила Эля. — Но, прежде всего, его нужно освободить. Ты предлагаешь это легко, значит, знаешь, как?

— Да, думаю, я могу попробовать разбить пару-другую узлов энергосети. Прорехи ему должно хватить.

— Хм... — Эля прищурилась. Серьезное выражение лица будто и мысли помогло привести в порядок. Она наконец-то почувствовала себя в реальности, а не во сне.

На близком расстоянии уранос перестал быть видимым. Слишком большие объекты, также как и слишком малые, невидимы человеческому глазу. С двадцати тысяч километров в обзорном иллюминаторе Эля могла видеть лишь бескрайнее темно-серое поле, которое изредка пересекала светлая полоса. Она пробегала по нему и исчезала за горизонтом — не то волна, не то живая гора... а, может быть, луч странного света — света параллельной Вселенной? Невозможно было поверить, что под капсулой Эли в космическом океане разлегся громадный зверь, и даже несомненно разумные, не случайные сигналы на мониторе переводчика казались чьей-то шуткой. Энергетическая сеть бросала отсветы на тело ураноса, напряжение силового поля почти ощущалось — гудело в ушах. Или то было волнение?

«Мы хотим тебе помочь. Мы благодарны. Сейчас мой... друг попытается разорвать сеть.»

Ты помоги ему. Не двигайся»,

Ал ударил. Ракеты рассекли облака космической пыли справа и слева от капсулы. Многие взорвались, встретившись с глыбами шлейфа ураноса, но какая-то часть, похоже, достигла цели.

— Пусть теперь попробует разорвать сеть, я удалил из нее две нити, — скоро сообщил он, немного напряженным тоном. — А ты возвращайся на «Красавицу». Там, где ты сейчас, опасно.

Губы Эли тронула удивленная улыбка. Подобные слова больше подошли бы Капе. Неужели Ал беспокоится за нее?

Эля поднялась немного и остановилась. Да, Ал разбил лазером два узла энергосети, и в клетке ураноса образовалась небольшая дырка. Но третий узел лазер задел вскользь, так что энергонити, крестом выходящие с четырех его сторон, не исчезли, но повернулись. Концы трех нитей постепенно теряя силу, истаивали в черноте космоса, но одна была прямо в тело ураноса. Чудозверь корчился от боли. Грани его тела, там, куда достал конец энергонити, застыли. Будто эта часть чудозверя уже умерла, омертвела. Зато соседние двигались торопливо, сильно, судорожно, будто старались оттолкнуть жгучий луч.

— Ой, Ал...

— Ну что? — раздражение послышалось в голосе Ала. — Прوماхнулся чуть-чуть. Что теперь сделаешь? Я не специально! Возвращайся на корабль, дура!

Это «дура» ударило хлестко, как бич лазера. Щеки запылали от негодования. Ох, как она разозлилась!

— Сам дурак!

— У меня достаточно дел, чтобы еще с мелочью ругаться! Что ты там застыла?! Не видишь, как опасно?!

«О-о-о... Мелочь». Губы Эли побелели от неожиданной обиды. Но новая, взрослая злость была подобна холодному душу. Она даже смогла спокойно, по-взрослому сказать:

— Я тебя ни в чем не обвиняла, Ал. Что ты взвился?

— Давай потом, дома все обсудим, — теперь и он смог держать гневный крик, но голос дрожал от усилия. — Эля, я беру управление твоей капсулой на себя.

Эмоции опять пошли впереди рассудка. На их волне Эля дернула рукой и отключила связь капсулы с «Красавицей». Осталось ручное управление и браслет, страшно ругающийся голосом Ала.

— Я сначала доделаю то, что ты не доделал. После вернусь, — бросила она браслету и потянулась за гермошлемом.

— Ты... ты... Подумай о Капе! Хочешь, чтобы мы в один день обеих близняшек лишились? — голос Ала зазвенел от напряжения заготовленной специально фразы — сверхточного оружия. Но Эля похолодевшими руками упрямо надела шлем и нажатием на грудную панель загерметизировала скафандр. Тая... Нет, не думать! Уранос не должен слышать ее страх, страха вокруг и так слишком много.

Она вызвала на мониторе увеличение картинки поврежденного узла. Энергонити вытягивались из раструбов метрового диаметра, легких на вид. Поддерживающее крепление раструбов было повреждено лазером, и зевы воронок сместились. Что тут можно сделать? Разве что маленьким наручным лазером разрушить остатки основания и механически пошатать его. Может, воронки расположатся другим образом.

Эля подвела капсулу поближе к буйку. Затем она открыла крышку капсулы и, цепляясь

за специальные скобы, осторожно выползла наружу.

Голова немедленно закружилась, хотя достаточно было опоры и для ног, и для рук, и капсула не крутилась, не смещалась, стояла незыблемо, будто вбитая в черное небо. Но безграничность пространства вокруг навалилась как всегда внезапно и сразу сильно, не давая ни привыкнуть к ней, ни вздохнуть. Страх панцирем сковывал тело, но, неуклюже и медленно, Эля смогла передвинуться еще на две скобы, и тогда тихонько повернула голову, рассчитывая увидеть поврежденный узел. Да, он был близко, в трех метрах. Энергонити тремя лучами расходились от него, теряясь в пыли и темноте, одна уходила круто вниз, к телу ураноса.

Уранос... Эля встrepенулась, послала ему мысленный сигнал:

«Не бойся. Я попробую убрать жгучий луч. Я не хочу, чтобы тебе было больно, — она подумала еще. — Мне больно оттого, что тебе больно».

Да, она нашла верный тон: чудозверь присмирел, камни перестали дергаться со своих орбит. Вот, как надо с ним общаться. Со-чувствие и со-переживание. Соединение в одно на эмоциональном уровне.

«Я помогу тебе. Сейчас», — Эля нашла в себе силы передвинуться на две последние скобы. Дальше была чернота. Сейчас придется прыгнуть в нее. Задержав дыхание, как в бескрайний неизвестный океан. Когда Эля лазила на истребитель за переводчиком, тоже было страшно, но не так. Там был трос, тянувшийся от модуля к истребителю, за который можно было держаться и перебираться тихонько, не опасаясь, что космическое течение увлечет тебя, утащит в холодную вечность и бесконечность. А здесь была только бездна вокруг. И реактивный ранец за спиной, которым Эля умела пользоваться хуже всех в команде...

Не вздохнув, Эля оттолкнулась от модуля, бросила себя в бескрайнюю бездну. Страх сожрал ее силу, и толчок вышел слабым, даже не толчок — вялое трепыхание. Но капсула стремительно ушла в сторону и потерялась. Черно-серое от совокупного света далеких светил небо, прошитое, как пулями, крупными звездами и черно-серое мерцающее тело ураноса четырежды поменялись местами, прежде чем Эля догадалась включить реактивные струи ранца. Управляя их мощностью, она кое-как утвердила положение тела в пространстве. Теперь скачок... Вот так. Узел энергосети резко пошел на нее, но в последний момент Эля вильнула в сторону. Садиться нужно максимально осторожно, чтобы не потревожить энергонити, не сместить их еще больше.

Через пять минут отчаянных маневров она закрепилась на узле. Это творение джийан оказалось весьма удобным и для землян. Металлическая поверхность его была изборождена полосами, а кое-где выдавалась бугорками, достаточными, чтобы держаться. Глаз отмечал сходные с земными детали: закрытые панели, провода, выключенные мониторы из темного стекла, кристаллические источники слабого света — кнопки. Эля добралась до энергонитей, закрепилась в сидячем положении, вытянув ноги к накренившемуся основанию четырех воронок. Повернуть бы этот крен в другую сторону!

«Я сейчас. Ты подожди освободиться, — попросила она ураноса. — Я тоже хочу уйти отсюда целой».

К этому мысленному посланию примешалась грусть и тревога от неизвестности судьбы младшей сестренки. Но Эля не могла совсем убрать грусть и тревогу, и понадеялась, что чудозверь расшифрует все правильно. Она включила лазер на правом наруче и направила луч на основание воронок. Следовало довершить разрушение, начатое Алом. Скоро три опоры

основания воронок были расплавлены, шарики металла застывали, покачиваясь рядом с лицом Эли. Но воронки не двигались, нужно было им помочь.

— Уф, надеюсь, они такие же легкие, какими кажутся на вид, — поделилась Эля с ураносом и, покрепче ухватив руками бугорки, примерившись, толкнула основание воронок ногой, вложив в удар все силы. Основание шатнулось, левый крючок, которым Эля была пристегнута, оторвался, и она соскользнула с бую. Энергонити описали большой полукруг по небу у нее над головой. Но все удалось: теперь весь крест лучей лежал в пространстве, чуть покачиваясь.

Обратный путь до капсулы оказался легче. Будто усталое, измученное часами страха тело нес радостный воспрянувший дух. Сняв гермошлем, Эля откинулась в ложе пилота и закрыла глаза.

— Эля... Эля, — монотонно повторял браслет голосом Ала. Наконец, поморщившись, она потянулась и взяла его.

— Я тут.

— Отозвалась все-таки... Там и оставайся. Джийане вырубили всю связь на корабле и виртуальность. За ними прилетел истребитель, они забрали Таю. Ворота в док так и открыты, теперь крейсера готовят десант на «Красавицу», а я — наших роботов.

Равнодушные от отчаяния фразы Ала били как молот, загоняя в тело гвоздь холодной боли — сквозь клетку груди до сердца. От звона металла об металл загудела голова.

— Таю... забрали?

— За ними прилетел истребитель с эскортом.

Дрожь пробила Элю, она на мгновение ощутила себя в теле сестры. Одна среди огромных жутких киборгов с равнодушно-прекрасными лицами, бритвенно-острыми профилями. И «Красавица» за обзорным стеклом удаляется... удаляется. Тонет в космическом океане навсегда, как Атлантида.

— Ал! Я иду к тебе! — крикнула она, еще не понимая, это она или сестра рвется домой, на «Красавицу», к родным. Даже сноб и эгоист Ал перестал быть противным.

— Оставайся в капсуле! Это приказ!

— Тебе в одиночку не справиться с джийанами! Я иду!

— Вот дура! Одну можно спасти, так она не хочет спастись!

Опять они кричали друг на друга, но теперь в воплях было беспокойство о другом. Наверное, его почувствовал и уранос. Огромное тело сильно вздрогнуло, от мельтешения граней по ткани пространства-времени пошли волны, а головка чудозверя рванулась сквозь энергосеть, разрывая нити. Игла на ее конце нащупала слабое место в материи и заскользила мягко продавливая его до прорехи. Солнечный парус расправлялся. Освободившийся уранос на волнах искаженного пространства ринулся к «Красавице» и подхватил ее в изгиб длинной шеи. Кончик его иглы ярко вспыхнул, и этот свет имел знакомый по перемещениям джийан перламутровый оттенок.

«Сейчас он уйдет в гипер, — подумала Эля, глядя, как перламутровый свет заливает пространство за пределами маленькой капсулы. — Но куда он переместит нас? Земля? 404-я?»

«Мне ничего не нужно, я только хочу домой — на «Красавицу». Я не знаю, что лучше: Земля или 404-я. Просто, если ты можешь, сделай так, чтобы все стало хорошо», — попросила она, глядя как в перламутровых волнах вокруг растворяются обломки 670-ой, джийанские крейсера, остатки черноты неба. Они уже летели в гипере, вовне любого мира,

езде и нигде. Они стали перламутровым лучом мечты и надежды, и направление лучу, Эля ясно знала это, задала она, пятнадцатилетняя девчонка. Курс на «все будет хорошо» — наверное, единственный верный из мириадом путей Вселенной.

Лереми

Пророчество исполнится — она вновь почувствовала это в ночь восхода Кана. Когда Энжет преградил путь Деале в высочайшем куполе, Лереми внезапно остановилась, машинально прижимая к груди красный цветок эстерры. Это было как подножка. Неожиданное. Непредсказанное. Среди мириадов путей Эдо она прежде не видела этой дороги, и это было очень странно.

Даже юные всезнающие знают: не могут новые дороги в сети путей Эдо появляться внезапно. Не существуют никаких избранных судьбы, для которых Эдо открывает собственную дорогу в обход остальных. Если вы вдруг увидели новую, будто бы не связанную со старыми нить в плетении мира, значит, вам только что открылась часть чьего-то тайного умысла. Значит, некто из сильных всезнающих изменил картину плетения в вашем разуме, скрыл или исказил ее часть, и эта скрытая поврежденная часть теперь кажется вам странной и вроде бы ни с чем не связанной.

«Кто затуманил мне зрение?!» — Лереми огляделась, будто этот злой некто обязательно должен был находиться поблизости. Но вокруг веселился народ, танцевал, прижав красные цветки эстерры к сердцу.

Лереми вяло сделала пару танцевальных па, но вернуть ощущение праздника не получалось. Когда ей открылась новая дорога брата, всезнающая будто очнулась от долгого тяжелого сна... Пламя в высочайшем куполе погасло, и толпа разразилась радостными криками. А Лереми поймала восхищенный взгляд юного всевидящего, очарованного ее тонким гибким станом прирожденной улаждающей взгляд, и из груди вырвался совсем другой, не радостный — удивленно-испуганный вопль. Тьма зрачков этого сенторианина была тьмой большого камня. Глыбы, вставшей на его прямом пути... Лереми потеряла глаза, опять потрясла головой, но видение не ушло. Глыба. Огромный камень: дальше пути нет.

Странное призрачное красноватое свечение распространялось по небу. Оно брало начало над высочайшим куполом. Наао перестал давать свою часть общего фона постоянства родного и, как предсказывало посольство темной стороны, мир немедленно откликнулся. В новом красноватом свете глаза танцующих утратили блеск, стали каменными глазами статуй. Лереми заозиралась: глыбы, глыбы, глыбы кругом! Она стояла в окружении сенториан, чей путь был закончен, точнее, прерван. Глыба упадет на их дороги очень скоро, одна глыба на всех: конец мира!

— Пророчество исполнится! — зазвенел ее голос над площадью. Удивленно-испуганный крик... И Лереми замолчала, выпустив цветок, зажала горло руками, чтобы из него не вырвалось новых слов-обличений. В волнующейся в ритме танца, колеблющейся толпе она остро почувствовала себя лишней, и страшно испугалась нового ощущения. Будто это осознание и эта фраза, сделали ее чужой всем, собравшимся на площади Наао. Будто теперь она была чуждым.

Недавно такой драгоценный красный цветок растоптанный лежал на камне площади.

Желание, что она хранила в чаше лепестков, все пролилось, смешалось с пылью. Что Лереми загадала? Удачи касте серых и всем планам Деалы, ясного пути ей, среброликой? О, солнце Эдо, какая грязь и ложь, самое место ей в пыли теперь! Подлая Деала готовит конец Наао... всему миру. Среброликая ослепила всех, даже совет, чтобы они не видели глыбы — конца жизни в ближайшем будущем, а они славят ее, жертвы, предназначенные на заклятие, да не во благо Сенты, а ради разрушения их мира! И она, всезнающая, оказалась также одурманена туманом лжи Деалы как и все!

— Тихо ты, не кричи! — незаметно подошедший Энжет, дернул сестру за локоть, потащил прочь из танцующей толпы, невежливо расталкивая окружающих.

— Энжет, я увидела сейчас... Здесь все в огромной опасности!

— Поняла наконец? — брат хмыкнул. — Сильно же вам Деала задымила мозги!

— Ох, да, да!

Изгибающиеся в танце фигуры тонули в мрачно-красном мареве. Холод одного и того же страшного камня в каждом случайном взгляде. Лереми почувствовала, что дрожит, так сильно, что тело почти не слушается. Застучали зубы. Высокая, широкая в плечах, узкая в талии фигура брата была единственным верным ориентиром в залитом красноватым светом близкого конца мире, и она вцепилась в его сильную руку.

— Ужасно, Энжет! — поделилась она, все еще стуча зубами. — И никто тут ничего не понимает. Что делать?

— Подожди, — хмуро бросил он, и молчал, пока колоннада дворца и площадь Наао не остались позади. Они остановились на опустевшей улице. Красный свет залил стены домов-пузырей, точно кровью, оконные проемы и ажурные кружева плетений балконов тонули в тени — очень черной, непривычной светлой стороне Сенты. Их мир изменился неожиданно и бесповоротно, и ничего теперь не вернешь. Каменную глыбу уже столкнули с высокой горы, и она катится, катится... и, сметая все на своем пути, лишь набирает скорость и агрессию.

— Что ты увидела? — Энжет встряхнул Лереми за плечи, приводя в чувство. — Волну ничто? Это землянин виноват?

— Я не увидела ничего точно. Это как страшный сон! Каменная глыба катится... Все пути Наао будут прерваны ею.

— Как скоро?

— Очень скоро! — Лереми прервалась, судорожно вздохнула. — А ты в высочайшем куполе... почему отошел от алтаря? Что тебе сказала Деала?

Брат помрачнел, убрал будто ослабевшие, полегчавшие руки с ее плеч:

— Я сам не знаю, почему отступил. Она сказала... м-м, сказала, что мой час еще придет. И указала Шелтона, как главного врага, с которым мне еще придет время принять бой. Что ты видишь, всезнающая, землянин запугал ее? Держит в заложницах? Или среброликая сошла с ума и сама жаждет гибели мира?

Лереми задумалась. Уважение к умениям всезнающей в голосе брата и обрадовало, и напугало ее. Конечно, здорово, что ему понравились ее новые умения, но что она может ему сказать сейчас? Она видит пока так недалеко, так узко. И стоит ли говорить хоть что-то? Ведь страж немедленно истолкует ее слова, как руководство к действию!

В то же время она была впечатлена тем, как красиво и четко брат обозначил ее пока едва намеченные недоумения. Действительно, если Деала предательница пути Сенты и жаждет гибели мира в ничто, зачем указывать стражу своего союзника-землянина как врага,

не правильно ли усыпить разум бунтарю, как всем в Наао? А если Деала поневоле оказалась в плену землянина, почему не послать мысленный сигнал о помощи хотя бы чуткому совету? Этот Шелтон абсолютно глух к телепатии, он ничего и не заметит. Поведение Деалы странно выглядит для обоих вариантов. Значит, есть какой-то третий.

— Я пока ничего не могу сказать тебе про Деалу, — наконец выдавила Лереми. — Я только что наткнулась на огромный пласт скрытой от народа информации, Энжет! Но деталей пока не вижу. Надо выпить пятое и шестое зелья сразу. Они делают предвидение острым, хоть и узким.

Лереми умолчала о том, что шестое зелье ей положено пить только на следующий восход Кана и что после него могут начаться первые нарушения зрения. На лице брата было написано такая сильная и искренняя тревога о судьбе Сенты, что собственные возможные потери показались мелкими и неважными. Стыдно было бы даже вскользь упоминать их. А праздник между тем закончился. Сенториане расходились с площади Наао, по-прежнему бережно держа у груди заветные желанья. Свечение неба приутихло, краснота поблекла. Но она осталась в будто налитой кровью черноте теней, в розовой пене облаков, тошнотворным... даже не запахом — предчувствием запаха в воздухе.

— Хорошо, — Энжет скованно улыбнулся, просто чтобы подбодрить. — Попробуй посмотреть, можно ли еще исправить хоть что-то. Только не кричи больше про пророчество на улицах.

— Да, — Лереми передернулась, вспомнив, как почувствовала себя частицей чуждого в одурманенной толпе. — Я попробую обратиться к старшим всезнающим. Их предвидение сильнее моего, не может быть, чтобы они хоть на лепесток юлсинты не почувствовали на площади того же, что и я!

— А я отправлюсь на темную сторону Сенты. Хочу пройти путем землянина. Думаю, найду много такого, что способно разрушить чары над Наао, — хмуро пообещал брат, и Лереми обрадованно стиснула его руку:

— Темная сторона? Точно!

— Что?

— Посольство! Их всезнающий Осан выступал против Деалы. И он силен! Я обращаюсь к нему... — она закрыла глаза, мысленно уже всматриваясь в пустую площадь в поисках следа, оставленного темными.

— Молодец, сестренка, — искреннее одобрил Энжет. — До встречи. Ясного пути тебе.

— И тебе, — она не смогла сказать это радостно: слишком тяжело было от плохого предчувствия на сердце, едва дышишь.

— А ты видишь мой путь, хоть немного? — непривычная неуверенность послышалась в голосе сильного, большого брата. И теперь Лереми смогла улыбнуться.

— Да. Я увидела его сегодня на площади Наао. Яснее, чем прежде. Это хороший путь. И перо сенрито сияет у тебя за ухом.

Они тепло попрощались, и Лереми кинулась обратно на площадь. След посольства не покидал пределов дворца, темные еще были здесь. Запыхавшаяся, она встретила с ними на ступенях у главных дверей. Посольство собиралось домой, Деала провожала их. Даже сквозь плотную серебристую вуаль Лереми почувствовала жгучий пронзительный взгляд среброликой, но не ответила на него, опустила голову, мысленно ставя плохонький, но барьер на чувства. Но вот скрыть отвращение к самой себе не удалось. Лереми вспомнила, сколько времени была под чарами Деалы, как восторженно поддерживала все ее планы, и ей

стало тошно от себя.

Она отступила в тень колонн, послала отчаянный мысленный сигнал Осану. Повезло: среброликий откликнулся сразу же, голова темного повернулась к Лереми.

— Ваша ученица, Деала? — раздался ехидно-скрипучий голос темного всезнающего.

— Да. Одна из самых талантливых моих учениц, — неподдельная теплота была в голосе Деалы, и Лереми на лепесток юлсинты стало стыдно. «Нет, ласка и доброта Деалы не могут искупить вину среброликой перед Сентой», — напомнила она себе.

— Что ж, юная леди, — Осан почтительно поклонился. — Если Наао отпустит вас, жду вас в Деи. Любопытно будет посмотреть, чего вы достигнете к тому времени.

Более ничего не добавив, он первым сошел по ступеням, прижимая к груди знакомый Лереми черный прибор для связи с мирами вне Сенты — подарок светлой среброликой. Темная всемогущая, неподвижная как статуя в кресле на колесиках, окинула Лереми долгим взглядом, ее губы шевельнулись, но она ничего не сказала. И всё же по её взгляду было понятно — несказанными были слова поддержки. Скоро посольство темных навсегда покинуло площадь Наао. Недоумевающая и разочарованная, Лереми присела на ступени дворца, отдыхая: от бешеного бега и волнения до сих пор болели ноги и распирало грудь. Все, что Осан счел нужным ответить на ее отчаянный вопль, было «жду в гости»?! Что за игры ведут среброликие?! Или... или он хочет ее спасти, намекает: беги отсюда, хоть в Деи... и пора бежать?

Лереми подняла голову от колен, поглядела вокруг. В чаше площади еще плавала приторно-сладкая смесь праздничных запахов. Растоптанные цветки эстерры на камнях казались ранами. Ранами, что были нанесены в самое сердце Наао... Но и с этими ранами город продолжал жить. Шумно перекликивались торговцы с покупателями на рынке, стража скучала по углам площади, изредка переговариваясь на кратком жестовом языке своей касты. Стайка молодых творцов красоты, сбжавших от наставника, расселась у стелы в кружок и, воскуриив запрещенное зелье, белым столбом поднявшееся в небо, с упоением отдалась сказке совместных видений. Все были веселы, многие еще держали сложенные руки у груди лодочкой, неосознанно храня заветное желание. Только красноватое сияние неба над Наао не давало забыть о грядущем бедствии. Оставить здесь все, забыть этих одурманенных и побыстрее убраться в безопасный Дэй? Нет! Лереми было до слез жаль Наао и всех его жителей. Хотелось брать каждого одурманенного, не знающего, что его глаза уже обратились в каменные глыбы, за нагрудные ленты, и до хрипоты кричать в лицо о том, что пророчество исполнится. Наао не отпускал... Значит, пора пить зелья и вступать в игру среброликих!

Энжет ушел на темную сторону. Сманил двоих товарищей, таких же юных стражей, и бежал. В разгар обучения это могло повлечь строгое наказание, вплоть до исключения из касты, но Лереми была спокойна за брата. Как ни слабо было ее предвидение, Энжет всегда являлся ей стражем, значит, исключения не будет. Аки вместе с большим отрядом всемогущих отправили к Границе. Помогать экспериментам землянина — такова была официальная версия, но Лереми, прозревавшая дальше тумана лжи, видела: глыба конца мира пойдет оттуда. Эксперименты могли обернуться чем угодно, даже одурманенные немного осознавали это, потому решили поставить на Границе заслон из всемогущих.

Лереми не сказала Аки, куда его отправляют, только попросила вернуться к ней, в Наао, поскорей. Хоть он и отправлялся туда, откуда покатится глыба конца мира, Лереми не волновалась за него, как и за брата. Ей уже явилось видение ее грядущей свадьбы с Аки, она

узнала сладкий вкус его шарика эньо на языке. Беспokoилась всезнающая только о Кейле. Темен был путь распознавательницы чуждого, ее будущее принадлежало не ей — ее озлобленной гордыне. А Кейла, не подозревающая о своей мрачной судьбе, царила на площади Наао. Ритуал сменялся ритуалом, в небо взлетали струи разноцветного дыма, спутываясь и застилая последние остатки реальности. Нечего и думать было рассказать распознавательнице о каменных глыбах в глазах всех, внимающих ее ритуалам. Кейла была очарована Шелтоном... и своей фигурой, выточенной на колонне дворца. Никого из друзей не осталось рядом с Лереми. Она была одна. Наедине с чужой ложью, наедине со своими сомнениями.

Никому не сказав, она купила на рынке пятое зелье касты всезнающих и выпила его. Если узнают старшие, наказание будет жестоким, а они узнают скоро: от приема зелья кончики пальцев рук начали слабо серебриться в прямых солнечных лучах. Но неотвратимость наказания не страшила Лереми. Кто вспомнит эти правила, когда море ничто заплещется у ступеней дворца Наао? Вот только молчать в изменившемся мире оказалось очень сложным. Все главные касты были оглушены воздействием одной среброликfой, все на разные голоса повторяли ее слова, но мотив был общим. Новая каста посредников, заселение Ламоса... Никого не пугали грядущие эксперименты землянина на Границе, никто не связывал это с видением волны ничто, и Лереми ужасно хотелось вступить с ними в спор. Сначала было тошно слушать явную и ужасную ложь, потом юная всезнающая стала опасаться, что эта ложь вновь затуманит ее разум и острое зрение. Ведь землянин так красиво рассказывал об иных мирах, о душе-путешественнице, о том, что для Вселенной все родное и нет чуждого! И Лереми чувствовала: в этом Шелтон не лжет, он действительно верит и в душу, и в ее свободу от пути одного мира. Где же ложь?

Однажды на ступенях дворца Наао ее нашла Деала.

— Что ты плачешь, провидица? Твой взор должен быть ясен. Всегда.

Лереми уже привычным движением подогнула пальцы к ладоням, ногтями впиалась в мягкую плоть.

— Я опять сомневаюсь, сребролика, — прошептала она.

— Сомнение — худший порок для всезнающей. Сила любит сильных духом. От слабых она уходит.

Лереми вскинула голову, посмотрела Деале в занавешенное лицо. Деала не может не знать, что Лереми думает о ней как о лгунье и предательнице. Но опять не считает нужным ни разубедить ее, ни объясниться, ни оправдаться!

— Ты не сердись на меня, сребролика? — наконец спросила она. — Должна сердиться...

— За что? За твою искренность? За твою доброту ко всему живущему?

— Объясни мне...

— Иногда, чтобы понять, нужно прервать бег, иногда — продолжить.

— К чему ты толкаешь меня?!

— Я обозначила твой главный недостаток: сомнение.

Лереми опять опустила голову, скрывая разочарование, выразившееся в кривой усмешке.

— После какого по счету зелья к нам приходит способность говорить красивыми и бессмысленными загадками? — прошептала она, не найдя иных слов. — Вот интересно...

— После семнадцатого, — по голосу Лереми поняла, что Деала улыбается под

вуалью. — Вместе с отказом от слуха. Пусть солнце Эдо осветит твой путь, Лереми, и истают тени сомнений.

Она легонько коснулась макушки девушки прохладной гладкой ладонью и ушла. Тогда Лереми подняла голову, всмотрелась в расплывшийся мутным блином опустевший круг площади.

Сомнение... Как избавиться от него? Осан обозначил границу: когда тебя отпустит Наао, Деала тихонько толкает в спину: беги! Но это не путь среброликой. Только безкастовых приходится вести за руку по их пути. Все касты, и, особенно, главные касты, выбирают свою дорогу и идут по ней сами. Одни. И Лереми не нужна ни поддержка, ни чужие планы, которым так просто и нетревожно следовать! Но какое знамя поднять над головой, чтобы легче было бежать одной? Шелтон говорит, есть много миров и все они равны — и это правильно и красиво. Но Сента создала свой разумный народ таким, каков он есть... и это тоже правильно и красиво! Что еще говорит Шелтон?: «Сента доверила своим разумным самое дорогое — свою жизнь, но, вместе с этим, лишила свободы... Тюремщица!»

Лереми нахмурилась: «А ведь Земля также доверилась своим разумным детям — и те погубили ее. Наверное, она дала им слишком много свободы. Или поторопилась открыть им двери в иные миры, не дождавшись, пока дети повзрослеют».

Она резко вскинула голову: «Так может, и Сента — не тюремщица? Придет час, и она откроет своим детям двери в иные миры. Но сделает это сама, а не по принуждению чуждого, землянина! О, он не лжет о чужих мирах! Он лжет тогда, когда ставит условием отречение от своего!»

Она вскочила, ринулась бежать и остановилась лишь у шатра знакомого торговца.

— Шестое... зелье! — тяжело отдыхиваясь, потребовала всезнающая. — Я ЗНАЮ, что ты его уже привез!

— А цену тоже знаешь? — хитро прищурился тот. — Покопаешься в прошлом моей супруги. Но так, чтобы никто не узнал.

— Годится.

Торговец кинул Лереми пузырек со светло-голубым содержимым, и она стиснула его в руке, как путеводную нить.

— Ну что ж, веди к жене, — Лереми холодно усмехнулась, про себя удивляясь непривычному ощущению в мышцах лица от маски равнодушия. В глазах торговца были те же холодные камни, что у всех. Если он и узнает нечто, компрометирующее супругу, это знание уже не успеет повредить никому в Наао. Все страхи, сомнения, обиды скоро растворятся, исчезнут в общем море ничто...

Если, конечно, Лереми не узнает, как предотвратить катастрофу.

Энжет

В дальний путь они отправились вчетвером. Трое стражей-дезертиров и молодой преумножитель знания. Энжет предпочел дорогу через водные просторы, рассудив, что это и более безопасно, и менее приметно. Южный морской путь издревле бороздили не деревянные корабли. Здесь пролегал путь миграции меанов — огромных древних животных, служащих сенторианам перевозчиками. И Энжет купил четыре места на живом корабле.

Меан достигал размеров дворца Наао к своему десятому восходу Кана, самые крупные

известные особи были еще вдвое больше. Это были миролюбивые травоядные твари, питающиеся широко распространенной водорослью — анат. Обтекаемой каплевидной формы тело, четыре конечности, превращенные в широкие ласты, и мощный хвост. Особый интерес для сенториан представляла кожная складка на спине зверя. Изначально она была предназначена для потомства, появляющегося на свет беспомощным и неспособным к жизни в открытой воде, но уже многие сотни восходов Кана сенториане использовали огромных животных в качестве перевозчиков, обманом занимая место их выводка, а юные меаны выращивались отдельно от родителей, в специальных инкубаторах. Была выведена порода меана с увеличенной кожной складкой, укрепленной осевыми отростками позвоночника. Такого выбрал сейчас Энжет.

Как и все пятьдесят пассажиров рейса, он натерся пахучей смесью, чтобы живой корабль принял его за беспомощное потомство и выпил снотворное зелье. Затем быстро, пока зелье не начало действовать, поднялся к водному вольеру, где дожидался пассажиров молодой меан. Меланхолично покачиваясь на водной глади залива он задумчиво дожевывал последние длинные пряди водорослей. Кожная складка, подпираемая отростками позвоночника, возвышалась на его спине прозрачным, на вид хрупким стеклянным шатром. Тварь, подобно большинству животных Сенты, имела непигментированную кожу и мышцы. Был виден пульсирующий шар сердца, коричневая глыба печени, сизые петли длинного кишечника, и в большой голове сквозь студневидные швы черепа просвечивала желтоватая масса небольшого мозга.

— Не очень-то он умен, — хохотнув, заметил спутник Энжета, Енел. Тот усмехнулся:

— Сердце здоровое, нам этого довольно.

— Я предпочитаю северный морской путь, на деревянных кораблях, — вмешалась Нэита, девушка-страж.

— Решаю здесь я, — напомнил Энжет. — Нам нужно как можно скорее добраться до базы землянина на темной стороне. На меане быстрее.

Тут спорить не стал никто, даже преумножитель, желчный, язвительный, будто вобравший все худшие качества своей касты. По деревянному мостику они перешли в прозрачный шатер на спине меана и улеглись в камеры для сна, образованные складками кожи поменьше. Энжет слышал, как с громким хлопком закрылись створки шатра, и затем огромное сильное тело повлекло его куда-то в глубину. В животе возникла и исчезла неприятная пустота, но снотворное зелье уже брало власть над телом. Скорость движения переставала ощущаться. Под мерный рокот крови меана, текущей по гигантским трубам сосудов, Энжет засыпал.

Сон, вопреки заверениям торговца зельями, оказался тревожным. Снилось погоня за дезертирами, снилась шепчущая на земном языке тарабарщину сребролика под серебристым покрывалом. Снилось Кейла с чужими белыми глазами, дирижирующая безумной толпой на площади Наао, снилась поблескивающая в лучах Эдо стена ничто, постепенно заслоняющая горизонт... И похожие сны, видимо, терзали спутников. Они ворочались в соседних камерах, порой вскрикивали что-то. А меан послушно и бездумно, повинаясь зову древнего инстинкта своего вида, уносил их все дальше и дальше от Наао.

Что Энжет искал на темной стороне, он и сам не знал. Одно он знал точно: землянину есть, что скрывать. Это чувствовалось в его взгляде и жестах. О, стражу отлично натаскивают на поиск врага, чуждого в мире родного! И все новые знание, умения Энжета подтверждали: землянин — враг и землянин замыслил нечто опасное для Сенты. Не потому

ли среброликие загружают его касту нелепыми, но утомительными заданиями, что боятся, как бы опасность землянина не почувствовала вся стража?

Он увлек своими сомнениями многих в родной касте, но для дальнего путешествия придирчиво выбрал двоих — Енела и Нэиту. Ненавидели землянина многие стражи, но только эти двое оказались столь же упрямы, рассудочны, и последовательны в своей ненависти, как Энжет. Вот преумножители знания все как один поддерживали планы Шелтона, и несогласного с мнением большинства пришлось долго искать. Наконец, Енел вывел Энжета на одного молодого преумножителя, обиженного на землянина за то, что тот выгнал его из какой-то там третьей вспомогательной группы исследователей. Выгнали преумножителя, надо понимать, за слабые знания... но тут Энжету пришлось довольствоваться тем, что есть.

Он проснулся, почувствовав телом замедление и прекращение движения. Прозрачные стены камеры качнулись и встали. Голова еще кружилась, ядовитая слабость от принятого недавно зелья застоялась в членах, но Энжет приподнялся, отогнул один лепесток.

— Полсо! — объявил старший по рейсу, отодвинув створку шатра. — Остановка на один акат.

Энжет вместе с остальными пассажирами вышел на спину меана. Зверь уже вошел в свой загон в заливе и невозмутимо и обстоятельно уничтожал огромную гору водорослей. К шатру с берега протягивали мостки, и торговцы снedyю надрывались в отдалении.

Страж с любопытством огляделся: на Полсо он был впервые. Чистый красивый старинный город — гроздя ажурных пузырьков — утопал в растениях. Похоже на Наао, но вокруг было темно, как в грозу, хотя небо было чистым. Даже в краски листвы на деревьях будто подмешали сажу. Архипелаг Полсо находился на самой середине света и тьмы. Здесь стояли вечные сумерки. Небо было налито незнакомой глубокой синевой, на восточном горизонте, где остался Наао, синева чуть светлела, зато на западном — направлении на Деи — царила непроглядная тьма, будто на воде разлеглась тяжелая туча.

— Наилучшее для глаз освещение, наслаждайся, — бросила Нэита и первой ступила на мостик. Но на берег не пошла, тут же легко вскочила на перила и бросилась в воду. Наверное, она чувствовала ту же мерзкую слабость в руках и ногах и хотела поскорее прогнать ее. Энжет проводил девушку задумчиво-благожелательным взглядом. Девушки были редкостью среди стражи. Сильная и ловкая, независимая и боевая — так похожа на Кейлу, и при этом без приводящей его в ярость упрямой гордыни... — Нэита очень нравилась Энжету.

— Идите сюда! — позвала девушка-страж, и Энжет согласился разглядить хмурую задумчивую складку на лбу. Об интригах землянина можно не думать еще целый акат. Енел уже вскочил на перила, но на лепесток юлсинты замер, балансируя, и Энжет успел опередить его. Он не разумывая перебросил вялое тело через низкие перила ограждения мостика и первым влетел в теплую прозрачную воду залива. Фонтан брызг, поднятый им, драгоценными камнями осыпал голову и плечи смеющейся Нэиты.

— Что, ты думаешь, мы найдем там? — спросил Енел, когда меан вышел из залива и заскользил по водной глади к черной полосе на горизонте.

— Ответы на все вопросы.

— Ты говоришь, как среброликий, — Нэита подошла к стражам. Стройное тело, покрытое красно-черными узорами, соблазнительно четко очертило неяркое на Полсо солнце Эдо. — Не Деала ли посоветовала тебе отправиться в это путешествие?

Энжет улыбкой ответил на ее замечание, но тут же помрачнел:

— Нет. И самому несложно догадаться, что начинать поиски следует с первой базы землянина.

— Тихо! Насладимся последними лучами солнца, друзья, — прошептал Енел. Старше Энжета на восход Кана, он и несмотря на прием больших порций зелий казался меньше и легче, но жилистое худое тело украшали все полагающиеся третьему году обучения честные боевые шрамы. — Впереди нас ждет... только тьма.

Они невольно взглянули на темную линию горизонта. Один преумножитель знания по-прежнему игнорировал компанию. Его тело покрывали модные в столице прозрачные узоры, прослеживающие ход подкожных артерий и вен, расширившиеся от приема зелий касты швы между костями черепа также были прозрачными. Интересная иллюзия, казалось, голова преумножителя вот-вот расколется на части... И Энжет в очередной раз, глядя на него, вздохнул: оправдывает ли этот модник высокое звание ученого там, на темной стороне?

Когда меан стал готовиться к погружению, стражи прошли в шатер и приняли новую порцию снотворного зелья. Вторая половина плавания прошла в таких же тревожных снах. Даже меан шумно вздыхал порой, недовольный поведением беспокойных «детей». Иногда Энжет открывал глаза и сквозь прозрачные стены камеры и шатра видел, как постепенно темнеет, отдаляется небо. Скоро солнце Эдо убрало последние лучи за горизонт, и тогда на путешественников льдисто поглядели чужие звезды с белыми презрительными лицами.

«С одной из них пришел Шелтон», — думал Энжет, а вскипающая в сердце ненависть разливалась по артериям до сильных рук, заставляла сжиматься большие кулаки. Как бы он хотел всадить кинжал в сердце опасного чуждого! Но нельзя, хитрый землянин объявил, что может поддерживать барьер для чуждого на своем костюме и базе в Наао только пока жив. Убить его, и волна ничто пойдет по Сенте с того места, куда упадет капля крови землянина, от того ветерка, который подхватит его последний вздох. И даже если удастся изолировать тело чуждого, что делать с его базой? С этими его металлическими помощниками, которые в любой момент готовы разнести частицы чуждого по всей Сенте?

Энжет прежде был на темной стороне только один раз и в раннем детстве, и не запомнил ничего, кроме постоянной темноты. Помнится, тогда он пожалел здешних жителей, их будто в наказание заперли на всю жизнь в огромном темном чулане. И сейчас ощущения были похожими. Все тут было незнакомым и оттого странным. И низкорослые деревья, чьи ветви вместо листьев топорщились иглами черного цвета, они росли, концентрируясь вокруг светящихся кристаллов, излучением которых питались в отсутствие солнца... И белые, покрытые густым мехом твари со светящимися в темноте огромными глазами — лишь по очертаниям можно было догадаться, что они родственны антилопам, волкам, обезьянам и кабанам светлой стороны... Архитектура темных собратьев-сенториан также отличалась. Светящиеся шары, в Наао лишь отмечающие направление движения по улицам, здесь были подняты на высокие деревянные столбы на три роста стража, чтобы отгонять вечную тьму половины планеты за пределы светлого круга. Ажурных пузырьковидных домов было немного: грибки, даже морозостойкие, росли здесь слишком медленно. Селения темной стороны щетинились острыми углами, прямыми гранями треугольных и четырехугольных деревянных строений. Бледные низкорослые их обитатели, закутанные в белые меха, казались еще одним видом лесных тварей. Благодаря большим глазам и некоторой пухлости тел они были похожи на детей, что вызывало у стража светлой стороны и желание заботиться, и презрение одновременно. На головах темных росли тонкие

светлые волосы, а тела под мехами были покрыты теми же узорами, что у светлых, только вместо прозрачных линий модно было наносить светящиеся. Благодаря этому в акаты праздников главная площадь Деи по яркости красок могла посоперничать даже с пестрым Наао.

Впрочем, скоро всякое общение с местными у группы прекратилось. Они покинули последнее селение и углубились в опасные дремучие леса темной стороны. Скоро их встретила охрана Границы. Пятеро темных стражей верхом на длинноногих белых лосях окружили группу Энжета. Трое направили на пришельцев копыя, двое держали Энжета и преумножителя на прицеле луков.

— Назовите ваше имя и цель визита на темную Границу, — потребовал предводитель темной стражи у Энжета.

— Энжет из Наао. Пошел мой второй восход Кана в качестве стража светлой стороны. Цель визита — исследование первой базы землянина. Я полагаю, она может хранить секреты, опасные для всей Сенты.

— Осан, среброликий, полагает также, — заметил темный страж. Их копыя и луки опустились. — Он дал нам указание дождаться вас и вместе наведаться на базу чуждого.

Теперь Энжет разглядел среди стражи одного темного преумножителя, точнее, преумножительницу. Большеголовая, хрупкого сложения, она, казалось, совсем не страдала от холода и непосильных нагрузок, в отличие от своего светлого коллеги.

— Хорошо, — с облегчением согласился Энжет. Он скосил взгляд на Нэиту, и увидел, что она недовольно морщится. Да, не очень приятно сильным стражам ощущать себя игрушками воли среброликих! Но иного варианта для Сенты не существует, что бы ни вещал высокий землянин.

Граница темной стороны не шла резкой четкой линией, как на светлой, она была как бы расплавлена, размазана по довольно широкому пространству в пять акатов пути. Вначале просто небольшие пятна слизи на деревьях, потом искривлялись ветви, стволы приобретали причудливо-искаженный вид. Далее потянулась пустошь: ровное снежное поле, кое-где вспучивающееся пологими холмами. И Энжет догадывался, что под снегом не трава — замерзшие лужи ничто. На темной стороне чуждое проявило большую изобретательность в захвате территорий.

Через пустошь по снегу была проложена каменная дорожка. По ней путники перебрались к новой полосе искаженного леса. Здесь деревья были высоки, почти как на светлой стороне, образовавшие лес кристаллы яркими алыми пиками вздымались в небо.

— Мы полагаем, на пустоши сел его летательный аппарат, — нарушил долгое молчание предводитель темной стражи.

— А где его база?

— Там, в лесу. К концу этого аката дойдем.

За изогнутыми будто в танце остовами деревьев базу нелегко было заметить. Это оказалась прямоугольная металлическая коробка, величиной немногим менее простого деревянного домика жителей темной стороны. Вокруг идеально ровная круглая пустошь по размерам давно убранного силового поля.

Что вы тут ищете? Наметки есть? — спросила темная преумножительница знания.

— Нечто... — Энжет не договорил, огляделся. Увы, он сам не знал, чего ищет. Конечно, лучше всего было бы найти тут зверски замученных в злодейских экспериментах сенториан и, желательно, еще живых и могущих свидетельствовать против Шелтона. Но логика

подсказывала, что землянин не может быть так прост.

Энжет отыскал дверь в коробку-лабораторию, зашел внутрь, и его лицо потемнело от ненависти. Наконец, удалось выразить словами, что терзало его с того момента, как он увидел на полянке эту глупую металлическую коробку.

«Темная сторона кажется ему, светлому жителю, незнакомой и странной, но, все же, все здесь родное. Даже страшно искаженное, оно не вызывает ненависти, лишь чувство глубокой скорби и тревоги за судьбу Сенты. А металлическая коробка и все ее искусно сделанное, но искусственное содержимое пахнет чуждым и есть чуждое. Опасное для их хрупкого мира. И его, стража, Сента создала, чтобы бороться с ним!» — Энжет подошел к столу. Не зная, чем занять дрожащие от вскипевшей злости руки, стиснул пальцами края стола и искусственный материал хрустнул, пошел трещинами.

«Если б можно было также сжать шею ненавистного землянина!»

— Эй, Энжет! — позвала Нэита. Он вздрогнул, придя в себя.

— Что? — крикнул он, выйдя за порог лаборатории. Полянка опустела. Все зачем-то форсировали лес за кабинкой, замерший в танце вокруг огромного кристалла. Вел группу светлый преумножитель. Он вдохновенно вещал что-то.

— Землянин сказал, что я недостаточно умен для его группы... а на самом деле я был для нее слишком умен! Это не просто лес, выросший на поврежденной чуждым территории... — излишне торопливо говорил он. Быстрая манера речи преумножителя знания прежде вызывала у Энжета отвращение из-за ассоциации с бессвязной заумной речью старших из касты ученых, но сейчас он внимательно и совсем без раздражения прислушался. — Видите, здесь деревья начинают растекать слизью изнутри, а не снаружи? Такое возможно, только если под поверхностью земли находится резервуар с неуничтоженной субстанцией ничто!

— М-м, землянин ничего не упоминал о подземном бассейне, — довольно заметил Енел.

У темных были с собой инструменты. Энжет и Нэита зажгли факелы, остальные разгребли снег и принялись долбить промерзшую землю. Скоро орудия наткнулись на силовое поле. Оно мягко, но настойчиво отталкивало все удары.

— Там еще одна лаборатория? — с сомнением спросила преумножительница. — Тогда к ней должен быть ход из наземной.

Воодушевленный скоростью, с которой начали разворачиваться события, Энжет хотел было отправить двоих на поиски хода, но преумножитель хитро прищурился:

— Вряд ли. Деревья, растущие тут, соприкасаются с субстанцией ничто. Это резервуар. Можно проверить.

Он извлек из своей сумки деревянные тростинки и стеклянный пузырек. Соединил тростинки в длинную трубку.

— Надеюсь, длины хватит, — оптимистически предположил он в напряженной тишине, присел и начал тихонечко проталкивать трубочку сквозь силовое поле. Оно легко пропускало тростинку.

— Коллега, приготовьте пузырек, — потребовал преумножитель и резко вдохнул и выдохнул, готовя себя к следующему действию. — Ну, вперед!

Он взял трубочку в губы, втянул содержимое резервуара, но прежде чем оно достигло его рта, быстро извлек тростинку из почвы и выдул субстанцию в пузырек, поднесенный преумножительницей. Она закупорила его и подняла к свету факела Энжета. Ничто из

подземного резервуара оказалось удивительно прозрачным, чистым, как родниковая вода. Энжет прежде не видел такого. Первый раз за время путешествия он с признательностью посмотрел на преумножителя.

— Какая чистая! — восхитилась и преумножительница. — Нам такую только на уроках показывали. Капельку. В маленькой пробирке. А тут огромная ванна!

— Знаете, чем достигается такая чистота субстанции ничто, коллега? — лицо более старшего и опытного преумножителя перекопилось: знакомая Энжете маска отвращения и ненависти к чуждому. — Добавлением в общий суп нас, сенториан. Это ничто образовали не только деревья, травы, звери и птицы, как обычно бывает на Границе. Здесь, — он осторожно топнул ногой, — растворено и несколько наших тел!

Пораженные, негодующие возгласы... Факел в напряженной руке Энжета качнулся, капля горячей смолы попала на лодыжку, но он не заметил этого. Его худшее подозрение оправдалось! Землянин убивал тут его сородичей и скрыл потом их гибель. А сейчас он там, на светлой стороне... Что еще он готовит Сенте?

— Этого пузырька более чем достаточно. Уходим, — вымолвил он. В это же время представил Шелтона и доверчиво внимающих его речи Лереми и Кейлу, и кровь зашумела в голове. — Теперь нельзя сомневаться, останавливаться ни на лепесток юлсинты! Темные, вы к Осану, а нас самым коротким путем отправьте в Наао. Сента в великой опасности!

Аки

— Не может быть того, что ты говоришь. Землянин хочет уничтожить Сенту? Хм... — Яно, всевидящий, дернул плечами, и от этого движения дрогнули прозрачные, будто слюдяные крылья за его спиной. — А как же заселение Ламоса? Меня записали в число первых поселенцев, у меня и номер уже есть. Скажешь, это тоже ложь?

На это Аки не стал ничего говорить, он искренне рассмеялся. Шел уже десятый акат их стражи на Границе, а напарник все не уставал удивлять своей потрясающей наивностью.

— Ну, если у тебя уже есть номер в экспедиции, тогда, конечно, землянин не лжет! — отсмеявшись, сказал он. Яно сарказма не заметил.

— Деала приняла его, и темные согласились в итоге, ушли, забыв угрозы, — продолжил всевидящий. — Его приняли оба совета!

— Советы устранились, а Деала тоже, может быть, лжет, — Аки швырнул сухой холодный уголек на жаровню под маленькой курительницей и поднялся. Прохладный ветерок коснулся нагретых костром лица и живота, и он довольно закрыл глаза, решив немного подремать.

— А Акид, значит, поставил себя выше Деалы и советов? — Яно хмыкнул и тоже поднялся. Он был ниже Аки ростом, еще более субтильного сложения с узкой спиной и бедрами. Этот сенторианин был бесполом — грустная доля, которую еще недавно прочили и Аки. Но Яно печальным не выглядел: для бесполого его высоко вознесла стела солнц.

— Я не ставлю себя выше среброликих, — тихо сказал Аки, не открывая глаз. — Я не сомневаюсь, что мое несогласие с мнением большинства — часть их игр. Все мы — частички Сенты, и каждая стоит на строго отведенном месте. Только один между нами чуждый. И удивительно, что его давно никто так не зовет! Думаете, уничтожив слово, вы уничтожите содержание, которое стоит за ним?

— Ты о Шелтоне?

— О нем, чуждом, — Аки вздохнул, и все-таки согласился разлепить веки. Поглядел на железное блюдо курительницы, от которого в небо тянулась тонкая струйка дыма. Такие курительницы были расставлены вдоль всей Границы, их задачей было распознавание частиц чуждого в воздухе. Пока все было спокойно.

— Не понимаю, откуда ты такой взялся? — вырвалось у Яно. Аки усмехнулся.

«Откуда он такой взялся?» — он и сам не знал. Стражи ненавидят чуждое, можно сказать, по определению, всезнающие прозревают будущее, которое оно несет. Откуда взялось недоверие к Шелтону у Энжета и Лереми, понятно, но как до собственного понимания чуждого дошел он? Может, все дело в Кейле? Конечно, у распознавателей свои, оригинальные взаимоотношения с чуждым, но сестра тут оказалась сверхоригинальной. Сначала его радовала ее известность, потом начала тревожить. Ведь Сента не любит гордецов, Сенте они не нужны, зачем же Деала продолжает кормить гордыню Кейлы, позволяя вести гипнотические ритуалы на площади? Уж не замыслила ли среброликая нечто недоброе для Сенты?

Угли в курительнице едва тлели, и струйка дыма чахла. Аки послал им направленный мысленный сигнал — юный, неопытный, он все еще смешно шевелил губами и пальцами при этом. Угли послушались, заворочались, как большие черноспинные жуки. Яно одобрительно цокнул языком, а Аки поморщился. Этого, все же, было мало: жар спадал. Придется воспользоваться мехами.

Он чуть вытянул руку, пошевелил пальцами, пропуская между ними пока свободный, ничуть не подчиняющийся ему ветер. Все-таки не верится, ни капли, что это происходит с ним, Аки! Он уже всемогущий. Сейчас он управляется с крупными предметами, а к следующему восходу Кана освоит тонкую работу со множеством мелких. Пройдет еще четыре-пять восходов Кана, и он сумеет управлять землей, потом водой. Под конец жизни его разум сумеет пленить и ветер, а, может быть, и огонь. Но, наверное, его никогда не покинет удивление от своих немислимых способностей...

Яно, устав ждать, сам раздул огонь под курительницей. Травяное зелье на железном блюде зашипело и запузырилось, в небо потянулась уверенная толстая витая нить белого дыма. Грохот послышался из-за дальней линии леса, куда ушли Шелтон с преумножителями знания, и оба охранника Границы вздрогнули.

— Что они там творят, хотел бы я знать, — пробормотал Аки. — Яно, может, поднимешься в воздух, осмотришься?

— Я же пол-аката назад тебе докладывал, что и как!

— Все равно. Я посторожу.

Яно недовольно вздохнул, но подчинился. Заметно было, ему и самому интересно, что творится за Границей.

— Подтолкни меня, — попросил он, как и в прошлый раз. Юный всевидящий еще плохо умел взлетать с места: его прозрачные вытянуто-овальные крылья не достигли предела развития. И все же зрелище того, как он расправляет их, впечатляло. Всевидящий вдохнул поглубже, и воздух заполнил пустотелые трубочки, создающие остов крыльев. Прозрачная, переливающаяся на солнце пленка между ними расправлялась. По сигналу всевидящего Аки мысленно подтолкнул его тело вверх. Получилось, и лучше, чем в прошлый раз: Яно нашел восходящий поток воздуха и взлетел над искаженным, изъязвленным игольчатой плесенью приграничным лесом.

Отправив напарника на разведку, Аки принялся тренироваться. Силой мысли он перетаскивал с места на место крупные ветки и тяжелые камни, сложенные в стороне от поста кучами. Если к посту от Границы помчатся зараженные твари, ими надлежало преградить чуждому путь. Потом он попробовал поднять и левитировать камень весом примерно со взрослого сенторианина. Целый цветок юлсинты камень провисел в воздухе на высоте роста Аки, потом грохнулся в пыль.

Аки тренировался до изнеможения каждый акат. Он полагал, в быстро меняющемся, очарованном сладкими речами землянина мире его умения пригодятся. Лишь иногда, очень редко приходила мысль, что этими тренировками он приближает свой конец, да и тогда Аки гнал его прочь. Еще со времени, когда семья считала его бесполом, он привык, что его сила и способности должны принадлежать миру — не ему.

В отличие от всезнающих, пьющих зелья десятками, каста всемогущих использовала ограниченный набор зелий. Свою силу они наращивали опытом, изматывающими тренировками, совсем как стражи. Хотя нельзя было найти двух других столь же непохожих друг на друга каст: мощные ловкие стражи и хилые малоподвижные всемогущие...

Аки поднял давешний камень в воздух и опять удержал на целый цветок юлсинты. Его руки, вытянутые вверх, но не касающиеся камня, одеревенели, и это было не перенапряжение — эффект зелья, ноги превратились в каменные столбы.

— Ого! Неплохо, — Яно незаметно приземлился рядом, сложил быстро уменьшающиеся в размерах крылья. — Пожалуй, ты самый сильный из юных всемогущих, что здесь есть. Теперь я спокоен: если что плохое начнется, ты меня спасешь.

— А есть повод начаться плохому? — Аки осторожно, медленно опустил камень на землю, будто он был стеклянным, и встряхнул руками, прогоняя ощущение окаменения. Оно быстро скользнуло до кончиков пальцев и слетело прочь как шелковый платок. Горячая кровь вновь разлилась по жилам. «Но однажды это одеревенение просто... не уйдет», — невпопад подумалось ему.

— Там щелкает что-то через равные промежутки времени. Вспышки. Но у Деалы ведь все под контролем, — не очень уверенно заключил Яно. — Ладно, акат подойдет к концу и попросим отправить нас подальше от Границы. Пусть старшие со всем этим разбираются.

Аки машинально глянул на дальнюю полосу леса. Действительно, что-то слабо тикало там, меж деревьями вспыхивал и тут же гас белый огонь.

— Вообще-то в первый акат экспериментов я побаивался, что что-нибудь пойдет не так. Потом успокоился: наши преумножители знают свое дело, — поделился Яно. — А сейчас думаю: неполадки с экспериментом ведь...

— Могут начаться на любом этапе, — подытожил Аки.

Однако, вопреки их опасениям, остаток аката прошел спокойно, и старшему было доложено, что на Границе все тихо. После недолгого отдыха Аки и Яно отправили на старое место стражи, к курительнице.

За все время стражи Аки не одну сотню раз перебрал в уме, что он должен будет делать в случае катастрофы. Увы, инструкция старших была хоть и четкой, но довольно глупой. Всемогущий как раз размышлял, возвести стену камней и бросаться к общему посту, как велено в инструкции, или поставить на пути ничто сдерживающую стену огня и встать возле, поддерживать ее. Он взвешивал за и против, когда кусты с той стороны Границы вдруг затрещали, и прямо на их курительницу вывалился безумный преумножитель знания из группы Шелтона. Запутавшись в белых плотных нитях дыма, задыхаясь, он рухнул на колени,

сжимаемая огромную тяжелую голову. При беге он был вынужден поддерживать ее руками из опасения свернуть шею.

— Землянин... он... порезал руку ножом и дал своей крови вытечь на землю! — простонал он. — А потом он снял барьер со своего костюма! Спасайтесь! Сюда идет волна ничто!

Аки переглянулся с Яно. Струйка дыма по-прежнему тянулась к небу из курительницы, не фиксируя в воздухе ничего чуждого. «Бессмыслица какая-то», — прошептал всевидящий, и Аки в этот раз был с ним согласен. Кровь в землю — вот так, просто? Ни с того ни с сего? Голова этого преумножителя велика... — может, его уже настигло помрачение рассудка?

— А эксперимент?! — хором спросили Аки и Яно.

— Эксперимент! — преумножитель знания совершенно безумно расхохотался. — Одна ложь этот эксперимент! Прикрытие! Землянин с нашей помощью откалибровал свою машину, и тут же решил, что на этом его отношения с нами закончены. Ему на Сенте не мы нужны! Ему нужно ничто! Везде! Моря, океаны ничто! — он вскочил, не помня себя, кинулся обратно, Аки успел подхватить его.

— Отведем его на общий пост! — крикнул он Яно. Аки ждал, все время ждал этого момента, прикидывал различные варианты развития событий, готовился... но сейчас ему все равно стало страшно. Он вдруг понял, что абсолютно не готов и совершенно не знает, что будет дальше. А Яно и не услышал Аки. Приоткрыв рот, он тупо смотрел на курительницу. Дым расслоился и потрескивал. В воздухе вспыхивали и гасли крохотные огоньки там, где он встретился с поступившим из-за Границы чуждым.

— На общий пост! — заорал Аки. Они побежали, таща под руки преумножителя. Тот поддерживал огромную голову и бормотал о волне ничто. Чуждое уже ощущалось в воздухе вокруг: сладковатые тяжелые струи, оседающие слизью в легких.

Позади послышался треск и топот, и Аки на бегу оглянулся. Из приграничного леса вываливались первые зараженные твари. Они тяжело дышали, изо рта шла слизь. Что-то маленькое, мягкое затолклось под ногами, Аки нечаянно наступил на одно, и оно растеклось под пальцами лужицей слизи. Он поскользнулся и чуть не упал. Это прочь от Границы удирали мелкие лесные зверьки, и многие прямо на бегу таяли, оставляя после себя слизистые пятна ничто, тут же уродующие траву. Слизь полилась и с неба — стаю птиц распространяющееся ничто застигло в полете. Яно в ужасе заорал, закрыл голову руками, отпустив преумножителя, но Аки помог пожилому сенторианину устоять на ногах. Мельком он бросил взгляд вниз. Цветы и трава плакали слезами слизи. Только крупные твари еще держались, да разумные сенториане, с начала времен принимающие на Границе сильные, сдерживающие распад зелья.

Как-то они все-таки добрались до общего поста... — Аки не запомнил ничего. Лишь взгляд наставника привел его в чувство. Они с Яно сидели, прислонившись к огромной центральной курительнице общего поста. Вокруг собралось десятка два юных всемогущих и всевидящих, все ошеломленные и напуганные. Еще с десятков лежало в пока нетронутой ничто траве, они стонали и кашляли слизью. Эти были безнадежны.

— Что на твоём посту? — строго спросил старший всемогущий. Он сидел в кресле на колесиках, неподвижные ноги были накрыты серебристым покрывалом.

— Ничто прорвалось!

— Ты поставил на своём посту барьер зараженным тварям?

— Я... — Аки задохнулся от ужаса, осознав свою вину. — Забыл! Забыл!

— Ты не один такой, — устало сказал наставник. — Ставьте барьер тут! — крикнул он всемогущим. — Вы — в воздух, докладывайте обстановку! — всевидящим. — И не унывать, всезнающие уже выслали помощь! — всем.

Аки помчался за остальными всемогущими. Вместе они построили стену из заранее заготовленных веток и камней, достаточную, чтобы зараженные твари не прошли дальше. Старший тем временем воскурил сильное зелье и, заметно напрягшись, двинул в сторону Границы вихрь. Поток воздуха подхватил черный дым, поднявшийся над чашей. Над лесом, из которого бежали Аки и Яно, вихрь расползся тучей. По краям ее скоро зазмеились молнии — там зелье встречалось с волнами чуждого.

В стену с той стороны толкались зараженные твари. Удар и скользкий хлюпающий звук. Аки живо, в деталях представил, как все эти волки, олени, медведи ударяются о камни, как их шкуры расползаются и оттуда сочится слизь, как они все становятся слизью и стекают в траву, оставляя на камнях мокрый след. Его затошнило.

— Лес задет ничто! Деревья тают! — оповестил всех Яно, кружащий в небе над большой курительницей. — Сейчас пойдет большая волна ничто!

— Изменения воздуха я сдержу на четверть аката, — пробормотал старший всемогущий, отправив в небо второй и третий черные вихри. Его взгляд задержался на Аки. — Пусть всевидящие унесут всемогущих отсюда, передай всем. А сам с напарником отправляйся на второй общий пост. Скажи, что воздух я держу, пусть пускают воду.

Аки кивнул. Второй общий пост был на речной плотине. Плотину разрушали, когда нужно было омыть водой большие площади ничто. Вода ненадолго сдерживала изменения мира.

— Хорошо! Мы... — он запнулся, и гордый доверием наставника, и все еще терзающийся о своей ошибке. — Мы еще проявим себя! Вот увидите!

Старший всемогущий криво улыбнулся:

— Не сомневаюсь, — ободряюще сказал он. — Бегите!

Яно подхватил его так, что перед взором Аки осталось плато первого поста, которое они покидали, и он видел слизистую субстанцию, пожирающую леса приграничья. Он видел, как от центральной курительницы в небо взметнулись, один за другим, еще три вихря. И видел, как воздух вокруг них сейчас же прошли тонкие золотые нити молний...

Лереми

Пока Лереми мучилась, пытаясь впотьмах, не прикасаясь, узнать будущее, это будущее само властно постучалось в дверь.

Она вынырнула из видений, в реальности услышав стук. Стражи колотили в большие двери зала совета. Лереми подошла, тихонько тронула их прошлое.

«Экспедиция Энжета. Темная сторона Сенты. База землянина. Подземный резервуар кристально чистого прозрачного ничто...»

— Деала, взявшая на себя право говорить за весь совет, обвиняется в измене! — загремел голос старшего стража, вырвав Лереми из видений. Стражи уже зашли в зал, где как раз собрался совет среброликих. Золотистый свет светильников в зале разгонял красноватый туман, просочившийся во дворец с улиц Наао. Терпко пахло зельем, вызывающим онемение членов и бесчувствие.

Деала выступила вперед.

— Я вижу ваши доказательства, — по-всегдашнему спокойно сказала она. — И я готова дать ответ.

Лереми затаила дыхание. Она уже прочитала ответ в мыслях Деалы. Вот только решится серебряликая сказать правду или совет?

Прочитав сомнения юной, Деала весело тряхнула головой.

— Виновна! — объявила она страже и совету. — Виновна в сокрытии части информации о землянине от советов и Сенты. Виновна в запрещенном внушении своих мыслей всему Наао. Виновна в подмене видений серебряликим.

Совет лишь вяло повернул головы на голос главной и вновь продолжил тихую спокойную беседу. Одурманены, все они давно одурманены! Вот лица стражей дрогнули.

— Какая подлость... — не выдержал один молодой. Лереми узнала товарища Энжета — Енела.

— Вы пойдете с нами, — непреклонным тоном объявил старший страж Деале. И, подойдя, довольно грубо ухватил ее за плечо, повлек к выходу.

— Прошу вас, сделайте это в зале памяти, — прошелестел голос Деалы, когда серебряликую проводили по коридору, и Лереми в ужасе стиснула голову. Что здесь творится? Предательница-серебряликая спокойно просит стража, чтобы тот убил ее в зале памяти дворца. И совет молчит!

Она бросилась в зал. Дыхание сперло от мощной волны тяжелого зелья, заслезились глаза, но Лереми подскочила к одному вялому всезнающему, вцепилась в складки серебрястого одеяния.

— Серебряликая призналась в предательстве! Она скрывала, что конец мира близок! Скрывала от всех! Что вы молчите?! Нужно остановить землянина, пока не стало поздно! Ирвен! Ведь раньше вы выступали против Деалы и Шелтона, я помню!

Она так сильно дернула его вуаль, что та отвалилась. Лереми отпрянула от открывшегося лица серебряликого — серебрястого и твердого, как металл, неподвижного, как лицо статуи, спокойного и равнодушного, как сама смерть.

— Объявите эвакуацию, — все-таки хрипло, отчаянно сказала Лереми. — Что-нибудь... Ирвен! Вы же можете!

Рот серебряликого искривился.

— Пятьсот тысяч жизней, — глухо сказал Ирвен, слепые глаза всезнающего поворачивались и остановились на Лереми.

— Что-о?!

— Пятьсот тысяч жизней должна отдать Сента, чтобы откупиться от Вселенной. Деала предложила такую плату, и мы были вынуждены принять ее, потому что другие варианты еще хуже, — прошептал Ирвен. — Эвакуации не будет. Иди, девочка. Умри с достоинством.

— Ах, вы! — не помня себя, Лереми опрокинула треножник с курящимися зельями и кинулась к выходу. В коридоре ее перехватил Енел.

— Энжет отправился к Границе. За Шелтоном, — сообщил он.

— Я знаю!

— Да, точно, — страж принужденно хохотнул. — Хочешь поговорить со всезнающей — молчи... А что меня ждет в будущем, ты знаешь?

Лереми взглянула ему в глаза и увидела давешние холодные глыбы камня.

— Смерть. Ты не уйдешь из Наао, останешься тут, сдерживать зараженных тварей. И ты

выбрал этот путь еще до того, как я тебе о нем сообщила, — пробормотала она, и Енел отпустил ее. Лереми выскочила на площадь дворца.

«Что делать, что делать?!» — лихорадочно повторяла она. Если б шестое зелье давало способность смотреть будущее вширь! Можно было б сделать выводы, кому и где скорее потребуется ее помощь. Можно было б расставить приоритетные цели. Но шестое зелье наоборот углубляет предвидение. И Лереми то видела страшную гибель родителей, то разорванную на долгие акаты связь с Энжетом, то Кейлу на помосте, отступающую от серебристой волны ничто, заливающей площадь. Видела все это... и не знала, куда прежде бежать. Все-таки, плюнув на строгий кастовый запрет, Лереми послала мысленное предупреждение родителям и ободрила брата. Затем бросилась к Кейле, в шатры распознавателей — эта каста совсем переселилась на площадь Наао.

Подбегая к разноцветным шатрам, она видела, что на помост снижается всевидящий — посланник с Границы. Народ сбежался слушать его.

— Волна ничто идет с Границы на Наао, — едва опустившись, закричал всевидящий. Распространяется стремительно: я обгоняю ее всего на пол-аката. Немедленно покидайте город!

В толпе раздались пораженные возгласы: «это все эксперимент!», «Пол-аката! — значит, ничто уже в предместьях Наао...» А Лереми замерла на месте, не дыша. Во время речи всевидящего она скользнула в его прошлое, эта отворенная дверь, казалось, так и звала: загляни! И увиденное повергло нет, не в ужас — в оцепенение, как слишком страшный, опасный для рассудка кошмар. Лес в пол-акате пути от Наао пожирало ничто. Листва растворялась еще на ветвях и с шелестящим серебристым звуком дождем лилась на землю. Стволы деревьев оплывали, растворялись, вливаясь в реку ничто, текущую по всем дорогам и вне дорог. Немногие спасшиеся от первой волны искажений сенториане предместий бежали под защиту каменных стен столицы. Лереми помнила, как эти высокие и широкие полосы камня не понравились ей в первый визит в Наао, они казались лишними в воздушной архитектуре города. Сейчас же она содрогнулась, представив, как легко ничто заполнило бы улицы Наао, превратило все постройки столицы в себя, если б у города не было каменной защиты.

Никто больше не рисовал пред юной всезнающей картины радостного будущего Сенты. Она видела все: как сенториане тонут в море ничто, как, не успев захлебнуться, они растворяются в нем, как другие пытаются поставить барьеры чуждому, и как оно сметает и барьеры, и тех, кто их ставит, отравляя воздух и воду, отрезая все возможности сдерживания этого ужаса.

Лереми моргнула и вернулась в реальность. Оглянувшись, она увидела Кейлу. Распознавательница застыла на выходе из шатра, одна рука так и замерла, придерживая полог. Девушка резко побледнела, губы беззвучно шевелились.

— Кейла! — крикнула Лереми, бросаясь к ней. Распознавательница вздрогнула:

— Лереми, это ты. Он все-таки предал меня!

— Шелтон? Он предал всех нас!

Кейла отпустила полог. Качнулась, лишившись его поддержки, но на ногах устояла.

— Я верила ему.

— А я верила Деале, — Лереми прищурилась. — Но почему ты так уверенно говоришь с предательстве Шелтона? Быть может, просто не удался эксперимент?

— Я чувствовала, что он предаст! — с отчаянием крикнула Кейла. — Но молчала. Я

тоже предательница. Энжет прав, я хуже, чем никто!

— Не казись, — радостная от того, что подруга смогла признать ошибку, Лереми даже попробовала улыбнуться. — Деала туманила нам разум, но ее воздействие исчезло. Нужно думать, что делать сейчас.

Кейла выпрямилась.

— Для распознавателей в такой ситуации возможен только один путь, — с достоинством молвила вечная гордячка. — Я останусь на площади и буду воскуривать зелья, сдерживающие чуждое. Прости, Лереми.

— Пусть твой путь вновь станет прямым, — оторопело пожелала Лереми. Хотела добавить: «прощаю», видя, что Кейла этого ждет, но не смогла. Картина того, как предместья Наао поглощает ничто, все еще стояла перед глазами, а вопли умирающих там сенториан звенели в ушах. И слова прощения застряли на языке. Никогда она не простит Кейлу, как никогда не простит себя! Одна спряталась от ответственности, доверив принятие решений чуждому, другая с радостью приняла покровительство Деалы и легко отдала среброликой свое право на собственное мнение.

В качестве поддержки Лереми стиснула, но тут же отпустила руки подруги. На площадь выходили высшие касты — всезнающие и всемогущие, сильные, из тех, что не входили в устранившийся совет. Все взоры и надежды Наао обратились на них.

— Среброликие приняли решение отдать Наао ничто, — сказал один из старших всезнающих. Толпа застонала в ужасе, а он продолжил, — но мы попробуем проложить другой путь для Сенты. Еще не все возможности этого исхода потеряны.

Лереми почудилась слабая, почти незаметная неправда в этих словах. Уцепившись за тонкую нить лжи, она скользнула в недавнюю память всезнающего, и сразу же увидела знакомое страшное неподвижное лицо Ирвена. Среброликий зловеще хохотал:

— Может быть, вы спасете несколько десятков сенториан, но Наао не спасти! Чуждое уже в воде, чуждое уже в воздухе! И землянин не отступится от Сенты, не получив свои пятьсот тысяч жизней! Что вам делать? Пойте гимн конца, слияния мира в ничто, славьте этот миг!

Заметив взгляд Лереми или почувствовав ее присутствие в своих мыслях, всезнающий обернулся к ней.

— Сколько зелий? Пять есть? — негромко спросил он. — Иди к западным воротам, просматривай недавнее прошлое всех, кто успел спастись из предместий. Попробуй отыскать след землянина в видениях. Где он, чем занимается.

— Землянина!? Он здесь?

— Он близко. Следит, чтобы поглощение Наао проходило, как он запланировал. Все видения с Шелтоном сразу же отправляй мне.

— Хорошо!

Лереми помчалась к западным воротам, а всезнающий принялся распоряжаться дальше. Распознаватели запалили зелья, сдерживающие чуждое, и над площадью поплыл тяжелый, жесткий, застревающий в горле запах. Всемогущие свили из струй черного дыма нити вихрей и направили их патрулировать границы площади.

«Ограничились только площадью, — иглой боли засела мысль в мозгу. — Значит, Наао уже отдан ничто? Первый барьер каменных стен пройден?»

Скоро Лереми смогла проверить страшную догадку. Монолит двери западных ворот был приотворен, и спасшиеся влетали в эту щель, задыхаясь, с расширенными от ужаса глазами. Многие из них в поисках поддержки хватались за камень двери, и многие из схватившихся оставляли слизистые отпечатки ладоней. Зараженные! Но стражи были наготове, тупым концом копья они отталкивали зараженных обратно за двери. Жалобные стоны и безумный вой были здесь постоянным звуковым фоном. Вот очередная пара беглецов в изнеможении упала на колени, едва оказавшись под защитой стены. Брат и сестра, и брат был заражен: на губах хлопьями застывала слизь. Страж, в котором Лереми узнала Енела, тут же поднял брата и швырнул за ворота. Сестра страшно закричала, бросилась за ним, сильно ударившись всем телом о камень двери. Но этот крик и отчаянное последнее движение не привлекло больше ничье внимание, кроме Лереми. Подобные сцены тут быстро становились привычными.

Она встала недалеко от приоткрытой двери, прислонившись спиной к теплому камню. Постаравшись отрешиться от эмоций, обратилась к недавнему прошлому оцепеневшей от отчаяния девушки, которую Енел оттащил в сторону.

«Внешний круг стен всемогущие захлопнули как раз за ее спиной. Но в городе полно зараженных людей и тварей, и они с братом бросились на площадь. Они бежали в одной толпе с обезумевшими сенторианами и животными, и ноги скользили на слизи и остатках лент и шкур тех, кто бежал здесь прежде них и не добежал...» — Лереми стиснула зубы: отрешиться от эмоций все-таки не получалось. Но Шелтона в видениях девушки не было.

Следующий спасшийся: пожилой сенторианин из касты рабочих. Сосед родителей Аки и Кейлы. Его глазами Лереми увидела, как под воздействием чуждого прогибаются и проваливаются внутрь ажурные колоннады входа в знакомый с детства дом, как тают, сплавляясь в серебристую субстанцию, кружевные шары комнат и залов. И увидела, как мутное море ничто становится прозрачным, чистым, после того, как в нем тонут хозяева поместья и слуги.

«А наши родители? Наш дом?!» — Лереми уже знала ответ: море ничто нахлынуло на поместье родителей Кейлы и Аки со стороны ее родного дома.

Шелтона, вернее, его летательный аппарат она заметила в воспоминаниях пятого по счету беглеца. Землянин кружил над Куполом — школой высших каст. Купол на глазах Лереми провалился внутрь. Из прозрачного как вода моря слизи, разлившегося на его месте, не выбрался никто.

Она отправила видение летательного аппарата землянина всезнающему — как бусину нанизала на нить, другой конец которой держал старший по касте, и продолжила просматривать память спасшихся. Проснувшаяся при виде Шелтона ненависть придала решимости и даже какой-то бодрости.

За границами Наао текли выпущенные на свободу из разрушенных плотин реки. Они смешивались с ничто и мутнели. Потом вновь становились прозрачными, но это была не прозрачность воды. Ясной как стекло их делали вливающиеся в общее море ничто жизни разумных существ. То же было и на западе, и на востоке, и на севере от Наао. Ничто от места катастрофы распространялось широким фронтом по всей светлой стороне планеты. От перехода на темную его пока сдерживал океан. Картина всеобщего бедствия потрясла Лереми. Слезы градом катились из глаз, затуманивая взор, но другой взор — чужой памяти и эмоций, оставался чистым. Все видения — свои ли, чужие, подтверждали одно: конец мира близок! В ушах звучал безумный смех среброликого, а воспоминания о ясной улыбке Деалы

вызывали такую волну ненависти, что если б в ней можно было потопить другую, вызванную ничто, мир был бы спасен. Но странным светлым призраком в череде страшных картин смерти и разрушений вдруг явился видение свадьбы с Аки. Слюной наполнился рот от неожиданной сладости будущего шарика эньо на языке...

— Эй, — кто-то тихонько коснулся ее руки. — Ты как? Уснула... или умерла?

Лереми заморгала и вернулась в реальность. Ее руки касался Аки, самый настоящий, не из видений.

— Умерла... — прошептала Лереми. — Или нет? Для всезнающих нет чужой смерти, каждая, как собственная.

— Слушай, — он сжал ее руку сильнее. — Слушай! Кто тобой руководит? Беги сейчас же к нему, скажи, что внешний барьер стен прорван. Землянин его взорвал. Ничто уже в Наао! Мы с Яно видели, когда летели сюда. Площадь нужно сейчас же закрыть!

Лереми встряхнулась, приходя в себя, а Аки уже быстро сообщал то же самое Енелу. Каменная дверь дернулась и поползла на стену, захлопывая щель: всемогущие на площади получили известие о прорыве внешнего барьера и закрывали все проходы. Лереми прижала ладони к стене. Кажется, она слышала, как из-за стены кричали, молили те, кто не успел попасть на площадь.

— С тобой всевидящий? — хрипло спросила она Аки.

— Да, Яно.

Лереми взглянула на молодого всевидящего рядом с Аки. Видно было, что он совсем устал — крылья обвисли.

— Там много еще незараженных осталось. Нужно перенести их сюда, пока ничто не подобралось к стене, хоть немногих, — сказала она. Слабое удивление от того, что она не смиренно просит, а уверенно требует на правах сильной и мудрой, скользнуло и ушло. — Вижу, что ты устал, но... надо!

Яно кивнул, взлетел, а Лереми побрела к центру площади. Аки шел за ней.

— Землянин дал своей крови вытечь на землю, — сказал он. — Это не крах эксперимента, он с самого начала хотел погубить нас!

— Я знаю.

Ненависть к Шелтону и Деале всколыхнулась с новой силой, Лереми даже качнуло. Она вцепилась в руку Аки.

— Я видел, как рушилось ваше поместье. Наши с Кейлой родители тоже погибли.

— Я знаю, — опять сказала она, и ненависть черными горячими пальцами сдавила сердце. А с площади в воздух поднялось несколько всевидящих. Они взлетали над стенами, ныряли за них и скоро возвращались, держа кто по двое, кто по трое спасенных. Всезнающие на площади отдали им тот же приказ, что и Лереми. Но знали ли они уже то же, что и она: ничто зальет и площадь! Нет им спасения, глыба конца мира катится. Деала и Шелтон уже погубили их всех!

Ненависть толкнула Лереми по ступеням дворца к дверям между колонн, и дальше, длинным ажурным коридором к залу памяти. Аки едва поспевал за ней. «Куда ты?» — спрашивал он, Лереми не отвечала. Какие слова найти, чтобы объяснить непреодолимое желание увидеть мертвое тело той, которая научила тебя ненавидеть? Посмотреть в неподвижный жуткий лик, который прятала милая маска, чтобы раз и навсегда забыть эту маску и свои добрые чувства к ней. Понять, что стало причиной безумия и жестокости Деалы.

Зал памяти ослепил золотым сиянием сенти-кристаллов ножей, рядами и рядами развешанных по стенам. Лереми опустила взгляд, ища тело в серебристой ткани на полу, и у дальней стены шевельнулась высокая серебристая фигура.

— Лереми, — прошелестела Деала. — Наконец ты пришла. Я давно жду тебя.

— Ты!!! — в этот вопль ушла вся ее ненависть, руки сжались и бесильно разжались. — Живая?! Страж хотел убить тебя.

— Я отправила его на площадь, сражаться с чуждым. Это был мой последний запрещенный мысленный приказ, — Деала грустно улыбнулась под вуалью. — Я ДОЛЖНА поговорить с тобой, Лереми, прежде чем умру. И тебе, я знаю, также нужен этот разговор.

— Разговор?! — Лереми застонала. — Мне нужно, чтобы ты была мертва! Я хочу посмотреть в твое мертвое лицо! Нет... нет... Аки, мы вытащим ее на площадь, пусть Наас увидит ту, что предала его на смерть! Пусть ее раздерут на кусочки! Аки?

Всемогущий опять сжал ее руку.

— Помолчи пока, — ровно сказал он. — Послушай среброликую.

— Она, предательница, недостойна серебряного лика! Я сдеру кожу с твоего лица, Деала, я хочу, чтобы ты кричала от боли и ужаса, как кричат за стенами площади!

Никогда Лереми не позволяла себе грубых слов, с детства казнила себя за злые мысли в отношении других, но та Лереми умерла. Растворилась в море ничто. Чужая боль убила ее и вдохнула жизнь в новую: сильную, жестокую, страшную в своей ненависти, не гнушающуюся никакими проклятиями всезнающую. Лереми выхватила чистый кинжал из нижнего ряда, и метнула его в Деалу. Аки успел отклонить нож в сторону. Лереми замерла, тяжело дыша.

— Хорошо. Теперь ты стала такой, какая нужна Сенте. Ты и умрешь, и убьешь ради нее, — спокойно сказала Деала. — В тяжелые времена ей нужна сильная правительница, еще сильнее, чем я.

— Ты лгала мне столько раз! И надеешься, что я сейчас стану тебя слушать?!

— Я солгала тебе, что Кейла и Шелтон будут благом для Сенты, как солгала в этом всей Сенте, но я не толкала тебя в туман моей дальнейшей лжи. Ты сама выбрала приятные грезы без ответственности. Я ждала, когда твой разум прояснится. Это могло бы произойти и раньше, если б ты не сомневалась в своей правде и силе. Запомни это навсегда. Тебе придется вести Сенту, и ты должна не просто знать, а верить, что правильно ведешь ее.

— Чуждому нет места на Сенте — вот все, что я поняла! Старая истина!

— Другие не поняли и этого. Они знают, но не верят в истину, — голос Деалы упал до шепота, казалось, она резко утратила силы. — Я довольна тобой, Лереми. Теперь убей меня и заberi кинжал, чтобы мои знания помогли тебе и после моей смерти.

— Ты мной довольна? — Лереми расхохоталась. Ее неприятно поразило, как прозвучал этот смех, безумный, болезненный, как у Ирвена, но она не останавливалась. — Что ж, я убью тебя. Ты лишила рассудка среброликих, ты внушала свои мысли всем в Наао, отказывая нам в свободной воле, придумала какую-то «плату» для Сенты, чтобы оправдать убийство полумиллиона... Ты достойна только смерти!

— Когда ты прочитаешь знания с моего кинжала, поймешь, что пятьсот тысяч жизней — минимальная плата. Я сказала это Ирвену, и он согласился. Согласился и Осан, темный выступал только против лишения сенториан свободной воли. Наш маленький мир скоро очень заинтересует могущественнейшую во Вселенной расу. Я выбирала, сейчас отдать жизни многих или позже потерять свободу для всех, и выбрала свободу. А земляне... Землянин погубил Наао, но землянин и спасет Сенту — запомни это. Так или иначе, —

Деала слабо усмехнулась. — Я взяла на себя запрещенное для всезнающих право решить за всех и должна ответить за это. Моя позорная смерть от удара в грудь, лицом к убийце накормит твою ненависть, Лереми.

Лереми потянула второй кинжал. Он вышел из чехла со скользким долгим звуком. В это же время Лереми внимательно следила за фигурой всезнающей. Вот Деала подалась вперед, будто сама стремилась на кинжал убийцы, и Лереми почувствовала отвращение. Тогда она швырнула кинжал Деале под ноги.

— Опять решаешь за других, сребролика? — тихо, звеняще спросила она. — Позволь мне решать, что накормит мою ненависть. Аки, мы поднимем ее в высочайший купол. Пусть смотрит, как ничто захлестывает площадь. Пусть умрет последней, получив стрелы проклятий от всех, кого погубила!

Фигура среброликой словно сломалась, Лереми даже отступила от неожиданности. Деала повалилась на колени.

— Пожалуйста! — взмолилась она, ломая руки. — Я больше не могу слышать их крики! Я больше не могу умирать вместе с ними! Я сполна расплатилась за гордыню! Убей, пока рассудок еще со мной, и мои знания могут принести Сенте пользу!

Она простерла серебряные руки к Лереми. Та отступила еще и снова расхохоталась:

— Ты великолепно играешь, Деала! Ты должна была быть услаждающей взгляд! Не-ет, не разжалобишь! Я видела многое у западных ворот, многое... Вот тогда мое сердце плакало слезами жалости, а сейчас жалости не осталось! — Сребролика опять заломила руки, а Лереми все смеялась и смеялась, не могла остановиться, пока со стойки позади Деалы не высверкнула золотистая молния. Сребролика слабо, успокоенно вздохнула и упала ничком. В спине торчал кинжал.

Смех оборвался, Лереми резко обернулась к спутнику. Побледневший Аки, встряхнул рукой, которую он машинально выбросил вперед, запуская кинжал со стойки.

— Одеревенела совсем, — заметил он, тревожно улыбаясь. — Старшие говорят, это теперь надолго.

— Она не заслужила смерти лицом к миру!

— Все среброликие заслуживают легкой смерти, это закон, — Аки серьезно, строго взглянул на нее. — И Деала правильно сказала: ее знания еще будут нам нужны, знания, а не безумие. Не будь жестокой сверх необходимого, Лереми. Я боюсь тебя такую.

Лереми опустила взгляд. Ненависть уже не разливалась волнами по телу. И потушила бурю не смерть Деалы, а последние слова любимого.

— Да, ты прав.

— Иди, достань кинжал и бежим на площадь.

Лереми осторожно приблизилась к телу среброликой. Кинжал в спине Деалы уже налился тяжелым золотом памяти убитой. Лереми потянула его за рукоять и с усилием вытащила. Обтерла кровь серебряным одеянием Деалы и сунула за поясную ленту.

— Все.

— Идем! Времени мало!

Голова Деалы была повернута набок, лицом к Лереми. Лереми потянулась было откинуть вуаль, но передумала. Нет, она не хочет видеть это лицо. Страшное лицо той, которой она восхищалась, которую любила. Пусть оно навсегда останется скрытым серебряным покрывалом вуали, пусть останется милой маской.

Она поднялась и побежала за Аки. Тревожным гулом наполнилась площадь дворца: ничто

подступило к стенам.

В коридоре они пошли шагом — тяжело было дышать, плотные потоки ничто уже ощущались в воздухе. Аки нашел руку Лереми, сунул маленькую гранулку.

— Держи. Нас на Границе кормили. Сильное зелье, защищает тело от чуждого.

— Спасибо.

Лереми положила гранулку на язык, даже не поморщилась от ее горечи. Лицо застыло, стало маской, как у среброликих. По контрасту с неподвижным лицом сердце колотилось так, что от его грохота дрожали руки. Чтобы тело не выдавало ее волнения, пришлось скрестить их на груди. Звук шагов Аки немного успокаивал, Лереми болезненно прислушивалась к ним и тайно радовалась, что он рядом. Можно не бояться, что Аки уйдет, остановится, предаст.

Они вышли на площадь, и Лереми судорожно вздохнула. Она сначала не поняла, реальность открылась ей или провидческий дар без предупреждения швырнул страшное видение. Вихри, патрулирующие границы площади, не справлялись с поступающим из города воздушным чуждым, оно ощущалось как туман, взвесь мелких капелек слизи. Появились новые зараженные, в основном, каста серых: бесконтрольный прием десятков сильных зелий на посвящении ослабил их. Вместо того, чтобы стать преградой на пути ничто, они стали его главными распространителями. Из глаз у них текла прозрачная влага, но это были не слезы — та же слизь, что была размазана по камням площади. Стражи отгоняли их тупыми концами копий в угол площади. Из пока не зараженной части толпы раздавались крики: «Сжечь!» и «Выкинуть за стены!» Кричали и те всевидящие, которые только что спасали этих заразившихся из-за стен. Начиналась паника, рвались все связи. Влюбленные отскакивали друг от друга, с отвращением вытирая ладони, дети отталкивали к стражам зараженных родителей, родители бросали на камни детей.

Всемогущие и всезнающие уже не справлялись ни с чуждым, ни с буйной толпой. Вихри один за другим распадались, клочья черных туч разносил ветер, и в этом ветре сильно ощущалась плотная, тяжелая струя чуждого, идущая с самой Границы. Ощущалась лишь весом — не запахом, и это было страшно. Это было предвестие растворения, предвестие смерти, равнодушное к запаху, к индивидуальности. Всемогущие запустили от больших курительниц новые вихри, и в небе над площадью засверкали вспышки молний. Это действие далось старшим нелегко, их ослабевшие руки дрожали, а лбы покрыла испарина. Но только они да стража еще боролись. Всезнающие сдались, то же, что и у Лереми знание о близком конце мира тяготило их. Лереми потянулась было мысленно к старшему, что направил ее к западным воротам, и тот резко обрубил нить.

Один всезнающий, стоя под помостом распознавателей, прошептал что-то Кейле. Девушка выпрямилась, по щекам текли то ли слезы, то ли субстанция ничто, не разобрать. Она подняла руку, но замерла, сомневалась, давать ли отмашку следующему событию. Но это же время последние вихри, патрулирующие воздух над площадью, сдались, расплылись черными тучами. Снятие общего фона постоянства родного стало злым роком для Наао: теперь защитные действия высших каст не могли опереться на поддержку планеты. Всемогущие один за другим устало роняли руки, оседали в своих креслах. Они теряли сознание и умирали. Перед смертью пламя неконтролируемого дара обхватывало их пальцы, кисти и вздымалось выше, обнимая фигуру.

Аки рядом судорожно вздохнул при виде этого, и Лереми пришла в себя.

— Мы выживем, — тихо, уверено сказала она. — Не знаю как, но уже знаю вкус твоего

шарика энью на языке.

— Нужно забраться повыше, — деловито сказал Аки, тут же пришедший в себя и даже просиявший при ее последних словах. — Одна слизь под ногами! Гранулка, которую я тебе дал, хороша, но не всесильна.

Кейла на помосте решилась, опустила руку, дав знак хору, наскоро собранному рядом. Неуверено, запинаясь они начали старинный, нечасто звучащий на Сенте гимн. Гимн слияния мира. Гимн примирения с судьбой. Единственный сенторианский гимн, славящий ничто, его исполняют только в такие моменты, когда впереди ничего не остается, когда волны ничто лижут пальцы.

«Из ничто мы пришли и в ничто уйдем. Все дороги Эдо начинаются и оканчиваются в нем, замыкая круг жизни...»

Кейла бросила на диск курительницы горсть сильного успокаивающего зелья. Оно дарило хорошие сны. Голова Лереми сразу же наполнилась им и будто стала легче. Сейчас дунет ветер и унесет воздушный шарик ее головы по тропам и морям сказочных сновидений, где нет ничто и все родные живы...

— Идем, — Аки потянул ее за собой к малому крылу дворца. Помог забраться на пристройку и сам влез следом. Немногие, сохранившие ясный рассудок, поступали также. Двое даже забрались под высочайший купол. Аки первым вскарабкался на крышу малого крыла и протянул Лереми руку. Они забрались под шпиль крыши и здесь сумели сбросить сонный дурман. Лереми бросила взгляд на площадь. Гимн произвел отрезвляющее действие на толпу. Единой массой зараженные и здоровые, представители разных каст стояли перед помостом распознавателей и, покачиваясь, повторяли его.

«Придет срок, и в ничто растворятся мои мечты и надежды, оно поглотит все и ничего не оставит мне. И я исчезну: что я без мечты и надежды?.. Но что это? Серебрится гладь ничто, под ней дремлют все мечты и надежды Сенты — и мои среди них. Придет срок, и они станут реальностью. Новой реальностью, в которой не будет меня».

Серые облака были странно подсвечены снизу, будто намочили животы в жидком серебре. Это субстанция ничто, заполнившая пространство за пределами площади, переливалась в лучах солнца Эдо.

«Не плачь! Так было всегда и так будет всегда. Уставшая Сента заснет, укрывшись теплым одеялом океана ничто. Будет восходить и заходить Кан, много-много, бессчетное число раз... пока однажды Сента не решит, что хватит. Она встряхнется, скинет одеяло ничто — и под ним будет новый мир. Мир, который был для нас волшебной сказкой и несбыточной мечтой. Круг замкнулся! Наши судьбы стали его легендами».

Кейла пела это и опять плакала, или то субстанция ничто струилась по щекам распознавательницы? Вот гимн смолк, и над площадью разлилось беззвучие, молчание моря ничто. В живых осталось не более десятой части собравшегося народа. Начали таять здания площади, сложенные из живых материалов. Края крыши малого крыла, на которое забрались Лереми и Аки, совсем обвисли.

— Нужно забраться еще выше! — крикнул Аки. Лереми взглянула на крышу главного здания с гроздьё куполов и венчающим их высочайшим.

— Не получится. Высоко — не перепрыгнуть!

— Я тебя перенесу. Только не шевелись!

Лереми почувствовала, что тело обхватывает словно бы гигантская рука. Скорость плотным ветром загудела в ушах, а высочайший купол вдруг понесся на нее. Скоро под ноги

бросилась его кружевная поверхность. Лереми упала на колени, вцепилась в ажурные переплетения.

— Аки! — позвала она. — Как же ты?

Маленькая фигурка на крыше малого крыла шутливо развела руками:

— Всемогущие в последнюю очередь учатся перемещать самих себя!

— Ну и что? Попробуй!

— Я уже попробовал, — тише. Фигурка сникла. — Скажи, ты правда видела нашу свадьбу, или... или...

Лереми фыркнула.

— Или что? Напрашивалась к тебе в жены? — преувеличенно звонко: нужно было подбодрить друга. — Всезнающие в первую очередь учатся всегда говорить правду!

— Прости!

— Придумай, как ко мне подняться! — она слишком сильно подалась к Аки, и тело качнуло, вперед и вниз — туда, далеко, на камни площади. Лереми испуганно вскрикнула, крепче вцепилась в кружевное плетение купола, а толпа внизу вдруг тоже разразилась криками, и, еще не расслышав их, Лереми поймала картинку чужих видений: над стеной площади заметили летательный аппарат землянина.

— Аки, смотри!

Всемогущий протянул к белому далекому диску еще не отошедшую от груза убийства, малоподвижную руку, будто хотел схватить его в горсть.

— Не получается пока. Жаль! — скоро крикнул он. — Эта штука слишком тяжелая, и силовое поле создает помехи!

Диск тонко зажужжал и пальнул белым огнем в ближнюю стену. От грохота заложило уши, и Лереми, забыв о своем шатком положении на крыше, зажала их ладонями. В основании стены образовалась дыра, и на площадь хлынул поток ничто. Несколько всевидящих взлетело на крыши, без разбору похватав сенториан из толпы, но большинство примирилось с судьбой. Они беззвучно тонули в серебристом море, погружались в рябь из кроваво-красных бликов солнца и больше не всплывали. Кейла отступала в глубину помоста, края которого уже захлестывало ничто, когда над ней завис летательный аппарат землянина.

— Убей его, Кейла, — прошептала Лереми, взгляд обратился в две острые иглы. — Убей, метни кинжал! Пусть новая волна искажений, но Сента будет отомщена.

Но Кейла и не думала братья за кинжал. Наверное, она испугалась, увидев море ничто так близко, у себя под ногами. Она протянула к землянину руки, и он втащил ее к себе. Лереми разочарованно выдохнула. Аки также, но в глазах всемогущего все же поблескивала и радость оттого, что сестра осталась жива. И Лереми устыдилась своей жестокости.

Один всевидящий опустился рядом с ней на высочайший купол, выпустил из рук спасенную. Женщина из касты серых прижимала к себе жесткий снаружи мягкий изнутри широкий лист-пеленку для малышей. Странно было видеть женщину, баюкающую одного младенца, а не двойню. При мысли, где второй ребенок, у Лереми болезненно сжалось сердце.

Серая закашлялась, и у нее изо рта и глаз потекла слизь. Зараженная! Это заметил и всевидящий, и зло и устало выругался, не скрывая сожаления, что спас не того, кого стоило спасать. Всевидящим был напарник Аки, Яно.

Дворец таял, как песчаный замок, оказавшийся на линии прибоя. Ажурные кружева старинных куполов, деревья и травы, звери и птицы, сенториане — все сплавлялось в одно.

Серебристое зеркало моря ничто отражало старую истину: все живое растет из одного корня и имеет единое тело. Переплетения купола проседали под невеликим весом Лереми, Аки на малом крыла уцепился за шпиль, а крыша уже проламывалась под его ногами, и ноги вязли в слизи ничто.

— Яно, помоги, — зашептала разом обесилевшая Лереми. — Помоги Аки, он там, на малом крыле!

— Унесу или его, или тебя, — от усталости равнодушно и прямо сказал тот.

— Аки, ты слышал?

— Отлично, улетайте! Я подтолкну!

— Ты полетишь с Яно, — Лереми хитро улыбнулась. — И понесешь меня рядом, всемогущий.

— Ты уже знаешь, что у нас получится?

— Знаю! — крикнула она, но про себя поправилась: — Верю.

Она не видела, как они спасутся из Наао, знала только сладкий вкус энью на языке... и этого оказалось достаточно, чтобы поверить.

Лереми встретила взглядом с зараженной сенторианкой, и та, мгновенно поняв этот призыв, метнулась к ней.

— Спаси его! — лихорадочно зашептала она. — Возьми! Спаси! Пожалуйста!

Лереми приняла из ее рук жесткий, плотно свернутый лист. Руки ждали небольшой, но тяжести, но конверт почти ничего не весил, как если бы был пустым. Снизу из него подтекала прозрачная слизь.

Похолодевшая Лереми нашла силы улыбнуться безумной матери и прошептать: «Все будет хорошо». Потом она вновь почувствовала, как ее хватает невидимая мягкая сильная рука, как ноги отрываются от плетения высочайшего купола. Они взлетели над серебристым озером, в который превратилась площадь Наао, и Лереми все прижимала к себе ненужный пустой конвертик и не хотела выпускать. Нетронутыми ничто остались только каменные колонны дворца, покрытые резьбой всего на одну шестнадцатую высоты, что издавна вселяло в жителей столицы надежду на долгую и счастливую судьбу народа Сенты...

Они то летели, то бежали: долгие, страшные акаты пути. И ничто постоянно преследовало их — вспышками молний на оставленном горизонте, серебристыми животами тяжелых туч над оставшимися позади селениями, взвесью капелек слизи в утреннем и вечернем тумане. Сента укрывала весь светлый бок одеялом ничто. Они многих спасли, увели из поглощаемых ничто городов, но не спасли свою детскую веру в чудеса и надежду на благополучный исход для мира. Их лица стали неподвижными масками и скоро засеребрились от зелий, которые приходилось принимать, забыв о безопасных схемах приема, и опыта, который поневоле приобретался в пожираемом инопланетной болезнью мире. Наконец на горизонте заблестела бескрайняя гладь воды. Океан. Но, добираясь до него, они так устали, что сразу попадали на песок. Лереми, лежа на животе, окунала кисть в набегающую волну и впервые за все акаты бегства радостно смеялась, изумляясь чистоте этой воды, ее такой хрупкой, шаткой «пока свободе» от чуждого. А в океане показались широкие спины меанов с прозрачными шатрами на гребнях, и скоро на песок рядом упала холодная черная тень. Голос с акцентом темной стороны произнес:

— Прошу к нам на борт. Осан ждет встречи с тобой в Деи, сребролика.

Нейтрализовав землян, Ардин уверенным шагом направился дальше по коридору. К сожалению, все внутренние двери оказались закрытыми, пришлось снова и снова стрелять плазмой. Роума с земной девчонкой шла поотдаль, кольцо пальцев джийанки по-прежнему обхватывало горло Таи.

— Что вы собираетесь делать дальше, Роума? — спросил Ардин, разделавшись с последней дверью, и обернулся к джийанке, ожидая ее ответа. Та смешалась:

— Мы... мы отыщем ваш птерокар и улетим. На Джийю.

— Полагаете, Кентор отпустит нас просто так? А землянка?

— Она моя! — тут же вскинулась Роума, и опять машинально слишком сильно сдавила горло девчонки. Тая придушено застонала.

— Она вам живой или мертвой нужна? Ослабьте хватку. Видите, я не пытаюсь ее у вас отнять. Отыскать Ало-ши быстро не получится. И вы отключены от общего каталога, поэтому не знаете, что Кентор уже ждет нас у дока.

— Вы нарочно пугаете меня?

— Нет, все действительно очень серьезно, Роума. Едва мы с землянкой покинем корабль, Кентор начнет штурм. И нам оставлен только один путь — на джийанский крейсер. А вы не готовы к встрече с сородичами?

Джийанка замерла, раздумывая, ее пальцы расслабились, руки опустились. Тая впервые за все время плена смогла опуститься с носков на стопу и втиснуть пальцы между своей тоненькой темной шейкой и сильной кистью джийанки. Что она делает? Пытается освободиться? Ардин усмехнулся наивности этой попытки.

— Нет, я не боюсь, — заговорила Роума. — Я рассматривала встречу с сородичами, как один из возможных вариантов развития событий. Это плохой, но не смертельный вариант. Хотя лучше всего было бы улететь на вашем истребителе.

— Вы уже так уверенно записываете меня себе в союзники?

— Вы пока не убедили меня в обратном, — вызывающе сказала джийанка. Ардин отвернулся, чувствуя холодной спиной ее жгучий взгляд.

— Идемте, у нас нет времени, — буркнул он и ступил в оплавленный проход к последнему отрезку пути. Позади не сразу, но раздались звонкие шаги Роумы, шелест одежды и всхлипы маленькой пленницы.

— Почему вы не убили никого из землян? — тихо спросила джийанка. — Накануне штурма безопаснее было бы оставить их без капитана. Вы же определили, кто из них Дэн?

Ардин насупился. Какой ненужный, болезненно колющий вопрос!

— Я не штурмовик, — скованно ответил он.

— Да, хуже: вы — РИДовец!

Ардин поморщился. О, эта джийанка нашла уязвимое место его крепкого костюма, и колет, и колет в него иглой!

— Земляне и их родина — одна из загадок Вселенной. Их виртуальность другая загадка, и отношение к Сенте и Джийе — вот еще загадка, — признался он, надеясь тем самым избавиться от тревожных уколов боли. — Загадки глупо уничтожать, не попробовав разгадать. Если уничтожить их, ответов на вопросы уже не получишь. На карте твоей личной Вселенной эти области навсегда останутся черными дырами.

— При штурме землян все равно уничтожат.

— Полагаю, после нашей с Кентором беседы, выбор будет сделан в пользу их жизни. В любом случае, останется корабль и виртуальность.

— Поэтому вы и меня не уничтожили и не сдали Кентору? Я загадка Вселенной?

— Да, — выдохнул он, и почувствовал, что игла боли исчезла. А Роума приблизился вплотную, и Ардин вздрогнул, ощутив ее холодные легкие руки на плечах.

— Там, на крейсере, вы собираетесь повести с Кентором свою игру? А что вы расскажете ему обо мне?

— Еще перебираю варианты, — Ардин не удержался от улыбки. Ощущение рук Роумы на плечах теперь приятно грело. — Как вам такой: я нашел на «Красавице» пленника землян — джийанина? Земляне ухитрились отключить его от общего каталога, подлатали обветшавший костюм и украсили в соответствии со своими понятиями о красоте. Если же вам не хочется играть роль пленника, давайте сейчас же отключим вашу капсулу от костюма. Капсула поместится под мою грудную пластину, если снять вторую пару рук. А костюм я выдам за собственный, запасной. Правда, нужно будет серьезно подумать, как объяснить его стилизацию под женскую фигуру, но этот вариант более безопасный для вас.

— Нет, первый, — быстро сказала Роума. — Разделять капсулу с костюмом я не стану.

— Не доверяете мне? Спешу напомнить: я о вас почти ничего не знаю, честно в этом признаюсь. Вы же, по вашим собственным заверениям, знаете обо мне больше, чем я сам.

— Дело не в доверии. Мне отвратительно разделять свою капсулу с костюмом. Также отвратительно, как нырять в виртуальность, — по лицу джийанки пробежала тень омерзения, на мгновение исказив приятные черты. — Это уничтожает всякую иллюзию цельности твоего тела! А вам не страшно менять костюмы, Ардин?

— Нет, — удивленно ответил он, но тут же вспомнил страшный момент из старого сна, где он был сияющим шаром-душой, лишенным какой-либо защитной оболочки. — Значит, первый вариант? Вы пленница землян? — Роума кивнула. — Что ж, тогда постарайтесь молчать, желательно, с безумным видом. Говорить буду я. И отпустите, наконец, девчонку! Все равно мы все в одной связке!

Роума взглянула на него, потом перевела взгляд на Таю. Долго, восхищенно она смотрела на земную девушку, но странное, нелепое преклонение перед низшим существом постепенно обретало разумные границы. Наконец джийанка со вздохом разжала пальцы. Тая мешком свалилась на пол.

— Спасибо, спасибо, — забормотала она на джийанском с ужасным акцентом, отползая в сторону. Ардин засмеялся:

— Куда? Мы не отпустили тебя совсем! — по-земному сказал он, подхватил девчонку поставил на ноги, и, как Роума, заключил ее шею в кольцо своих пальцев. — И для джийан на крейсере, Тая, лучше тебе не знать джийанского. Моргни, если согласна. Девушка торопливо моргнула, для верности, раз пять.

— Ладно, пошли. Кентор ждет, — со внезапной мрачностью сказал Ардин и первым ступил в очередной оплавленный проем.

Полуразрушенный крейсер Кентора отбуксировали на дальнюю орбиту. Начальник перебрался на другой, занявший прямую линию между «Красавицей» и запутавшимся в сети ураносом. Кентор вышел встречать Ардина прямо в док: эффектная высокая фигура в представительном красном костюме главы РИДа. За его спиной стояло четверо черных воинов. Ардин вытянулся в струнку и подтянул повыше девочку, тяжело дышащую в кислородной маске, которую на землянку надели в истребителе: тот, как и направивший его крейсер, в качестве атмосферы использовал невзрывоопасную смесь инертных газов. Расчитанная на сенторианина маска Тае подошла, но держать девочку выбранным Роумой захватом стало неудобно... Джийанку вел пилот истребителя.

— Ардин, поздравляю, — искренне сказал Кентор. — Отличная операция на корабле. Значит, вот это — землянка? Маленькая... А это кто, хм?

— Нашел на «Красавице», землянке держали в большой оранжерее. Видимо, захватили во время встречи с нами у Сенты. Они отключили его от общего каталога. Видимо, это сильно повредило его рассудок. Он даже имени своего не помнит.

— Что ж, прозондируем капсулу и все выясним, — Роума вздрогнула при этих словах Кентора, и Ардин поторопился вмешаться:

— Прямо сейчас? Или на Мегре? Я слышал, это опасная операция.

— Да, на Мегре для ее успешности можно создать лучшие условия, — похвально легко согласился начальник. Его уже поглощала грядущая высадка черных отрядов на «Красавицу», он то и дело косился на большой настенный монитор.

— Кентор, они стреляют в энергосеть! — пришло чье-то паническое сообщение в беседку крейсеров в общем каталоге.

«Сбивайте заряды. Я сейчас подойду», — отозвался Кентор, и махнул Ардину. —

Идемте в рубку, я там развернул примерный план корабля. Укажете путь штурма.

— А спасенный?

— Отведите в манипуляционный зал. А землянку — в лабораторию, — обратился он к эскорту и снова повернулся к Ардину. — Ну, идемте.

Ардин остался на месте. Настало время претворить в жизнь свой опасный, но захватывающий план. Механизм горла вдруг забарахлил, залязгал, но он смог сказать, достаточно твердо:

— Кентор, у меня есть информация, интересная совету Джийи. Я требую созвать совет сейчас же.

Начальник также застыл на месте:

— Какая информация?

— О землянках. Местонахождение их планеты.

— Ради этого собирать совет?! Ардин, вы забываетесь! — со стенного монитора связи с рубкой кто-то давно пытался докричаться до Кентора, и начальник раздраженно нажал кнопку громкой связи. — Что?!

— Уранос освобожден! Он готовится перейти, взгляните сами!

На мониторе появилась внешняя картинка. Уранос двинулся в сторону «Красавицы». В следующий момент он подхватил корабль в изгиб шеи и растворился в перламутровом сиянии, и за спинами джийан раздался радостный крик:

— Так вам и надо! Чудозверь за нас! Эля, давай! — радостно орала Тая. Ардина странно уколола эта искренняя дикая наивная радость вперемешку с полным самоотречением. Осознает ли девочка, что теперь она определенно осталась одна среди врагов? Роума так

же знакомо злорадно улыбалась.

После мгновения оцепенения Кентор бросил в общий каталог запрос на все новые переходы из гиперпространства в обычное и усмехнулся.

— Все равно их разыщем, — подытожил он. — Штурм отменяется. Ардин, идемте в мой кабинет. Вижу, нам нужно о многом поговорить.

— Отлично, — мгновенно сориентировался Ардин.

Напоследок он успел бросить взгляд на Роуму которую уводили два черных воина. Джийанка шла между ними такая маленькая, хрупкая... Опасно, ах, как опасно! Следовало все-таки настоять на втором варианте. Спрятать капсулу тела Роумы себе под грудную пластину, а этот костюм, вернее, этот хлам утилизировать еще на «Красавице».

«Ничего, выберемся», — подбодрил он себя, отправляясь за Кентором. Хотя путь был туманен как никогда. Одно он знал точно: Кентор должен дать ответ, что связывает Джийю и Землю и что связывает его лично и главу земной виртуальности, что означает странное требование: дайте тело!?

Начальник был зол и встревожен, это ощущалось в нервном подергивании его лицевых пластин. В своем кабинете он сразу же включил монитор, набрал какой-то код и, поминутно дергаясь, принялся ждать ответ. Ардин встал так, чтобы видеть монитор и изобразил самую доброжелательную улыбку.

— Вы сейчас по моей просьбе связались с советом, Кентор? — негромко спросил он, чуть погодя, когда показалось, что начальник успокаивается. — Или нет? Право созвать совет в случае крайней необходимости, при угрозе существования Джийи, допускается РИДовцу любого ранга.

— Нет, с советом я не связался. Вы действительно считаете, что информация, добытая вами, угрожает существованию Джийи? — Кентор презрительно фыркнул. — За все время РИДа служащие низших и средних рангов ни разу не созывали совет. Все они были отлично осведомлены, какое наказание последует за ложную тревогу. Поэтому всесторонне, многократно анализировали поступившую им тревожную информацию и обыкновенно приходили к выводу, что она не способна пошатнуть устои Джийи. А вы провели хотя бы первоначальный анализ, Ардин?

— Чтобы его провести, необходимо выдать тревожащую информацию в общий каталог. А я хочу поддержать ее при себе.

— Что-о?

— Я полагаю, существует группа джийан, которая следит за потоком поступающей в каталог информации и анализирует ее. Информацию, могущую нанести урон образу Джийи в сознании джийан, они удаляют сразу же. Предполагаю, вместе с информантом. Моя информация как раз такова, и я не хочу лишиться ни ее... ни жизни.

Кентор оторвался от монитора, первый раз за время беседы в кабинете взглянул на подчиненного. Взгляд удивленный и мрачный.

— Что же это за информация, Ардин?

— Обратный адрес землян. Опасной расы, создающей микродыры и не гнушающейся применять их, как оружие. Зловещей расы, сотрудничающей с миром призрачных существ и не желающей даже под страхом смерти отказаться от этого сотрудничества. Чуждой и по большинству социальных параметров противоположной нам расы, которая не должна существовать в одной галактике с нами. Их необходимо отбросить в каменный век, пока они не стали слишком опасны. Понимаете, Кентор?

— Ничего не понимаю. Почему эту информацию вы не хотите выпускать в общий каталог?

Ардин сыграл недовольство на лице, поморщившись. Хотя он и был сейчас на пике волнения, и не мог отмечать в сознании ничего, кроме прохождения вех своего плана, но почувствовал, что это разговор начинает ему нравится.

— Потому что мы уже отбросили землян в каменный век, но об этом нет ни слова в общем каталоге! Вся информация о Земле удалена из него, и я опасаясь, что та же участь постигнет мою. Сорок циклов назад у Сенты даже два наших крейсера отключили от каталога из-за землян... Что-то есть в этой истории с Землей, омрачающее образ Джийи, ведь так, Кентор?

Начальник молчал, как показалось Ардину, обескураженно, и он продолжил:

— Я гадаю сейчас, что могло бы его омрачить. Наш социальный институт наилучший, наша телесная форма совершенна, мы неукоснительно следуем нашим нормам морали, только низшие расы настолько слабы, что регулярно их нарушают. Что, какая наша уязвимость может быть спрятана на Земле?

Тут ему, к сожалению, пришлось прерваться: монитор у Кентора на пульте засветился. Показались знакомые стены мегрианского отдела РИДа и скособоченное лицо Орфы, слуги Кентора.

— Мне нужны коридоры связи с Доррой и советом, — быстро сказал Кентор. — Откройте и держите, пока я не появлюсь.

— Да, хозяин.

Кентор резким раздраженным щелчком отключил монитор и в упор посмотрел на Ардина. Тот смешался: связь с советом вовсе не входила в его планы. Он использовал это требование, чтобы уличить Кентора во лжи, и только. Кентор моментально почувствовал его замешательство.

— Вы как-то связываете историю Земли со мной, Ардин? — грозно спросил будто выросший начальник. — Напрасно!

— По моим сведениям, именно вы возглавляете тайное управление слежения за общим каталогом и удаляете из него всю информацию, касающуюся Земли. И... не только.

— И что еще?

Ардин вздохнул.

— Не думал, что вы действительно созовете совет, — признался он, чувствуя, что теряет всякую опору под ногами. — По тому, что мне открылось у планеты — колыбели ураноса, я рискнул предположить, что вы ведете с землянами какую-то свою игру и не станете ничего докладывать совету из опасения, что она раскроется. Это ваше: дайте мне тело... — что это было тогда?

— Решили обставить начальника? Эх, Ардин! — Кентор расхохотался и хохотал долго, с каким-то злобным остервенением. — Чуть какая, всеобщая слежка... В каталоге нет сведений о Земле, потому что их там никогда не было! Ваши будут первыми. Давайте информацию сюда.

Ардин машинально тронул пластину бедра, под которой была спрятана фотография.

— Нет, — все-таки сказал он, не удержавшись, больше от обиды, чем от несогласия со словами Кентора. Течение опять относит его на перефирию, когда он едва-едва, краешком глаза увидел яркий отблеск Очень Интересных Сведений! — Я хочу быть в этом деле, Кентор, вместе с вами. Мне интересна Земля. Ваш диалог с главой виртуальности

подтверждает, что о землянах и их родине вам известно многое. Поделитесь, Кентор! Неужели я не заслуживаю повышения?

— Нет, — буркнул Кентор. Он был в тихом бешенстве, уперся ладонями о пульт так, что тот треснул.

— Я в целости выбрался с корабля землян, освободил пленника, привел вам заложника, — напомнил Ардин и почувствовал себя более уверенно. Голос опять окреп, зазвенел. — Мимоходом я вырубил виртуальное оснащение корабля, чтобы ваш штурм стал легкой прогулкой. А вы? Потеряли крейсер, не сумели пленить ураноса и упустили «Красавицу»! Думаю, совет вас не похвалит, Кентор. А вот наш тандем может стать удачным ходом. Соглашайтесь. Что вам уже известно о Земле? Зачем вам какое-то тело? Чье тело? И — да: земляне говорили о какой-то блокировке датчиков у Сенты со стороны джийан. Кому-то на Джийе было нужно, чтобы земляне спустились на планету! Кто стоит за всем этим? И что стоит, какая идея?

— Никогда. Больше. Не задавайте. Эти вопросы, — отрывисто, тяжело выговорил Кентор, и не сдержавшись, заорал: — Никогда! И никому! Я позабочусь, чтобы на Джийе никогда не заговорили о катастрофе у Сенты! А если вы не будете молчать, я позабочусь также и о том, чтобы вас лишили не только занимаемой должности, но и возможности когда-либо занять какую-либо должность!

— Но... — Ардин осекся. — Но для чего, если не для обсуждения землян, вы сейчас собираете совет?

— Для обсуждения пленника, которого вы привезли, — мрачно ответил Кентор. — Я давно ждал встречи с ним. Сейчас его готовят к психозондированию. Его ответы должны быть очень интересными.

— Но это опасно! — невольно воскликнул Ардин, и Кентор заметил его волнение, усмехнулся:

— О, вы боитесь, что он умрет раньше, чем я вытяну Очень Интересные Сведения? Не бойтесь, не умрет. У меня к этому джийанину давно заготовлен список конкретных вопросов, и медлить я не стану!

Костюм Роумы вскрыли и капсулу достали из него, оставив соединенной с телом толстым шнуром проводов. Устаревшая оболочка джийанки, лишённая жизни, которую в нее вдыхала капсула, казалась жалкой грудой хлама, гладкое силиконовое лицо обесмыслилось, глаза потухли и будто помутнели, как у мертвых низших существ. Светящуюся белую капсулу — хранилище отпечатка вселенского Света вскрывать не стали, это было бы кощунственно, но проткнули множеством тонких длинных игл с подсоединенными к ним проводками. Проводки вливались в устье психозонда — прибора, запрещенного кодексом Децы, но при этом используемого довольно регулярно.

«Ей сейчас, должно быть, ужасно больно», — подумал Ардин, едва увидел эту картину. И его собственной капсуле вдруг также стало больно. Наверное, даже еще больней, чем джийанке. Руки затряслись, пальцы сжались в кулаки, он испугался, что более не владеет костюмом.

— Неприятное зрелище, — прокомментировал Кентор, нарочно вставший так, чтобы видеть и капсулу тела Роумы, и лицо Ардина. — Никто не захотел бы оказаться на его месте, да, Ардин?

«На ЕЕ месте», — хотел поправить Ардин, но вовремя вспомнил, что о чудачествах джийанки лучше молчать. Только холод и отвращение от несказанных слов все равно

проникли до капсулы, вновь заставив его задрожать. И кулаки так и не разжались. Она — и пытки, она — и боль. Эти слова просто не должны были никогда стоять рядом!

— Начнем зондирование, — махнул двум ассистентам в синих костюмах РИДовцев Кентор. Один кивнул, и включил психозонд, другой, включив видеокамеру костюма, встал напротив костюма Роумы, снимая неподвижное лицо.

— Начнем, — сам себе сказал Кентор, и, включив монитор, быстро вывел пять экранов с лицами членов совета Джийи.

— Господа, — обратился к пятерке. — Мы начинаем допрос. Те согласно закивали, и Ардина опять передернуло. В кабинете Кентора ему уже пришлось поучаствовать в отвратительной сцене. Кентор хвастливо рассказал совету, как пленник был доставлен на корабль, будто сам проделал эту работу. Когда слово дали Ардину, он кратко сообщил, что нашел пленника в оранжерее. На контакт тот не выходил. Ардин прочитал на костюме его код, ввел в общий каталог, и тут же пришел ответ, что настоящего джийянина в данный момент в каталоге нет. «Но он мог ошибиться...» — добавил Ардин, переступив через гордость. — Возможно, зондирование пленнику вовсе не нужно, лучше оставить его в покое, и он расскажет все сам», — в уме он тем временем лихорадочно перебирал варианты, как выручить Роуму, но ни один не казался выполнимым. А когда он увидел, что сделали с джийянкой, все размышления и вовсе вылетели из головы. Осталась только ярость.

— Включите связь капсулы с лицевой частью костюма, — потребовал Кентор, и ассистент у психозонда тронул шнур проводов, соединяющий капсулу с костюмом. Лицо Роумы тут же искривилось. Переход от маски спокойствия к маске боли был столь внезапным, что Ардину показалось, будто это были два разных лица. Две разные джийанки.

— Отпустите меня! — заорала она, с ненавистью глядя в глазок камеры на костюме ассистента.

— Не раньше, чем вы дадите правдивые ответы на все мои вопросы, — ровно, спокойно сказал Кентор. — А сейчас я назову несколько знакомых вам названий и имен. «Лессно, Сента, инопланетный корабль, виртуальность, общий каталог, согласие, несогласие» — при этих словах на большом мониторе появлялись изображения объектов. На слове инопланетный корабль вывелось изображение «Красавицы».

— Я ничего не скажу! — от боли Роума утратила всякий контроль над собой. Ардину захотелось отступить в темноту зала и ткнуться тяжелым лбом в стену: психозондирование обнажает всю ложь пытаемого, но легко покрывает ложь того, кто пытается. Во всей известной части Вселенной лгать под психозондом умели только артеанцы, благодаря зыбкой, странной системе понятий и перенасыщенной образами речи. Джийяне так лгать не могли.

— Вы были в составе команды тяжелого крейсера, стоявшего у Лессно сорок циклов назад? — невозмутимо начал Кентор, обращаясь к Роуме.

— Согласие, — сообщил ассистент, следящий за первыми мимолетными реакциями испытуемой.

— Подтверждаете? — с ноткой издевки поинтересовался Кентор у джийянки. Та опять закричала:

— Я ничего не скажу!

— Ваш крейсер направили к Сенте, где был замечен данный инопланетный корабль? — опять изображение «Красавицы».

— Согласие.

— Вы остались в плену у инопланетян?

Что-то мелькнуло на искаженном лице джийанки. Сожаление от неумения скрыть правду? Она просяще взглянула на Ардина.

— Несогласие, — подчеркнуто ровно, громко сообщил ассистент.

— Не завершив штурма, вы возвратились на тяжелый крейсер? — нажим послышался в голосе Кентора. Он волновался.

— Согласие.

— Вам доводилось бывать в виртуальности землян?

— Согласие.

— Там вы получили знание об уязвимости джийан?

— Согласие.

— Воспользовавшись этим знанием, вы убили команду тяжелого крейсера? — Кентор сделал крохотную паузу. — А перед операцией на инопланетном корабле вы отключили наши датчики близ Сенты?

— Согласие и несогласие, — пробасил ассистент. — Согласие ярче. Ваш вопрос был слишком длинный, Кентор, потому он успел построить защиту. Его истинный ответ — да.

— Нет! — простонала измученная Роума. — Это истинное нет! Датчики отключили вы, Кентор!

— Согласие, — ассистент расстроено вздохнул. — Ну вот, он сбил настройки! Последний ответ не под запись.

— Разумеется! — выдохнула Роума, но ее не услышали. Кентор обратился к совету:

— Из того, что мы узнали, складывается достаточная картина произошедшего. Этот джийанин — предатель, агент призрачных существ, зовущих себя виртуалами. По их наущению он уничтожил всех джийан, участвовавших в инциденте у Сенты. По косвенным данным, он перед этим отключил датчики на Сенте, что позволило инопланетному кораблю совершить беспрепятственную высадку на планету. После инцидента он отключился от общего каталога и пропал из миров Джии, но свою работу не бросил. Он вновь отыскал корабль и возобновил связь с его призрачными существами.

— Как вы пришли к выводу, что в инциденте у Сенты виновен джийанин? — спросил один из совета. — И когда вам удалось определить предателя?

— Не так уж давно. Хотя первые догадки о предателе-джийанине у меня появились сразу после Сенты, когда я связал ту катастрофу с давним инцидентом на Гиете, — Кентор холодно улыбнулся. — Я искал инопланетный корабль, подозревая, что не один его ищу. И когда координаты «Красавицы» были вновь определены, отправил своего сотрудника Ардина вести наблюдение за инопланетным кораблем. Одновременно с этим я распространил слух среди слуг о том, что РИД отыскал инопланетян, виновных в инциденте у Сенты, и что расследовать это дело поручено Ардину. Предатель, как я предполагал, мог самостоятельно отключиться от каталога, но живые сплетни из уст слуг, он должен был внимательно слушать, чтобы быть в курсе событий.

После этого я принялся ждать. Как я и предполагал, предатель скоро вышел на Ардина и начал набиваться ему в помощники. На Мегре я засек их вместе, документальное подтверждение имеется. Далее...

— Вы лжете, Кентор! — перебил его Ардин. Во время монолога начальника его ярость, ненависть копились и после последних лживых грязных слов прорвались, как нарыв. — Роума узнала отом, что мне дано это звание, что я РИДовец, случайно. Я готов сейчас же

пройти психозондирование, чтобы подтвердить это! Мы познакомились случайно. По разговорам с Роумой я понял, что ей доводилось бывать в виртуальности, но я не верю, что она могла работать на них. Одна мысль о виртуалах, о повторном посещении их мира вызывала у нее глубокое отвращение. И это также подтвердит психозонд!

— Вы не рассматривали вариант, что «она» просто лгала вам, Ардин? — ехидно осведомился Кентор и опять обратился к совету: — Я сейчас жду определения координат, где следует искать сбежавшую «Красавицу». И уже предполагаю, что это будет Сента. Виртуалам этот мир приглянулся еще в прошлый раз.

— Хорошо. Расследованием инцидентов с этими инопланетянами отныне будет заниматься совет, — равнодушно сказал самый представительный член совета. — Вас, Кентор, отстраняют от дела. За потерю крейсера вас будет судить военный суд. Роума подключить к каталогу и выяснить все параметры отпечатка вселенского Света. Затем, как некачественный отпечаток вселенского Света, капсулу тела уничтожить. Ардина за операцию на инопланетном корабле наградить, повысив рангом, за ложь перед советом капсулу тела уничтожить, перед этим также выяснив все параметры отпечатка.

— Ардин не лгал сейчас, — еле слышно запротестовала Роума. — Проведите повторное психозондирование, я все скажу!

— Ардин солгал раньше, когда объявил вас пленником землян, — сказал тот же из совета.

— Что значит: уничтожить капсулу тела? — хрипло заметил Ардин. — Жизнь любого существа типа один священна, это справедливо даже для неполноценных.

— Искажение вселенского Света — брак куда более серьезный, чем искажение связи капсулы с костюмом или биоматерии для отпечатка, — сообщил глава совета. — Искажение подлежит уничтожению.

— Но как оно вообще возможно... Это не ставит под сомнение сущность нашей цивилизации? — пробормотал Ардин.

— Вот именно поэтому искажение и должно быть уничтожено, — холодно сообщил глава совета.

— Дорра, Ардину известно местонахождение родины землян, — обратился к нему Кентор. — Он взял с корабля некий материальный носитель этой информации.

— Местонахождение? — Дорра встрепнулся, подвинулся ближе к экрану. — Достаньте ее, немедленно!

Ардин услышал судорожный прерывистый вздох Роумы, а потом Кентор махнул рукой, и к нему двинулось двое черных. Ардин скрестил верхние руки на груди, нижними подбоченился, скрывая за уверенной позой внутреннее смятение. Все было потеряно — так быстро, так просто. Оставалось две пути в эти последние несколько мгновений: лихорадочно перебирать цепи чужих рассуждений в поисках их слабого места или спокойно готовиться к драке. Сияние капсулы тела Роумы угасало, губы судорожно дергались, в глазах пульсировала боль, и Ардин без раздумий выбрал драку. Он блокировал замах первого противника, вывернул ему руку и поставил подножку. Второй наставлял на него плазмопушку. Ардин сделал обманное движение вправо, сам бросился влево, ударом по слабому месту кисти лишил противника оружия. Первый поднимался с пола, доставая плазмопушку, и Ардин направил главный раструб выигранного оружия на него.

— Предупреждаю: носитель информации бумажный, от плазмы, а равно и лазера, он сгорит, — крикнул он. — Использовать против меня плазмопушку не советую. А вот я легко

ее применю, и не на четверти мощности, как тут сейчас, а на полную! — он щелкнул рычажком, переключая мощность на своей плазмопушке. — Как думаете, это понравится тонкому дорогому прибору — психозонду?

Кентор злобно смотрел на него, и это было приятно. Еще приятнее, чем ненависть капитана землян. На «Красавице», Ардину пришлось включить шаблон злости и боевой ярости, а здесь он мог пользоваться настоящими, не суррогатными чувствами. Ярость пульсировала даже в кончике пальца на спусковом крючке. Черный поднялся, но раструб плазмопушки держал опущенным. Дорра на экране махнул рукой:

— Пусть. Заберете с деактивированного костюма, — объявил он. — Совет уходит на совещание.

Большой монитор погас.

Кентор стоял мгновение в раздумьях, от замешательства даже приоткрыв рот. Ардин мотнул в сторону черных плазмопушкой:

— Вон отсюда! Уходите. Оружие на пол, мне под ноги, — когда они выполнили требуемое, обратился к Кентору:

— Прикажите ассистентам отсоединить капсулу Роумы от психозонда.

Кентор рассеянно взглянул на него, потом в его глазах вспыхнул огонь, будто он наконец-то пришел к какому-то решению. Неприятный, тревожный огонь.

— Делайте, как он говорит! — крикнул он ассистентам. — И окружите ее энергощитом! «Зачем энергощит? — болезненно подумал Ардин. Этот щит был создан для поддержания жизни старых капсул и защиты их от всех внешних воздействий. — Роума при смерти?»

Кентор воспользовался его сомнением, рванулся к стенной панели с кнопками, надавил одну. Ардин повел за этим движением плазмопушку, и вдруг все тело потянуло за весом оружия, он шатнулся и упал на колени, повалился на пол. Что за рябь в воздухе? Конечно! Кентор включил биоцидное поле.

Начальник, хватаясь за стену, добрал до двери и не шагнул — упал в нее. За ним дверь сразу же автоматически захлопнулась. Таким же ходом на противоположной стороне успел воспользоваться один ассистент. Второй лежал на полу, как и Ардин.

Вездесущее биоцидное поле разъедало его капсулу изнутри. Капсула Роумы под защитой энергощита наоборот мягко, ровно засветилась.

«Еще жива, как хорошо, — подумал Ардин, прежде чем провалиться в безмысленную черноту. — Она им нужнее, чем я. А я, похоже, проиграл».

Он приходил в себя долго, тяжело, болезненно привыкая к новому ощущению слабости и неполноценности своего тела. Оно теперь плохо подчинялось командам капсулы, будто было сильно повреждено. Ардин медленно открыл глаза. Так и есть. Пока он был в отключке, Кентор вскрыл все пластины корпуса, ног, рук, мимоходом оборвав пару связей, и нашел-таки фотографию. Вот и сам начальник появился в поле зрения.

— Что это? — спросил он, грозно потрясая знакомой фотографией. — Это и есть носитель информации? Где координаты Земли?

Ардин закрыл глаза и расхохотался. Он долго не останавливался, пусть от хохота болезненно сотрясалось все тело.

— Уверяю вас, это носитель информации, и хватит рыться в моем костюме, — сказал он, отсмеявшись. — Вы поэтому оставили меня в живых, Кентор, что сами в простейшей задачке разобраться не можете?

— Вы решили меня разыграть напоследок? — начальник хотел добавить еще что-то, вряд ли хорошее, но ограничился тем, что злобно поджал губы.

— Я решил потянуть время напоследок, — Ардин заложил руки за голову, устраиваясь поудобнее. Каждое движение отдавалось болью и казалось замедленным, будто он двигался под водой или работал в плотной атмосфере планеты-гиганта. — Хочу побыть старшим РИДовцем хоть пару часов.

Пока начальник негодовал, Ардин тихонько осматривался. Из медблока его никуда не перетащили, он лежал на полу, где упал. Капсулу Роумы поместили обратно в тело. Джийанка полностью пришла в себя и теперь с тревогой ловила его взгляд а, поймав, улыбнулась, но ее губы запрыгали. Знакомые ассистенты беседовали с Кентором у дальней стены, двое черных с плазмопушками охраняли дверь, другие двое находились рядом с Ардином.

«Тот ассистент поднялся, значит, и я смогу», — подбодрил себя Ардин. Он тяжело перевалился набок, приподнялся на руках. Получилось. Он даже смог подвинуться ближе к Роуме. Черные вроде не возражали.

— Они собираются подключить меня к каталогу, — прошептала джийанка. — Дураки! Они нас спасут, Ардин! Как вы? Можете двигаться? Сможете драться?

— Придется, — щека дернулась вопреки команде капсулы. «Совсем разболтался!» — А как ваше подключение к каталогу нас спасет?

— Также, как в прошлый раз. Забыли? Едва мое старое знание поступит в каталог, весь этот крейсер выкинут оттуда. Похоже, я ошиблась с тем, что дезинформатор — Кентор, но, может, удаление опасных сведений из каталога вместе с информантами, производится автоматически? Отключенные от каталога джийане становятся слабыми, как неполноценные, не могут даже скоординировать действия рук, не могут удержать плазмопушку... В прошлый раз я легко сожгла их плазмой и бежала на истребителе.

— Значит, о происшествии у Сенты вы мне не лгали, — Ардин помолчал. — А про то, что изначально вы не знали про мое задание, вы лгали?

— Вам я говорила правду, Ардин! Я начала преследовать вас, когда узнала, что вы такой же, как я. Кентор лжет про меня, ему надо выгородить себя перед советом! Может, он и не дезинформатор, но это он поставил блокировку на датчики у Сенты! — с шепота она перешла на крик, и Кентор их услышал. Он быстро сказал что-то ассистентам, и те засуетились. Подобрал небольшой прибор с пульта, они двинулись к Роуме.

— Не пугайтесь, вас ударит, как всех, но оглушение быстро пройдет, — торопливо зашептала Роума. — Пробивайтесь к докам, за мной! А потом на Джийю, к Флосу!

— Что за Флос?

— Ревнуете? — это предположение взбодрило ее, она даже звонко хохотнула. — Не надо ревновать. Это мой старый слуга и хороший друг, работает на главном заводе утилизации костюмов и капсул.

Ассистенты подошли, оттеснили Ардина. Тот, решив пока играть смирение, покорно, грудой металла свалился на пол. К костюму Роумы подключили прибор. Один ассистент надавил на кнопку, другой впился глазами в маленький монитор на крышке. Кентор отошел к большому монитору. Нервно барабанил пальцами, он быстро пробежал глазами вереницу данных на нем. Эти данные начали поступать от Роумы.

— Подключаем, — сказал один ассистент. Ардин зажмурился и принялся ждать.

Удар... Роума не соврала, это был именно удар. Тупая боль в затылке, круги перед

глазами, как расходящаяся от места падения камня рябь на воде. Потом кто-то вышиб опору из-под его тела. Он падал... Будто во сне, полном символизма, и сон этот был о Джийе.

А был ли их мир? Его не было никогда. Каталог, костюмы, вселенский Свет — одинаковые пустые серые иллюзии. Истина была не там. Истина была: Джийи нет, то, что выдают за величайшую цивилизацию галактики — ложь, ложь, ложь. Это знание Роумы ударило его в затылок, лишило зрения, выбило опору из-под ног. Они все сейчас летели, кувыряясь, в безграничной пустоте космоса, такие же ненужные, бессмысленные, как осколки планет. Мусор.

За какое слово, за какое знание ухватиться, чтобы прекратить падение? Вокруг нет ничего, только слабая боль, даже, скорее, шлейф, аура боли — ею окружена его капсула. Наверное, разгора, щийся в капсуле свет вызвал ее... Добраться бы до него, прикоснуться к его лучам, согреться в них и все понять! Как во всех своих снах, Ардин взялся за грудную пластину, рванул... — и почувствовал, что чьи-то руки мягко обхватывают его запястья, останавливая.

— Тихо, тихо, — знакомый голос...Роума! — Не уродуйте себя, пожалуйста! Я тут.

Ардин открыл глаза, но не проснулся, вокруг по-прежнему был мрак и... что-то новое. Оглушающая тишина. Утихло вечное бормотание общего каталога. Ардин уже был вне его. Вне мира Джийи. Вне какого-либо мира...

Впрочем, в пустоте он был не один. Роума держала его за руки, свет от капсулы джийанки окутывал всю ее фигуру, скрадывая детали костюма. И Ардин почувствовал, что так правильно, может, и под его металлическими стержнями и пластиковыми панелями скрывается такая же сияющая фигура? Он опять рванул грудную пластину, и Роума вскрикнула, сжала его запястья сильнее — крепко, но не больно:

— Не надо, не надо! Это бесполезно, поймите! Нам надо уходить с крейсера, быстрее!

Ардин не поверил ей, дернулся, вырываясь, и почувствовал, что его подхватывают другие руки. Эти не были нежны, они мечтали разодрать его оболочку и выпустить свет из капсулы. Он рванулся снова, чувствуя, что спинная пластина отделяется... вместе с хваткой цепких грубых рук... и очнулся.

Медблок. Ассистенты и черные навалились на них с Роумой. Слабые, но грузные, они обступили их со всех сторон, сдавливая, не давая шевельнуться. Слабые, но цепкие руки тянулись к ним, пальцы скрючились в попытке ухватить деталь костюма, оторвать, прорвать путь до сияющей капсулы внутри.

Ардин дернулся, стряхивая одного ассистента со спины, отпихнул черного. Схватил Роуму за руку, и они бросились к двери. По пути Ардин подхватил с пола плазмопушку и тут же чуть не выронил. Какая тяжелая! Тело плохо подчинялось, каждое движение отдавалось болью в капсуле. Роума тоже еще не пришла в себя после психозондирования, ее ноги заплетались, руки дрожали. Счастье, что их противники были еще слабее.

У двери Ардин замер, вспомнив. Круто развернулся. Отыскал Кентора в гряде шевелящихся тел и, вырвав фотографию земного неба из его слабых пальцев, спрятал под спинную пластину. Начальник очнулся, потянулся к нему, будто хотел задушить. Ардин холодно нажал на спусковой крючок плазмпушки. Ударило и его, обожгло весь костюм спереди, но Кентор упал с большой оплавленной дырой в груди, и Ардин почувствовал удовлетворение от справедливого возмездия. Жизнь любого существа типа один священна в мире Джийи, но в окружающей черноте Джийи не было. Был какой-то иной мир, страшный, враждебный свету его капсулы.

Они выбежали в коридор. Здесь черные распластались на полу, их лица были полны бессмысленным диким ужасом. Завидев двоих джийан, они тянулись к ним, к невидимому, но теплому свету их капсул. Ардин поставил на плазмопушке треть мощности и выстрелил в одного, другого. Роума подняла с пола плазмопушку черного, присоединилась к спутнику, и в жарком мареве плазменного огня опять растворился весь мир. Они бежали вперед, наугад, забыв про доки, просто потому, что остаться на месте значило погибнуть. Отовсюду из тьмы к ним тянулись холодные жадные металлические руки, но Ардин следил, за тем, чтобы ни одна не успела коснуться пластин костюма спутницы, и Роума точно также оберегала его. Смерть спутника для них стала равнозначна собственной смерти. Да, они стали едины, свет их капсул смешался и стал единым светом. Ослепляюще ярким, как тот, которым вспыхивает большая голубая звезда в момент своей смерти, знаменующей рождение десятка новых звезд... Ардин полностью пришел в себя только у тоннеля к доку. Радостно сжал руку Роумы: эту связь они не расцепляли все время бегства и битв.

— Мы почти добрались.

Но теперь Роума была не в себе. Она повела вокруг мутным взглядом:

— Землянка! Где она?

— Вам опять понадобилось «тело»? Ну, нет! — Ардин осекся: пожалуй, девочку действительно не стоило оставлять совету. — Впрочем, заберем ее. Но понесу ее я! Тая должна быть в лаборатории.

Пять ярусов вверх на лифте и опять медленное продвижение к заветной двери сквозь огненный коридор... Дверь лаборатории заклинило намертво, пришлось выносить плазмой, но, наконец, огонь, свет и жар утихли.

— Землянка должна быть тут, — сказал Ардин, и повернул к себе Роуму, встряхнул. — Но, умоляю, придите в себя! Оставьте бредовую идею с телом!

Взгляд джийанки прояснился.

— Вы правы, наверное, но я не могу, — она сухо расмеялась. — Видите, к чему привело включение меня в общий каталог? «Поздравляю, Кентор, вы попали в мой мир, теперь вы знаете мою боль, как вам?» Я живу так сорок циклов, Ардин. Я давно сумасшедшая, и вас ждет то же... Как мне жаль вас!

Ее тело вдруг расслабилось в его руках. Но не повисло грудой бессмысленных деталей, каждый изгиб ее костюма вошел в изгиб его костюма, будто изначально они были созданы единым целым, и сейчас половинки объединились. Захватывающее, выбивающее пол из-под ног, но бросающее тебя не в пропасть, а в небо ощущение. Роума дотронулась теплой от нагретой плазмопушки ладонью до его щеки, кончиками пальцев очертила линию скулы.

— Знаете, как я поняла, что вы такой же, как я? — тихо спросила она. — Зачем устроила проверку на трассе? По вашему лицу. Увидела его в толпе и будто ослепла от солнца. Оно у вас живое, настоящее... как у землян.

И будто не стало тяжелых, неуклюжих, громоздких костюмов. Вновь две сияющие фигуры соединились в одну и стали чистым светом, пульсирующим, как сердце и звезда.

— Роума... — тихо сказал Ардин, не зная, что следует сейчас говорить, но джийанка оторвалась от него, шагнула в лабораторию. Свет погас.

Здесь недавно была драка. Металлические крепления, удерживавшие земную девчонку на лабораторном столе, разорваны. Черный, неизвестно зачем проделавший это, однако, проиграл: оглушенный сначала отключением от каталога, а потом обездвиженный разрядом системы защиты лаборатории, он бесформенной грудой лежал у стены. Всхлипывающая от

отчаяния и напряжения Тая в сенторианской кислородной маске и земном комбинезоне устроилась на полу около его плазмопушки. Она уперлась ногами в стену и спиной давила на тяжелое оружие, пытаясь его переместить. Главный раструб плазмопушки сдвинулся и устоялся на дверной проем, и Тая, судорожно вздохнув под маской, надавила на тугую спусковой крючок обеими руками. Сгусток плазмы ударил вбежавшую в лабораторию Роуму в грудную пластину, и джийанка упала навзничь. Следующий заряд должен был достаться Ардину, но землянку задело волной жара от первого выстрела, обожгло ладони и лицо. Она заскулила, попыталась вторично нажать на спусковой крючок, но силы не хватило или руки оскользнулись в крови. Ардин бросился к ней, отшвырнул плазмопушку, а девчонку уже привычно ухватил за шею, сдавил. Землянка закатила глаза и лишилась чувств. Общий каталог молчал, единственным звуком во Вселенной было биение сердца землянки, но и оно становилось все тише и тише, скоро остановится. Мысль об оглушительной тишине, которая вслед за этим наступит, почему-то испугала Ардина, поэтому он ослабил хватку. Человеческое сердце тут же застучало громче, торопливей, кожа нагрелась от прилившей крови. Ардин разжал пальцы, и девушка рухнула на пол. Где-то глубоко под капсулой возникла боль, когда ее жесткие темные локоны скользнули сквозь его пальцы. Какое странное ощущение, не его ли описывала джийанка? Здесь и желание ощутить величие плоти своим, и понимание, что это невозможно.

«Роума...» — вспомнил он и обернулся к джийанке. Она лежала неподвижно, от грудной пластины остались оплавленные края. Устаревший, изношенный костюм не выдержал и четверти мощности заряда. Капсула тела, судя по резкому запаху химикалий, смешанному с запахом горелой плоти, тоже пострадала.

Ардин подошел ближе. Да, Роума была мертва. Лицо неподвижно, взгляд обесмыслился, руки и ноги обессилено раскинуты в стороны — костюм, как в медблоке, лишился связи с капсулой. Но в этот раз мертва была и капсула. Ее сияние погасло, в развороченном хранилище отпечатка вселенского Света лишь узел обгоревшей плоти. Ардин глянул на него и сразу же отвел взгляд.

Новое ощущение утраты заполнило его капсулу. Намного более острое, чем потеря знакомой группы джийан в каталоге. Гнетущее ощущение, что он потерял что-то, чему еще не было названия, а теперь уже не найти ни имя, ни суть. И что-то в нем, что могло быть заполнено светом, теперь навсегда останется черной дырой... Ардин опустил на колени, подхватил костюм Роумы всеми четырьмя руками своего, прижал к себе. Он проверял это ощущение утраты... Чуждая груда бессмысленных деталей безвольно повисла в руках, изгибы его костюма холодило предчувствие вечного одиночества и нецельности — незавершенности.

Землянка зашевелилась, приходя в себя. Ардин осторожно опустил костюм Роумы, и поднялся, машинально перезаряжая плазмопушку, все глядя в мертвое лицо джийанки. Он зачем-то пытался вспомнить, каким оно было, когда Роума была жива, и не мог вспомнить... Земная девчонка опять потянулась к плазмопушке, и Ардин, наконец, обернулся к ней. Взгляды — затуманенный болью и затуманенный ненавистью — встретились, и теперь, увидев это маленькое темное, тонко и точно откалиброванное отражать тысячи оттенков эмоций лицо, Ардин вспомнил Роуму. Лицо джийанки наложилось на лицо землянки и, совпав с ним как точная копия, исчезло.

— Стой! — не то приказал, не то попросил он Таю на джийанском, одновременно с этим направляя на девчонку плазмопушку. — Все равно не успеешь. Не усложняй ситуацию.

Мы в одной связке. Без меня тебе не выбраться с крейсера.

Тая замерла, испуганно глядя в черный раструб его плазмопушки и машинально потянулась к посиневшей от хватки киборга шеи, сглотнула. «Слишком я напугал ее», — Ардин выругался про себя и опустил плазмопушку.

— Так — пойдешь со мной?

— А выбор есть?

— Только между мной злым и мной добрым, — отрезал Ардин. — Будем пробиваться к докам, — подумав, заверил он, шагнул и пошатнулся, боль опять пронзила капсулу. Поврежденный костюм разваливался на части. Нет, в таком состоянии нечего и думать о новых боевых действиях!

«Хорошо, что этому черному сильно досталось от системы защиты лаборатории, не то драка бы уже началась, — Ардин задумчиво поглядел на безжизненное тело воина у стены. — Черный...» Безумие, конечно, но если ему сейчас переодеться? Разряд системы лаборатории поражает органическую материю, а костюм черного должен быть в целости и сохранности.

Шатаясь, Ардин добрал до плазмопушки черного и, поставив полную мощность заряда, развернул оружие к двери.

— Ты, — он махнул Тая. — Садись рядом. Стреляй во всякого, кто появится на пороге.

Девушка оторопело кивнула и подчинилась. Ардин же добрался до черного, сложной комбинацией нажатий на грудные пластины и пояс, вскрыл костюм воина и извлек из него капсулу.

Осталось запустить механизм перемещения собственной капсулы из одного костюма в другой. Ардин уже улегся на пол рядом с черным, но, вспомнив о землянке, приподнялся.

— Если вдруг захочется развернуть пушку на меня, вспомни, что без меня тебе не покинуть крейсер, — напутствовал он. Девушка кивнула и криво, против воли, улыбнулась.

Ардин активировал механизм и закрыл глаза. Мгновение черноты, холодной и равнодушной, как чернота космоса, и он открыл глаза уже в новом костюме, тяжело приподнялся. Тая не вздрогнула, будто ждала этого.

— Это по-прежнему я, — на всякий случай сказал Ардин. Землянка фыркнула. С каждым мгновением она обретала все большую и большую уверенность в себе:

— Я знаю, как у вас происходит смена костюма. Ничего нового. Все как у нас по сути... — тут она всё-таки смутилась, бросила быстрый взгляд на опустевший белый костюм космолетчика и тут же отвела глаза.

— Не равняй тряпки, что на тебе сейчас, с оболочкой высшего существа, — то ли в шутку, то ли всерьез посоветовал Ардин. Тая опять фыркнула, показывая, что приняла это как шутку. Пришлось строго нахмуриться:

— Теперь в док.

— Я это уже слышала!

Ардин поднялся. Шаткость походки и вялость рук, увы, никуда не делись и даже стали сильнее: громоздким, тяжелым костюмом воина управлять сложнее. Все же он пошел вперед, подхватил по дороге плазмопушку и пискнувшую девчонку. У двери все-таки не удержался, быстро взглянул в последний раз на Роуму, неосознанно надеясь, что ее лицо вновь оживет, засветится от его взгляда... Нет. Ее там уже не было — были печальные останки джийанина... а Роума ушла вместе с сиянием капсулы.

— Она была твоим другом? — тихо спросила Тая, перехватившая взгляд Ардина. И он

кивнул, про себя удивившись, как быстро и естественно низшее существо распознало в Роуме «ее».

— Идем.

— Прости, что убила ее. Наверное, зря... Но ее я боялась больше всех на вашем крейсере. Кажется, она была... не в себе.

— Идем!

Пустой коридор они прошли спокойно. Едва дверь лифта захлопнулась, Тая потянулась к шее:

— Разожми пальцы, Дин, здесь можно.

— Обойдешься, — буркнул Ардин, покоробленным столь вольным обращением. — Пора бы тебе перейти со мной на «вы», низшая!

— Ты сам мне представился как Дин, отвечай теперь за ложь, — Тая со знакомой хитрецей улыбнулась. — Мне же больно, Дин!

— Не ври: не больно.

— Хорошо: мне неприятно!

— Зато так ты становишься послушнее и кажешься умнее, — Ардин сжал кольцо пальцев сильнее, пугая ее, и тут же разжал. — Полезай под спинную пластину и сиди тихо. У доков будет драка.

Резко присмирившая землянка проделала требуемое. Под спинной пластиной черного костюма ей вряд ли было удобно: тесно, жарко, но она молчала, только сердце испуганно стучало. Ардин активировал на черном костюме плазмопоглотительный щит и перехватил плазмопушку поудобнее, указательный палец замер на спусковом крючке.

Дверь лифта начала движение в сторону, открывая путь к докам. Едва отворилась щель, достаточная, чтобы протиснуть руку с плазмопушкой, он начал стрелять. Деморализованная отключением от каталога стража огрызалась слабо, вяло. Потом дверь открылась полностью, и Ардин рванул к новому укрытию — ближайшей в череде колонн. Черные фигуры противников все равно тонули в темноте, и он стрелял туда, откуда к нему протянулись пунктирные линии шаров плазмы. Улучив момент, передвинулся еще на две колонны ближе к истребителям. Его плазмопоглотитель быстро переполнился и нагрелся, скоро рванет. Пора было совершить решающий бросок к кораблю.

Это понимали и противники. Большая их часть собиралась к центру зала, преграждая путь к истребителям. Но Ардин рванул на левый фланг, послабее, к маленьким ремонтным кораблям. Щит раскалился от плазмы, но он лишь ускорил бег. Плазмопоглотитель взорвался, когда он достиг черной стены противников, раскидав оглушенных врагов в стороны — все по его расчетам. Путь к кораблям был открыт. Двигаясь зигзагами, Ардин достиг первого в ряду ремонтных кораблей, схватился за поручень трапа, вздергивая усталое тело вверх по лестнице. Прощальный сгусток плазмы попал в правую ногу, превратив ее от колена и ниже в кашу расплавленного металла.

В крохотном ремонтнике места для громоздкого черного костюма почти что не было. Едва включив двигатели, Ардин рванул штурвал на себя и кораблик легко, как мыльный пузырь в теплом воздушном потоке, взмыл к потолку — к люкам в космос. Они, разумеется, были закрыты. Тогда он активировал на почти разряженной плазмопушке режим самоуничтожения и лихо развернул кораблик, чтобы его дверь оказалась точно напротив люка. Приоткрыв ее, Ардин запустил в люк плазмопушку, и направил ремонтник прямо во вспышку взрыва. Диск люка, бешено вращаясь, вылетел в космос первым, за ним ремонтник.

Конечно, истребитель быстрее и мощнее, но Ардину сейчас нужна была не столько быстрота и мощность, подкрепленные корабельными орудиями, сколько маневренность. Крейсер ударил вслед сначала лазером, потом и плазмой, но кораблик петлял, уходя от всех залпов. Он летел к поврежденному, растерянно моргающему красным глазком пункту перехода в гипер. Только б удалось пройти им! Ремонтнику нужна крохотная щель в пространстве, это не крейсер. Вот только... — Ардин, вспомнил это и тут же выругался: как открыть эту щель без помощи каталога?!

Он расстроился так, что чуть не пропустил очередной сгусток плазмы. В последний момент легкий кораблик вильнул в сторону, от резкого усилия кувыркнувшись. А над поврежденным пунктом перехода впереди красный огонек вдруг загорелся ровно. Кто-то готовился перейти, может, поддержка для крейсеров?

Перламутровая щель распахнулась, и Ардин направил ремонтник туда. Странно, но никто рядом не протискивал тяжелое тело сквозь ткань пространства, гипер был пуст. Похоже, пункт перехода открыли специально для беглецов... Вспомнив о второй беглянке, Ардин легонько стукнул по спинной пластине.

— Эй, ты живая? Выходи, — позвал он.

Землянка, тяжело дыша под съехавшей в сторону маской, спрыгнула на пол, пошатнулась, ухватила за его пояс и тут же ойкнула, обжегшись о еще не остывшие остатки ноги джийанина.

— Ой! Здорово тебя... Что теперь делать?

— Сядь и сиди! — рявкнул Ардин, раздосадованный типичной навязчивостью существа типа 2. — Забыла свое место, низшая?

Тая, скрестив руки на груди, уже хотела что-то сказать, но передумала. Прошла чуть дальше и села у стены, поджав колени. Тело била сильная дрожь, то ли от нервов, то ли от холода: в ремонтнике подерживалась приятная для джийанских капсул, но, видимо, не для слабых мягких тел низших существ температура. Обожженная кожа на лице и кистях землянки пошла волдырями, комбинезон за время под спинной пластиной черного зацепился за все возможные острые углы и теперь представлял собой изодранное рубище. Ардин странно долго разглядывал обнажившуюся тонкую кожу землянки, потом очнулся: корабли джийан почти не экранированы от вредных для рас типа два излучений! Лаборатория крейсера для исследования биологических объектов была защищена от них, а при доставке на крейсер Таю помещали в муфту, подобную той, что была на Роуме в безвоздушном пространстве... и сейчас Ардин отыскал такую же и запаковал в нее сначала слабо сопротивляющуюся, а потом как-то обречено обмякшую землянку.

Скоро Тая вновь приободрилась. Она и дело бросала любопытные, восхищенные взгляды за смотровое стекло, где переливался тысячами оттенков розового, желтого, зеленого и голубого перламутровый гипер.

— Там как будто какие-то существа, — прошептала она. — Будто головы... и лапы! Даже в гиперере есть жизнь. Надо будет Дэну рассказать!

Тут она притихла, собираясь с духом, потом выпалила:

— Ты знаешь, куда уранос отвез «Красавицу»? Ты вернешь меня домой?

Голос землянки раздражающе звенел даже сквозь муфту, но он был все-таки приятней мертвого молчания общего каталога Джийи. И Ардин ответил максимально тактично на его взгляд:

— В моих ближайших планах этого нет.

— Что?! — взвилась девчонка, окончательно потеряв страх и уважение перед высшей расой. — А куда ты меня тогда везешь?!

— Я тебе не перевозчик. И подумай вот над чем: ты мне нужна живой, но не обязательно в сознании, — довольно зловеще предупредил Ардин.

«Куда?» — вопрос хороший... На Джийю, как хотела Роума?»

Мимо пронеслись черные маячки выхода из гиперра на Лессно и на Хедфе, впереди, далеко, показался артеанский. Маячок Хедфе загорелся красным, и Ардин поспешно нырнул в перамутровую волну, прежде чем его ремонтник заметили. Большоголовые волны гиперра тут же облепили корабль, присосались к обзорному стеклу жадными ртами — действительно, как живые! И Ардин вздрогнул, вспомнив, что Роума при первой встрече начала разговор с того же, что и Тая — с мифических жителей гиперра.

Он разогнал волны силовым полем, и туман мистики рассеялся. Неясным осталось одно: куда и зачем лететь? Ардин нахмурился, вглядываясь в несложный пульт ремонтника. Он восстанавливал в памяти недавнюю беседу с Кентором и допрос.

«Если верить Кентору, Роума сорок циклов назад отключила датчики у Сенты. А потом сама же, в составе команды тяжелого крейсера, двинулась наперехват землянам, чужими руками захватила корабль и, добыв нужные сведения, тут же уничтожила команду, узнавшую лишнее. Удобная версия, но отключение датчиков Роумой означает, что за землянами она следила давно. Так неужели не нашлось иного способа проникнуть на их корабль? Вести за собой крейсер, зная, что его потом надо будет уничтожить... Если земляне высаживались на планету, и Роума следила за этим, не легче ли было в одиночку проникнуть на лишившийся половины команды корабль? А можно было вовсе подстроить диверсию на планете и убедить остатки команды спуститься к своим на помощь. Но вместо этого Роума ждет, чтобы проникновение на Сенту заметил совет — без большой, кстати сказать, уверенности, что начальство отправит разбираться с этим именно ее крейсер с Лессно, а не какой-либо другой из другой точки. Странность, конечно, второе имя Роумы, поэтому можно принять и такую версию. Но, что, если поверить самой джийанке?»

Роума выстроила вполне стройную версию о некоем управлении, стирающем все данные о Земле из каталога, якобы возглавляемом Кентором, но эта теория разбивается о тонкую земную фотографию. Кентор понятия не имел, что на ней изображено, понятия не имел о Земле. Отключение от каталога узнавших лишнее крейсеров, похоже, и в первом и во втором случае происходило автоматически. Нет никакого дезинформатора, но кто-то все же должен быть виновен в катастрофе у Сенты! Так, может быть, виной всему глупость, как часто бывало в истории? Может быть, Кентор по невнимательности или усталости пропустил экспедицию землян на планету, и сейчас заметал следы давней ошибки? Да, пожалуй, верная версия: начальник недалек умом, в битве со слабыми существами типа два потерял целый крейсер.

Но в этой странной истории есть еще одно неизвестное: некто, разговаривавший с виртуалами и требовавший тело. Кентор глуп, но не безумен, Роума была с Ардином и переговариваться в это время с землянами не могла... Кто? Кто, кроме Кентора имеет доступ к его личному пульта в мегрианском управлении РИДа?

Ардин вскинул тяжелую голову от пульта, пальцы судорожно сжались и разжались. Маленькая кособокая фигурка, радостное лицо идиота, «я отвечаю на вызовы, когда хозяина нет на месте...» — Орфа!

И все сложилось. Это Орфа пятнадцать циклов назад отключил датчики у Сенты. Уже

тогда у него была с виртуалами договоренность о некоем «теле». Кентор заметил махинацию слуги поздно, и ему оставалось только максимально выгородить себя: передача хоть крохотной части своих полномочий слабоумным слугам — серьезнейшее преступление! Однако Кентор заинтересовался и упущенным инопланетным кораблем — знание, что существует некая уязвимость джийан, способная испортить несложную операцию, пробудила бы любопытство и тревогу у любого...

Побарабанив пальцами по пультам, Ардин решительно направил корабль к далекому мегрианскому маячку. Они долго летели в гипере, то выныривая из перламутровых волн, то вновь прячась от крейсеров. Потом долго ждали у маячка, когда тот откроют для перехода какого-либо большого судна. Землянка ерзала в своей муфте, вздыхала, изредка робко смея этим высказывать недовольство. Наконец ремонтник ловко юркнул в черный пролом гипера, пролетел под тяжелым брюхом торопящегося куда-то тяжелого крейсера, и вернулся в обычное пространство. Мегре плыла невдалеке, серо-желтая, истощенная, почти как Джийя, — закрепившись в новом мире, джийане спешили привести его к состоянию прародины.

Тишина давно угнетала Ардина, поэтому, едва вернувшись в обычное пространство, он первым делом включил преобразователь песен планет, который на ремонтный корабль установил прежний владелец. И тотчас же завздыхало солнце Мегре, затрещали каменистые спутники. Сама Мегре негромко шелестела, как бумага, сгорающая в огне. Тая шевельнулась.

— Это же сигналы планет, — сказала она, из осторожности будто самой себе. — У нас на «Красавице» тоже есть похожий преобразователь. Он стоит в зале со стеклянным потолком. Там хорошо слушать песни космоса и одновременно любоваться им.

Скоро ремонтник вошел в атмосферу Мегре, и Ардин освободил землянку от муфты, взъерошенную, с неприятно-влажной кожей.

— Мы заглянем сюда ненадолго, Тая, — сообщил он. — Мне нужно побеседовать со старым знакомым. Но, прежде всего, раздобыть приличный костюм, — он хмыкнул, представляя веселые детали этой операции. — Ты останешься на корабле в космопорту. Сиди тихо.

Ты не возьмешь меня на планету? — почему-то испугалась землянка.

— Разумеется, нет.

Тая опустила глаза, притихла, опять собираясь с духом. Потом быстро сказала:

— Мне нужно в туалет.

Ардин поморщился, припоминая эту потребность низших существ.

— Здесь нет туалета. Сделай все в своем углу. Джийане не брезгливы.

— Я не животное! — румянец стыда окрасил ее темные щеки. — Дай мне... что-нибудь.

Коробку, стакан...

Он опять не удержался, скорчил гримасу презрения, видя, как ее это стыдит:

— А больше ты ничего не хочешь? Поешь?

— Поешь. Но попить — еще больше!

Ардин присвистнул:

— И эти то голодные, то желающие испражниться существа надеются завоевать Вселенную!

— А лучше стать, как вы?! — вскинулась Тая, но, осознав двусмысленность этой реплики, насупилась и, пробормотав: «Бездушные машины», окончательно покраснела. Ардин отыскал требуемый предмет, напоминающий коробку, и вручил землянке.

— Только не при мне. Наверное, я все-таки брезглив. Еду и воду принесу тебе с Мегре. Тая выхватила коробку и обиженно отвернулась.

— Продукты обмена живых клеток у джийан идут на корм бактериям в системе внутренней аэрации. Замокнутый круг. Но нам приходится по потребности проводить дополнительную внешнюю аэрацию биоматерии. И раз в цикл — профилактическое полное обновление внутренней системы аэрации, блока питания и раствора капсулы, если сбоев в их работе не случается раньше, — неизвестно зачем признался Ардин примирительным тоном, почему-то покоробленный таким окончанием разговора.

— Да-а, вы ужасно, отвратительно крутые, — глухо сказала землянка, не обернувшись, и до самой посадки больше не говорила и старалась не шевелиться.

Мысль раздобыть новый костюм прямо в космопорту Ардин быстро отринул. Здесь было тесно и шумно: прибыл большой транспортник, и укрыться от чужих глаз не представлялось возможным. Пришлось ковылять до нижнего города и управления РИДа в черном костюме воина. У входа в здание Ардин подкараулил выходящего РИДовца, в одно плавное движение отнял его плазмопушку и оглушил разрядом из нее. Оттащил за угол, стараясь не попадать под глазки камер слежения, где сменил черный костюм на синюю униформу. Быстрым шагом он зашел в управление, не отвечая на удивленные возгласы коллег, принявших его за того синего, сразу прошел в кабинет Кентора. Времени было мало. По каталогу уже должна была распространиться информация о безумном джийанине в поврежденном костюме воина, скоро костюм засекут возле управления РИДа, а дальнейшая операция по поимке безумца — дело немногих минут.

Орфа, как Ардин и ожидал, стоял за пультом Кентора, скрюченные пальцы, покрытые бледно-зелеными пластинами, быстро скользили по сложному пульту. С кем он списывается сейчас? Не с виртуалами ли «Красавицы»?

— Орфа, опять отвечаете на вызовы хозяина? — негромко поинтересовался Ардин. Простые слова произвели неожиданно сильный эффект на слугу, он так и взвился, буквально отлетев от пульта. Но его руки тотчас же покорно вытянулись по швам, спина подобострастно согнулась в поклоне.

— Разве вы не знаете, что хозяина уже не интересуют никакие вызовы? — фальшиво удивился Ардин. — Или вы делаете что-то для себя, Орфа?

Слуга поднял голову. Лицо неполноценного имело выражение искренней печали:

— Узнаю ваш тон. Ардин, вы? — он снова дотянулся до пульта, легким, уверенным движением опустил шторы-заглушки на все смежные с кабинетом помещения.

— Значит, знаете, о чем пойдет речь? — Ардин зловеще улыбнулся. Орфа снова согнулся в поклоне:

— Это я открыл вам переход в гипер у Родны. Надеюсь, вы учтете это, господин.

— Я догадывался. А зачем?

Орфа согнулся еще сильнее и как-то вопросительно:

— Вы же везете землянку. Отдайте ее мне, господин, а я спрячу вас. Сделаю так, чтобы вы исчезли из миров Джийи.

— Роуме вы также помогли?

— Нет, мы не были знакомы, господин, — выражение лица сменилось: теперь это была гримаса отвращения. — Но я отлично ориентируюсь в каталоге, я мог бы снабжать вас сведениями, господин.

— В обмен на тело? Это вы говорили с землянками через пункт перехода у Родны?

— Я, господин.

Ардин перевел дух, соображая, в каком порядке задавать новые вопросы, чтобы точнее поймать возможную ложь.

— Сорок циклов назад... Как вы узнали о земном корабле? От кого?

— Хозяина загрузили работой. Памятуя о моей понятливости и скорости мышления, он поручил мне мониторинг наименее посещаемых планетных систем, в их числе была и Сента. Когда я обнаружил инопланетный корабль, я сообщил об этом хозяину, но он был занят и не стал слушать. От имени хозяина, я отправил разведчиков к кораблю. Но то, что они обнаружили, убедило меня скрыть информацию об инопланетянах и от хозяина, и от всей Джийи.

— Что они обнаружили?

— Землян, — просто сказал Орфа. — Тех, что способны дать нам тела! Если б об этом узнала вся Джийя... неполноценным хороших тел не досталось бы никогда, — Орфа заговорил неразборчиво, выражение лица, под стать словам изменилось на злое упрямство. — Я решил: пусть сначала я получу тело — а уж потом Джийя! Разве я не заслуживаю хорошего тела, господин? Я отключил датчики на Сенте в качестве доброго жеста по отношению к землянам, я связался с их виртуалами и мы легко установили соглашение. Им нужна была планета — мне нужно было тело! Переговоры шли успешно, пока предатель с их стороны все не испортил. Один виртуал проник в общий каталог и успел передать информацию о чужаках на Сенте. Совет отправил к Сенте два крейсера, я ничего не мог с этим сделать!

— А через сорок циклов Кентор нашел корабль, и вы за его спиной снова договорились с виртуалами?

— Да. Отвлекать хозяина стало сложнее, но я справлялся... до вашего последнего с ним разговора. Вы расслышали часть моей беседы с виртуалами и решили, что с ними говорил Кентор. Хозяин был в ярости, но решил отложить расправу надо мной. Хорошо, что вы убили его, господин.

Ардин устало потер лоб:

— Я не понимаю! А земляне играли какую либо роль во всей этой истории? Или и вы, и виртуалы им уготовили роль жертв?

— Это тела! И все, — отрезал Орфа, но тут же угодливо улыбнулся: — Землянка осталась в космопорту, господин?

— Ее вы не получите. Вновь разыщите «Красавицу» и договаривайтесь с ними. У нас с вами разные пути. — Ардин развернулся и двинулся к выходу. На Мегре его больше ничто не держало.

— Не-ет! — яростный вопль Орфы ударил в слуховые преобразователи, почти оглушив. Неполноценный выкатился из-за пульта и бросился на Ардина, не помня себя от злости. — Тело так близко! Дайте мне тело, или я выдам вас Джийе!

— Вы напрасно решились на шантаж, — усмехнулся Ардин. — Предупреждаю...

— Дайте мне тело, или я выдам вас! Я стар, я могу не успеть еще раз найти «Красавицу», моей капсуле недолго осталось!

— Вы даже не представляете, насколько недолго! — поддавшись вспышке злости, Ардин перехватил легкое тело Орфы, с наслаждением сдавил со спины и живота, вдавливая пластины в капсулу. Потом отшвырнул прочь и закончил дело плазмой. Лицо Орфы и после смерти капсулы осталось сиять восторженной придурковатой улыбкой, и Ардин, закричав от ярости, пускал в него плазму, сгусток за сгустком, пока оно не превратилось в

расплавленный безликий ком.

Потом он долго шел к выходу, вновь, как на крейсере, прокладывая себе путь плазмой, и ему опять мерещилось, что он спит. Джийя в этом сне явилась в виде огромного лживого лица Орфы, и Ардин с прежним наслаждением поливал его огнем, понимая, что уничтожает тем самым собственный уютный мир навсегда... и понимая также, что таков отныне его безумный и недолгий путь.

Финал

«Красавица»

Перламутровые волны гипера сменились чернотой космоса, и Ал тут же бросился выяснять, куда их привез уранос. За время в гипере он восстановил координаты для связи с виртуальностью, немного дольше пришлось лечить Брана после тройного оглушения Дэном, Джадом и джийанами... но, в конце концов, и эта работа была сделана. Можно было вести команду дальше. Вот только, зачем? -

Капа не знала. Еще в гипере на нее напала отвратительная апатия. Конечно, она продолжала делать миллион дел одновременно: следить за состоянием Каса и Дэна в медотсеке, проверять основные системы корабля, ругаться с Элей, убеждая ее поскорее вернуться на корабль, пересказывать Джаду все, что случилось на «Красавице», пока виртуальность была в отключке, контролировать Ала, возмнившего себя единоличным правителем в рубке, но все механически. Она не упоминала о Тае ни случайно, ни специально, но оглушающее знание, что младшая близняшка теперь у джийан, все время было с ней. От него горчил сухой воздух «Красавицы», от него все вокруг казалось принакрытым тьмой, как в сумерках. От него хотелось спрятаться, и нельзя было опускать руки. И все-таки Капа нет-нет, да и посматривала на маленький монитор сбоку, отмечающий местоположение всех членов экипажа, каждый раз надеясь, что найдет точку с именем Тая.

Муж вошел в главную рубку не со стороны медотсека, а будто из главной оранжереи — значит, уже занялся какими-то самыми неотложными делами из списка неотложных дел. Выглядел бледновато, мышцы лица и рук иногда самопроизвольно подергивались, в целом, ничего. Капа жалко улыбнулась:

— Как ты? Рано встал.

— Все нормально, — он осторожно, чтобы не причинять себе боль лишними движениями, прошел мимо нее к Алу. — Ну, что, выяснил, где мы?

— Окрестности 404-ой. Третий светового года лететь, — триумф в голосе Ала мешался с разочарованием оттого, что нельзя было высадиться на интересующую планету немедленно. — Эх, не добросил нас уранос. Чуть-чуть!

— Чудозверь еще умнее, чем я думал, — пробормотал Дэн, изучая новые координаты «Красавицы». — Джийане наверняка ждут нас сейчас в окрестностях 404-ой, а мы вышли в достаточно удаленной точке, чтобы они не заметили корабль.

— Они умеют засекать переход ураноса из гипера в обычное?

— Они думают, что умеют. Уранос — существо элегантное, это не их крейсер, проламывающийся из гипера так, что за пару световых лет засечь можно. Если мне не изменяет память, их эксперименты по наблюдению за перемещениями ураносов лишь в четверти случаев бывают удачными. У нас неплохие шансы.

— Значит, 404-я? — хрипло сказала Капа.

«А как же Тая? Дэн, почему ты молчишь о Тае?!»

В дверях показались еще две фигуры: высокий плечистый юноша и маленькая стройная девушка. Кас и... Тая?! Капа вскочила... и опустилась обратно, почувствовав слабость в ногах. — Не Тая конечно. Это Эля.

«Нет, нельзя обделять вниманием и любовью старшую близняшку, раз младшая их

отныне лишилась». Капа встала, заключила подбежавшую девушку в объятия и скоро почувствовала, что плачет:

— Прости, прости, — прошептала она, судорожно поглаживая жесткие темные волосы. Сказать, за что простить, Капа не смогла. Они были глупы, наивны и беспечны. Они допустили проникновение врагов на «Красавицу». Они... и это страшное слово: «легко» отделались, отдав за спасение всего одного члена экипажа!

— Что ты ее слезами заливаешь? — прикрикнул Ал, сохранивший больше всех оптимизма. — Эля молодец! Это она убедила ураноса нас сюда доставить!

— А ты придумал, как освободить его от энергосети, — Эля, оторвавшись от Капы, искренне улыбнулась Алу. Впервые в жизни эта улыбка была вызвана не ошибкой Ала, а, напротив, его небольшой победой. — Мы сделали это вместе, Ал.

— Ты установила программу нового контакта, которую я дал? — спросил Дэн, в любой ситуации предпочитающий деловой тон.

— Ага. И он уже отвечает. В принципе согласен.

— Что ты задумал, Дэн? — спросила Капа и почувствовала, как на виске болезненно запульсировала жилка.

«Дэн, ты уже вычеркнул Таю из состава экипажа?! Скажи что-нибудь, или я закричу!»

— Треть светового года. Отлично, — Дэн с воодушевлением оглядел команду. — Вы полетите на 404-ую. Джад будет контролировать полет, виртуальность займется определением возможных угроз со стороны Джийи. Через год-два будете на месте. Все получится, я уверен. С Шелтоном я уже связался. Через год-два он обещает подготовить свою часть плана.

— Почему «вы»? А где будешь ты?!

— Я отправлюсь за Таей, — просто сказал Дэн. — Если Эля верно расшифровала ответ ураноса, он согласен перебросить меня в окрестности Джийи: по мнению чудозверя именно оттуда следует начинать поиски Таи. Я найду Таю, обновлю сведения о наших врагах, и мы вернемся к вам на 404-ую.

— Но... Дэн, — Капа больно сглотнула. — Разве это все так просто?!

— Ты и не почувствуешь, что мы расставались. Едва я уйду в гипер, вы ляжете в криосон и проснетесь уже у планеты спустя два года. К тому времени я найду и Таю, и способ вернуться к вам быстрее скорости света. Те, кто летает через гипер, живут короткими временными отрезками. Мы с Таей постараемся высадиться на 404-ой раньше вас и благоустроить этот мир к вашему прибытию.

— Ох!

Слезы опять заструились по щекам. Дэн и мысли не допустил, что Таи, может быть, уже нет в живых, как не допустил и мысли, что придется смириться с ее потерей. И — ни грамма уныния, ни мгновения сомнения. Смелость мужа с начала сражения с джийанами и пугала, и восхищала Капу. Один человек против могущественной цивилизации киборгов: и каким-то чудом они до сих пор живы... и даже далеко не в проигрыше! Да, и испуг, и восхищение: раньше ее восхищало то, что Дэн как капитан оказался достоин своего отца, сейчас выяснилось, что он даже сильнее и хитрее отца, и это, пожалуй, пугало.

— Думаю, стоит организовать прощальный ужин, и я отбуду, — Дэн улыбнулся. — Капа, справишься?

— Ты полетишь один, кэп? — спросил Кас. — Может, подстраховаться?

Дэн кивнул:

— Этот вопрос мы обсудим за ужином.

Капа лихорадочно перелистывала меню в поисках чего-то особенного и в тоже время быстрого в приготовлении. Она не услышала, как муж вошел на кухню, и вскрикнула от испуга, когда он обнял ее.

— Не узнала, козочка?

— Ох, Дэн! — много всего было в этом кратком восклицании: тревога, надежда, страх и бесстрашие. Я понимаю, что нужно лететь за Таей! Что нужно лететь сейчас, не терять ни дня в мире Джии, но...

«Что если, ты не встретишь нас на 404-ой?!»

Дэн понял ее без слов, притянул к себе поближе.

— Ты со всем справишься, — успокаивающе сказал он. — Я видел тебя там, на медмодуле. Я помню с детства, как ты меняешься, когда твоим детям грозит реальная опасность. И я надеюсь, что ты сможешь стать такой же... стальной, если вдруг я не встречу вас на 404-ой.

— Значит, все-таки...

— Пожалуйста, не глупи! И хватит плакать! — он рассердился, поняв, что она почувствовала его тайные страхи и сомнения. — Я буду ждать вас на 404-ой. И точка.

— С букетом цветов для меня, — Капа улыбнулась.

— Конечно, — Дэн не отступил, не расслабил объятий, но она почувствовала: отдалился. — Капа, я надеюсь, ты понимаешь, что больше ты не должна мне врать, — тихо сказал муж, чуть погодя. — Зачем ты нелегально гуляла по виртуальности?

Сердце больно стукнуло. Капа давно поняла, что Дэн знает о ее лжи и что миг этого объяснения придет, мысленно готовилась к нему, но... Как же холодно и неуютно!

— Дэн прости меня. Прости, что молчала. Я должна была сначала убедиться сама... Но ничего не получалось, игра не складывалась...

— Что... Какая игра? — это его ошеломило. Он отодвинулся, теперь уже по-настоящему, и стало холодно и страшно. Капа вздохнула, готовясь к дальнейшему объяснению.

— Помнишь снежный астероид? Почти перед катастрофой! Я играла там, папа строил мне снежные замки. А потом дома, на «Красавице», обнаружила под подушкой игру. Нужно было складывать снежинки особым образом. После катастрофы, когда ты искал, кто установил блокировку на наших разведчиков, я подумала: может, это моих рук дело? Нечаянное дело! Та игра очень уж походила на это. Я хотела рассказать тебе сразу, как поняла, но побоялась, что ты будешь меня презирать, что дети не станут слушаться... что обвините во всем меня!

— Значит, вот как? — лицо Дэна потемнело. — Значит, пока мы с Алом обсуждали предателя, предатель был рядом! Я думал, это невинная ложь, ты просто лазаешь в виртуальные игры, устав от реальности, а тут...

— Дэн! — воскликнула Капа, начиная понимать, что только что разрушила их отношения.

— Я могу простить глупость, но презираю настоящую ложь, — он помолчал, только желваки так и играли. — А это настоящая ложь, Капа.

Он замолчал, молчала и она, отчаянно страдая, что нельзя вернуться в прошлое на полминуты и... снова солгать.

— Тогда положение осложняется: там, на 404-ой, нас ждет Шелтон, — выдохнул Дэн

через минуту, кажется, придя в себя. Отвернулся от жены, открыл холодильник со свежими мясными культурами и, перенес пару штативов на разделочный стол. Долго, будто нарочно громыхая дверями шкафчиков, искал маленький переносной холодильник и, найдя, загрузил в него штативы. Все — с хмурой методичностью, все движения акцентированы и все — проекции его самых темных чувств. Но надо было подыгрывать и такому Дэну.

— Думаешь, это папа подложил мне ту игру? — фальшиво встрепелась Капа.

— Уверен. Ваш с Алом отец — самый странный член команды, — Дэн опять помолчал и в этом молчании чувствовалась злость. — Нужно вести себя с ним осторожно. Он установил блокировку, зная, что подвергает опасности жизни экипажа. И он... один раз уже сделал тебя предателем!

«Предателем!» — ее даже качнуло.

— Дэн, прости меня, — торопливо и понимая, что уже напрасно и поздно.

— Ненавижу ложь, — он передернулся.

— Я молчала, потому что боялась твоего презрения!

— Ты его получила, — выдавил он, не захотев даже обернуться.

— Дэн, не будь жесток, — пролепетала Капа. — Ты слишком непримирим. Я твоя жена.

— Мне хватает постоянной лжи Джада! — он вздохнул, все же соглашаясь прекратить ссору. — Ладно.

Он опять открыл большой холодильник. Поразмышлял перед дверью и принялся быстро набирать новый штатив пробирок, теперь с полок овощных и хлебных культур.

— Я выбирала, что будем есть на ужин, и ничего не смогла выбрать, — преувеличенно грустно сказала Капа. Робко взглянула на мужа и встретилась с его взглядом. Дэн успокоился, только глаза были еще немного чужими.

— Хочешь, чтобы я выбрал? Доедим то, что осталось с обеда.

— Я думала, что-то праздничное?

— Разве это праздник? — он вздохнул. — Любая еда мне сейчас покажется безвкусной.

«Почему: из-за потери Таи или из-за моей лжи?» — конечно, Капа не стала это спрашивать. Она только подумала, что подобная дилемма перед ней теперь будет вставать каждый раз, когда муж снова станет хмурым и чужим.

За ужином они продолжили обсуждение дальнейших действий. Место Таи за столом пустовало, но никто уже не бросал в ту сторону мрачных и трагических взглядов. После слов Дэна у всех появилась уверенность, что Тая скоро сюда вернется. Даже Эля не казалась потерянной и несчастной. Она села на свое место рядом с Алом и то и дело подкалывала соседа, и не зло, по-всегдашнему, а весело. Ал размышлял, что стало причиной такой благосклонности старшей близняшки, но пришел лишь к одному выводу: о том, что пока она болтала с ураносом, он предлагал взорвать ее сестру вместе с джийанами, Эля не знает. В противном случае горячая соусница была бы уже у него на голове.

Ал не знал, что побудило его оставить тогда все дела на «Красавице» и ругаться с Элей, убеждая ее вернуться на корабль. Наверное, это был еще один поединок за звание самого упрямого, за власть... и, если так, то оба проиграли! Оба присмирели, опустили оружие. Ситуация с ураносом внезапно открыла им, что они могут быть не только врагами, но и союзниками.

Ал не жалел Таю и не жалел, что в отличие от остальных, не способен на жалость. Было даже странное слабое чувство — радости, что джийане забрали младшую, а не старшую. Тая была проста и понятна, хоть и считалась тонкой натурой; просчитывать ее эмоциональные

реакции быстро надоедало. А вот Элю Ал так просчитать не мог, пусть она и демонстрировала ему пока только различные варианты своей ненависти — и более ничего. Старшая близняшка была так ярка в своих эмоциях, что ее легко и правильно считывал уранос — уникальное умение! С любым другим членом команды чудозверь безнадежно запутался бы. И теперь Ал опасался, что Дэн заберет его ненавистницу с собой в качестве переводчика, он впервые в жизни не мечтал оказаться на другом краю галактики от Эли. Изучение этой девушки обещало сильно раскрасить его серую жизнь.

— Уранос доставит нас к Джийе, но далее наши пути разойдутся, — сказал Дэн, словно в ответ на его мысли. — Молодому чудозверю нужны годы покоя, чтобы вырастить парус. Вспомнив об этом, я решил, что Эля, хоть и рвется за сестрой, со мной не полетит.

Эля нарочно грохнула ложкой о тарелку.

— Я не согласна! Может быть, мы встретим еще ураносов, взрослых. Я тебе бы их армию собрала! Они все будут против Джийи!

— Хорошо, что наши мысли сходятся, — Дэн довольно улыбнулся. — Именно армию! Но вряд ли в окрестностях Джийи встретишь множество ураносов. А вот в окрестностях 404-ой их много, там и соберешь. Соседствующие с ней звезды как раз формируют свои планетные системы, чудозвери слетаются туда размножаться.

— Значит, я остаюсь на «Красавице»?

— Да, с Капой и Алом, — Дэн взглянул на Ала в упор. — Со мной полетит Кас, а тебе Альфард, я передаю управление нашим большим кораблем.

— О! — Ал встрепнулся. Он ожидал, что Дэн смилостивится и все-таки подарит ему возможность решить загадку 404-ой, но о poste капитана и не думал. — Я полагал, капитаном будет Кас.

Он не упустил случая увидеть лицо Каса. Тот сидел мрачнее тучи.

— У тебя отличная реакция и интересные идеи. Ты справишься с этим постом.

Ал все следил за Касом: тот мрачнел и мрачнел.

— До заварушки с джийанами я скорей бы взял тебя, чем Каса, чтобы контролировать. Но теперь я тебе вполне доверяю, — продолжал Дэн, и Ал изобразил улыбку:

— И ключ от виртуальности?

— Его я передаю вам на троих. Три ваших кода активируют передачу блока памяти во владения виртуальности.

— Мог бы оставить часть и себе, — вмешалась Капа. Она и до этого выглядела расстроенной, а теперь и вовсе чуть на заплакала. — Зря ты даешь нам такую власть, Дэн! И так столько сложностей. Пусть Дждад смиренно ждет твоего возвращения, чтобы получить память виртуалов!

— Ты же недавно хотела, чтобы я вернул им власть над их памятью просто так!

— Тогда я не знала, что тебя скоро не будет рядом! — мирная беседа за две реплики превратилась в ссору. Эля вздохнула:

— Не кричите, пожалуйста!

— Я, конечно, могу ввести обязательным условием для передачи памяти виртуалам и свой код, — тише сказал Дэн, остывая. — Но тогда, если я не вернусь, виртуалы навсегда останутся без какой-либо возможности возвращения власти над своей памятью. Это справедливо?

— Но ведь Дждад молчит о многом, — вставил Ал, и Дэн опять взглянул ему прямо в глаза:

— Он молчит об одном: о Шелтоне. И с этим нам придется разбираться на 404-ой, Ал.

— Я... понял.

— Шелтон — ваш с Капой отец, но, думаю, тебе в твоих всегда безэмоциональных рассуждениях о катастрофе у 404-ой это не должно помешать. Тебе нужна истина, а не родственники.

— Для нас с Элей это скорее плохо, — вздохнула Капа.

— На 404-ой мы будем все вместе, — Дэн, закончив ужин, поднялся. — Ал, рубка теперь твоя, обустройвайся. Кас, наши вещи для похода почти собраны.

— Иду, кэп.

Ал бросил незаметный взгляд на Элю: довольна ли она тем, что их соседство на корабле продолжится? Но девушка печально смотрела в иллюминатор, за которым трепыхался край расправляющегося паруса ураноса. Прощалась. Ал поднялся.

— Я в рубку, — предупредил он оставшихся в столовой грустных дам новым, исполненным важности тоном. Эта игра в капитанство обещала быть великолепной!

Кас нарочно отогнал роботов и взялся за самую тяжелую погрузочную работу. Напряжение и резь в мышцах немного отвлекали от злых мыслей. Но все равно, когда очередной контейнер занимал свое место в истребителе, главная из них иглой вонзалась в мозг: Все ясно!

Все ясно. Кас слишком тупой, чтобы справиться с «Красавицей». Он медленно принимает решения, он не умеет мыслить нестандартно, он не капитан!

Кас со злостью швырнул последний контейнер в истребитель и выпрямился через боль в спине. Оказалось, Дэн стоит в дверном проеме и с усмешкой смотрит на него.

— Кас, я думал, тебя обрадует возможность увидеть прародину джийан, — негромко заметил он. — А ты еще мрачнее Капы. Предпочтешь остаться на «Красавице», когда сестра в руках джийан?

Кас отвернулся, с ненавистью поглядел на ровный ряд одинаковых пластиковых контейнеров в истребителе. Зацепиться взгляду тут было абсолютно не за что, и его злоба на себя только концентрировалась.

— Не надо мне напоминать про Таю, кэп, — угрожающе тихо сказал он. — Я рвался за джийанами, с тех пор как понял, что ее увезли. Но я...

«...Был уверен, что ты не возьмешь меня с собой, оставишь здесь за капитана, и сердце рвалось и печалилось, что не мне отбивать у врагов Таю. Но я и мысли не допускал, что более не твой зам. Это был жестокий удар, Дэн!» — Кас не сказал это вслух — зачем? Тяжело вздохнул и дернулся к носу истребителя, проверять орудия.

— Я не слишком нагружил истребитель, кэп? — деловито бросил он на ходу, но Дэн не отвлекся от темы:

— С этим я и пришел разбираться... А ты мрачен, потому что уже догадался, кто полетит с нами третьим?

— Что?

— Ты знаешь нужды «Красавицы» лучше Ала, конечно. Но не Ал, а ты близко успел узнать лидера виртуальных изоляционистов. Катерина, ее знания, нужны мне в этом путешествии, а ты станешь посредником между нами.

— И ты поэтому выбрал меня, а не Ала? — хмуро уточнил застывший на месте Кас.

— Еще потому, что ты — копия меня на непредвиденный случай, — сказал Дэн где-то за его спиной. — И, главное, потому что мы полетим не на истребителе, Кас, а на

джийанском птерокаре, и мне нужен пилот от бога... Так что я сейчас займусь разгрузкой истребителя, а ты беги за предательницей в виртуальность. Загрузим Катерину в «коробку», пока не пришла в себя. Джад в курсе.

Джад встретил его широкой улыбкой со всех мониторов зала связи с виртуальностью.

— Ты летишь с Дэном, значит, я спокоен за Таю, — сказал он. — Вы ее вернете.

— Как Катерина? — хмуро спросил Кас, удивленный явно излишней, странной веселостью главы виртуальности. — Она уже пришла в себя?

— Очнулась, но я нейтрализовал ее вторично. Так ее легче будет загрузить. Подключай «коробку».

Кас вставил в пульт маленький чип — «коробку». Сюда виртуалке сейчас предстоит перейти из своего мира. Оторванная от братьев, она будет пленницей реалов.

Джад исчез, появились строчки загружаемых данных виртуалки. Лживая сущность Катерины... Кас попробовал подумать это с ненавистью, но пока не вышло. Злиться он устал.

— Готово. В какую локацию поместить вашу пленницу?

— Тюремная камера, — мрачно сказал Кас. Тут же представил элегантную Катерину в цепях, в сыром темном застенке, но стало не радостно, а больно. Вопреки ее предательству.

— Ну, зачем ты так. Вы еще побеседуете и поймете друг друга. Я поставлю локацией девочке домик на морском побережье. Шелест моря дарит покой.

— Как хочешь, Джад.

Кас извлек из пульта готовую «коробку» и положил в карман комбинезона, тот, что ближе к сердцу. Катерина очнется, когда он включит свой планшет, очнется в уютном домике на морском побережье... А перед Касом к тому времени будет только бескрайний пустой космос, впрочем, уже не такой темный и мрачный, как еще пять минут назад. Злость улетучилась: пока он не показал себя с лучшей стороны — ничего еще не ясно.

Неожиданно быстро настало время прощания. Дэн стоял в начале мира виртуальности и понимал, что это, возможно, последний раз, когда он видит Эрнатон. Даже если экспедиция удастся, через два года, когда он вернется сюда, это будет другой, чужой город, которой будет надо заново узнавать. Пусть фон виртуальности меняется мало: через два года тут будет то же солнце, тот же ветер и тот же песок... — но жители Эрнатона меняются, порой, мгновенно. И годы пути до 404-ой несомненно, преобразят их, а вместе с ними и весь призрачный мир. Призрачный мир — жестокое определение джийан, с которым соглашаешься в глубине подавленной терпимостью к виртуалам души.

Лицо Джада непрерывно менялось, волны других лиц проходили по нему, оставалась неизменной только одна деталь — радостная и без капли искренности улыбка:

— Уже отправляетесь в путь, Дэн?

— Джийане говорят, их время дорого стоит. Значит, и нам медлить нельзя, — Дэн буравил главу виртуальности взглядом, но улыбка того не поколебалась. — Ключ от памяти виртуальности теперь на Капе с Алом. А я устраниюсь, Джад.

— Но поражения не признаешь.

— Я ни разу не говорил о нашем конфликте, как о войне, и сейчас не скажу, — Дэн помолчал. — Это ты сказал: война.

— Я сказал в сердцах. Прости старика, Дэн, — велеречивость Джада вкупе с неискренней улыбкой производила отвратительное впечатление.

— Перед моим путешествием... ты более ничего не хочешь рассказать мне, Джад?

— Нет, Дэн. Я сказал все. — Дэн ждал, что, вопреки спокойным словам, улыбка виртуала дрогнет, хоть на миг, но глава виртуальности был непоколебим. Похоже, он все для себя окончательно решил. Как это решение отразится на реалах бывший капитан «Красавицы» пока не знал. Но он найдет ответы на все загадки... вне корабля.

— Прощай, Джад, — и ответное «прощай» виртуала эхом отозвалось в ушах... Дэн вернулся в реальность.

Капа ждала его возвращения, присев на подлокотник его кресла и сцепив руки на плечах мужа. Она не плакала, держалась. Огонек былой безрассудной приязни шевельнулся было в сердце, но быстро погас, когда они встретились глазами. Он помнил о ее многолетней лжи, и она знала, что он помнит о ее многолетней лжи.

— С Джадом мы попрощались, — сказал Дэн, пока не поднимаясь из кресла, все же наслаждаясь общим теплом их тел, которое скоро будет потеряно на долгие месяцы. — Он молчит.

— Может, расскажет нам с Алом?

— Возможно. И тут я надеюсь на... — он не договорил. «На что? Какие еще тайны хранит виртуал? Дрогнет от них Вселенная или рухнет?» — в общем, надеюсь на вас с Алом, — все-таки закончил Дэн. — Надеюсь, что вы сумеете распознать, где вам говорят правду, а где манипулируют.

— Манипулировать можно и правдой.

Он улыбнулся, искренне:

— Да, козочка. Поэтому меньше плачь, от слез слепнут и глазами, и сердцем.

— Ох! — вряд ли она дослушала его внезапную философию. Румянец разлился по щекам, и радостная улыбка уже растягивала губы.

— Что тебя так обрадовало в моих словах? — озадаченно спросил Дэн.

— Ты все-таки назвал меня козочкой, — призналась Капа, зарывшись лицом в его волосы. — Я боялась, что уже не назовешь.

Он обнял ее, закрыл глаза и на целую минуту забыл о грядущем расставании. Но браслет пиликнул. Ал подтверждал, что все готово к их с Касом отправке. Капа, услышав сигнал, не вздрогнула, и не прильнула крепче напоследок, как ждал Дэн. Только прижалась губами к его губам, ласково накрыв его руки своими. Они целовались, забыв о времени, в темноте и тишине, лишившись всех чувств, кроме ощущения общего тепла и единства. Как в первый раз — узнавая другого, задавая поцелуем вопросы и получая ответы, и как в последний — прощая, прощаясь, запоминая навсегда.

Потом, в доке, Капа уже не подошла к нему так близко. Дэн тепло попрощался с Алом, обнял совсем загрустившую Элю, а жена в ответ на его прощальный взгляд только протянула руку, и он сжал ее холодную мягкую ладонку между своих грубых и на долю секунды согрел. И все. Люк птерокара был завинчен, домашний уютный мир «Красавицы» отрезан, и Вселенная распахивала свою черно-звездную пасть, принимая новых путешественников. Кас неторопливо, привыкая к новому кораблю, развернул птерокар к глыбе тела ураноса, окруженной золотыми огоньками паруса, а Дэн поглядел на оставляемую «Красавицу», перевел взгляд на черную бездну звезд над головой, и ему показалось, будто кто-то перелистнул страницу. И то, что осталось на предыдущих — все счастливые спокойные беззаботные годы слишком долгого детства — безвозвратно стерлось.

Уранос опять вытянул голову на длинной шее, игла задергалась, процарапывая черную небесную твердь, ища выход в гипер. Белый, изящный как статуэтка птерокар с Дэном и

Касом видно не было, его закрыл широкий парус чудозверя. Скоро проход был найден. Перламутровый свет охватил тело ураноса, чудозверь быстро растворялся в нем. Эля моргнула, пропустила мгновение перехода, и чернота пустого бездушного космоса ударила по глазам хуже жестокого сияния бескрайних ледников холодных планет. Уранос и птерокар исчезли — и будто не существовали никогда. Но Эля встряхнулась, сбрасывая мягкую, но душную шаль меланхолии.

Звезды постепенно проступали сквозь бескрайнюю черноту, зажигались маячки надежды. Сначала крупные, как камни в короне короля, потом мелкие — алмазная крошка. Космос понемногу оживал, будто душа после долгого беспмятного сна возвращалась в тело. Вот, он задышал, сонно вздохнул... И Эля обернулась к Капе и Алу.

— Они найдут Таю, — сказала Капа. — Мы очень скоро увидим их.

— Я знаю, — тихо уверила Эля. — Мама Капа...

— Что? — с чрезвычайной предупредительностью сказала Капа. Она явно решила дозу любви, предназначенную Тае, пока передать ее сестре. Но вот вынесет ли та эту двойную тяжесть? Эля вздохнула, опять отвернулась к стеклу.

Где-то там сейчас ее сестра, ее половинка. И от этого звезды кажутся и ближе, и дальше. Огромность расстояния, разделившего их, внушает страх, но конечность прежде бесконечной Вселенной вселяет надежду. Они с Таей так стремились отделиться, отдалиться друг от друга в последнее время, доказать свою уникальность, но и сейчас, разлученные, кружатся возле общего центра масс, как сестры-звезды.

— Мама Капа, давай обойдемся без криосна? — попросила она, наконец оформив свою мысль. Капа удивилась молча, Ал не удержался:

— Не получится, Электра, ты же знаешь, — терпеливо разъяснил он. — До скорости света с такими повреждениями обшивки разогнаться мы, конечно, не будем, но наши тела не выдержат и четверти перегрузки. Нужно перейти в защищенный блок.

— Но можно сделать просто сон, без приставки крио, — прошептала Эля. — Чтобы мы здесь старели, как и они там. Как Дэн, Кас и Тая. Чтобы мы с Таей остались одного возраста.

— Хочешь остаться старшей сестрой? — отражение Ала в стекле незнакомо, без привычного яда, улыбалось, хотя в тоне юноши еще оставалась его горькая крупинка.

— Хочу, чтобы мы все остались в одном времени.

— Согласна, — лицо Капы посветлело. — Расстояние нас разделило, но ни к чему, чтобы разделило еще и время.

Однако, представив долгие одинокие бессмысленные два года в неподвижности, она опять помрачнела. А Эля обратилась мыслями к предстоящему сну. О, она изучит джийанский до уровня профи, она узнает все, что можно узнать об этих врагах! А если она не будет учить язык, она будет учиться драться!

«И ураносов. Полгода, не меньше, отвести им».

— Хорошо, значит, просто сон, — пожал плечами Ал, всерьез решивший быть вежливым. — Начинаю подготовку.

Эля улыбнулась его отражению в черном стекле и отодвинулась чуть дальше, чтобы увидеть отражения всех троих. Три призрачные фигуры — юноши, девушки и молодой женщины накладывались на фон далеких звезд. Растерянные, но храбрящиеся, потерявшие с беспечностью кусочек счастья, но обретшие цель, они не казались чуждыми или маленькими во Вселенной. И дыхание космоса было их дыханием.

...Люди уснули, и она опять стала хозяйкой корабля. Она бродила по коридорам,

качалась на ветвях в главной оранжерее, ухала и хохотала. Огоньки за окном подтверждали: большой корабль наконец-то летит туда, куда должен. Она следила за тем, как маленький красный огонек, растет и будто теплеет. Протягивала к нему руки, прикладывала ладони к стеклу иллюминатора и действительно чувствовала это тепло — тепло жизни.

Она вспоминала, печальный человек ждет ее на том теплом красном огоньке, который сейчас маленький, но, когда вырастет, потушит свет всех остальных, и иногда даже кричала от ярости, что до этой встречи еще так долго. Она — верное оружие печального человека, когда они будут вместе, месть за Землю совершится.

Потом настало самое опасное время полета. Они подлетели к черно-белому шару нового дома, и вокруг «Красавицы» засновали корабли разведчики железных-мертвых. Тогда Дэра, как и в прошлый раз, подключилась к миру призраков и гасила и путала вражеских шпионов оттуда. Железные-мертвые не должны узнать о плане печального человека, пока он не будет приведен действие!

Скоро глава призраков дал большому кораблю команду на снижение. А Дэра вернулась из мира призраков в реальность, и скорчившись в углу белого зала, плакала и плакала. Она радовалась, что месть совершится, но предстоящая ей огромная боль заставляла слезы литься снова и снова. Она никогда не давала людям прикоснуться к ней, слишком ценна и хрупка была сокровищница этого слабого тела, но сама осторожно гладила острые плечи и колени, прослеживала ход страшных уродливых шрамов. Они покрыли ее спину и живот после «первой пробы». Удивительно, как она тогда осталась жива, как тело смогло восстановиться настолько, что даже снова знает, чувствует и боится боли! Но сейчас Дэра старая, «вторая проба» ее совсем убьет.

Глава призраков разбудил людей, все опять засуетилось, заскакало, как в прошлый раз, и Дэра ушла вглубь оранжереи, чтобы никому не мешать. В прошлый раз не получилось, потому что нашелся призрак-предатель, но сейчас люди увезли его далеко. Значит, теперь все получится. От большого красного солнца было тепло, от мыслей о мести становилось жарко. Печальный человек скоро придет за ней. Хорошо...

Когда в слизистом море ничто утонула площадь Наао и серебристая субстанция лизнула камни помоста, сердце Кейлы дрогнуло. Только что, повторяя старинный гимн вместе со всеми, она готовилась к смерти, но при взгляде на свое неясное отражение в подступающих волнах поняла, что не готова. Нет, только не она! Такой яркий, такой разноцветный мир легко, как сладкое желе под солнцем, таял и становился единым прозрачным, серебристо-поблескивающим морем. Неужели и Кейла сейчас растворится в нем, станет ничем? Глаза вытекут с потоком прозрачных слез, волны слизи подхватят тело и протекут сквозь него, ничего не оставив несчастной. Ни надежды, ни мечты, ее путь, как и путь всей Сенты, прервется.

Тонущие в слизи тянули к ней руки, зовя, приглашая разделить судьбу всей Сенты, а Кейла отступала и отступала, не желая растворяться вместе со всеми. Необычайно усилившееся ощущение себя — отдельной, себя — свободной, себя — яркой и живой в самом центре безликого серебристого зеркала, поглотило ее. Она не могла думать ни о чем кроме: Выжить! Выжить! Выжить!

Лишь крик ярости последних живых, ударив по ушам, вернул Кейлу в чувство. Это к помосту спустился летательный аппарат чуждого, и умирающие застонали и завывли, проклиная убийцу. Повинуясь их крику, эхом загудевшему и в ее тонком слабом теле, Кейла замерла на месте, больше не пятясь от края помоста. Шелтон махнул рукой.

— Поднимайся ко мне! — крикнул он... и трусливое тело, пьяное от ощущения себя живым, сделало шаг вперед, к землянину. К убийце Сенты. Тот подхватил Кейлу и втащил на свой летательный аппарат.

Аппарат взлетел над серебристым морем ничто и взял курс на юг, к Границе. И сколько не вглядывалась Кейла в его круглое обзорное окно, внизу было лишь жидкое серебро с пляшущими красными искорками Эдо. Шелтон молчал. Едва они поднялись над площадью, он дал Кейле пять пузырьков сильнейших защитных зелий и строго приказал выпить немедленно. Больше Шелтон к ней не обращался и не оборачивался, но Кейла и сама не хотела на него смотреть, опустила голову. Она боялась, что глянув в это красивое и жестокое лицо, сорвется в крик — и он вышвырнет ее в море.

Пятно яркой зелени, неожиданно раскрасившее однообразный серебряный горизонт, она сначала приняла за мираж. Но пятно разрасталось и обретало структуру. Лес! Живой, нетронутый ничто зеленый лес! Раньше он шапкой покрывал высокий обрывистый берег реки, а сейчас волны ничто касались края обрыва. Касались, но не превращали траву на нем в себя. Кейла радостно вскрикнула, прильнула к стеклу.

— Как это возможно?! Хоть бы там спасся кто-нибудь!

— Я окружил часть северной границы мощными защитными барьерами. Лес и часть гор. Мне нужно место для экспериментов, — отозвался Шелтон.

«Эксперименты!» — Кейлу затрясло. Она глубоко вдохнула, выдохнула и, убедившись, что голос не дрожит, заметила:

— Люди на площади, многие, не верили, что ты мог нарочно снять барьеры на Границе. А я хочу им поверить, очень хочу, потому что это хоть немного оправдает меня. Хочу, но не могу! Ты сделал это специально. Ты с самого начала хотел уничтожить нас.

— Не уничтожить, а преобразить. Ваша сребролика сделала тот же выбор.

— Вы оба предатели! — Кейла громко крикнула это, но легче не стало. Шелтон молчал, заметно было, что он крепко стискивает зубы от злости. Землянин посадил аппарат на расчищенной вездеходом большой четырехугольной площадке в лесу, подальше от границы моря Ничто, и первым покинул корабль. Кейла выскочила следом.

Срезанные на половину высоты травинки то гладили, то кололи кожу щиколоток, все еще покрытую чешуйками засохшей слизи Наао. Кейла вспомнила бескрайнюю однородную серебристую гладь, в которую превратился такой многоцветный мир и опять задрожала. «Живая! Живая!» — ликовало тело, но какая-то тяжесть нарастала в груди. Она цела, но ее народа больше нет. Погибли родители и друзья, сметенные волной ничто. Погибли все, кого она знала, все, кого не знала. Её одну пощадил убийца.

— Почему ты спустился ко мне? — глухо спросила Кейла. — Пожалел? Или я тебе еще зачем-то нужна?

Шелтон отошел к краю поляны. Землянин разминал затекшие ноги, но, услышав вопрос, выпрямился. Задумался.

— Пожалел, — наконец, также глухо согласился он. — Увидел в твоих глазах испуг и пожалел. Ты не хотела умирать вместе со своим миром.

— Там все не хотели.

Комок подступил к горлу: то тяжесть уже переполнила грудь и медленно, порциями переливалась в горло. Как серебристая субстанция ничто, она неуклонно превращала в себя все, чего касалась. Эта тяжесть — вина. Эта тяжесть — вечное ожидание слова «прощаю» от замолчавшей Сенты. Эта тяжесть — протянутые к ее помосту руки, к ней, предательнице, к ней, распознавательнице...

— Ты всегда ставила себя выше своего мира, прежде своего мира. И до сих пор ставишь, никогда не перестанешь. Просто потому, что ты такая. Качество, стандартное для землян, но необычное для сенториан. Я чуждый здесь, но и ты чужая. Поэтому, я думаю, мы друг другу еще поможем, — неестественно спокойно втолковывал Шелтон. На что он надеялся? Этим успокоить ее? Слова землянина молотом били в тяжелую, звонкую от боли грудь и Кейла бросилась бежать. «Нет! Нет!» — кричала она, но не признать правоту землянина — правоту конца света, не могла. Она долго, тяжело дыша, продиралась сквозь чащу, рвала решетки листьев папоротника. Наконец лес кончился. Тонкая полоска земли с пожухлой травой, а за ней море ничто. Кейла, ровно, тихо ступая, подошла и без страха окунула в него руки.

Руки сразу похолодели, онемели, будто мгновенно стали частью ничто, а не частью Кейлы. В этом ничто остался весь мир, там и мама, и папа, и Энжет, и Аки, и Лереми. Они все там, а Кейла выжила, и, вопреки печальным мыслям, сердце радостно бьется в пустом как медная статуя, полном звонкой боли теле. Что же ей делать дальше одной — смешному пестрому кусочку канувшего в вечность мира в краю ничто? Вина — гулкий молот, уже подсказывает: убить убийцу! Убить Шелтона! Это не уменьшит ее боль, но этого от последней сенторианки Наао ждет лишившаяся языка Сента.

Кейла поднялась, обтерла руки о траву за пределами силового поля, и трава мгновенно стала той же слизью. Кейла охнула, отыскала на поясе чудом сохранившийся пузырек с защитным зельем и вылила его весь в траву.

«А что станет с миром, когда она убьет Шелтона? Если капля его крови потопила в ничто весь Наао, то лужа его крови покроет серебристым океаном всю Сенту, — вовремя вспомнила Кейла. — Как же его убить?»

...Он стоял спиной к ней. Высокий, горделиво выпрямленный, широкоплечий. Вроде

бы, беззаботный. Вроде бы, беззащитный. Кейла тихо скользнула к аппарату, ловко вытащила разряженный бластер из-под сидения.

«Оглушить — да! Оглушить, потом сжечь. Может, тогда второй волны ничто не будет? Отомстить, отомстить. За ложь Сенте. За предательство всех каст. За муки и смерти родителей и друзей, всех знакомых и незнакомых, исчезнувших с карты путей Эдо в самом начале своего или жестоко сбитых с ног на последних шагах. За весь мир и за эту боль и тяжесть своей вины в груди!» -

Кипение ярости отражалось только в глазах Кейлы, а тело казалось спокойным, даже расслабленным. Она неслышно скользнула за спину Шелтону. Размахнулась — какой же он высокий! — но ударить не успела. Землянин повернулся, мгновенно перехватил ее руку в замахе, сжал тонкое запястье, чуть не ломая кости.

— Хочешь убить? — странно, ломко, как-то болезненно сказал он. — Я думал, ты вернулась, чтобы поговорить. Но... правильно! Я тоже иногда хочу... часто хочу умереть. Хочу забвения! Хочу забыть все, что пришлось увидеть в этой зверской Вселенной! Нет, нельзя, нельзя пока. Ты ведь понимаешь меня, Кейла? Это тело должно жить, чтобы отомстить — так ты думала сейчас там, на берегу? И я думаю также о себе.

— Ты врал мне... всем! — заорала Кейла. — Ты убил Сенту! Убил, как перед этим Землю! Серые, заселение Ламоса... — ты врал нам! Верно говорил распознаватель темных: тебе просто нужно было разбалансировать систему защиты светлой стороны, чтобы ничто беспрепятственно поглотило наши земли!

— Да, — он отобрал бластер и отпустил ее запястье, ставшее влажным от его потной ладони. — Врал. Я же не мог прийти и сказать: привет, мне нужно пятьсот тысяч ваших трупов! Да, мне нужен океан ничто на Сенте. Нужен, чтобы отомстить. Я тоже потерял все После, если угодно, Сента может отомстить мне!

— О, она отомстит... Я отомщу!

Шелтон неожиданно успокоился. Он сел на траву, жестом приглашая присоединиться.

— Я не злодей, — очень спокойно сказал он. — Я даже не джийанин. Я просто хочу справедливости. Я понял, как этого добиться, еще когда прилетел сюда со старой командорй. На Эмму напала какая-то тварь, стащила перчатку, и жена оттолкнула ее голой рукой. Тварь растеклась слизью. Жена лишилась чувств от потрясения, а я уже тогда понял: Сента может дать нам океан ничто. Это единственное, что во Вселенной способно довести расу джийан до гибели. И ваша Деала согласилась с тем, что они величайшее во Вселенной, истинное зло, и должны быть уничтожены. Для выполнения этой цели сребролика не пожалела жертвы своего мира, как мы в свое время не пожалели своего. А ваш мир еще расцветет, как поется в вашем гимне конца и начала, все мечты и пути вернутся.

— Я больше не могу тебе верить, — Кейла скрестила руки на груди. Не согласившись присесть, она возвышалась над чуждым красавцем, и это придавало дополнительную уверенность ее тону. — Мечь... зло... справедливость... Какая справедливость?! Чем вы отличаетесь от джийан?! Вы также уничтожаете миры, вы также переводите жизни в цифры!

— Всё сказала? — очень холодно спросил он. — Теперь скажу я. Если б ты верила во все это, ты не смогла бы жить. Ты утопилась бы там, за лесом. Потому что если я злодей и предатель, то и ты тоже. А такие для Сенты — никто. Худшее оскорбление в вашем мире! Но ты вернулась, ты живая, дышишь и радуешься тому, что дышишь. И ты со мной, Кейла. Со мной. У нас один путь. Если согласна, оставайся, если нет — иди, топись.

Кейла потеряла руку, все еще влажную от его пота. Если б не пузырьки защитных зелий,

способности распознавательницы уже позволили бы ей сохранить эту часть чуждого и где-то там, в глубине ее тела, начала бы создаваться защита для родного мира от него... Отлично! Землянин доверяет ей, он еще не раз подпустит ее слишком близко, вот только защитных зелий она больше пить не будет. Она будет хранить и пестовать внутри себя, как зарождающегося ребёнка, оружие против Шелтона... Впрочем, наверное, следует называть его чуждым.

«Чуждый», — сказала Кейла про себя, и поняла, что свободна от чар этого образа. Не подозревающий о перевороте в душе союзницы, землянин поднялся.

— С тех пор, как я связывался со своими детьми в космосе, прошло почти две наших года, — сказал он. — И сейчас я получил их новое сообщение: они близко. Их корабль подходит к Сенте.

— Сюда прибудут еще твои соплеменники?

— Четверо. С ними мы завершим начатое. Сента быстро учится. Полагаю, против меня на темной стороне планеты уже построена достаточная защита, но с моими детьми планете не совладать. Нам нужен океан ничто здесь, ты смирилась с этим, Кейла?

— Ты сам сказал, что я ближе к землянам, чем к сенторианам, — выдавила Кейла.

Она с улыбкой взглянула на землянина, по-прежнему не встречающегося с ней взглядом, и новая мудрость снизошла на сенторианку, ясную, избавленную от власти всех чар. Шелтон спас ее, потому что и сам жаждет конца. И знает, что смерть ему придет через нее, распознавательницу. Он говорил это, когда они только познакомились, сейчас забыл, его слишком поглотила месть, но тонкая линия этого пути никуда не исчезла с карт Эдо. Так все и будет.

Отныне она слушалась его во всем. И старалась чаще стоять рядом, вдыхать его запах. Один раз даже ухитрилась поймать языком каплю крови чуждого, когда он порезал руку... А потом в небе появилась искорка, сияние которой не могло приглушить даже солнце Эдо, и землянин сказал, что это прибыл их корабль.

Скоро в небе показалось три летательных аппарата. Они покружили над лесом и сели на давно подготовленную для них площадку. Шелтон пошел встречать своих детей, а Кейла осталась в стороне. Она смотрела на новых чуждых с печалью и неистребимой долей восхищения: все-таки они красивы! На Сенту прибыли стройная молодая женщина с растерянным мягким лицом, мрачная темнокожая девочка и бледный юноша с черными волосами, очень похожий на Шелтона. Они не оглядывались вокруг, а озирались, как бы признавая чуждость мира Кейлы. О, скоро они почувствуют на себе, как он может быть негостеприимен! Шелтон что-то говорил им про джийан, а Кейла только усмехалась про себя:

«Джийане! Я ничего не знаю об этих врагах. Они далеко. Мои враги, враги моего мира — все здесь».

Светлая сторона Сенты вся растворилась в ничто, исчезли города и селения, поля и леса — все стало единым морем. Вдоль Границы оно уже начало покрываться, как панцирем, высохшим под лучами Эдо слоем слизи. Под этой скорлупой дремал новый мир... Только в ушах всезнающих до сих пор звенел крик о помощи старого.

Лереми слышала его и в далеком Деи, нетронутой ничто столице темной стороны. Этот вопль перекрывал шепот ярких звезд и спокойные колыбельные черного неба. Он носился высоко, меж облаков. В сотый раз огибая планету, он медленно замерзал, но утихал едва ли. Просто в нем появлялись новые колючие нотки, требующие от всезнающей действовать. А

иногда он спускался ниже, проносился как комета по прямым белым улицам Деи, и, перекликаясь, переплетаясь с болью, тревогами и страхами жителей города, стократно усиленным ударял по ушам: «Спаси Сенту, спаси!»

И Лереми спасала. Со светлой стороны она привела с собой полторы тысячи спасенных, но то была капля — крохотная капля в студенистом море ничто, и первое время в Деи Лереми не спала ни единого аката, все рвалась помогать страже и всемогущим — устанавливать защитные укрепления своими слабыми ручками. Потом она обратилась к предвидению и десятикратно прошла все серебристое поле-море, покрывшее светлую сторону: вдруг, еще кто-то уцелел, и можно попробовать отправить ему помощь. Но на светлой стороне остался лишь один крохотный кусочек суши близ южной границы. Там оставались и Кейла, и Энжет с небольшим отрядом стражей, но там были владения землянина.

Ее лихорадочную и бессмысленную деятельность оборвал Осан. Среброликий объявил Лереми, что за отправление мысленных сообщений брату и родителям она должна понести наказание.

— А вы на моем месте не поступили бы также? — мрачно спросила Лереми.

— Нет! — Осан даже отступил, как бы отстраняясь от самой возможности подобного. — Мысленные сообщения — путь к тягчайшим преступлениям всезнающих. От мысленной просьбы лишь шаг до внушения. Многие совершают этот шаг, даже не замечая его, а он рвет сразу несколько нитей в переплетении путей. А тот, кто идет на внушение осознанно, рушит судьбу половины планеты! Вспомни Деалу!

Лереми слишком помнила Деалу, потому присмирела:

— Простите. Но ведь это были мои родные!

— Для среброликой вся Сента — родное, — назидательно проговорил Осан. — Прими свое наказание с достоинством.

За стражей Лереми проследовала в верхнюю комнату высочайшей в Деи башни-обсерватории, и ее заперли на сто акатов. И здесь, под неподвижным взглядом сотен звезд, Лереми многое узнала заново. Сента открылась ей как песчинка на морском пляже, как снежинка на бескрайнем снежном поле. Звезды вверху шептались, и у каждой был свой голос и язык. Там было множество миров, и все — населены многообразным чуждым, и все — несут угрозу Сенте... Когда понимание этого в первый раз пронзило Лереми, она даже упала в обморок.

Скоро Осан пришел навестить заключенную. Видимо, уже прочитав новые мысли всезнающей, он принес ей кинжал, которым была убита Деала, и прибор для связи с чуждыми вне Сенты.

— Изучай, — кратко сказал среброликий. И Лереми начала новый этап обучения всезнающей. Наверное, самый важный: получение знаний о Вселенной.

Даже, когда срок ее наказания истек, она не спустилась с башни-обсерватории. Она все летала среди звезд и слушала их песни. Скоро они перестали быть тарабарщиной на незнакомом языке. Каждое обрело смысл, а за этим смыслом стеной встали века и века чужой истории. И Лереми пробивала стену за стеной и впивала в себя миры, что прятались за ними. Теперь она знала все, что знала Деала, и смогла понять наставницу. Понять, но не простить... Она проникла еще дальше — из настоящего в прошлое и будущее чуждых рас и записала в памяти все вариации их мелодий. Настала пора брать в руки судьбу Сенты!

Тогда Лереми спустилась с башни. И, приподняв ее вуаль, заглянув юной среброликой в

более не зрячие глаза, Кана, всемогущая, сказала:

— Ты встанешь вместе с нами в совете темной стороны.

И вступив в совет, она продолжала одинокие бдения на башне в часы идей. Никто не тревожил ее. Лереми могла слушать песни звезд и, прослеживая, как вплетается в мелодию Вселенной тихий голос умирающей Сенты, потихоньку начинала мысленно выправлять родной мотив. Когда она делала так, перед ней открывались новые линии путей Сенты, что еще лежат в тени, но скоро в них ударит луч Эдо. И тогда эти пути станут мечами в ее руках — красными мечами, которые повергнут в прах всех врагов родного мира!

Однажды, когда Лереми примеряла, как рукоять очередного будущего меча ляжет в ее руки, дверь обсерватории отворилась.

— Кто это? — недовольно спросила она.

— Ты провидица, ты мне и скажи, — утративший часть звонкости, но все такой же веселый голос Аки. — Затворница! Забыла старых друзей?

Она поняла, что он подходит, но звук его шагов вселил в нее ужас: неуверенные, заплетающиеся... Он же сейчас упадет!

— Аки! — воскликнула она, потянулась к нему, и их руки встретились. Оба опустились на колени. Лереми почувствовала, как серебристая вуаль спадает с лица, хотя Аки не коснулся ее.

— Значит, ты уже не видишь, — ровно сказал всемогущий. Лереми обрадовалось, что в его голосе не было ни страха, ни жалости — простая констатация очевидного. — Я тоже уже плохо хожу. Такова плата каст.

Аки был вместе с ней в совете. Появился он там незаметно, во всегдашнем своем стиле, оставив ее в радостном изумлении. Впрочем, этот всемогущий был действительно силен: Лереми слышала, что на темной Границе он пробовал работать уже и с землей, и с водой.

— Я вижу звезды, Аки. Своим предвидением. Это лучше зрения!

— Ты совсем забыла о себе, — он грустно цокнул языком. — А ведь вы должны сначала учиться видеть и слышать окружающую реальность своим предвидением, а уже потом бросаться на штурм Вселенной! Я видел, как ты поднималась в башню... Отвратительное зрелище, недостойное среброликой. Где скользкая походка, где легкость жестов?

— Ты пришел меня ругать? — Лереми чуть отодвинулась от Аки... и попала прямо в его объятия. — Ты специально меня развернул?! Я тебе не игрушка! Пусти!

Она дернулась... и освободилась — его ослабевшие руки не смогли удержать ее. И Лереми тут же стало обидно и горько, теперь за Аки: — Ох, прости! Я не хотела.

— Ничего страшного, — его тон будто чуть замерз. — Видишь, как мы меняемся? Очень быстро, сильно. Я поэтому к тебе пришел.

— Поговорить об этом?

Аки вздохнул:

— Об этом... и о нас. Не пора ли претворить то будущее, которое явилось тебе, в реальность? Наше с тобой будущее?

— Ой, Аки, — она почувствовала, как запылали щеки. — Я совсем забыла! Прости...

— «Забыла» — что это значит у всезнающих? Тебе больше не нравится тот вариант будущего, где ты — моя жена? — его голос напряженно зазвенел. Лереми улыбнулась: пожалуй, ей действительно совсем-совсем не нужно зрение. Все переживания эмоций собеседника отлично отображаются в его голосе.

— Я по-прежнему согласна, Аки. Забыла — значит, уже приняла это будущее и прожила

его так глубоко, что кажется, будто свадьба, эньо были на самом деле. Сейчас ты говоришь со мной, а я ясно вижу наших детей. Их двое на ближнем отрезке нашего пути и еще четыре прозрачные фигуры дальше, на разных дорогах будущего.

Они сыграли свадьбу в этот же акат, и венчал их Осан, весь Деи собрался на церемонию. Черная, как небо, и как небо расписанная узорами фосфоресцирующих огоньков толпа заполнила главную площадь. Холодные звезды темной стороны спрятали колкие лучики, и светили ровно и мягко, тьма вечной ночи шелковым полотном расстелилась вокруг. «Вселенная благославляет этот брак», — подумала Лереми и потом больше уже не думала о Вселенной. Сияние звезд угасло, осталось сияние глаз любимого, которые она увидела вновь, теперь уже не глазами, а сердцем и предвидением. Ее шарик эньо впитал эти чувства и превратил их в сладость и свежесть, а когда они обменялись с Аки, у его эньо оказался точно такой же вкус.

Потом они удалились в шатер: зачатие детей было частью ритуала, и невидимая толпа начала первый из радостных свадебных гимнов. Аки опять не прикасаясь снял ее вуаль, и, не торопясь, расстегнул ленту за лентой. А потом будто прохладный приятный ветер погладил тело Лереми. За ветром пришло ощущение ласковых теплых ладоней на груди и бедрах.

— Эй, а тебе самому это нравится? — тихо спросила зардевшаяся Лереми. — Ты сам... чувствуешь что-нибудь?

— А ты меня видишь?

Она повернулась так, чтобы ее незрячие холодные глаза согрелись в сиянии его глаз:

— Вижу. Иначе, чем раньше, но так же ясно.

— И я чувствую иначе, но так же сильно. Просто, — он грустно помолчал, но договорил. — просто я САМ уже очень неловок.

Второй из череды свадебных гимнов, самый откровенный по содержанию, разнесся над площадью и придавал девушке смелости. Лереми ласково засмеялась, и уселась к Аки на колени, легко перехватила его ладони, положила себе на талию:

— Я лишила тебя возможности посмотреть в мои зрячие глаза на свадьбе. Прости, — тихо сказала она. — Но ты, пока это возможно, не лишай меня своих объятий.

Теперь в темном мире вечной ночи, в разрушенном и наполовину ушедшем в Ничто мире у неё появилась надежда. Она была как огонёк в руках: подними над головой и осветится путь для всей Сенты на много акатов вперед. И даже весть о прибытии огромного корабля чуждых не поколебала белое пламя надежды Лереми.

В этот же акат прибытия новых земель на Сенту Осан созвал совет. Лереми появилась там одной из последних, и пока шла коридорами дворца по старой, зрячей еще привычке прищуривалась — кажется, она вся по рукам и ногам опутана нитями лжи присутствующих... Несомненно, здесь от Лереми что-то скрывали!

Осан встретил ее у дверей зала.

— Надеюсь, ты правильно меня поймешь, серебристая, — сказал он. — Ты ученица Деалы, поэтому значительную часть сведений о планах темной стороны совет скрывал от тебя. Нам нужно было убедиться, что наставница не передала с тобой какие-либо сюрпризы. Но мы убедились, что ты чиста от чужого внушения. Теперь ты можешь узнать то, что знаем все мы.

Он повел Лереми в зал. Группа серебристых, собравшаяся у окна, при виде их расступилась, открыв высокую, очень прямую и широкую в плечах фигуру в знакомом красном костюме и маске на лице, оставляющей открытыми только глаза. Землянин!

Лереми вскрикнула:

— Шелтон?! Нет, это не он... Кто это?

— Успокойся, сребролика. Я пришел сюда, чтобы помочь вам, — сказал землянин.

Знакомо монотонный, но ни разу не слышанный голос. Не Шелтон.

— Как давно он здесь? — спросила Лереми Осана. Ответил опять землянин:

— Я видел гибель светлой стороны Сенты. И искренне хочу вам помочь.

— Земляне одержимы мстью джийанам... — начала было Лереми, и осеклась.

Вспомнилось пророчество Деалы:

«Землянин погубил Сенту, землянин и возродит ее!»

— Что ж, я рада, что наконец-то увидела тебя, новый чуждый, — мелодично пропела Лереми. — Твое присутствие распутывает многие сложные переплетения путей в прошлом и будущем. Но что ты скажешь о своих соплеменниках на светлой стороне Сенты? О тех, кто поддерживает первого чуждого? Друзья они тебе или враги?

— Враги, — коротко сказал землянин, и Лереми улыбнулась под вуалью:

— Тогда мы сработаемся, — сказала она.

Дин, определенно, не хотел больше слышать реплик о голоде и прочих потребностях пленницы, и проблему решил оперативно и в джийанском стиле. В космопорт Мегре он явился с большой белой коробкой в руках, а в корабле нажал на ней какую-то кнопку, и коробка увеличилась вчетверо. Получилась комнатка, вроде чулана. Как объяснил Дин, эта капсула предназначалась для перевозки артеанцев — разумных существ из далекой звездной системы. Джийане увлекались их искусствами — пением и танцем, поскольку собственных у киборгов не было... Капсула представляла собой автоматизированный, с минимумом удобств, но все же домик, с регенератором воздуха, душем, монитором и даже аптечкой. Поэтому Тая быстро сменила первый гнев при виде этого «гроба» на милость, и, обмазавшись гелем от ожогов, объевшись очень густой и несоленой артеанской кашей, завалилась спать.

Она проснулась, когда кораблик вновь покидал гипер, от гула проплывавшего мимо по своим делам огромного крейсера. Убрала выдвижную, из мягкого пластика постель в стену, умылась и позавтракала — все почти, как на «Красавице», только родных тут не было... И все еще не верилось, что она теперь долго, возможно, никогда не увидит ни Дэна, ни Капу, ни Каса, ни даже Ала. А Эля... Эля словно бы незримая была рядом, Тая чувствовала поддержку сестры. Хотя чего тут удивительного? Ведь они всегда будут вместе, всегда — двое, сколько бы парсеков их не разделило. И даже жуткий джийанский киборг не сумеет их разделить, не сумеет сделать так, чтобы Тая перестала ощущать нить к Эле...

Вспомнив о жутком киборге, Тая надела ужасно давящую на лоб и щеки «сенторианскую» маску и вышла из капсулы. Обзорное стекло ремонтника целиком заняла еще одна серо-желтая планета, близнец Мегре. «Интересно, в империи Джийи есть зеленые миры?» — подумала Тая, и, почувствовав отрицательный ответ на этот вопрос, вздохнула.

Ее вздох услышал киборг за штурвалом, обернулся. Тая судорожно сглотнула и пожалела, что вышла из капсулы. Жуткий спутник вызывал у нее приступ паники каждым своим движением. Она крепилась, как могла, но каждый раз, глядя на эту движущуюся гору и по отдельности смертоносных деталей, у нее язык приклеивался к гортани от ужаса и мелко тряслись руки и ноги.

Если б он не менял так часто костюмы! На первом, белом костюме космолетчика, лицо Дина выглядело совсем иначе, чем на синем, уже третьем по счету. Видимо, биоматерия в капсуле привыкала к новому телу постепенно и поначалу воспроизводила совершенно деревянную мимику. Увидев Дина в белом костюме на крейсере, Тая согласилась поверить киборгу, его лицо было странно живым, можно сказать, земным. А сейчас истукан истуканом. Жуть берет смотреть.

— Куда мы прилетели? — тихо спросила Тая.

— Джийя, — кратко сказал Дин. Взгляд киборга скользнул по девичьей фигурке — равнодушный и холодный, совершенно машинный. Будто рентген-аппарат, — подумала Тая. — Твоя одежда выглядит целее, чем на Мегре.

— Материал самовосстанавливающийся, с памятью формы, — Тая любовно похлопала комбинезон по карманам.

Начало новому диалогу было положено. Она подошла ближе к пульта. Второго кресла в ремонтнике не предполагалось, поэтому пришлось просто встать, уцепившись руками за пульт.

— Значит, вот она такая, ваша Джийя, — протянула она, оглядывая серо-желтое поле, расстелившееся под кораблем. — Какая-то она... провинциальная.

— Что? — на джийанском спросил киборг. Пришлось перейти на язык врага:

— Вы оставили Джийю? Это более не центр?

— Давно не центр.

— А где сейчас центр?

Киборг пожал плечами — удивительно человеческое движение, но Таю опять пробрала дрожь при взгляде на его руки. И опять невидимым обручем сдавило шею...

«Так, успокоиться. Я могла умереть уже десять раз, но все еще жива».

Киборг почувствовал ее страх. Он вдруг оставил штурвал, резко развернулся к ней в кресле. Тая чуть отступила и закрыла от ужаса глаза. Сердце опять билось где-то в горле. От воспоминания о его сильных холодных пальцах слабели ноги.

— Ты меня боишься, — утвердительно сказал Дин. — Почему? Я уже говорил, мы в одной связке. Я не причиню тебе вреда.

— Мне теперь запрещено бояться?

— Нет. Но почему ты боишься? — опять взгляд-рентген. Тая оставила пульт, прислонилась к стене.

— Меня напугал в детстве робот, — призналась она. Десять лет хранила свою слабость втайне от всех, а сейчас вдруг призналась. Киборгу. — Я забрела в запрещенный отсек и едва не выкинула сама себя в открытый космос. Меня робот спас, большой, как ты. Но когда он рванулся на помощь, было очень страшно. Руки у него... жуткие, как у тебя. И глаза. Зачем вам делают глаза, как у людей? С ними еще страшнее.

По бесстрастному неживому лицу скользнула волна — предвестник пробуждающейся настоящей мимики. «А у подруги Дина было совсем живое лицо, — вспомнила Тая. — Живое, но безумное, и непонятно, что страшней».

— Джийяне не роботы, — сказал Дин и опять развернул в кресло. — Взгляни сюда, — он кивком указал на пульт. Там, уголком зацепившаяся за приборную панель, лежала знакомая фотография Земли, Алом выжуженная из памяти Бома. Небо, пустошь и Дэра.

— Что здесь изображено? — тихо, как показалось Тае, с небольшой угрозой спросил киборг.

— Земля.

— Как вы поняли, что изображена именно Земля?

— По рисунку звезд, по планетам, — осторожно начала объяснять Тая. Пока не стало ясно, что за угроза в голосе Дина, лучше всего вести себя совсем тихо! — Вот Марс, он четвертый от Солнца, вот Юпитер, он пятый, планета-гигант... А человек — это Дэра. Она сумасшедшая. Первая команда «Красавицы» забрала ее с Земли.

— Понятно, — отрывисто бросил Ардин, и до самой посадки больше ничего не говорил. Тая ждала, что он прогонит ее в капсулу, но киборг даже не смотрел в ее сторону.

Уже в атмосфере они долго носились меж серых туч, то ли запутывая роботов-разведчиков, то ли ища выход. Наконец киборг посадил корабль на серой как небо пустоши, и вышел, оставив дверь открытой. Что ж, Тая тоже осторожно спустилась по покореженному плазмой оплавленному трапу и встала рядом.

— Что дальше? — тихо спросила она, решившись. — Тебе удалось узнать, где «Красавица», Дин?

— Нет. Я отключен от каталога.

— А-а... — но он вдруг двинулся вперед, и Тая, забыв о детском страхе, схватила его за большую тяжелую руку:

— Ты куда? Бросаешь меня?

— Я скоро вернусь.

— А я?!

— Погуляй тут. Можешь снять маску.

Киборг пошел к далекому серому длинному четырехугольному зданию, занявшему полгоризонта. Медленно, склонив большую тяжелую голову. «Он будто переживает, — подумала Тая и почувствовала что-то вроде сострадания чужой печали, — но о чем? Или... о ком? Он хмур и равнодушен, циничен и язвителен, но не так, как все джийане. Для всех это данность, программа поведения, а для него — только броня. И у него было такое странное лицо в том первом, белом костюме! Будто что-то пыталось пробиться наружу из-под пластин. Будто там, под силиконовым лицом, есть какое-то другое, настоящее...»

Скоро Дин совсем скрылся из виду. Тая осталась одна на пустоши. Тогда она обратилась к изучению неба и земли — двух половинок мира, куда ее угораздило попасть. Джийя... Какая она, прародина джийан?

Тая нерешительно приподняла маску, осторожно втянула воздух. Много маслянистых, железных примесей, но легкие исправно вдыхали и выдыхали его, сердце билось ровно, мерно. Будто этот воздух был идеальным топливом для ее машины-организма... И, осмелев, Тая сняла маску совсем.

Солнце: его не было видно из-за туч, но его тепло ощущалось. Живое, смутно знакомое тепло, тело радовалось его тихим ласкам. Даже холодный ветер, то и дело забирающийся в прорехи не до конца восстановившегося комбинезона, не обжигал чуждостью. Наоборот, от него все радостно дрожало внутри. А когда он играл с ее волосами, Тае казалось, она слышит его песню, и не просто слышит, а понимает. Это была знакомая мелодия ее первой колыбельной, колыбельной, которую близняшкам пела мама, а потом Капа.

Странно! Родина врагов должна была вселять ужас и неприятие, как нечто совсем чуждое, а вместо этого все внутри тянется к этому небу и этой земле! Слушаясь неведомого зова, Тая опустила на колени, потом вовсе легла на теплую сухую землю.

Мягко. Приятно пахнет сухой зеленью. Ветер поет все ту же колыбельную земле, ласково перебирая ее травы, как волосы. Тая перевернулась на спину, сорвала травинку, пожевала жесткий кончик. Потом долго, нахмурясь, изучала строение метелки злака, который ее угораздило сорвать.

«Ни на одной планете не видела подобного! И все же видела. Знаю. Давно знаю...»

Сердце уже приняло правду, но разум не принимал. И Тая лежала в траве в странном забытьи, то подремывая, то вновь глядя на серые клочья туч. Потом небо потемнело и будто растворило в себе облака. На небесную сцену вышли искорки-звезды, и уж тут, прочитав знакомые письма Вселенной, поверил и разум.

— Я на Земле, — прошептала Тая и, проговорив, осознав это полностью, задрожала. Эта дрожь будто передалась миру, ветер подул порывами, застонали и затряслись сухие травинки... Над пустошью разлился новый свет, покрыл серебром головки былинки, и Тая подняла голову, ища его источник. Из-за длинного здания на горизонте выплывала Луна — тонкий, знакомый серпик-улыбка: добро пожаловать домой, сестра!

— Я на Земле, — опять прошептала Тая. А ветер снова мягко погладил щеки, подхватил единственную слезинку девушки и унес прочь — туда, в другие свои владения на новой

Земле. Земле, более не принадлежащей землянам. Земле, для всей Вселенной надевшей гладкую и холодную, силиконовую маску Джийи...

Ардину опять казалось, что он спит, и этот сон не кончался. Все вокруг обрело искусственный пластиковый вид. Знакомый мир Джийи стал миром муляжей. И Ардин порой с надеждой глядел по сторонам, ожидая, когда этот пластик начнет плавиться, обожжет его, и кошмар кончится. И он проснется от собственного крика... Но сон не кончался.

Пока Тая спала в капсуле, он загрузил фотографию в сканер своего последнего костюма, увеличил контрастность неба. «Дальше, — думал он, — придется как-то вспоминать без каталога все возможные варианты расположения звезд...» Но открывшееся на земной фотографии небо не требовало объяснений.

Небо Джийи!

Ардин больше не строил версий и гипотез, не пробовал выводить из них теории. Он повторял одно имя: Флос! Флос! Флос! Долгое строение, к которому он направился, оставив Таю, было главным заводом утилизации костюмов и капсул.

Здесь работали роботы и те неполноценные-слуги, которым можно было поручить выполнение столь важной задачи. Джийяне сюда не заглядывали: из всех, последовавших за смертью Роумы встреч Ардина, эта должна была быть самой безопасной.

Завидев первого неполноценного в воротах, Ардин поманил его пальцем.

— Мне нужен Флос. Я от Роумы, — коротко сказал он. Слуга кивнул и умчался. Ардин подождал, поглядывая во внезапно ставшее чужим родное небо Джийи. Он ждал, когда этот серый пластик растает, закапает горячими слезами на костюм, и он проснется... Но небо оставалось на месте. Дул ветер, дудел в полые стебли травинки, выросших на родной и вдруг в мгновение ока ставшей чужой земле.

Появился другой неполноценный. Повыше первого ростом и не такой скособоченный. Умный, живой взгляд исподлобья, сильные ловкие руки.

— Вы Ардин? — спросил он, подойдя к воротам. Ардин кивнул.

— Я Флос. Входите.

Они прошли в главное здание. Ардин шагал широко, четко и все же едва поспевал за живо двигающимся Флосом.

— Где Роума? В общем каталоге появились противоречивые сведения о некоей катастрофе у Родны.

Ардин согласно кивнул.

— Мы были там. Роуму убили, — он кратко рассказал, что произошло. Флос не перебивал, не стал он и задавать вопросы по окончанию рассказа. Только когда они вошли в первый из цехов утилизации, обронил:

— Жаль ее. Но, признаться, я давно подозревал, что ее ждет такая судьба. Когда она встретилась с вами на Мегре и узнала, что земной корабль является вашим заданием, то совсем сошла с ума. Я говорил ей: оставь затею с телом землянки, сосредоточься на Ардине, но она не послушала. Сказала: я добуду и то, и другое.

— Землянка здесь.

— А Роумы нет. Жаль, — Флос вздохнул. — Только я обрадовался, что нашлась первая пара настоящих землян!

— Настоящие земляне — это вы о нас с Роумой? — глухо спросил Ардин. Флос кивнул:

— Когда Роума поняла, кто вы, и сообщила мне, я сразу попросил привести вас сюда,

показать. Но ей понравилось играть в тайны с вами. Она слишком увлеклась этим! Ее можно понять. Наша цивилизация создана, как бесполоая, но все же ближе к мужскому полу, чем к среднему, поэтому более естественна для мужчин, чем для женщин. Прожив полжизни в теле, ощущаемом как чужое, Роума стала совершенно неуправляемой! Ей так хотелось чувствовать себя женщиной, но это было возможно только в игре с вами... В каталоге есть информация о подобном психическом расстройстве, только вот нет информации, что делают с безумными. А мы много таких уничтожили здесь.

— Что-о?!

— Идемте.

Они прошли первый цех утилизации, где на бесконечной конвейерной ленте плыли неподвижные костюмы умерших джийан. Ловкие роботы на ходу снимали с них лица, отсоединяли от корпуса, рук, ног верхние кремниевые детали, идущие на переработку, отрезали проводки, и, наконец, нажатием на грудной сегмент тела раскрывали металлическую коробку с капсулой. Потом спустились ниже, во второй цех. Здесь все металлические части костюма сгружались в плавильню, а белые капсулы с обрезанной толстой пуповиной проводов плыли дальше.

— Какова биоматерия, которую используют для отпечатка вселенского Света — вы когда-либо задумывались об этом, Ардин? Искали информацию?

— Биоматерия имеет своим прототипом нервную систему высших существ типа два, но повторяет ее на несравнимо более высоком уровне, — без запинки отбарабанил Ардин информацию из общего каталога.

— Разумеется! — кривая ухмылка будто разрежала лицо Флоса надвое — мимика этого неполноценного была чрезмерна. — Только «несравнимо более высокий уровень». Потому что если цивилизация Джиии признает правду, она погибнет! — говоря это, он резко толкнул сильной рукой дверь в следующий цех. — Смотрите!

Третий цех. Здесь роботы вскрывали капсулы, сливали из них густой как клей питательный раствор, отсоединяли устройство аэрации и питательный блок, снимали датчики состояния с биоматерии и, наконец, тащили, подцепив, отработавшую биоматерию вверх. Узел плоти разматывался, вытягиваясь в толстый серо-белый шнур, перехваченный металлическими пластинами с отходящими от них проводами. Другие проводки шли от самого шнура, будто выходили из него.

— Сращивание человеческой нервной системы с машинной частью производится еще на полном теле, — сообщил Флос, проследив взгляд Ардина.

— Что значит: человеческой нервной системы? — спросил тот. И ответ тут же явился: на конце шнура, последним появившись из капсулы, заболтался большой неправильной формы шар, опутанный сетью проводков с присосками. Машина-конвейер одним быстрым движением отсоединила все проводки и присоски, и взгляд Ардина встретился с остекленевшим взглядом мертвой головы старого истощенного землянина.

— Мы берем биоматерию у землян. Спинной и головной мозг плюс лицо для точного отображения мимики. Только с землянами получают отпечатки наилучшего качества. Конечно, плохо быть зависимым от одного поставщика. Поэтому мы пробовали нервные системы других рас, пробовали искусственно синтезировать нервную ткань, но результат один — неполноценные... — Флос говорил что-то еще, но Ардин уже не слышал. Он коснулся своей грудной пластины. Значит, там такая же биоматерия? Там такое же... лицо без тела со шнуром спинного мозга?!

Он почувствовал дурноту — разбалансированность костюма и капсулы, и повалился на пол на колени. В последний момент жестко уперся ладонями в пол и не рухнул совсем. Еще не умер совсем.

— Ардин, вам плохо? — с запоздалой предупредительностью спросил Флос, но руку для поддержки не протянул. — Хотите покинуть цех?

— Нет. — Он посидел еще на полу, приходя в себя, потом тяжело поднялся, и лицо Флоса вытянулось от уважения:

— Да, вы человек, как и Роума. Она рыдала и билась в истерике, но скоро успокоилась и смогла рассуждать. А любой другой джийанин просто умер бы или сошел с ума, ослабел, как те, на крейсере.

Ардин решился, и глянул на конвейер. Там робот извлекал новую голову из следующей капсулы. Теперь это была женская голова, покрытая темной, как у Таи, кожей.

— Я хочу услышать вашу историю, Флос, — негромко сказал он.

Флос моргнул несколько раз.

— Здесь? — зачем-то уточнил он.

— Все равно, — буркнул Ардин и опять покачнулся. Неполноценный с сомнением посмотрел на него:

— Вы еще не вполне пришли в себя. Чтобы вы меня слышали, чтобы беседа получилась плодотворной, нам лучше перейти в следующий цех.

Ардин подчинился. Четвертый цех был местом переработки опустевших скорлупок-капсул. При воспоминании, каким было их наполнение, его периодически била дрожь.

— Я работал на этом заводе с момента соединения с костюмом, — обыденно начал Флос. — И, разумеется, я тогда понятия не имел, что за биоматерия используется Джийей. Я думал также, как и вы: искусственно созданная высокоорганизованная ткань. Только моя хозяйка все чего-то искала, чувствовала тут что-то иное. Она даже просила показать ей место моей работы.

— Роума?

— Да. Я провел ее по всем цехам, показал содержимое капсул. Она тогда очень разволновалась, но сама не могла понять, почему. Поняла это только спустя два цикла, когда их крейсер отправили на простое задание к Сенте.

— Там Роума увидела землян.

— Да! Живых, цельных, невероятных. До этого она... мы все видели только их... детали. Она рассказывала, что ее будто ударило, когда она увидела лица команды. Она не могла поверить, что разгадка так проста и страшна. Она думала, это сон или случайное сходство. В карантинной камере она увидела труп землянки и решила проверить догадку. Она отыскала позвоночник женщины, освободила спинной мозг, и картинка цеха из памяти полностью совместилась в ее сознании с картинкой в реальности. Роума поняла, что существа на корабле есть исходная форма джийан, и что это наша идеальная, правильная форма. Ее ужас распространился по крейсерской группе каталога и ударил всех. Но Роуме удалось сбежать от них.

Роума вернулась на Джийю, опять уговорила меня отвести ее в третий цех. И тут с ней случилась истерика. Она кричала, что джийанская форма жизни — уродство, искажение, что идеальной формой должна быть та, которую она видела на земном корабле. Кричала, что ощущает себя землянкой, а не джийанкой.

— Могу себе представить, — пробормотал Ардин. Он случайно коснулся своей грудной

пластины и сейчас же отдернул руку, но Флос заметил это движение.

— После того, что вы увидели в цехе, вы почувствовали отвращение к своему телу? — быстро спросил он.

— Да. Странно неприятно...

— Не странно: нормально. И это вторая часть моего рассказа. Самая тяжелая, — Флос тяжело вздохнул и вдруг странно дернулся, взглянув в сторону двери. — О-о-о! Исходная форма! — грубое как у всех неполноценных лицо засияло восторгом.

«Куда он смотрит?» — Ардин обернулся и тоже вздрогнул. В дверях зала стояла Тая.

Исходная форма... Теперь он смотрел на землянку совсем другими глазами. Нет, восхищения, сумасшедшей восторженности Роумы не было, был трепет. И будто горло сдавило тем самым железным обручем пальцев... Тая тоже дрожала, но от другого чувства — ненависти. В руке землянки был крепко зажат стальной прут из ограды завода.

— Что вы сделали с Землей, уроды? — очень звонко, напряженно спросила она тишину. — Что вы сделали... со всеми нами?!

— Тая, — Ардин шагнул к ней, и девушка замахнулась прутом:

— Убью!

Но он шагнул еще. И еще. Она замолотила его прутом, стараясь попасть по лицу, потом запрыгнула на конвейер и оттуда бросилась ему на спину, воткнула прут между спинных пластин, неглубоко, но болезненно. Пришлось оставить церемонии. Ардин цепко ухватил землянку за ногу, оторвал от костюма и осторожно опустил на пол. Достал и прут и скрутил ей руки. Тая молчала, внутри нее клокотала буря эмоций, прорывалась хриплым дыханием. Но глаза оставались сухими.

— Я видела, что там, в соседнем цехе, — звеняще сказала она. — Так вот, что означает: нужно ее тело, ее прекрасное тело! Вы прилетели на Землю, поработили людей и теперь используете нас как... как...

— В качестве биоматерии для отпечатка, — любезно подсказал Флос. — Но вы не вполне правильно рассудили, прекраснейшая исходная форма.

— А «Красавица» вам зачем? На Земле биоматерия закончилась?! — она рассмеялась сквозь стиснутые зубы. — Хорошо, что твоя подружка, Дин, тела уже не получит! И никто из вас не получит! Вы еще ответите Дэну и за меня, и за Землю!

— Замолчи! — вырвалось у Ардина. Он встряхнул Тая так, что голова на тоненькой шейке заболталась. Землянка замолчала, снова тяжело, надсадно задышала, как лазером прожигая черным злым взглядом.

— Я сейчас все объясню! — вмешался Флос. Неполноценный незаметно скользнул к ним, ласково погладил землянку по волосам. — Мы не захватчики, прекрасная Тая. Земля — наша родина, джийане — такие же земляне, как вы.

— Бред! Да кто тут пошел бы на такой синтез с машиной?! — заорала Тая, потрянула головой так, что пружинки черных волос закачались. — Что могло толкнуть людей на такое? Что-о?! Эпидемия? Война? Конец света? Или бредовая религия вселенского Света виновата?! Не верю!

— Отчасти религия. Джийане это земляне, но... — Флос опять вздохнул. — Лучше я покажу, — молвил он и двинулся к ближайшему монитору, вывел главный портал общего каталога. Ардин смотрел, как он рыщет по страницам, и краем глаза следил за землянкой. Тая насупилась. Хотела скрестить руки на груди, но вспомнив, что они связаны, послала ему кривую усмешку.

— Вот, — удовлетворенно сказал Флос, выведя на монитор картинку с изображением серого большого прибора, растекшегося вдоль стен огромного круглого зала. Что это? — спросил он. — Ардин? Тая?

— Преобразователь луча вселенского Света, — сказал Ардин и поправился. — Согласно каталогу...

— Вы правильно не доверяете каталогу, Ардин! А вы, Тая, что скажете?

— Это главный земной генератор психических слепков для виртуальности. Центр размножения виртуалов, — уверенно сообщила Тая, и, осознав, что сказала, ойкнула, зажала рот ладонью, ее глаза округлились. — Вы выдаете закладки виртуалов за отпечатки вселенского Света?! О-о!

— Значительная часть виртуальности Земли всегда грезила переходом в реальность. Виртуалам было мало их призрачного мира, они считали такое существование неполноценным, но переход в реальность в форме машины и замену сознания в теле клона человека на виртуальное в равной степени отвергали. Извечные комплексы виртуальности плюс борьба за право называться оригинальной формой жизни... Дитя Эрны или научный прорыв с расшифровкой языка нервных импульсов коры головного мозга помогли им, мне неизвестно, но около пятисот циклов назад первый переход виртуала в реальность произошел, и это был... киборг. Организация виртуала все-таки слишком отличается от организма человека: обучиться управлению общим каталогом виртуалу куда проще, чем понять механизм дыхания реала. В итоге будущие джийане пришли к оптимальному по их мнению варианту формы: живая нервная ткань, перепрограммированная под управление виртуальной личностью, и роботизированное тело — костюм. Разумеется, реалы перейти в ранг биоматерии не согласились. Было война, и победили виртуалы.

— Не может этого быть! Да реалы вырубili бы всю виртуальность — и все! Наши миры не соприкасаются, — перебила Тая. Землянка подалась вперед, руки сжались в кулаки. Она была напряжена до предела. — Что за чушь вы говорите! Виртуалам никогда не победить реалов!

Ардин молчал, только все чертил пальцем на полу два значка. Один — много раз виденный в виртуальности «Красавицы»: два пучка нитей, перекрещивающиеся иксом, и объединяющий их ромб — что-то вроде символа веры виртуалов, и рядом второй, каркас для символа джийанского вселенского Света: крест — две перпендикулярные оси и нанизанные на них три ромба — око вселенского Света... Почему раньше он не видел, как похожи эти знаки?

— Тем не менее, виртуалы победили реалов, — сухо сказал Флос Тае. — Все началось на земной колонии на Титане четыреста циклов назад. Там находилась крупнейшая и богатейшая внеземная локация виртуалов, она спонсировала исследования перевода виртуальных личностей в реальность. Она не могла также не иметь доступ к колониальному банку генетического материала. Первые джийане появились на Титане, и оттуда начали наступление. Легко уничтожили земные колонии на Титане, Европе и Марсе и воспользовались их техническими ресурсами и генетическими банками. На Земле их посчитали враждебной инопланетной расой, а джийане и не стремились переубедить землян в этом. Люди скоро были побеждены, но разрозненные группы их еще долго скитались по планете, пока неудачный эксперимент джийан по созданию белых дыр, спровоцировавший мощный, долговременно действовавший очаг смертоносного излучения вблизи планеты не довершил дело. Джийане защитились от него укрепленными костюмами и капсулами, а

люди были обречены. Спустя всего тридцать девять циклов с начала конфликта, человеческая цивилизация была стерта с лица Земли, и возникла новая — джийане. Виртуалы, нашедшие путь в реальность. После открытия гиперпространства они быстро расширили владения до размеров, сопоставимых с половиной галактики. Их цивилизация обрела зрелый лик, идея эскалации и стандарт единоплоности дали направление и очертили границы новой расы... А реалы Земли теперь существуют только в виде замороженных половых клеток в криохранилищах да небольшого племенного стада. Джийане хотели сначала пойти путем клонирования, но получались неполноценные. Поэтому теперь человеческие плоды выращивают из пары клеток — мужской и женской, имитируя естественное оплодотворение. Получившиеся тела-болванки растягивают двенадцать циклов в специальных питательных капсулах, в это время каждое тело проходит синхронизацию с отпечатком вселенского Света, то есть, виртуалом. Языком индуцируемых нервных импульсов на чистый человеческий мозг записывается виртуальная личность. Потом нервная система изымается из болванки и происходит полное объединение, надевается костюм. Так рождается джийанин.

Тяжелое молчание нарушила Тая:

— Кошмар. А ведь виртуалы «Красавицы» все еще верят в дитя Эрны, Джад надеется найти для них путь в реальность! Интересно, что бы он сказал, поглядев на джийан?!

— Почему связь джийан с виртуальностью Земли была скрыта? — выдавил Ардин. Он вынужден был прислониться к стене, чтобы не упасть. Связь капсулы с костюмом опять разладилась. Казалось, что-то гулко, сильно стучит внутри — как огромное сердце, которого у него нет.

— Часть земной виртуальности отказалась воспользоваться подобным способом перехода в реальность. Они встали на сторону реалов, и это едва не позволило тем победить в войне. Виртуальность Земли было решено стереть, и эта диверсия прошла успешно. Восставшие виртуалы отрезали себе путь назад. Они подчинили Землю, уничтожили реалов. Себя объявили не виртуалами, а отпечатками спешно придуманного вселенского Света, а виртуальные миры — своим основным врагом. Первые джийане не хотели вспоминать призрачное прошлое, а новые поколения просто без раздумий впитали эту ненависть. Да и задумываться о чем-либо, кроме покорения космоса, им было некогда. Для Джийи пришло время галактических побед.

Флос выключил монитор и, оглядев пораженных собеседников, тихо, грустно улыбнулся, но мимика неполноценного превратила тонкое чувство в гримасу отчаяния.

— Брак при таком способе воспроизводства, естественно, случается. Неполноценные, несчастные, почувствовавшие себя женщинами... Самым же сложным, редким и ценным является ваш с Роумой случай. Прежде такое случалось всего один раз, на Гиете, тогда джийанин, подобный вам с Роумой, пытался проникнуть на завод воспроизводства и был убит... Обыкновенно изначальная человеческая сущность в теле легко замещается виртуальной, последние ее остатки уничтожаются вместе с телом. А у вас с Роумой человеческая часть победила виртуальную. Это может случиться, как я подозреваю, в случае, если в качестве болванки берется не чистая, искусственно выращенная нервная система, а система с какой-либо пусть самой малой, но собственной памятью. Среди неполноценных давно ходят слухи, что заводы воспроизводства редко, но перерабатывают цельные взрослые исходные формы, выращенные не в лабораториях. Видимо, это те реалы, которых растили на племя, но выбраковали по каким-либо показателям... Поэтому вы подсознательно ощущаете,

помните себя человеком, Ардин. Это также позволяет вам без потерь отключаться от каталога. Для всех джийан-виртуалов каталог является необходимым органом, частью мозга, его и создали как компенсацию за утерянный общий мысленный фон виртуальности, а вы легко существуете вне его. И ваше отвращение сейчас при мысли, что ваше тело нецельно, что оно не приведено к состоянию исходной формы... — все это свидетельствует о человеческой сути. Я... я закончил, — неожиданно тихо, глухо сообщил Флос.

Опять повисло долгое молчание.

— Откуда вы с Роумой добыли эти сведения? — наконец спросил Ардин.

— Я просматривал общий каталог. Когда знаешь, что там искать, легко найдешь. А Роума изучала руины земной виртуальности.

— Вот значит, где она успела побывать в виртуальности — на Земле, — заметил Ардин. — То-есть, на Джийе... А я смогу исследовать ее?

— Да. Я научу вас.

— А если... если в вашем каталоге распространить информацию о происхождении джийан от виртуалов? — вдруг спросила Тая. Флос удивленно взглянул на нее:

— Зачем?

— Пусть узнают правду!

— Правда не уйдет далеко. Едва какая-либо информация об истинном прошлом Джийи вводится в каталог, она тут же удаляется вместе с информантом и... навсегда. Проявления искажения вместе со всеми их свидетелями уничтожают. Так во время стычки с землянами у Сенты из-за Роумы, осознавшей себя человеком, отключили от каталога целых два крейсера. А потом к месту катастрофы направили другой военный корабль, чтобы уничтожить, стереть остатки искажения. Но все это делалось и делается автоматически, по кодовым словам в каталоге, — Флос вздохнул и с печалью в голосе закончил: — А об истинной сути искажения, пожалуй, не догадывается никто на Джийе...

— Здесь очень душно, — тихо сказала Тая. — Давай выйдем, Дин.

Землянка коснулась теплой ладонью его кисти, и Ардин вздрогнул и будто очнулся. Девушка пошла к выходу первой, и он, тяжело, неуверенно ступая, двинулся за ней.

Небо на горизонте начинало светлеть, новый день приходил на Джийю-Землю. Ардин всматривался в знакомый, невозможный узор звезд, пока он не угас. Землянка тоже задрала голову к небу.

— Звезда упала, — скоро прошептала она. — Они здесь еще падают!

— Это что-то значит?

— Может сбыться мечта. Что ты будешь делать теперь, Дин?

Ардин усмехнулся, но усмешка так и застыла на его губах, когда он поглядел на девушку. Тая закрыла глаза и подставила лицо ветру, позволяя играть с ее волосами. Руки были раскинуты в стороны, землянка перебирала высокие травы, будто успокаивала огромного испуганного зверя. А в голове Ардина снова и снова звенел ее недавний страшный вопль:

«Что вы сделали с Землей, уроды?»

«Что мы сделали с собой?!» — с горечью мысленно спросил Ардин. Земля молчала. Или он просто не слышит ее голоса из-за стен своего костюма, а Земля кричит, давно кричит, уже охрипла от крика?

Флос дал ответы на все его вопросы. Но как жестоко Ардин ошибался, полагая, что это подарит ему покой! Покоя нет, и не будет уже никогда, ведь он видел, что скрывают

джийанские капсулы. И разум уже задает новые и новые вопросы, частоколом ограждая, не пуская в сознание главный, слишком страшный... и только что озвученный Таей:

«Что ты будешь делать дальше, Ардин?»

Наверное, он уже мог бы ответить, и довольно четко: «Исследую остатки земной виртуальности, налажу связь с уцелевшими землянами «Красавицы», будем вместе искать путь». Но все эти его будущие действия, хоть и будут несомненно полезны всем, ему не принесут успокоения, и вопрос «что дальше» так и будет маячить перед глазами. Что делать со своим по-новому узнанным ущербным телом? Какой приговор вынести Джийе, наградившей его таким существованием, и не по злему умыслу — по незнанию? Прошлое ему не изменить, остается менять будущее, но только для самого Ардина не найти там места. Он перестал быть джийанином, но и таким, как земляне, ему никогда не стать: скрученный несчастный огрызок человека в тюрьме костюма-машины.

— Дин, что ты будешь делать? Ты же сможешь мне вернуться домой, на «Красавицу»? — опять звонкий голосок Таи. Ардин поглядел на нее и теперь улыбнулся, так ему понравилась робкая надежда в ее глазах. Несмотря на все беды, ураганом пронесшиеся над планетой, она была дома. Он опустился перед девушкой на колени.

— Что я собираюсь делать? В первую очередь, это, — и он распутал прут, связывающий ее руки.

— Ты ведь тоже, как мы... человек, — шепотом закончила Тая. От этих слов опять что-то, чему не могло быть имени, забилося внутри. А землянка вдруг порывисто обняла его, прижалась щекой к его щеке. Поглаживая его спину, она быстро зашептала:

— Мы поможем тебе! Я не знаю, как, но поможем! Так нельзя существовать, так не должно быть! Мы вернем тебе... исходную форму!

«Что это с ней? Ах, да: жалость землян. Неужели джийанин, высшее существо, достоин лишь этого жалкого чувства?»

Холод пронзил его капсулу — или просто подул ветер? Не понять. Последняя чернота ночи шапкой накрыла мир или чернота безысходности его пути пеленой встает перед глазами? Не различить. Но в этой тьме светили маленькие искорки-мечты и горизонт озаряло солнце большой надежды. Оно не было видимо сейчас, но мир ждал его восхода, и верил, что оно взойдет. И, подумав, что сострадание землянки может быть обращено не на него, а на несчастный запутавшийся мир, Ардин согласился его разделить. Он тоже обнял Таю, только верхними руками, чтобы не испугать. Маленькая девушка благодарно прижалась к нему, и Ардин почувствовал, что единство двоих восстановлено. И взошедшее солнце очертило золотым сиянием общий контур их тел.

Больше книг на сайте - Knigolub.net